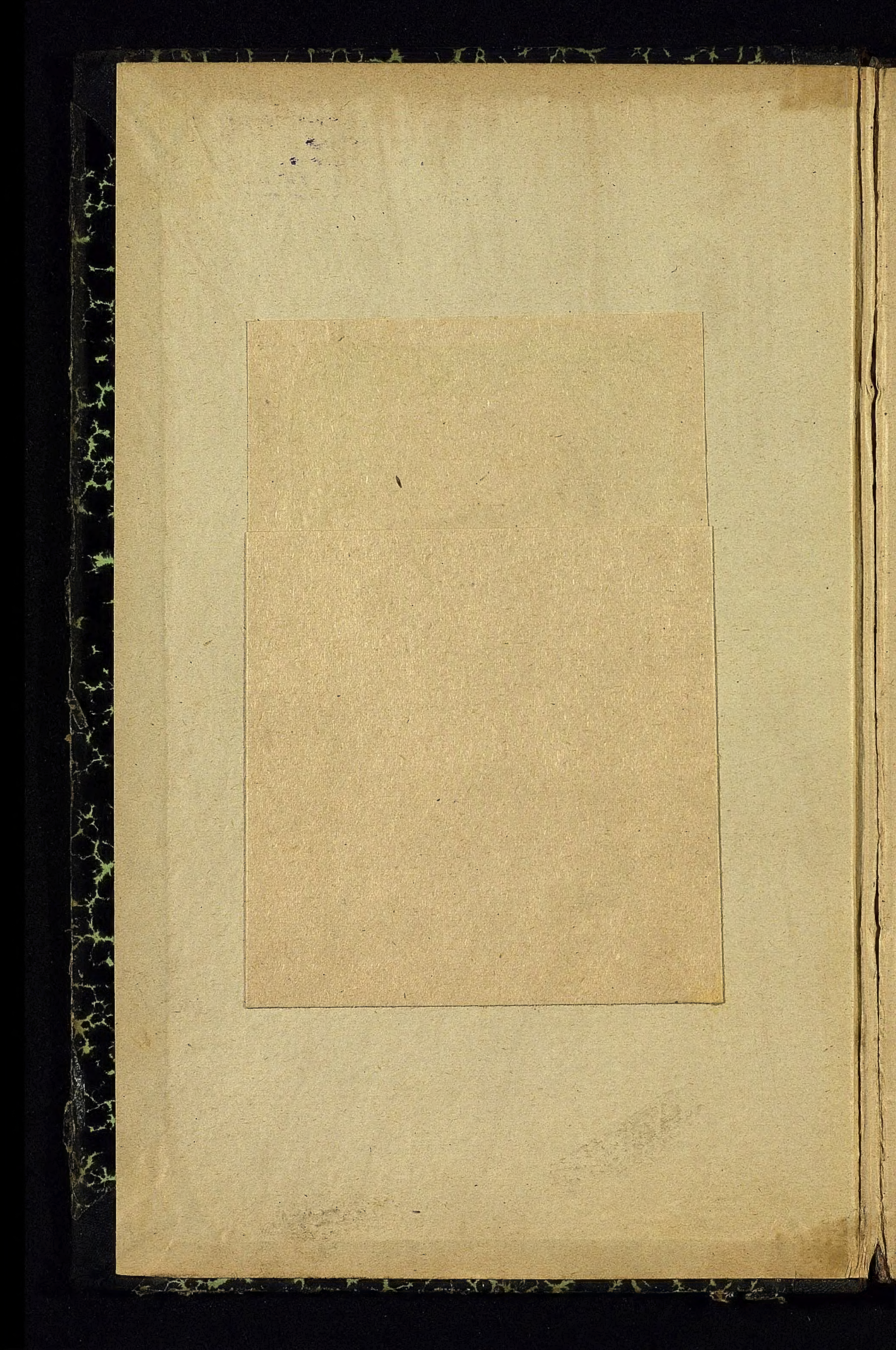
Русская Старина
№ 6
1906.

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ

ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ.

Годъ XXXVII-й. ІЮНЬ. 1906 годъ.

СОДЕРЖАНІЕ:

ПРИЛОЖЕНІЯ:

1) Портретъ Николая Ѳедоровича Раевскаго;

2) Таблица политическихъ рецидивистовъ до смерти императора Александра II.

Принимается подписка на „Русскую Старину" изд. 1906 года.

Можно получить журналъ за истекшіе годы, смотри 4-ю стран. обертки.

Пріемъ по дѣламъ редакц. по понедѣльникамъ и четвергамъ отъ 1 ч. до 3 пополудни.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Тип. М. П. С. (Т-ва И. Н. Кушнеревъ и Ко), Фонтанка, 117.
1906.

VI-я книга „Русской Старины" вышла 1-го іюня 1906 года.

Библіографическій листокъ.

Сборникъ Императорскаго Русскаго Историческаго Общества. Т. 121-й. Архивъ князя А. И. Чернышева. Бумаги А. И. Чернышева за царствованіе императора Александра I. 1809—1825 г. Спб. 1906 г.

Бумаги князя А. И. Чернышева были переданы Императорскому Русскому Историческому Обществу для обнародованія въ Сборникѣ нынѣшнимъ владѣльцемъ ихъ, княземъ Александромъ Владиміровичемъ Барятинскимъ, котораго мать, Елизавета Александровна Барятинская,— была дочерью князя Чернышева.

Напечатанныя въ разсматриваемомъ нами 121-мъ томѣ Сборника бумаги кн. А. И. Чернышева обнимаютъ царствованіе императора Александра I и представляютъ собою очень разнородный по содержанію матеріалъ.

Этотъ томъ Сборника долженъ былъ первоначально появиться подъ редакціей извѣстнаго историка, бывшаго директора Императорской Публичной Библіотеки ген.-лейт. Н. К. Шильдера, составлявшаго, на основаніи бумагъ князя Чернышева, біографію его, доведенную имъ только до 1812 г. Послѣ кончины его, изданіе бумагъ князя Чернышева за Александровское время возложено было на секретаря Императорскаго Русск. Историч. Общества, Г. Ѳ. Штендмана, которому смерть также помѣшала докончить этотъ трудъ. Поэтому Общество пригласило къ изданію настоящаго тома причисленнаго къ Государственному и С.-Петербургскому Главнымъ архивамъ министерства иностранныхъ дѣлъ, князя Н. В. Голицына, подъ редакціей котораго онъ и вышелъ въ свѣтъ.

Поставивъ себѣ цѣлью возможно полное освѣщеніе дѣятельности Чернышева въ Александровскую эпоху, — редакція включила въ число подлежавшихъ обнародованію документовъ изъ архива Чернышева всѣ тѣ, которые писаны были имъ самимъ, не исключая и такихъ, которые могутъ имѣть значеніе только для личной біографіи Чернышева. Кромѣ того, для достиженія указанной цѣли, использованы были не только документы архива Чернышева, но и хранящіяся въ Государственномъ и С.-Петербургскомъ Главныхъ архивахъ министерства иностранныхъ дѣлъ бумаги, имѣющія отношеніе къ возлагавшимся въ разное время на Чернышева дипломатическимъ миссіямъ при иностранныхъ дворахъ.

Всѣ бумаги подраздѣлены на 13 отдѣловъ, сообразно съ характеромъ документовъ, при чемъ въ каждомъ отдѣлѣ соблюденъ строгій хронологическій порядокъ. Отдѣлы I, II, III, IV, VII, VIII и IX посвящены дипломатической дѣятельности Чернышева съ 1809 по 1817 г.; каждый изъ нихъ въ отдѣльности касается какого-либо особаго порученія политическаго и военно-дипломатическаго характера, которое возлагалось императоромъ Александромъ I на Чернышева, какъ на довѣренное лицо. Напечатанные въ отдѣлахъ I — IV документы въ значительной степени восполняютъ донесенія и письма Чернышева за 1809 — 1811 гг. изъ Шёнбруна, Парижа и Стокгольма, изданныя въ 21-мъ томѣ Сборника.

Отдѣлъ V содержитъ въ себѣ бумаги, касающіяся военной дѣятельности Чернышева въ кампаніяхъ 1812, 1813 и 1814 гг., при чемъ помѣщенное среди нихъ обширное описаніе его дѣйствій въ этихъ кампаніяхъ уже было напечатано раньше [1]), а двѣ докладныя записки его — объ обязанностяхъ флигель-адъютантовъ во время войны и о планѣ дѣйствій противъ Наполеона I въ 1812 г. — обнародованы были Н. К. Шильдеромъ [2]).

Отдѣлы VI и X состоятъ изъ докладныхъ записокъ Чернышева императору Александру I, какъ политическаго, такъ и военно-стратегическаго характера за 1814 — 1815 гг. и за время Ахенскаго конгресса въ 1818 г.

Отдѣлъ XI заключаетъ въ себѣ подлинныя бумаги Комитета объ устройствѣ войска Донского; въ XII отдѣлѣ собрана переписка Чернышева съ разными лицами за 1809—1825 гг. Интересна сохранившаяся въ бумагахъ Чернышева записка, писанная неизвѣстною рукою,— „Отношеніе къ Государю числа 12“. Вотъ она: „Родился 12 декабря 1777 г., т. е. 12-го числа XII мѣсяца.

Шведы подступили къ Кронштадту въ 1789 г., на 12-мъ году его возраста, или 1-й разъ 12.

Восшествіе на престолъ 12 марта 1801 г., на 24 году отъ рожденія, что составляетъ 2 раза 12.

Нашествіе французовъ въ 1812 г. случилось на 36-мъ году жизни его, въ коихъ содержится 3 раза 12.

Скончался въ 1825 г. на 48 г. отъ рожденія, содержащихъ въ себѣ 4 раза по 12; былъ боленъ 12 дней.

Царствовалъ 24 года, что составляетъ 2 раза 12“.

Въ XIII отдѣлѣ помѣщены семейныя письма и бумаги Чернышева; главное мѣсто среди послѣднихъ занимаютъ письма его къ сестрѣ его, княгинѣ Е. И. Мещерской, при чемъ напечатаны изъ нихъ только тѣ, которыя имѣютъ какое-либо біографическое или обще-историческое значеніе.

Въ „Приложеніяхъ“ напечатаны тѣ документы, которые отношенія къ Чернышеву не имѣютъ, но оказались среди его бумагъ; таковы письма великихъ княгинь Маріи Павловны и Екатерины Павловны къ графу Н. П. Румянцеву и обширная записка министра финансовъ графа Д. А. Гурьева о государственномъ устройствѣ Россіи, уже напечатанная въ 90-мъ томѣ Сборника Общества, но вновь издаваемая теперь въ виду того, что въ рукописи, оказавшейся среди бумагъ Чернышева, находятся любопытныя замѣчанія на нее неизвѣстнаго лица, не появившіяся въ печати при первомъ ея изданіи.

Въ концѣ книги помѣщенъ азбучный указатель именъ, что значительно облегчаетъ справки.

Таково содержаніе 121-го тома Сборника.

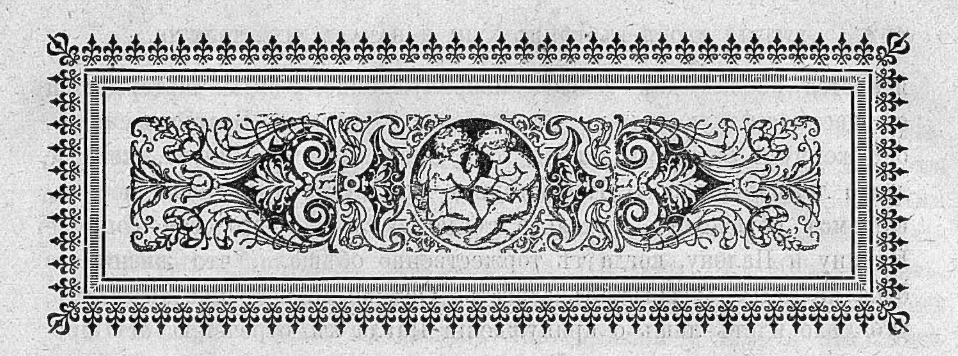
[1]) „Воен. Журналъ“ 1817 г., ч. V; „Отечествен. Записки“ 1882 г., ч. X; „Воен. Журналъ“ 1839 г., №№ 1 и 2.

[2]) „Воен. Сборникъ“ 1902 г., №№ 4 и 1.

Тип. М. П. С. (Т-ва И. Н. Кушнеревъ и К°), Фонтанка, 117.

Протоіерей
Николай Өедоровичъ
Раевскій.

Русскій Дворъ въ концѣ XVIII и началѣ XIX столѣтія.

(Записки кн. Адама Чарторыйскаго).

(1795—1805).

Воспоминанія князя Адама Чарторыйскаго, интимнаго друга императора Александра, игравшаго такую выдающуюся роль въ Россіи, одного изъ вдохновителей внутренней и внѣшней политики въ первые годы царствованія Александра, представляютъ значительный интересъ какъ для историка, такъ и для всего русскаго общества. Они обнимаютъ конецъ Екатерининской эпохи, кратковременное царствованіе Павла I и начало правленія Александра I.

Какъ человѣкъ близкій ко двору, знакомый съ вершителями судебъ Россіи и Европы, Чарторыйскій въ своихъ запискахъ болѣе или менѣе объективно изображаетъ все, что видѣлъ, хотя въ то же время въ этихъ воспоминаніяхъ слышится полякъ, недружелюбно относящійся къ Россіи, помышляющій лишь о благѣ Польши. Онъ вводитъ насъ въ пріемныя всесильныхъ временщиковъ Екатерины, во внутренніе аппартаменты дворца, раскрываетъ сокровенныя мысли своего царственнаго друга и рисуетъ бытъ и нравы высшаго Петербургскаго общества, среди котораго ему приходилось вращаться.

Событіе 11 марта 1801 года, со всѣмъ его трагизмомъ, рельефно представляется умственному взору читателя. Оно изложено ясно, кратко и сильно. Всѣ внутреннія и внѣшнія причины, мотивы и побужденія организаторовъ заговора раскрыты подробно. Роль Александра, бывшаго тогда наслѣдникомъ престола, въ этомъ дѣлѣ вы-

ясняется вполнѣ для всякаго непринужденно. Князь Чарторыйскій очищаетъ свѣтлую память императора Александра Благословеннаго, окруженную ореоломъ славы, отъ того мрачнаго пятна, которое долго лежало на немъ. Несомнѣнно, что Александръ зналъ о готовящемся переворотѣ и только тогда далъ на него свое согласіе Панину и Палену, когда тѣ торжественно обѣщали, что жизни его отца не будетъ угрожать опасность. Онъ былъ искренно убѣжденъ, что дѣло идетъ лишь о принужденіи Павла къ отреченію отъ престола, ради блага родины. Вотъ почему внезапная смерть императора Павла потрясаетъ Александра, который ожидалъ всего, но только не этого. Всю жизнь воспоминаніе объ этомъ кровавомъ событіи преслѣдуетъ Александра, гнететъ и подавляетъ. Главари заговора устраняются отъ дѣлъ, подвергаются опалѣ. Даже всемірная слава и популярность не можетъ отвлечь отъ тяжелыхъ угрызеній совѣсти вершителя судебъ Европы—того, кто на вершинѣ земной славы и величія „изнывалъ подъ бременемъ жизни" [1]). Прочтя эти записки, нельзя не убѣдиться въ томъ, что обвиненіе Александра I въ смерти его отца падаетъ само собою.

Широко раскинулась въ живописной мѣстности на правомъ берегу Вислы княжеская резиденція Чарторыйскихъ—Пулавы [2]). Слава этого имени пронеслась какъ по Польшѣ, такъ и далеко за ея предѣлы. Богатство, знатность происхожденія, родство съ царственными домами, патріотическая дѣятельность на пользу родины—все это придавало въ глазахъ поляковъ роду Чарторыйскихъ блестящій ореолъ.

Авторъ воспоминаній былъ старшій сынъ кн. Адама-Казиміра Чарторыйскаго (р. 1739 † 1823), генеральнаго старосты Подоліи и фельдмаршала австрійскихъ войскъ, приходившагося двоюроднымъ братомъ послѣднему польскому королю Станиславу Понятовскому. Мать князя Адама, знаменитая кн. Изабелла Чарторыйская, рожденная графиня Флеммингъ, была родной внучкой фельдмаршала Флемминга—сподвижника Карла XII. Князь Адамъ родился въ Варшавѣ 14 января 1770 г. и былъ старшимъ братомъ князя Константина, родившагося въ 1773 году и умершаго въ 1860. Кромѣ этого брата у князя Адама было еще пять сестеръ, изъ которыхъ три умерли въ раннемъ возрастѣ. Изъ оставшихся въ живыхъ княжна Марія (1776 † 1854) была замужемъ за принцемъ Людвигомъ Виртембергскимъ, роднымъ братомъ императрицы Маріи Өеодоровны, матери Александра,

---

[1]) В. к. Николай Михаиловичъ. Дипломатич. сношенія Россіи съ Франціей. 1801—1812. Спб. 1905 г.

[2]) Въ настоящее время въ Пулавахъ (нынѣ Ново-Александрія) помѣщается земледѣльческій институтъ, занимающій бывшій дворецъ Чарторыйскихъ.

а княжна Софія (1736 † 1776)—за графомъ Станиславомъ Замойскимъ. Говоря о происхожденіи кн. Адама, нельзя обойти молчаніемъ весьма распространеннаго въ свое время слуха о близкомъ кровномъ родствѣ его съ извѣстнымъ фельдмаршаломъ княземъ Н. В. Репнинымъ, который въ 1770-хъ годахъ былъ главноначальствующимъ русскими войсками въ Польшѣ [1]). Между тѣмъ, какъ издатель переписки кн. Чарторыйскаго съ императоромъ Александромъ князь Владиславъ Чарторыйскій [2]), такъ и академикъ Charles de Mazade [3])—позднѣйшій біографъ кн. Адама—совершенно объ этомъ не упоминаютъ.

Первоначальное воспитаніе князь Адамъ получилъ отъ своей матери кн. Изабеллы, ярой патріотки, извѣстной подъ именемъ „матки ойчизны", вселившей ему съ раннихъ лѣтъ чувства ненависти къ Россіи. Впослѣдствіи, какъ говорили, она даже заставила кн. Адама поклясться не только не любить русскихъ, враговъ ея родины, но и всячески препятствовать славѣ и величію Россіи. Таковы были первыя сѣмена, вложенныя въ воспріимчивую и чуткую душу ребенка. Въ программу дальнѣйшаго образованія юноши входило изученіе новыхъ языковъ, древнихъ классиковъ, верховая ѣзда и фехтованіе. Съ особеннымъ увлеченіемъ занимался онъ изученіемъ древняго классическаго міра: ему, пылкому и впечатлительному, уже грезились подвиги древнихъ героевъ, жертвующихъ жизнью для блага родины; онъ восторгается ихъ героизмомъ, ихъ презрѣніемъ къ жизни и стоицизмомъ. Посвятить всю свою жизнь на служеніе родинѣ—стало стремленіемъ юнаго кн. Адама. Въ 1782 году, двѣнадцати лѣтъ отъ роду, кн. Адамъ впервые присутствуетъ на Варшавскомъ сеймѣ, со своимъ наставникомъ полковникомъ Чесельскимъ посѣщаетъ засѣданіе Сената и Палаты, выказывая большой интересъ ко всему совершающемуся. Вмѣстѣ съ братомъ Константиномъ—путешествуетъ затѣмъ по Волыни и Подоліи по обширнымъ и богатымъ отцовскимъ владѣніямъ. Пріѣхавъ въ имѣніе Пулавы, дѣятельно занимается своимъ самообразованіемъ. Тихая спокойная жизнь способствуетъ продуктивности его занятій: подъ руководствомъ извѣстнаго

[1]) Кн. А. Н. Голицынъ въ своихъ воспоминаніяхъ говоритъ о наружномъ сходствѣ кн. Адама съ Репнинымъ и изъ близкихъ дружескихъ отношеніяхъ, говоритъ даже, что сохранилась ихъ переписка, въ которой они прямо называютъ другъ друга mon fils и mon père. Существуетъ анекдотъ, что супругъ княгини Изабеллы прислалъ Репнину новорожденнаго князя Адама въ корзинкѣ съ цвѣтами („Рус. Стар." 1884. т. XLI; „Рус. Арх." 1876. I; XVIII 13 IV).

[2]) Aléxandre I et le prince Czartoryski. Correspondance particulière et conversations 1801—1823, publiées par le prince Ladislas Czartoryski. Paris 1865.

[3]) Mémoires du prince Adam Czartoryski. Avec une préface de M. Ch. de Mazade, de l'Académie française. Paris 1887.

республиканца Dupont-de-Némours (бывшаго члена Фр. національнаго собранія и Конвента), онъ изучаетъ математику, исторію, литературу и латинскій языкъ. Въ часы досуга физическими упражненіями укрѣпляетъ свой организмъ.

Первое путешествіе князя Адама за границу относится къ 1786 году. Вмѣстѣ съ Чесельскимъ онъ посѣщаетъ Карлсбадъ, Готу и Веймаръ, гдѣ встрѣчается съ Виландомъ и Гердеромъ и присутствуетъ при чтеніи Гёте его „Ифигеніи въ Тавридѣ“. Зиму 1786—1787 года проводитъ снова въ Пулавахъ, гдѣ продолжаетъ свои усиленныя научныя занятія. Въ 1787 году, на 18-мъ году отъ роду, князь Адамъ впервые выступаетъ на поприщѣ общественной дѣятельности въ качествѣ выборнаго предсѣдателя мѣстнаго Подольскаго сейма и въ концѣ того же года присутствуетъ на Большомъ сеймѣ въ Варшавѣ. Въ сентябрѣ 1789 года онъ вмѣстѣ съ матерью ѣдетъ въ Англію, гдѣ изученіемъ англійской конституціи, восхищеніе которой осталось у него на всю жизнь,—пополняетъ свое образованіе. Въ памятный для Польши 1791 годъ, по возвращеніи изъ Англіи, онъ поступаетъ на военную службу подъ начальство своего зятя принца Людвига Виртембергскаго.

Между тѣмъ на политическомъ горизонтѣ уже сгущаются тучи и событія быстро слѣдуютъ одно за другимъ. Провозглашеніе конституціи 3 мая, возстаніе противъ нея тарговицкихъ конфедератовъ, вооруженное вмѣшательство Россіи—все это приводитъ ко второму раздѣлу Польши. По всему краю поднимаются волны возстанія, пробуждается народный духъ, проносится воинственный кличъ по всей Польшѣ, и всѣ стремятся къ защитѣ раздираемой междоусобіями родины.

Князь Адамъ уже въ качествѣ офицера, съ оружіемъ въ рукахъ становится въ ряды защитниковъ отчизны, при чемъ выказываетъ беззавѣтную храбрость и награждается орденомъ, который получаетъ изъ рукъ самого короля. Въ слѣдующемъ 1792 году князь Адамъ снова въ Англіи, вдали отъ политическаго водоворота, происходящаго отъ ожесточенной борьбы партій, неудержимо влекущихъ Польшу къ гибели. Къ этому времени относится его близкое знакомство съ многими политическими дѣятелями и государственными людьми Англіи. Между тѣмъ возстаніе въ Польшѣ разгорается: могучій девятый валъ выноситъ на политическую сцену отважнаго предводителя Косцюшку, который во главѣ дружинъ совершаетъ чудеса храбрости (1794). Но все оказывается тщетнымъ, суровый приговоръ произнесенъ и конецъ политической независимости Польши близокъ. Русскія войска подъ начальствомъ Суворова подавляютъ возстаніе, Косцюшко разбитъ на-голову и взятъ въ плѣнъ. Наступаетъ третій и послѣдній раздѣлъ Польши.

Получивъ въ Англіи извѣстіе о началѣ возстанія, князь Адамъ спѣшитъ подъ знамена Косцюшки, но по дорогѣ арестовывается въ Брюсселѣ по распоряженію австрійскаго правительства и только по окончаніи возстанія получаетъ свободу. Репрессіи постигаютъ зачинщиковъ возстанія; по указу Екатерины конфискуются и отбираются богатыя помѣстья, владѣльцы которыхъ частью попадаютъ въ тюрьмы и крѣпости, частью спасаются бѣгствомъ. Въ число секвестрованныхъ земель попадаютъ и владѣнія князей Чарторыйскихъ.

Первою мыслью князя Адама, прибывшаго изъ Брюсселя въ Вѣну къ родителямъ, было вернуть своему отцу конфискованныя родовыя земли. При содѣйствіи австрійскаго императора ведутся переговоры съ Екатериной, въ отвѣтъ на что послѣдовало требованіе императрицы о вызовѣ обоихъ Чарторыйскихъ въ Петербургъ. Послѣ долгихъ колебаній и семейныхъ переговоровъ, оба брата—Адамъ и Константинъ—отправляются въ столицу Россіи, заручившись предварительно письмомъ къ оберъ-камергеру И. И. Шувалову, въ домѣ котораго хозяйничала окатоличенная племянница его графиня В. Н. Головина. Отсюда завязались сношенія польскаго патріота, открывшія ему путь во дворецъ, и вскорѣ онъ началъ обольщать будущаго русскаго государя, такъ что осенью 1796 года Растопчинъ уже называетъ вліяніе Чарторыйскаго опаснымъ для Александра Въ этомъ письмѣ [1]) кн. Н. В. Репнинъ, во имя давнишней дружбы, проситъ И. И. Шувалова оказать молодымъ людямъ ласковый пріемъ, „принять ихъ милостиво, съ любовью и сердечнымъ участіемъ“, рекомендуя ихъ съ лучшей стороны. Несомнѣнно, что письмо это оказало братьямъ Чарторыйскимъ большую услугу, такъ какъ, судя по словамъ самого князя Адама, они сразу вошли въ высшее Петербургское общество, которое приняло ихъ чрезвычайно ласково и радушно. А между тѣмъ въ своихъ „воспоминаніяхъ“ авторъ не только не упоминаетъ объ этомъ письмѣ, но ни слова не говоритъ о кн. Репнинѣ, съ которымъ, какъ извѣстно, онъ былъ въ самыхъ близкихъ, дружескихъ отношеніяхъ.

Въ виду всего этого нельзя не относиться съ большою осторожностью къ фактамъ, сообщаемымъ Чарторыйскимъ, а личныя сужденія князя, его польскую точку зрѣнія необходимо подвергнуть самой строгой критикѣ. Да и на самомъ дѣлѣ петербургское общество, дворъ, государственные дѣятели и сподвижники Екатерины очерчены самыми темными, непривлекательными красками. Князь Адамъ безпощадно бичуетъ холопство и раболѣпіе лицъ, усердно посѣщавшихъ

[1]) Знаменательное письмо это цѣликомъ приведено въ „Русскомъ Архивѣ“ за 1876 г. кн. I.

пріемныя всесильнаго временщика и вліятельныхъ вельможъ, что однако не мѣшаетъ ему въ то же время вмѣстѣ съ его менторомъ Гурскимъ обивать пороги тѣхъ же пріемныхъ, заискивать у всѣхъ сильныхъ міра ѣздить на поклонъ къ Зубову. А между тѣмъ, по словамъ В. А. Бильбасова, сживаясь ближе съ этими дѣятелями Екатерининскаго вѣка, представленными въ столь непривлекательномъ свѣтѣ Чарторыйскимъ, видишь, что въ этихъ головахъ, придавленныхъ напудренными париками, зарождались и созрѣвали грандіозные планы, потрясавшіе всю Европу; что кружевные камзолы не мѣшали мозолистымъ рукамъ строить города, созидать флоты, двигать промышленность и торговлю. Вспомнимъ, что ими, этими дѣятелями, присоединены къ Россіи Крымъ и Новороссія, Остзейскій край, Финляндія, Литва и Бѣлоруссія—вся пограничная черта съ Западной Европой, куда были устремлены ихъ взгляды и пожеланія, гдѣ усматривали они тотъ великій свѣточъ, при помощи котораго они совлекали съ себя ветхаго человѣка и пріобщились обще-человѣческимъ идеаламъ.

Послѣ кончины Екатерины, императоръ Павелъ, не особенно дружелюбно смотрѣвшій на сближеніе Александра съ Чарторыйскимъ, вскорѣ удалилъ его отъ двора, назначивъ однако посланникомъ при Сардинскомъ королѣ. Впрочемъ, назначеніе это не было серіознымъ дипломатическимъ постомъ въ виду того, что Сардинское королевство de facto не существовало и самъ король постоянно проживалъ въ Римѣ. Изгнаніе это продолжалось до 1801 года, и, тотчасъ по вступленіи на престолъ, Александръ вызываетъ князя Адама въ Петербургъ. Чарторыйскій спѣшитъ на зовъ своего царственнаго друга и становится однимъ изъ самыхъ вліятельныхъ совѣтниковъ русскаго государя. Въ 1802 г. онъ назначается министромъ иностранныхъ дѣлъ и становится такимъ образомъ вершителемъ судебъ русской политики. Одновременно онъ назначается и попечителемъ Виленскаго университета и всѣхъ школъ Западнаго края, каковую должность сохраняетъ до 1823 года, эпохи разрыва съ Александромъ. Этотъ періодъ дѣятельности кн. Адама хорошо извѣстенъ и принадлежитъ исторіи. Какъ государственный дѣятель Чарторыйскій является главнымъ виновникомъ политики первыхъ лѣтъ царствованія Александра, которая, въ особенности, по отношенію къ Польшѣ, явно противорѣчила интересамъ русской государственности. Послѣ смерти императора Александра онъ уже открыто переходитъ въ ряды враговъ Россіи, поддерживаетъ мечты о польской независимости, принимаетъ дѣятельное участіе въ подготовленіи революціи 1831 года, носитъ званіе президента временнаго правленія и удаляется въ Парижъ, гдѣ до самой своей смерти стоитъ во главѣ поль-

ской революціонной партіи „бѣлыхъ". Онъ умеръ въ Парижѣ 3 іюля 1861 года.

Что касается личности самого князя Адама, то по отзывамъ людей, близко его знавшихъ, это былъ человѣкъ богато одаренный, получившій блестящее образованіе, аристократъ по духу и по рожденію, но на-ряду съ этимъ,—человѣкъ честолюбивый, нетвердаго характера, подчасъ слабой воли, легко попадавшій подъ гнетъ обстоятельствъ и подверженный вліянію окружающей среды.

К. Военскій.

Спб. 11 марта 1906 г.

I.

Вызовъ въ Россію.—Гродно.—Станиславъ-Августъ.—Пріѣздъ въ Петербургъ.—Общество.—Салоны кн. Долгорукой и кн. Голицыной.—Нарышкины.—Строгоновы.—Гр. Головина. — Императрица и дворъ. — Цесаревичъ Павелъ и вел. князья.—Характеристика имп. Екатерины.—Пріемы у кн. Зубова.—Безбородко.—Гр. Остерманъ.—Ген.-прокуроръ Самойловъ.—Представленіе императрицѣ.

Дѣла моего отца были сильно расшатаны: $^3/_4$ его состоянія, заключавшагося въ имѣніяхъ, находившихся въ областяхъ, завоеванныхъ Россіей, были секвестрованы. Заступничество Вѣнскаго двора не привело ни къ какимъ результатамъ, такъ какъ императрица Екатерина была чрезвычайно недовольна дѣйствіями моего отца, открыто сочувствовавшаго возстанію Косцюшки. На дальнѣйшія просьбы о снятіи секвестра съ имѣній моего отца она сказала: „пусть явятся ко мнѣ его два сына, и тогда мы посмотримъ". Эти слова имѣли рѣшающее вліяніе на нашу судьбу. Отъѣздъ нашъ (мой и брата) въ Петербургъ былъ рѣшенъ безповоротно. Отецъ мой былъ добръ и деликатенъ и далекъ отъ мысли требовать отъ насъ этой жертвы, но мы тѣмъ болѣе считали себя обязанными выказать ему нашу любовь и преданность въ эти тяжелыя для семьи минуты. Отечество наше погибло и къ этому горю было бы жестоко прибавить еще и разореніе нашихъ родителей, лишивъ ихъ возможности удовлетворить претензіи ихъ кредиторовъ. Поэтому мы оба приняли это рѣшеніе безъ всякихъ колебаній, хотя перспектива поѣздки въ Петербургъ и пребываніе въ столицѣ враждебнаго нашему народу государства, среди чуждыхъ намъ людей и на положеніи полу-плѣнниковъ—внушала намъ не мало опасеній. Словомъ, это была самая тяжелая жертва, которую мы рѣшились принести во имя сыновней

любви. Чтобы понять тѣ чувства, которыя мы испытывали при мысли объ этой поѣздкѣ, достаточно указать на принципы, положенные въ основу нашего воспитанія: оно было національно-польское и почти республиканское. Юношескіе годы наши посвящены были изученію древнихъ классиковъ и отечественной исторіи и литературы; мы бредили греками и римлянами и мечтали о примѣненіи доблестей древняго міра на пользу и славу нашей родины. Любовь къ отечеству, къ его славѣ, его свободнымъ учрежденіямъ была внушена намъ съ ранней юности и если къ этому прибавить чувство естественнаго негодованія ко всѣмъ, кто способствовалъ порабощенію нашей родины—легко себѣ представить, въ какомъ душевномъ настроеніи мы находились, помышляя объ отъѣздѣ въ Россію.

Въ декабрѣ 1794 года, мы простились съ родителями и тронулись въ далекій путь. По дорогѣ мы посѣтили Гродно, гдѣ въ это время проживалъ злополучный король Станиславъ-Августъ, подъ надзоромъ князя Репнина. Здѣсь мы пробыли до весны и за эти нѣсколько мѣсяцевъ часто посѣщали короля, будучи свидѣтелями его горя и горькихъ упрековъ, которые онъ себѣ дѣлалъ, не будучи въ состояніи спасти отечество или по крайней мѣрѣ погибнуть, сражаясь за него.

12 мая 1795 года мы прибыли въ Петербургъ, гдѣ были приняты въ высшемъ обществѣ, оказывавшемъ намъ много вниманія и привѣтливости. Спустя нѣсколько недѣль, у насъ уже образовался большой кругъ знакомыхъ и почти ежедневно мы получали приглашенія на обѣды, балы, концерты, вечера, спектакли и т. п. увеселенія, чередовавшіяся почти безпрерывно. Хотя мнѣ шелъ уже 25-й годъ, а брату моему Константину 23-й, но, по желанію отца, насъ всюду сопровождалъ, въ качествѣ старшаго друга, г. Гурскій, достойнѣйшій и добрѣйшій человѣкъ, прекрасно воспитанный и тактичный, добрымъ совѣтамъ котораго мы многимъ обязаны въ это пребываніе наше въ Петербургѣ. Благодаря его дружеской настойчивости, мы усердно дѣлали визиты, посѣщали разныхъ вліятельныхъ лицъ петербургскаго общества, къ которымъ онъ почти насильно заставлялъ насъ ѣздить, имѣя постоянно въ виду главную цѣль нашего пріѣзда, ради которой онъ считалъ своею обязанностью сдѣлать все, что было въ нашихъ силахъ.

Высшее Петербургское общество въ эту эпоху было блестящее и чрезвычайно оживленное, но имѣло множество оттѣнковъ. Всѣ аристократическія семьи держали открытые дома, при чемъ дипломатическій корпусъ и французскіе эмигранты давали всему тонъ и были, такъ сказать, законодателями моды. Салоны княгини Долгорукой и княгини Голицыной, блиставшей одно время въ Парижѣ, особенно

отличались изысканностью и блескомъ. Обѣ эти дамы соперничали другъ передъ другомъ умомъ, красотою и изяществомъ бесѣды. Говорятъ, что обѣ были предметомъ поклоненія кн. Потемкина, а въ настоящее время поклонникомъ первой былъ австрійскій посолъ гр. Кобенцель, а вторая совершенно покорила своими чарами графа Шуазель-Гуффье [1]), извѣстнаго своимъ посольствомъ въ Константинополѣ и описаніемъ путешествія по Греціи.

Домъ Нарышкиныхъ былъ совсѣмъ въ другомъ родѣ. Это была аристократическая семья старыхъ русскихъ баръ со всѣми ихъ причудами азіатско-московскаго пошиба. Предоставленныя сравнительно большой свободѣ, дѣвицы Нарышкины, какъ говорятъ, также принимали дань поклоненія великолѣпнаго князя Тавриды. Двери гостепріимнаго и богатаго салона Нарышкиныхъ были широко открыты для всѣхъ. Тутъ можно было встрѣтить татарскихъ и черкесскихъ князей, казацкихъ гетмановъ и всевозможныхъ лицъ азіатскаго происхожденія. Хозяинъ дома Левъ Нарышкинъ, веселый и добродушный человѣкъ, бывшій фаворитъ Петра III, сдѣлавшійся затѣмъ придворнымъ Екатерины, въ качествѣ оберъ-егермейстера усердно расточалъ свое состояніе на роскошные балы и пріемы. Въ теченіе 10-лѣтнихъ трудовъ въ этомъ направленіи онъ повидимому не успѣлъ еще разориться, и я не знаю, добились ли этого его наслѣдники, обладавшіе тѣми же вкусами и привычками.

Салонъ гр. Головиной нѣсколько отличался отъ только-что названныхъ мною домовъ. Здѣсь не было ежедневныхъ пріемовъ, но происходили небольшіе вечера, гдѣ въ интимной бесѣдѣ небольшаго кружка царствовали традиціи стараго версальскаго двора. Хозяйка дома, двѣ дочери которой впослѣдствіи вышли замужъ за графовъ Фредро и Потоцкаго, была изящная, образованная женщина, обладавшая чувствительнымъ сердцемъ и любовью къ изящнымъ искусствамъ.

Домъ гр. Строганова представлялъ еще одну разновидность. Самъ графъ, жившій долгое время въ Парижѣ, пріобрѣлъ тамъ привычки, представлявшія странную смѣсь европеизма съ древне-русскими обычаями. Здѣсь бесѣдовали о Вольтерѣ, Дидеро, о французскомъ

---

[1]) Графъ Гавріилъ-Августъ Шуазель-Гуффье (род. 1752 † 1817) ученый путешественникъ и дипломатъ. Членъ французской академіи, въ которой занялъ мѣсто д'Аламбера. Былъ франц. посланникомъ въ Константинополѣ; во время революціи эмигрировалъ въ Россію, гдѣ имп. Екатерина назначила ему пенсію. Въ царствованіе Павла назначенъ президентомъ академіи художествъ (съ 1797—1800). Въ 1802 г. вернулся во Францію. Его книга Voyage pittoresque en Grèce доставила ему извѣстность и заслужила похвальный отзывъ Кондорсэ. *К. В.*

театрѣ, увлекались художественными произведеніями кисти великихъ мастеровъ, и самъ хозяинъ обладалъ богатой картинной галлереей. А на-ряду съ этимъ ежедневно держали въ домѣ открытый столъ, къ которому являлся всякій, кто только хотѣлъ, пользуясь гостепріимствомъ хлѣбосольнаго хозяина и услугами безчисленной его прислуги, наполнявшей этотъ домъ, содержимый съ чисто азіатской пышностью.

Куракины и Гурьевы придерживались кружка княгини Долгорукой. Княгиня Вяземская, супруга генералъ-прокурора, собирала у себя особый кружокъ. Изъ трехъ ея дочерей одна вышла за неаполитанскаго посланника герцога Серра-Капріола, другая за представителя Даніи, третья за одного изъ Зубовыхъ [1]).

Среди молодежи выдѣлялись два князя Голицына, получившіе воспитаніе въ Парижѣ, которые отличались саркастическимъ и острымъ умомъ, дѣлавшимъ ихъ желанными гостями въ свѣтѣ. Оба Голицына и молодой Баратынскій, также жившій долгое время за границей, составляли тріо, являвшееся ареопагомъ салоновъ, въ которыхъ остроумно повторялись ихъ остроумныя изреченія. Къ нимъ же иногда присоединялся и графъ Татищевъ, нѣсколько старшій годами, который впослѣдствіи былъ посланникомъ въ Константинополѣ.

Я не буду вдаваться въ болѣе пространное описаніе тогдашняго петербургскаго общества, скажу только, что послѣднее являлось точнымъ отраженіемъ двора: его можно сравнить съ преддверіемъ обширнаго храма, въ которомъ всѣ присутствующіе устремляютъ свое исключительное вниманіе на божество, сидящее на престолѣ, которому приносятъ жертвы и воскуриваютъ фиміамъ. Въ этомъ обществѣ всякій разговоръ, всякая фраза почти всегда сводились къ придворнымъ новостямъ; камертонъ всей жизни давался дворомъ, каждый шагъ, каждое дѣйствіе котораго принимались обществомъ съ живѣйшимъ интересомъ.

Императрица Екатерина, ближайшая и непосредственная виновница паденія Польши, одно имя которой приводило въ трепетъ наши патріотическія сердца, сумѣла, несмотря на свои недостатки и пороки, снискать себѣ преданность, любовь и уваженіе своихъ подданныхъ. Несомнѣнно, что за время царствованія этой государыни имперія Россійская пріобрѣла вѣсъ и значеніе за границею, а дѣла внутреннія, благодаря порядку и законности, шли несравненно лучше, чѣмъ при ея предшественницахъ Аннѣ и Елизаветѣ. Вотъ

---

[1]) Княжна Анна Александровна Вяземская, вышедшая за младшаго изъ Зубовыхъ графа Дмитрія Александровича, онъ умеръ въ 1836 году спустя годъ послѣ смерти жены. *К. В.*

почему вся страна отъ мала до велика смотрѣла на императрицу какъ на существо высшее и охотно прощала ей всѣ недостатки и слабости.

По характеру своему Екатерина была женщина честолюбивая, властная, мстительная и порой жестокая; но при всемъ ея честолюбіи, она обладала необычайною любовью къ славѣ, которой приносила въ жертву всѣ свои личныя чувства и даже страсти; послѣднюю она всегда умѣла подчинить разсудку. Властолюбіе ея не было чуждо разсчета и преступленія она не совершала безъ надобности, безъ пользы. Въ дѣлахъ менѣе важныхъ она нерѣдко была строго правосудна; въ особенности если это правосудіе способствовало блеску и величію ея царствованія. Она очень дорожила общественнымъ мнѣніемъ и старалась расположить его въ свою пользу, если только оно не расходилось съ ея видами, а въ такихъ случаяхъ она его не признавала. Слѣдующій случай, надѣлавшій въ свое время не мало шуму, служитъ тому нагляднымъ доказательствомъ.

Въ Петербургѣ жила княгиня Шаховская, обладавшая весьма значительнымъ состояніемъ. Она выдала свою дочь за иностранца, герцога Аренберга, и свадьба произошла за границей. Узнавъ объ этомъ, императрица пришла въ сильный гнѣвъ и велѣла конфисковать имущество княгини [1]. Мольбы матери и дочери, пріѣхавшей въ Россію, не смягчили гнѣва Екатерины, которая приказала расторгнуть бракъ, и всѣ, начиная съ матери и дочери, безмолвно подчинились этому жестокому приговору. Спустя нѣкоторое время дочь княгини вышла вторично замужъ, но любовь къ первому мужу и глубокое душевное потрясеніе преждевременно свели ее въ могилу. Говорятъ, что она лишила себя жизни.

Весь дворъ представлялъ изъ себя три группы: къ первой принадлежалъ молодой дворъ великихъ князей и княженъ, внуковъ императрицы. Во главѣ второй—находился цесаревичъ Павелъ, мрачный характеръ котораго и странности приводили въ ужасъ его приближенныхъ. На верху зданія находился большой дворъ во главѣ съ императрицей, окруженной ореоломъ славы, побѣдъ и любовью своихъ подданныхъ.

---

[1]) Кн. Чарторыйскій не совсѣмъ точно передаетъ этотъ случай. Княжна Елизавета Борисовна Шаховская (1773 † 1796) вышла замужъ за князя Аренберга, одного изъ главныхъ дѣятелей революціи Австрійскихъ Нидерландовъ, о чемъ австрійскій посолъ гр. Кобенцель довелъ до свѣдѣнія императрицы. Послѣдняя, узнавъ, что княгиня Шаховская выдала дочь за революціонера, потребовала возвращенія ея съ дочерью въ Россію и бракъ былъ расторгнутъ. Впослѣдствіи кн. Елизавета Борисовна вышла вторично замужъ за князя П. Ѳ. Шаховскаго. *К. В.*

Что касается великихъ князей и княженъ, то Екатерина предоставила себѣ исключительную заботу о воспитаніи своихъ внуковъ Отецъ и мать не могли вліять на нихъ, такъ какъ съ самаго рожденія дѣти отбирались отъ родителей, росли и воспитывались на глазахъ императрицы, которая смотрѣла на нихъ какъ на свою собственность.

Великій князь Павелъ Петровичъ личными своими качествами и характеромъ не привлекалъ къ себѣ общество, которое всю свою преданность и любовь выражало Екатеринѣ и искренно желало, чтобы бразды правленія надолго еще оставались въ ея твердой рукѣ. Въ то время какъ всѣ боялись и сторонились Павла,—тѣмъ сильнѣе восхвалялись качества императрицы, ея мудрость, привѣтливость и государственный умъ. Этими качествами Павла легко объясняется то обожаніе, которое жители столицы выражали къ особѣ государыни, мудрой, чадолюбивой матери отечества, а дворъ своимъ поклоненіемъ ея величію напоминалъ собою времена блестящей эпохи царствованія Людовика XIV-го.

Обаянію этому были не чужды и иностранцы, пріѣзжавшіе въ Россію, которые, очутившись въ придворной атмосферѣ, невольно заражались этимъ настроеніемъ русскаго двора и присоединяли свои голоса къ общему хору славословій Екатеринѣ. Таковы были принцъ де-Линь, графы Сегюръ и Шуазель и многіе другіе. Среди многочисленныхъ моихъ русскихъ знакомыхъ, изъ коихъ многіе обладали злымъ языкомъ, безъ стѣсненія осмѣивавшихъ всѣхъ и вся, я не зналъ ни одного, который въ самой интимной, откровенной бесѣдѣ позволилъ себѣ какую-нибудь шутку по адресу Екатерины. А въ обществѣ этомъ никого не щадили, не исключая и цесаревича Павла; но едва произносилось имя императрицы—всѣ лица дѣлались серьезными, шутки и двусмысленности тотчасъ смолкали. Никто не позволялъ себѣ высказать упрека, жалобы, какъ будто всѣ дѣйствія ея являлись велѣніемъ судьбы, которое надлежитъ принимать съ почтительною покорностью.

Мы все еще не получали разрѣшенія явиться ко двору, который по обычаю находился въ Таврическомъ дворцѣ съ начала весны. Только 1-го мая, во время народнаго гулянья въ Екатерингофѣ, мы случайно увидѣли среди толпы молодыхъ великихъ князей съ ихъ свитою. Вскорѣ затѣмъ мы были приглашены на большое празднество, данное княгиней Голицыной, оберъ-гофмейстерины великой княгини Елизаветы Алексѣевны, въ честь молодаго двора. Великій князь Александръ, имѣвшій въ это время 18 лѣтъ, и его супруга, которой едва минуло 16, представляли очаровательную пару и оба блистали молодостью, красотой и граціей.

Между тѣмъ, свѣтская жизнь наша продолжалась. Неумолимый менторъ нашъ Гурскій заставлялъ насъ дѣлать визиты, ѣздить на поклонъ къ вліятельнымъ лицамъ, постоянно напоминая о цѣли нашей поѣздки, утверждая, что всякая безтактность, всякій ложный шагъ можетъ имѣть пагубное вліяніе на судьбу нашихъ родителей. По его настоянію отправились мы къ фавориту князю Платону Зубову.

Въ указанный часъ явились мы въ Таврическій дворецъ, гдѣ отведено было ему помѣщеніе. Онъ встрѣтилъ насъ стоя, опираясь на столъ; онъ былъ одѣтъ въ коричневый камзолъ. Это былъ еще молодой человѣкъ, стройный, съ пріятнымъ смуглымъ лицомъ. Онъ принялъ насъ съ видомъ весьма милостиваго покровительства. Во время разговора посредникомъ между нами былъ Гурскій, который очень удачно отвѣчалъ на предлагаемые вопросы и видимо понравился всесильному фавориту. Въ заключеніе князь сказалъ, что онъ сдѣлаетъ все возможное, чтобы быть полезнымъ въ нашемъ дѣлѣ, но не преминулъ оговориться, что все исключительно зависитъ отъ воли императрицы, на рѣшенія которой ни онъ, ни кто другой не могутъ имѣть окончательнаго вліянія. Онъ сказалъ намъ также, что мы скоро будемъ представлены ея величеству. Къ князю Зубову насъ привелъ князь Куракинъ, братъ будущаго посла, взявшій насъ подъ свое покровительство. Но въ то время, когда мы входили въ кабинетъ Зубова, онъ вдругъ исчезъ, или вѣрнѣе остался въ пріемной. Когда мы вышли, онъ снова встрѣтилъ насъ и сталъ разспрашивать подробно о всемъ, что говорилъ намъ князь, а изъ его замѣчаній мы могли легко заключить, что намъ пришлось бесѣдовать съ самымъ могущественнымъ человѣкомъ всей имперіи.

Не менѣе значительную роль игралъ братъ фаворита графъ Валеріанъ Зубовъ. По внѣшности онъ имѣлъ даже болѣе мужественный и внушительный видъ, чѣмъ его старшій братъ, и сама императрица чрезвычайно къ нему благоволила. Увѣряли даже, что если бы Валеріанъ Зубовъ имѣлъ случай представиться императрицѣ раньше своего брата, то онъ, быть можетъ, занималъ бы его мѣсто. Въ настоящее время въ качествѣ брата фаворита и благодаря личнымъ заслугамъ, графъ Валеріанъ пользовался большимъ значеніемъ у императрицы. Поэтому необходимо было засвидѣтельствовать ему свое почтеніе, что мы и исполнили по настоянію Гурскаго. Благодаря покровительству графа Валеріана мы и удостоились чести получить спеціальную аудіенцію у его брата.

По отзывамъ большинства русскихъ, графъ Валеріанъ Зубовъ былъ человѣкъ благородный и великодушный. Главной его слабостью, которая, конечно, не могла служить ему укоромъ—были женщины. Въ

это время всѣ говорили о его связи съ графиней Протъ-Потоцкой [1]), которая послѣдовала за нимъ въ Петербургъ [2]) и никуда не показывалась,—что, однако, не мѣшало легкомысленному графу увлекаться другими женщинами. Во время одной рекогносцировки передъ штурмомъ Праги, Зубовъ былъ раненъ въ ногу ядромъ, перенесъ ампутацію и съ тѣхъ поръ ходилъ на костыляхъ, что, однако, нисколько не мѣшало его успѣхамъ у женщинъ. Домъ его [3]) былъ всегда полонъ всевозможными льстецами и поклонниками, приходившими къ нему въ надеждѣ получить доступъ къ его брату. Неумолимый менторъ нашъ Гурскій почти насильно водилъ насъ на эти пріемы и хотя, по примѣру брата, гр. Зубовъ постоянно повторялъ, что онъ не пользуется вліяніемъ у императрицы, тѣмъ не менѣе, я почти увѣренъ, что онъ былъ единственный, который горячо принялъ къ сердцу наше дѣло.

Пріемы у князя Платона происходили ежедневно въ 11 часовъ утра: это былъ цѣлый церемоніалъ, напоминавшій собою французское „Levé du Roi" временъ Людовика XV-го. Цѣлое сонмище просителей и людей всѣхъ ранговъ усердно посѣщали эти утренніе пріемы. Вся улица была полна каретами и экипажами самаго разнообразнаго вида. Бывали случаи, что послѣ продолжительнаго ожиданія, въ пріемную входилъ камердинеръ князя и торжественно заявлялъ, что его сіятельство сегодня принимать не будетъ, послѣ чего всѣ молча разъѣзжались, но также аккуратно являлись на слѣдующій день. Церемоніалъ пріема былъ слѣдующій:

Въ началѣ 12-го часа, двери кабинета широко растворялись, и Зубовъ входилъ въ комнату небрежной походкой и, сдѣлавъ общее привѣтствіе легкимъ кивкомъ головы, садился къ туалетному столу. Онъ былъ въ легкомъ халатѣ, изъ-подъ котораго видно было бѣлье. Парикмахеръ и лакеи приносили парикъ и пудру, а всѣ присутствующіе старались уловить его взглядъ и обратить на себя вниманіе всесильнаго фаворита. Всѣ почтительно стояли и никто не смѣлъ проронить слова, пока князь самъ не заговоритъ. Нерѣдко, онъ все время молчалъ, и я не запомню, чтобы онъ когда-нибудь предложилъ кому-либо стулъ, исключая генералъ-фельдмаршала Салтыкова [4]), ко-

---

[1]) Рожденная княжна М. Ѳ. Любомирская. Впослѣдствіи Зубовъ на ней женился, а послѣ его смерти, въ 1804 году, она вышла въ третій разъ за Ѳ. П. Уварова.

[2]) Изъ Польши, гдѣ во время войны находился Валеріанъ Зубовъ.

[3]) Бывшій дворецъ Густава Бирона на Б. Милліонной. Пожалованъ Зубову въ 1795 году. *К. В.*

[4]) Свѣтлѣйшій князь Николай Ивановичъ Салтыковъ. (Род. 1736 † 1816). Воспитатель Александра. Впослѣдствіи предсѣдатель Государственнаго Совѣта.

торому, какъ говорятъ, Зубовы были обязаны своимъ возвышеніемъ. Извѣстно, что князь Платонъ замѣнилъ Дмитріева-Мамонова по „рекомендаціи“ Салтыкова. Деспотическій проконсулъ Тутолминъ [1]), гроза Подоліи и Волыни, несмотря на приглашеніе князя, не рѣшался сѣсть, присѣвъ на кончикѣ стула всего на нѣсколько минутъ, онъ затѣмъ снова говорилъ стоя.

Въ то время, пока причесывали князя, его секретарь Грибовскій [2]) приносилъ бумаги для подписи. Окончивъ прическу и подписавъ нѣсколько бумагъ, Зубовъ одѣвалъ мундиръ или камзолъ и удалялся во внутреннія комнаты, давая знать легкимъ поклономъ, что аудіенція кончена. Всѣ кланялись и спѣшили къ своимъ каретамъ. Все это продѣлывалось ежедневно и повторялось по строго установленному церемоніалу.

Съ ходатайствомъ по нашему дѣлу мы не обращались ни къ одному изъ министровъ, такъ какъ, по мнѣнію Гурскаго, вѣрнѣе всего было заручиться покровительствомъ Зубовыхъ. Впрочемъ, въ теченіе этого времени, намъ пришлось быть представленными нѣкоторымъ высокопоставленнымъ сановникамъ, о которыхъ считаю необходимымъ сказать нѣсколько словъ.

Однимъ изъ самыхъ выдающихся по своему уму и вліянію дѣятелей Екатерининской эпохи былъ, безъ сомнѣнія, графъ Безбородко [3]). Родомъ изъ Малороссіи, онъ началъ свою службу подъ начальствомъ фельдмаршала Румянцева, который рекомендовалъ его императрицѣ, взявшей его въ свои секретари. Своею работоспособностью, талантливостью и необыкновенною памятью онъ обратилъ на себя вниманіе Екатерины и сталъ быстро возвышаться. Онъ былъ назначенъ членомъ коллегіи иностранныхъ дѣлъ и ему поручалась самая важная секретная переписка. Этотъ человѣкъ, по внѣшности своей напоминавшій неуклюжаго медвѣдя, обладалъ тонкимъ умомъ и рѣдкой проницательностью. По природѣ лѣнивый, охотникъ до удовольствій, онъ принимался за работу въ послѣдній моментъ, но зато работалъ быстро и неутомимо. Безбородко пользовался большимъ уваженіемъ императрицы, которая осыпала его милостями; онъ былъ почти единственный изъ высшихъ сановниковъ, который не льстилъ Зубову и

---

[1]) Генералъ-отъ-инф. Тимоѳей Ив. Тутолминъ, губернаторъ волынскаго намѣстничества. Впослѣдствіи моск. ген.-губернаторъ. Род. 1740 † 1809.

[2]) Извѣстный Адріанъ Моисеевичъ Грибовскій, авторъ „Записокъ“. Родился 1766 † 1833. Былъ не секретарь Зубова, а статсъ-секретарь императрицы. *К. В.*

[3]) Александръ Андреевичъ Безбородко, впослѣдствіи графъ, свѣтл. князь и канцлеръ. Род. 1747 † 1799.

даже никогда не посѣщалъ его. Всѣ восхищались этимъ мужествомъ, но никто не подражалъ ему.

Престарѣлый графъ Остерманъ [1]), вице-канцлеръ и первоприсутствующій въ коллегіи иностранныхъ дѣлъ, походилъ своею наружностью на старинный, вышедшій изъ рамки портретъ. Высокій, худой, блѣдный, въ стариннаго покроя кафтанѣ съ золотыми пуговицами и въ мягкихъ плисовыхъ сапогахъ—этотъ старикъ олицетворялъ собою Елизаветинскую эпоху.

Человѣкъ стараго закала, онъ пользовался всеобщимъ уваженіемъ, благодаря своей правдивости и стойкости убѣжденій. Въ настоящее время онъ фигурировалъ лишь на торжественныхъ обѣдахъ и выходахъ и въ чрезвычайныхъ случаяхъ ставилъ свою подпись подъ особой важности государственными актами, гдѣ имя его должно было стоять во главѣ. Онъ былъ единственный изъ сановниковъ, который въ совѣтѣ императрицы высказался противъ раздѣла Польши, указывая на то, что это въ концѣ-концовъ послужитъ лишь къ выгодамъ Австріи и Пруссіи. Хотя онъ фактически былъ совершенно устраненъ отъ дѣлъ, но Екатерина постоянно оказывала ему знаки уваженія и милости.

По вступленіи на престолъ императора Павла, онъ окончательно удалился отъ дѣлъ и, сохраняя званіе канцлера, переселился въ Москву, гдѣ проживалъ вмѣстѣ съ старшимъ своимъ братомъ-сенаторомъ. Оба старика были еще въ живыхъ въ годъ коронованія Александра I и, не имѣя прямыхъ наслѣдниковъ, усыновили своего родственника графа Толстаго, передавъ ему свое имя и состояніе. Это былъ извѣстный впослѣдствіи генералъ гр. Остерманъ-Толстой [2]), отличившійся въ Кульмскомъ сраженіи, въ которомъ потерялъ руку.

Генералъ-прокуроръ графъ Самойловъ [3])—по должности своей былъ министромъ внутреннихъ дѣлъ, юстиціи и финансовъ. Несмотря на то, что онъ приходился племянникомъ кн. Потемкину, онъ былъ однимъ изъ раболѣпнѣйшихъ льстецовъ Зубова, заклятаго врага его дяди, человѣкъ ограниченнаго ума, не злой по природѣ, но пустой и чванный до смѣшнаго, Самойловъ не обладалъ качествами государственнаго дѣятеля. Предоставивъ ему этотъ высокій и отвѣтственный постъ, Екатерина, повидимому, хотѣла показать, что она можетъ

---

[1]) Графъ Иванъ Андреевичъ Остерманъ, вице-канцлеръ и затѣмъ канцлеръ. Род. 1725 † 1811.

[2]) Графъ Алдр. Ив. Остерманъ-Толстой, ген.-отъ-инф., герой Отечественной войны и Кульма. Род. 1770 † 1857.

[3]) Графъ Александръ Ник. Самойловъ, генералъ-прокуроръ, д. т. с. Родился 1744 † 1814.

управлять Россіей, даже съ такимъ неспособнымъ министромъ. Она гордилась своимъ знаніемъ законовъ и дѣлъ государственнаго управленія, и надо сознаться, что въ ея царствованіе дѣла внутренняго управленія значительно улучшились по сравненію съ тѣми порядками, которые царили въ Россіи при ея предшественникахъ.

Пребываніе въ русской столицѣ и посѣщеніе высшаго общества не уничтожили въ насъ, однако, чувствъ любви къ родинѣ и того интереса къ ея дѣламъ, которыя, на-ряду съ личными семейными заботами, мы всегда горячо принимали къ сердцу. Особенно тяжелымъ было для насъ сознаніе, что въ то время, когда силою обстоятельствъ мы были вовлечены въ вихрь придворной свѣтской жизни, посѣщали балы, празднества и увеселенія,—въ то же время благороднѣйшіе изъ нашихъ соотечественниковъ, борцы за свободу родины, томились въ темницахъ и влачили жалкое существованіе узниковъ. Мы живо интересовались ихъ судьбою и вскорѣ намъ удалось узнать, что Нѣмцевичъ, Конопка и Килинскій еще находились въ Петропавловской крѣпости, что Косцюшко переведенъ въ другое мѣсто, гдѣ съ нимъ обращались очень гуманно, и что онъ вызвалъ къ себѣ уваженіе и участіе. При немъ находился нѣкто маіоръ Титовъ, которому поручено было ближайшее наблюденіе за героемъ. Потоцкій, Закжевскій, Мостовскій и Сокольницкій содержались отдѣльно въ одномъ изъ зданій на Литейной. Не имѣя возможности сдѣлать что-нибудь для облегченія ихъ участи, мы часто ходили по этой улицѣ въ надеждѣ увидѣть ихъ хотя бы издали. Иногда намъ удавалось видѣть ихъ силуэты въ окнѣ, но сами они насъ не замѣчали и не догадывались о нашемъ присутствіи. При этомъ же домъ этотъ бдительно охранялся стражею, стоявшею снаружи и внутри зданія.

Наконецъ, послѣ нѣсколькихъ мѣсяцевъ ожиданія, получено было извѣщеніе, что мы будемъ представлены императрицѣ въ Царскомъ Селѣ, лѣтней резиденціи двора. Теперь наступалъ для насъ рѣшительный моментъ, когда мы, наконецъ, узнаемъ о рѣшеніи нашей судьбы, ибо до сихъ поръ намъ не было извѣстно о результатѣ ходатайства нашего отца.

Намъ сказано было явиться пораньше, такъ какъ представленіе должно было произойти послѣ окончанія церковной службы. Прибывъ въ Царское Село, мы передъ тѣмъ посѣтили генерала Браницкаго. Онъ былъ женатъ на одной изъ племянницъ Потемкина и въ свое время оказалъ большія услуги императрицѣ въ польскихъ дѣлахъ. Онъ пользовался неизмѣннымъ благоволеніемъ Екатерины и во всѣхъ

дворцахъ ему отводилось помѣщеніе. Было грустно видѣть, что этотъ человѣкъ такъ сильно уронилъ себя въ глазахъ всѣхъ поляковъ, способствуя гибели своей родины. Онъ ненавидѣлъ русскихъ, которыхъ хорошо зналъ, и съ молчаливымъ презрѣніемъ переносилъ ихъ господство, осмѣивая ихъ пороки и слабости. Разспросивъ насъ подробно о положеніи отца, онъ далъ намъ необходимые совѣты и на вопросъ нашъ, слѣдуетъ ли цѣловать императрицѣ руку, сказалъ: „цѣлуйте ее, какъ хотите, лишь бы вернуть вамъ ваше состояніе".

Императрица еще находилась въ церкви, когда всѣ представлявшіеся перешли въ пріемный залъ. Сначала насъ представили графу Шувалову [1]), оберъ-камергеру, бывшему любимцу Елизаветы, человѣку всесильному, извѣстному своею перепискою съ учеными, добивавшимися его покровительства: д'Аламберомъ, Дидеро и Вольтеромъ. Говорятъ, что, по желанію императрицы Елизаветы, онъ побудилъ Вольтера написать его знаменитую „Исторію Петра Великаго". Онъ выстроилъ насъ всѣхъ въ одну шеренгу въ ожиданіи выхода императрицы. Когда служба кончилась, появились сначала придворные, шедшіе по два въ рядъ; камеръ-юнкеры, камергеры, высшіе чины двора, сановники военные и гражданскіе и, наконецъ, шла сама императрица, окруженная великими князьями, княжнами и придворными дамами. Мы сначала не успѣли разсмотрѣть ее хорошенько, потому что надо было становиться на одно колѣно и цѣловать ея руку по мѣрѣ того, какъ оберъ-камергеръ называлъ насъ по имени. Послѣ этой церемоніи вся эта масса лицъ образовала кругъ, и императрица обходила присутствующихъ и говорила каждому представленному нѣсколько словъ. Въ это время намъ удалось разсмотрѣть ее ближе. Это была женщина уже пожилая, но бодрая, средняго роста и довольно полная. Ея походка и вся ея фигура носили отпечатокъ изящества и величія. Движенія ея были плавны и благородны. Но это былъ потокъ, который уноситъ все въ своемъ теченіи. Черты лица ея, уже покрытаго морщинами, но чрезвычайно выразительнаго, изобличали и привычку повелѣвать. На губахъ играла постоянная улыбка, но подъ этимъ наружнымъ спокойствіемъ таились страсти самыя бурныя и непреклонная воля. Подойдя къ намъ, она ласково улыбнулась и сказала: „Вашъ возрастъ напоминаетъ мнѣ вашего отца, когда я увидѣла его въ первый разъ. Надѣюсь, что вы чувствуете себя хорошо въ моей столицѣ". Эти немногія слова привлекли къ намъ общее вниманіе всѣхъ придворныхъ, которые окружили насъ и наперерывъ другъ передъ другомъ стали расточать намъ всевозможныя похвалы. Послѣ

---

[1]) Графъ Иванъ Ивановичъ Шуваловъ. Любимецъ императрицы Елизаветы. Основатель Московскаго университета и академіи художествъ. Род. 1727 † 1797.

этого насъ тотчасъ пригласили къ высочайшему столу, который былъ накрытъ подъ колоннадой: это была особенная милость, такъ какъ императрица обѣдала здѣсь лишь въ кругу самыхъ близкихъ лицъ. Въ этотъ же день мы представлялись великому князю Павлу, который встрѣтилъ насъ съ холодной вѣжливостью; но великая княгиня Марія Ѳеодоровна была чрезвычайно ласкова, вѣроятно ради своего брата, котораго она хотѣла примирить съ нашей сестрой Маріей [1]). Что касается молодыхъ великихъ князей (Александра и Константина), то пріемъ ихъ очаровалъ насъ своею искренностью и сердечностью.

II.

Лѣто 1795 года.—Мы продолжаемъ посѣщать Зубовыхъ.—Анонимное письмо.—Поступленіе въ русскую службу.—Возвращеніе имѣній.—Назначеніе камеръ-юнкеромъ.—Пріѣздъ герцогини Саксенъ-Кобургъ-Готской.—Новый 1796 годъ.—Женитьба вел. кн. Константина.—Придворныя празднества.—Зимній дворецъ.—Партія императрицы.—Таврическій дворецъ.—Эрмитажные спектакли.

Лѣто петербургское высшее общество проводило въ окрестностяхъ столицы, гдѣ въ загородныхъ домахъ богатыхъ баръ царила та же роскошь, что и въ городѣ. Такъ какъ всѣ стремились воспользоваться лѣтнимъ временемъ, то въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ Петербургъ оставался совершенно пустымъ и обычное движеніе временно прекращалось. По настоянію Гурскаго мы ревностно продолжали наши загородные визиты, посѣщая вліятельныхъ представителей высшаго общества на дачахъ, ибо, по его мнѣнію, это былъ единственный способъ достигнуть нашей цѣли. И дѣйствительно, несмотря на лестный и милостивый пріемъ, оказанный намъ при большомъ дворѣ, дѣло наше все еще оставалось въ прежнемъ неопредѣленномъ положеніи. Императрица, повидимому слѣдившая за нами, знала о нашихъ успѣхахъ въ свѣтѣ, и расточаемыя намъ похвалы видимо произвели на нее благопріятное впечатлѣніе.

---

[1]) Княжна Марія Чарторыйская, сестра автора воспоминаній, была въ замужествѣ за принцемъ Людвигомъ Виртембергскимъ, роднымъ братомъ великой княгини Маріи Ѳеодоровны. Бракъ этотъ былъ несчастный и въ 1792 году закончился разводомъ, послѣ чего кн. Марія поселилась на постоянное жительство въ Пулавы. Отъ брака съ принцемъ Виртембергскимъ у нея былъ сынъ Адамъ, который, по странной случайности, въ 1831 году предводительствовалъ войсками, разорившими Пулавы. Императрица Марія Ѳеодоровна всегда оказывала особенную дружбу принцессѣ Маріи и въ своихъ письмахъ называла ее „ma très chère soeur“.

Кромѣ этихъ визитовъ, достаточно утомительныхъ, приходилось кромѣ того посѣщать и Царское Село, гдѣ по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ продолжались пріемы у Зубова. Благодаря этимъ пріемамъ мы приглашались и во дворецъ, къ обѣденному столу императрицы, за которымъ находились великіе князья, а также присутствовало значительное число лицъ извѣстнаго класса. Насъ также приглашали и на вечернія гулянья въ саду, куда въ хорошую погоду приходила императрица со всѣмъ дворомъ. Иногда послѣ прогулки она садилась на скамейку, бесѣдуя со своими приближенными, а великіе князья и княжны и придворная молодежь развлекалась играми на газонѣ. Цесаревичъ Павелъ на этихъ гуляньяхъ не присутствовалъ, такъ какъ тотчасъ по окончаніи обѣда онъ уѣзжалъ къ себѣ въ Павловскъ, свою лѣтнюю резиденцію. Во время этихъ игръ мы ближе познакомились съ обоими великими князьями, которые были къ намъ особенно милостивы и внимательны.

Послѣ обѣда нѣкоторыя изъ болѣе близкихъ ко двору лицъ (въ общество которыхъ были приняты и мы съ братомъ) отправлялись къ князю Платону Зубову. Это уже не были оффиціальные визиты, но скорѣе дружескія бесѣды въ его интимномъ кружкѣ. Князь появлялся на этихъ собраніяхъ въ домашнемъ камзолѣ и обращался съ немногочисленными посѣтителями запросто, играя уже роль любезнаго хозяина, небрежно развалившись въ креслѣ или на софѣ. На этихъ вечеринкахъ бывали иногда графъ Кобенцель, австрійскій посолъ, или графъ Валентинъ Эстергази, впослѣдствіи оберъ-церемоніймейстеръ вѣнскаго двора, постоянный посѣтитель царскосельскихъ обѣдовъ, который своею болтливостью и льстивой угодливостью настолько сумѣлъ войти въ довѣріе фаворита, что императрица пожаловала ему значительныя помѣстья на Волыни. Такими же далеко не привлекательными душевными качествами отличалась и его супруга, которая несмотря на это пользовалась благосклонностью императрицы. У него былъ сынъ, избалованный мальчишка, воспитывавшійся во дворцѣ, своими забавными выходками не мало способствовавшій успѣхамъ своихъ родителей при дворѣ. Младшій его братъ, графъ Владиславъ Эстергази, живущій въ настоящее время на Волыни, достойный и почтенный человѣкъ.

Придворные сплетники подъ шумокъ разсказывали, что въ то время какъ 70-ти лѣтняя Екатерина осыпала милостями князя Платона, послѣдній втайнѣ вздыхалъ по великой княжнѣ Елизаветѣ, супругѣ Александра, которой въ это время было всего 16 лѣтъ. Эта столь же дерзкая, сколь безсмысленная претензія дѣлала его смѣшнымъ, и всѣ только удивлялись наглости зазнавшагося фаворита, позволившаго себѣ рядъ безтактностей почти на глазахъ императрицы.

Что касается великой княгини, то она не обращала на него никакого вниманія, не допуская въ чистотѣ своего юношескаго сердца даже мысли, что расточаемыя ей фаворитомъ любезности могли скрывать нѣчто иное, чѣмъ простое уваженіе. Зубовъ же былъ положительно смѣшонъ, когда послѣ обѣда, во время вышеописанныхъ интимныхъ вечеровъ, онъ, небрежно развалясь на софѣ, томно вздыхалъ и имѣлъ видъ человѣка, удрученнаго сердечнымъ горемъ. Въ это время онъ наслаждался меланхолическими и нѣжными звуками флейты.

Такъ прошло для насъ лѣто 1795 года. Въ началѣ осени дворъ переѣхалъ въ Таврическій дворецъ, гдѣ снова намъ пришлось фигурировать въ качествѣ усердныхъ посѣтителей утреннихъ пріемовъ князя, тѣмъ болѣе, что приближалось уже время окончательнаго рѣшенія нашего дѣла. Зубовы по-прежнему были съ нами чрезвычайно любезны, но по-прежнему усиленно повторяли, что въ этомъ вопросѣ личное ихъ вліяніе ничтожно и что все зависитъ исключительно отъ воли императрицы. Все это не предвѣщало намъ ничего утѣшительнаго, а между тѣмъ на придворномъ горизонтѣ появились уже признаки болѣе тревожнаго свойства. На-ряду съ лицами, стремившимися получить обратно отобранныя у нихъ земли, появилась цѣлая толпа охотниковъ болѣе легкой наживы, которые пустили въ ходъ всѣ средства и связи, чтобы воспользоваться секвестрованными имѣніями. Начиная съ многихъ высшихъ сановниковъ, до самыхъ ничтожныхъ приказныхъ, всѣ они съ жадностью голодныхъ волковъ ожидали даровой подачки, въ надеждѣ поправить свои дѣла за счетъ казны, тѣмъ болѣе, что императрица до сихъ поръ не высказала своего рѣшенія о судьбѣ многочисленныхъ частныхъ, государственныхъ и церковныхъ имуществъ. Съ прискорбіемъ надо сознаться, что въ числѣ такихъ лицъ было нѣсколько поляковъ, недостойныхъ сыновъ своего отечества, которые, забывъ свой долгъ передъ родиной, также помышляли о легкомъ обогащеніи.

Между тѣмъ наши родители, преслѣдуемые кредиторами, мучимые неизвѣстностью объ ожидающей ихъ участи, еще болѣе встревожены были нашей судьбой. Въ то время какъ мы писали о милостивомъ пріемѣ, оказанномъ намъ въ Петербургѣ, мать моя получила анонимное письмо, написанное на прекрасномъ французскомъ языкѣ, въ которомъ, увѣдомляя ее о нашихъ успѣхахъ при дворѣ и въ обществѣ, анонимный авторъ особенно ставилъ намъ въ заслугу, что, несмотря на пребываніе наше въ русской столицѣ, мы остались добрыми поляками, твердыми въ своихъ убѣжденіяхъ и на-ряду съ пламенною любовью къ родинѣ пылали ненавистью къ Екатеринѣ— виновницѣ гибели Польши. Можно себѣ представить тревогу моей

матери при чтеніи этого письма, которое, въ случаѣ его перлюстраціи (что, какъ извѣстно, практиковалось въ Петербургѣ), могло погубить насъ и наше дѣло, вызвавъ гнѣвъ императрицы. Было ясно, что письмо это написано съ цѣлью возбудить недовѣріе императрицы и лишить родовыхъ имѣній.

Въ такомъ положеніи были дѣла, когда во время одной изъ поѣздокъ нашихъ въ Царское Село, Зубовъ объявилъ намъ, что императрица желаетъ зачислить насъ офицерами въ гвардію, каковое отличіе—прибавилъ онъ—является необычайною милостью ея величества, дающей намъ возможность стать въ ряды ея славной побѣдоносной арміи. Поступленіе на русскую службу было conditio sine qua non для полученія нашихъ имѣній и отказаться отъ этого предложенія было очевидно немыслимо. Хотя мы были приготовлены къ этому удару и рѣшились принести эту послѣднюю жертву для блага нашихъ родителей, но сердце наше болѣзненно сжалось, когда намъ сдѣлано было оффиціальное предложеніе. Колебаться нельзя было, ибо разъ мы рѣшились отдаться въ руки русскихъ—было совершенно безразлично, какой именно родъ службы намъ будетъ предназначенъ.

Наконецъ столь долго ожидаемый указъ о всѣхъ конфискованныхъ имѣніяхъ былъ подписанъ. Множество земель было роздано фаворитамъ, министрамъ, генераламъ, губернаторамъ, нѣкоторымъ низшимъ чиновникамъ, а также нѣкоторымъ полякамъ измѣнникамъ отечества. Имѣнія наши не были возвращены моему отцу, но назначены были въ подарокъ мнѣ и брату въ количествѣ 42.000 душъ крестьянъ, какъ это принято въ Россіи. Латышевское и Каменецкое староства, принадлежавшія моему отцу, отданы были графу Моркову. Сестры наши не были упомянуты въ этомъ указѣ, но фактически мы получили обратно почти все состояніе и поспѣшили передать полную довѣренность отцу, дабы онъ могъ пользоваться своимъ имуществомъ на правахъ хозяина.

Вскорѣ послѣ этого мы отправились въ Царское благодарить императрицу, которая приказала зачислить меня въ конную гвардію, а моего брата въ Измайловскій полкъ. Нѣсколько разъ мы получили приглашеніе на концерты въ Таврическомъ дворцѣ, это считалось особенною милостью, такъ какъ офицеры гвардіи не входили въ составъ двора. Но все это окончилось съ переѣздомъ императрицы въ Зимній дворецъ. Мы находились въ той категоріи офицеровъ гвардіи, которые являлись во дворецъ лишь по воскресеньямъ и праздничнымъ днямъ, чтобы занимать мѣсто рядомъ съ дипломатическимъ корпусомъ во время выхода императрицы. Отправляясь въ дворцовую церковь и возвращаясь оттуда, государыня дарила насъ

милостивыми взглядами, а великіе князья любезно кланялись. Говорятъ, что во время этихъ выходовъ, возобновлявшихся каждое воскресенье, гвардейскіе щеголи, напудренные и напомаженные, въ блестящихъ мундирахъ, старались привлечь вниманіе Екатерины своею стройностью, формами, молодцоватымъ видомъ и, какъ увѣряютъ, нѣкоторые имѣли успѣхъ. Но все это были разсказы о временахъ давно минувшихъ, теперь же императрица была уже на склонѣ дней и подобныя сцены не могли уже повторяться.

Военная строевая служба въ полкахъ гвардіи въ это время велась довольно небрежно. Правда, были офицеры, которые относились къ ней болѣе внимательно, но это было ихъ личное желаніе, и въ глазахъ большинства гвардейской молодежи это не было заслугой, а скорѣе дѣлало ихъ предметомъ насмѣшки. Командующіе генералы также не поощряли ихъ къ службѣ. Во дворцѣ мнѣ пришлось въ эту зиму быть на караулѣ всего одинъ разъ: въ этотъ день, какъ сейчасъ помню, я находился подъ командой Ханыкова [1]), впослѣдствіи занимавшаго постъ посланника въ Дрезденѣ. Возвращаясь съ моимъ взводомъ, чтобы идти въ конногвардейскія казармы, я встрѣтилъ князя Трубецкаго, который также въ первый разъ находился въ дворцовомъ караулѣ. Въ настоящее время этотъ князь Трубецкой—генералъ-отъ-инфантеріи и состоитъ генералъ-адъютантомъ императора Александра. Братъ мой, Константинъ, въ качествѣ пѣхотнаго офицера, находился съ отрядомъ Измайловскаго полка, занимавшаго ночной караулъ во дворцѣ. Увидѣвъ его, императрица милостиво поклонилась ему и сказала, что она будетъ спать спокойно, находясь подъ его охраною.

Въ день новаго 1796 года мы съ братомъ были пожалованы въ камеръ-юнкеры. Надо замѣтить, что въ описываемое время придворное званіе имѣло въ Россіи несравненно большее значеніе, нежели теперь, и на-ряду съ военными чинами, имѣло преимущество передъ службой гражданской. Вотъ почему въ аристократическихъ семьяхъ или семьяхъ лицъ, пользовавшихся виднымъ служебнымъ положеніемъ, сыновей старались опредѣлить въ гвардію и доставить имъ вмѣстѣ съ тѣмъ придворное званіе, благодаря которому они затѣмъ быстро подвигались въ служебной іерархіи.

---

[1]) Василій Васильевичъ Ханыковъ. Былъ посланникомъ въ Дрезденѣ съ 1802 по 1829 г.

Императрица Екатерина очень хотѣла еще при жизни женить великаго князя Константина и заранѣе рѣшила устроить его придворный штатъ. Съ этой цѣлью были намѣчены нѣкоторыя лица его будущаго двора и многіе старались попасть въ списки.

Въ этомъ году прибыла въ Петербургъ герцогиня Саксенъ-Кобургъ-Готская со своими тремя дочерьми. Уже издавна существовалъ обычай, что когда для кого-либо изъ русскихъ князей требовалась невѣста, одинъ изъ дипломатическихъ представителей объѣзжалъ маленькіе нѣмецкіе дворы, гдѣ имѣлись красивыя принцессы, и затѣмъ представляли въ Петербургъ подробное донесеніе, въ которомъ излагали всѣ качества предполагаемой невѣсты. Императрица, на основаніи этихъ донесеній, дѣлала свой выборъ, указывая на тѣхъ принцессъ, которыхъ она желала бы видѣть въ Петербургѣ. Въ свое время Екатерина, какъ извѣстно, сама прошла подобный экзаменъ и поэтому во всей этой процедурѣ не видѣла ничего унизительнаго для будущей великой княгини. Съ своей стороны нѣмецкія принцессы почитали большимъ счастьемъ, когда ихъ дочери получали приглашеніе въ Петербургъ, ибо перспектива выдать дочь за русскаго великаго князя, въ эту эпоху блеска и величія Екатерининскаго двора, казалась имъ въ высшей степени заманчивой. Свѣдѣнія о дочеряхъ герцогини Кобургской доставлены были барономъ Будбергомъ, впослѣдствіи министромъ иностранныхъ дѣлъ, которому такимъ образомъ герцогиня и ея дочери обязаны были своимъ приглашеніемъ къ Петербургскому двору.

Герцогиня-мать была женщина большаго ума, образованная и привѣтливая; всѣ три дочери ея отличались изяществомъ и красотою. Говоря откровенно, было тяжело смотрѣть на эту мать, пріѣхавшую въ чужую страну, чтобы выставить напоказъ, подобно товару, своихъ дочерей, въ ожиданіи милостиваго взгляда императрицы и выбора великаго князя. Что касается в. к. Константина, то о немъ ходили при дворѣ анекдоты такого свойства, что отъ предполагаемой его женитьбы едва-ли можно было ожидать семейнаго счастья для его супруги.

Императрица, умѣвшая очаровывать своимъ обхожденіемъ, приняла герцогиню и ея дочерей съ распростертыми объятіями. Ежедневно устраивались прогулки, празднества, вечера и балы, во время которыхъ великій князь могъ проводить время въ обществѣ принцессъ и ближе познакомиться съ ними. Онъ получилъ приказаніе отъ императрицы жениться на одной изъ нихъ, при чемъ ему былъ лишь предоставленъ выборъ будущей супруги. Константину въ это время шелъ 17-й годъ, въ послѣдующіе годы своей жизни онъ всегда отличался необузданнымъ нравомъ и никогда не могъ владѣть своими

страстями и порывами. Можно легко себѣ представить, чѣмъ онъ былъ въ эти годы. Естественно, что о сознательномъ выборѣ будущей подруги жизни не могло быть и рѣчи: онъ просто повиновался волѣ своей всемогущей бабки.

По всему видно было, что великій князь остановитъ свой выборъ на младшей принцессѣ. Старшая довольно удачно вышла изъ положенія, сознавшись откровенно, что сердце ея не свободно. Она уже дала слово одному австрійскому офицеру (впослѣдствіи генералу) и родители не препятствовали этому браку. Послѣдствія показали, что выборъ былъ ея удаченъ, по крайней мѣрѣ она была несравненно счастливѣе своихъ сестеръ, которыя обѣ вышли за людей, не давшихъ имъ супружескаго счастья.

День новаго 1796 года ознаменованъ множествомъ наградъ, милостей и назначеній, какъ очередныхъ, такъ и пріуроченныхъ къ будущему бракосочетанію великаго князя Константина. Къ этому времени состоялось и наше назначеніе камеръ-юнкерами, что какъ я уже упомянулъ выше, являлось наградою и средствомъ къ дальнѣйшему повышенію для молодыхъ людей, обладавшихъ связями при дворѣ. Они допускались на придворные балы, вечера, танцы и спектакли—въ это святилище, куда однако не имѣли доступа люди самые почтенные, извѣстные своими служебными заслугами, если они не обладали при этомъ высокимъ чиномъ. Вслѣдствіе этого получалось странное явленіе: внутренніе апартаменты дворцовъ были широко раскрыты для людей, не имѣвшихъ никакихъ личныхъ заслугъ, въ то время какъ старые, заслуженные генералы, затерянные въ толпѣ, должны были дожидаться въ пріемныхъ. Впрочемъ, я лично, благодаря этому порядку, испытывалъ извѣстное чувство удовлетворенія, не лишенное злорадства при видѣ того, какъ грозный генералъ-губернаторъ завоеванной провинціи совершенно стушевывался въ столицѣ, не вызывая даже взгляда всесильнаго фаворита и почти не показываясь въ высшемъ свѣтѣ. Тѣмъ не менѣе, по возвращеніи во ввѣренный ему край, онъ снова дѣлался полновластнымъ сатрапомъ и нерѣдко вымещалъ перенесенное имъ униженіе на семействахъ тѣхъ лицъ, съ которыми онъ былъ вынужденно почтителенъ въ Петербургѣ. Благодаря дискреціонной власти генералъ-губернаторовъ, злоупотребленія были дѣломъ самымъ обыкновеннымъ и добиться правосудія или простой справедливости было почти невозможно. Все дѣлалось всесильными чиновниками, которые фактически заправляли краемъ, скрываясь за подписью главныхъ начальниковъ, въ большинствѣ случаевъ бездѣятельныхъ и бездарныхъ. Имѣть на своей сторонѣ чиновничество было вѣрнѣйшимъ средствомъ успѣха, ибо мѣстные взяточники и грабители прекрасно спѣлись съ канце-

лярской мелочью Сената и министерствъ, благодаря чему никакое злоупотребленіе не могло всплыть наружу.

Зачисленіе наше въ придворный штатъ посвятило насъ въ интимную жизнь двора и доставило намъ знакомство съ многими высокопоставленными сановниками и придворною молодежью, съ многими изъ которыхъ мы близко сошлись. Къ этому же времени относится и сближеніе наше съ двумя великими князьями.

Теперь я возвращусь къ празднествамъ и церемоніямъ, имѣвшимъ мѣсто по случаю бракосочетанія в. к. Константина.

Выборъ великаго князя сдѣлался вскорѣ извѣстнымъ. Младшая изъ принцессъ, Юлія, будущая великая княгиня Анна Ѳеодоровна, должна была принять греческую вѣру и подъ руководствомъ священника изучила догматы новой религіи. Говорятъ, что германскія принцессы, которыя предназначались въ супруги русскихъ великихъ князей, получали весьма поверхностныя понятія о догматахъ родной вѣры и въ виду этого онѣ безъ затрудненія переходили въ православіе.

Вскорѣ послѣ совершенія обряда присоединенія къ греческой церкви, въ присутствіи императрицы, высшаго духовенства и всего двора, произошло торжественное вѣнчаніе принцессы Юліи съ великимъ княземъ Константиномъ, послѣ котораго въ теченіе нѣсколькихъ недѣль давались парадные обѣды, балы, празднества, фейерверки и другія увеселенія, чуждыя, однако, несмотря на внѣшній блескъ, истинной веселости. При видѣ этой молодой и прекрасной принцессы, прибывшей изъ-далека въ чужую страну, принявшую чуждую ей вѣру и отданной во власть взбалмошнаго юноши, менѣе всего думавшаго о ея счастьѣ—всѣ эти празднества и чисто внѣшнія проявленія радости наводили скорѣе на грустныя размышленія при мысли о судьбѣ юной великой княгини. Самъ Константинъ своимъ поведеніемъ вскорѣ оправдалъ эти опасенія. Его интимныя бесѣды и болѣе чѣмъ откровенные намеки и разсказы о его медовомъ мѣсяцѣ поражали своимъ цинизмомъ и неделикатностью по отношенію къ юной супругѣ и свидѣтельствовали о его невѣроятно странныхъ капризахъ и привычкахъ.

Обѣ великія княгини вскорѣ соединились узами самой тѣсной дружбы. По происхожденію иностранки, вдали отъ родины и семьи, занимая почти одинаковое положеніе, великія княгини Анна и Елизавета естественно почувствовали другъ къ другу влеченіе и во взаимныхъ откровенныхъ бесѣдахъ находили отраду и утѣшеніе. Великая княгиня Елизавета, предназначенная судьбою къ болѣе высокому жребію, болѣе счастливая благодаря душевнымъ качествамъ своего супруга, поддерживала свою belle soeur, замѣнивъ ей мать и сестеръ, которыя вскорѣ должны были покинуть Россію.

Когда закончились всѣ празднества и торжества и герцогиня Кобургская со своими дочерьми вернулась въ Германію, жизнь двора снова вошла въ обычную колею. По желанію императрицы устраивались катанья на саняхъ, во время которыхъ дежурные камеръ-юнкеры сопровождали государыню и великихъ княгинь. Во время одной изъ такихъ прогулокъ мнѣ случилось видѣть Екатерину въ утреннемъ туалетѣ и Зубова въ шубѣ и теплыхъ сапогахъ, выходившихъ запросто изъ внутреннихъ апартаментовъ государыни. Но къ этому повидимому всѣ привыкли, по крайней мѣрѣ никто изъ придворныхъ не былъ этимъ шокированъ.

Въ Зимнемъ дворцѣ вечера происходили въ такъ называемомъ брилліантовомъ залѣ, получившемъ это названіе отъ украшенныхъ драгоцѣнными камнями императорскихъ регалій, хранившихся подъ большими стеклянными витринами. Залъ этотъ соприкасался съ опочивальней, уборною и внутренними апартаментами императрицы съ одной стороны, а съ другой съ комнатами, предназначенными для дежурства. Эти комнаты отдѣлялись отъ другихъ залъ троннымъ заломъ, входившимъ также въ составъ внутреннихъ апартаментовъ императрицы. При входѣ въ этотъ залъ находился караулъ отъ кавалергардовъ, которые всѣ сидѣли [1]). Это былъ отрядъ, состоящій изъ отборныхъ офицеровъ [2]), происходившій отъ извѣстной роты преображенцевъ, возведшей на престолъ Елизавету и получившей названіе „лейбъ-кампанцевъ". Всѣ нижніе чины этой роты произведены были въ офицеры и включены были въ составъ ея личной охраны. Этотъ караулъ сохранился до смерти Екатерины въ томъ же составѣ и носилъ ту же роскошную форму. Имѣть входъ „за кавалергардовъ"—означало имѣть право входа во внутренніе дворцовые апартаменты. Въ царствованіе императрицы Екатерины дворцовая обстановка вѣроятно мѣнялась, но распредѣленіе апартаментовъ Зимняго дворца оставалось такимъ же, какъ при Аннѣ и Елизаветѣ. Со вступленіемъ на престолъ Павла I-го оно было измѣнено.

Обыкновенные дворцовые вечера происходили въ такъ называемомъ брилліантовомъ залѣ, гдѣ собиралось интимное общество и тѣ изъ офицеровъ и гражданскихъ чиновъ, которые были на дежурствѣ. Императрица играла въ карты съ Зубовымъ и двумя другими сановниками. Во время игры Зубовъ бывалъ разсѣянъ и поминутно по-

---

[1]) Члены внутреннихъ дворцовыхъ карауловъ всегда находятся въ залахъ сидя, исключая часовыхъ и тѣхъ внутреннихъ карауловъ, которые наряжаются на время высочайшихъ выходовъ и баловъ.

[2]) Въ царствованіе Екатерины „Кавалергардскій корпусъ" дѣйствительно состоялъ изъ однихъ офицеровъ, а при Павлѣ кавалергарды получили новую организацію и преобразованы въ Кавалергардскій полкъ. *К. В.*

сматривалъ на столъ, за которымъ играли обѣ великія княгини съ ихъ мужьями. Многіе удивлялись, что императрица не замѣчала этихъ его выходокъ, которыя шокировали всѣхъ. Кромѣ упомянутыхъ были еще и другіе карточные столы. Императрица обыкновенно не оставалась къ ужину, рано кончала игру и удалялась въ свои внутренніе покои. Она милостиво раскланивалась съ присутствующими, двери растворялись, и великіе князья также удалялись. Затѣмъ уходилъ Зубовъ, сдѣлавъ общій поклонъ, и проходилъ вслѣдъ за императрицей.

Иногда близъ Таврическаго дворца устраивали для катанья ледяныя горы. Великія княгини и княжны и весь придворный штатъ отправлялись на эти горы и, согласно русскому обычаю, съѣзжали на маленькихъ санкахъ. Здѣсь царило веселіе и непринужденность и раздавался веселый смѣлъ молодежи. У великой княгини устраивались очень хорошіе концерты. Въ Эрмитажномъ театрѣ шла французская комедія и итальянская опера съ превосходнымъ составомъ артистовъ. Австрійскій посолъ графъ Кобенцель обыкновенно сидѣлъ рядомъ съ императрицей. На спектакляхъ этихъ, дававшихся два раза въ недѣлю, присутствовали исключительно члены императорской фамиліи и придворная знать. Я какъ сейчасъ вижу передъ собой всю эту картину: въ центрѣ, напротивъ самой сцены, на широкомъ креслѣ, сидитъ императрица; рядомъ съ нею, почтительно наклонивъ голову и прищуривъ свои близорукіе глаза—графъ Кобенцель; въ пудреномъ парикѣ и богатомъ камзолѣ, онъ внимательно слушаетъ свою собесѣдницу. Рядомъ съ ними, съ обѣихъ сторонъ, молодыя красивыя фигуры великихъ княженъ и князей, а сзади, амфитеатромъ, размѣстился весь придворный штатъ. Здѣсь давались лучшія изъ современныхъ оперъ, и многія мелодіи до сихъ поръ звучатъ въ моихъ ушахъ. Весь Эрмитажъ кромѣ того былъ украшенъ великолѣпными картинами кисти знаменитыхъ мастеровъ. Въ послѣдующія царствованія императоровъ Павла и Александра Эрмитажъ значительно измѣнился.

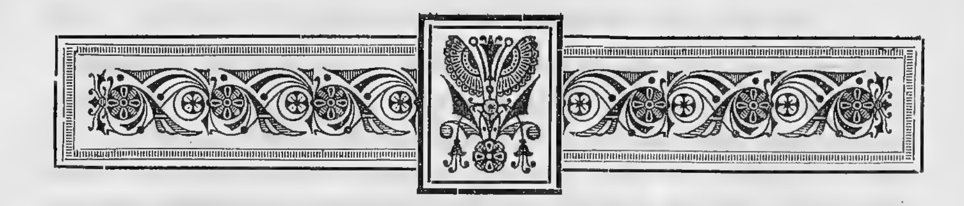
Екатерина находилась на вершинѣ своей славы и политическаго могущества: раздѣлъ Польши былъ законченъ согласно ея желаніямъ; повинуясь ея волѣ, прусскій король уступилъ Австріи городъ Краковъ; большинство европейскихъ монарховъ заискивали передъ нею, льстили ей и подчинялись всѣмъ ея желаніямъ. Австрійскій и лондонскій кабинеты добивались ея благосклонности, разсчитывая на активное содѣйствіе Россіи въ борьбѣ съ Франціей. Неаполь, Римъ и Сардинія стремились къ тому же, опасаясь за цѣлость своихъ владѣній подъ угрозой успѣховъ революціонной Франціи.

Между тѣмъ Екатерина, разсылавшая громоносныя дипломатическія ноты противъ французской республики и революціи, возбуждавшая противъ нея всю Европу, благоразумно воздерживалась отъ войны, спокойно смотрѣла на неудачи своихъ союзниковъ и не двигала своихъ войскъ. Она властвовала въ сѣверной Европѣ, заставляла трепетать Турцію и, гордая сознаніемъ своей силы, отправила войска въ Персію подъ начальствомъ Валеріана Зубова. Но это были послѣдніе дни ея славы: побѣда Бонапарта въ Италіи и безпримѣрное поведеніе юнаго шведскаго короля сильно повліяли на ея душевное состояніе и исполнили горечью послѣдній годъ ея жизни.

Всѣ эти спектакли, увеселенія и придворные балы, на которыхъ мы принимали участіе, еще болѣе сблизили насъ (меня и брата) съ великими князьями, которые, какъ я уже говорилъ, всегда относились къ намъ особенно милостиво. Въ это время я занимался рисованіемъ. Когда великій князь Александръ узналъ объ этомъ, онъ велѣлъ мнѣ принести нѣсколько моихъ рисунковъ, разсматривалъ ихъ, показывалъ великой княгинѣ и вообще выказывалъ мнѣ много вниманія.

(Продолженіе слѣдуетъ)

Записки княгини Дашковой.

XX [1]).

Въ началѣ 1783 года, князь Потемкинъ отправился въ армію; мой сынъ, котораго онъ, повидимому, любилъ и уважалъ, сопутствовалъ ему на берега Дуная. Проѣзжая Бѣлоруссіей, они свернули съ дороги, чтобъ взглянуть собственными глазами на мое имѣніе Круглово и оцѣнить достоинство его, которому одни придавали слишкомъ много значенія, а другіе считали его ниже дѣйствительной стоимости.

Потемкинъ написалъ мнѣ объ этомъ предметѣ, совѣтуя не унывать и увѣряя, что помѣстье можетъ со временемъ приносить хорошіе доходы. Онъ далъ приказаніе бригадиру Бауеру, управляющему его собственнымъ имѣніемъ, смежнымъ съ моимъ, озаботиться по дѣламъ моего владѣнія больше, чѣмъ я могла ожидать отъ коронныхъ чиновниковъ, улучшить его непосредственнымъ надсмотромъ на мѣстѣ, или письменными сношеніями со мной. „Здѣсь, кромѣ того, есть деревня, писалъ князь, названная вашимъ именемъ „Дашково", которую бы слѣдовало вамъ отдать, въ вознагражденіе за убыль тѣхъ крестьянъ, которыхъ вы не получили согласно назначенію указа".

Въ самомъ дѣлѣ, было бы не трудно устроить это дѣло; польскій король, обязанный моему мужу, не замедлилъ бы исполнить мою просьбу, договорившись съ своей сестрой, владѣвшей этой деревней, и однимъ дворяниномъ, будущимъ пожизненнымъ наслѣдникомъ ея— тѣмъ больше, что оба они нисколько не дорожили этимъ имѣніемъ; но князь Потемкинъ и слышать не хотѣлъ о томъ, чтобъ я писала объ этой сдѣлкѣ къ польскому королю или нашему посланнику, графу Штакельбергу, желая самъ заняться этимъ дѣломъ. Кончилось

[1]) См. „Русскую Старину", май 1906 г.

тѣмъ, что Дашково никогда не было моимъ, и Круглово навсегда осталось безъ дополненія крестьянъ.

Разлука съ сыномъ, всегда находившимся при мнѣ, была тягостна; но я поставила себѣ правиломъ всегда жертвовать личнымъ удовольствіемъ дѣйствительной или воображаемой пользѣ своихъ дѣтей; поэтому, я отнюдь не мѣшала ему отправиться въ дѣйствующую армію, что̀, по моему мнѣнію, могло быть полезно настоящей служебной карьерѣ его. Я часто слышала отъ него и отъ другихъ, что Потемкинъ удостоилъ моего сына самаго лестнаго вниманія и уваженія, чему удивлялись тѣ, кто зналъ безпечный характеръ великолѣпнаго князя—этого баловня слѣпой судьбы.

Что касается до меня, я была довольно спокойна. Одно обстоятельство нарушало мой домашній миръ—хлопоты и утомительныя заботы въ кругу академической дѣятельности, въ особенности, когда я задумала преобразовать это учрежденіе и улучшить его матеріальное состояніе.

На слѣдующее лѣто, великій князь Павелъ и его жена возвратились изъ чужихъ краевъ. Они часто давали вечера въ Гатчинѣ, и приглашаемые гости оставались тамъ по нѣсколько дней сряду, пользуясь гостепріимствомъ наслѣдника; меня многіе увѣряли, что эти вечера нисколько не были обременительны для посѣтителей. Я рѣдко бывала, извиняясь недосугами и занятіями по академіи, также далекимъ разстояніемъ Гатчины отъ Стрѣльны, гдѣ я жила по волѣ государыни.

Наконецъ, великій князь убѣдительно просилъ меня посѣтить одинъ изъ вечеровъ; я замѣтила ему, что свобода и общество гатчинскихъ собраній всегда доставляли мнѣ величайшее удовольствіе, но у меня мало досужнаго времени; есть на то и другая причина. Все, что дѣлается въ Гатчинѣ, сказала я,—немедленно переносится въ Царское Село, и обратно, великому князю сообщаютъ о всемъ, что происходитъ во дворцѣ Екатерины. Такимъ образомъ, отдалившись отъ гатчинскихъ собраній, я отняла у императрицы право задавать мнѣ такіе вопросы, на которые я не хотѣла бы отвѣчать, а у Павла—право подозрѣвать меня, какъ сплетницу между матерью и сыномъ: поэтому я отказала себѣ въ удовольствіи бывать у великаго князя, и онъ первый долженъ былъ согласиться съ уважительной причиной моего отказа.

На основаніи этого такта, я вела себя въ продолженіе десяти лѣтъ, никогда не посѣщая великаго князя, за исключеніемъ тѣхъ церемоніальныхъ случаевъ, когда собирался у него весь дворъ. Императрица, зная это, никогда не разспрашивала меня о своемъ сынѣ, и если осуждала (иногда это случалось) его поведеніе, я всегда пре-

кращала рѣчь оговоркой, что постороннее лицо не должно мѣшаться въ эти дѣла, развѣ только въ случаѣ ея особенныхъ приказаній и по долгу повиновенія.

Этотъ честный и прямой поступокъ въ отношеніи къ великому князю не былъ оцѣненъ, какъ мы увидимъ ниже, и не защитилъ меня отъ гоненій Павла I, который преслѣдовалъ всѣхъ, кого онъ заподозрѣвалъ въ измѣнническомъ оскорбленіи себя.

Около этого времени графъ Андрей Шуваловъ, какъ я уже сказала, возвратился изъ Парижа и старался возстановить противъ меня и моего сына фаворита Ланскаго. Однажды, во время бесѣды, императрица замѣтила, какъ легко пріобрѣтаются въ Италіи копіи съ лучшихъ художественныхъ оригиналовъ, я пожалѣла при этомъ, что мнѣ никогда не удалось достать въ Петербургѣ бюстъ государыни, при всемъ моемъ желаніи имѣть его. Императрица приказала принести одинъ, сдѣланный замѣчательнымъ русскимъ артистомъ Шубинымъ, и просила меня принять его.

Ланской, увидѣвъ это, громко сказалъ: „какъ, это мой бюстъ, онъ принадлежитъ мнѣ".

— Вы ошибаетесь, возразила Екатерина, и я прошу княгиню Дашкову взять его.

Ланской замолчалъ, но бросилъ на меня бѣшеный взглядъ, на который я отвѣтила взглядомъ полнаго презрѣнія. Съ этой минуты его озлобленіе постоянно выражалось въ мелочныхъ спорахъ со мною, что не ускользнуло отъ наблюденія самой Екатерины, и она рѣшилась положить имъ конецъ.

На поприщѣ своей академической администраціи я скоро пришла въ непріятное столкновеніе съ княземъ Вяземскимъ; онъ по временамъ не обращалъ никакого вниманія на мои представленія о производствѣ нѣкоторыхъ заслуженныхъ членовъ академіи и не сообщалъ мнѣ требуемыхъ документовъ касательно описанія различныхъ мѣстностей Россіи, на основаніи которыхъ я хотѣла составить лучшія карты. Наконецъ, онъ осмѣлился спросить моего казначея, доставлявшаго ему ежемѣсячный отчетъ о казенныхъ расходахъ по академіи, почему онъ не принесъ также отчета объ экономической суммѣ. Услышавъ объ этомъ, я тотчасъ же подала просьбу объ отставкѣ, увѣдомивъ императрицу, что Вяземскій хочетъ подвергнуть меня отвѣтственности, никогда не лежавшей на директорѣ, отъ самаго основанія академіи и даже во время моего предшественника, всѣмъ извѣстнаго взяточника. Въ то же время, я напомнила ей, что только вслѣдствіе моей убѣдительной просьбы, я получила отъ нея позволеніе лично представлять ей каждый мѣсяцъ отчетъ объ экономической суммѣ, при чемъ часто слышала похвалы ея о цвѣтущемъ

состоянiи капитала; поэтому я никогда не соглашусь дозволить генералъ-прокурору мѣшаться въ дѣла директора Академiи, тѣмъ менѣе подозрѣвать мое безкорыстiе.

Вслѣдъ затѣмъ князь Вяземскiй получилъ выговоръ отъ императрицы, а я не замедлила позабыть о его глупости. Кстати этотъ государственный человѣкъ былъ усердный и дѣловой чиновникъ, аккуратный и исправный въ своихъ обязанностяхъ, но необразованный и чрезвычайно мстительный. Онъ долго не прощалъ мнѣ за то, что я принимала на службу къ себѣ тѣхъ людей, которыхъ онъ преслѣдовалъ и лишилъ послѣдняго куска насущнаго хлѣба. Было и другое обстоятельство, озлобившее его противъ меня; вотъ оно. Академiя предприняла изданiе моего журнала, въ которомъ иногда помѣщались статьи императрицы и мои; между другими сотрудниками находился адвокатъ Козодавлевъ, писавшiй стихи и прозу; какой бы сатирическiй листокъ ни появился въ этомъ журналѣ, князь Вяземскiй относилъ его къ себѣ или своей женѣ; особенно возсталъ противъ нашего изданiя, когда въ немъ сталъ участвовать Державинъ, потерявшiй мѣсто по милости Вяземскаго; онъ въ каждой строчкѣ повсюду читаемаго поэта видѣлъ черту вдохновенной мести.

Поэтому во многихъ случаяхъ я начала испытывать недоброжелательство Вяземскаго; изъ личнаго неудовольствiя, онъ старался затруднять меня на пути общественной пользы, даже въ тѣхъ случаяхъ, когда мои стремленiя были самыми справедливыми, какъ напримѣръ, приготовленiе новыхъ и точныхъ картъ провинцiй, границы которыхъ никогда не были означены въ очеркахъ ихъ, со времени послѣдняго раздѣленiя имперiи. Это новое раздѣленiе Россiи на области, какъ первый шагъ къ введенiю порядка и цивилизацiи въ такой обширной странѣ, было истинно великимъ дѣломъ Екатерины. Вслѣдствiе этого дороги сдѣлались болѣе безопасны и удобны; внутренняя торговля оживилась, и частное благосостоянiе скоро проявилось въ улучшенiи городовъ. Въ разныхъ областяхъ были построены на государственный счетъ соборы и прекрасные дома для воеводъ; но, что главнѣе всего, императрица, не забывшая мѣткой старой русской пословицы: „до Бога высоко, а до царя далеко“, учредила мѣстные суды и полицiю, и тѣмъ обезпечила народное довѣрiе и спокойствiе; до сей поры, чтобъ добраться до судебнаго мѣста, надобно было проѣхать двѣ или три тысячи верстъ.

Князь Вяземскiй не только задерживалъ или вовсе не доставлялъ документовъ по своему вѣдомству, но медлилъ доставкой даже тѣхъ свѣдѣнiй, которыя по моей просьбѣ присылались въ Академiю областными намѣстниками; безпокоить государыню постоянными жалобами мнѣ не хотѣлось, поэтому я вооружилась всѣмъ возможнымъ терпѣнiемъ.

Въ іюлѣ мой сынъ возвратился изъ дѣйствующей арміи, посланный съ депешами, возвѣстившими объ окончательномъ подданствѣ Крыма Русской имперіи. Мое удивленіе и радость при этомъ свиданіи, разумѣется, были невыразимы. Онъ пробылъ въ Петербургѣ не долго и снова отправился въ армію, съ чиномъ полковника. Я была очень довольна этимъ новымъ повышеніемъ Дашкова, потому что оно удаляло его изъ гвардіи, отъ обольщенія столичной жизни и давало ему возможность развить свою дѣятельность и способности на поприщѣ военно-полевой службы.

Однажды я гуляла съ императрицей по Царскосельскому саду; рѣчь зашла о красотѣ и богатствѣ русскаго языка; я выразила мое удивленіе, почему государыня, способная оцѣнить его достоинство и сама писатель, никогда не подумала основать русскую академію.

Я замѣтила, что только нужны правила и хорошій словарь, чтобъ поставить нашъ языкъ въ независимое отношеніе отъ иностранныхъ словъ и выраженій, не имѣющихъ ни энергіи, ни силы, свойственныхъ нашему слову.

— Я удивляюсь сама, сказала Екатерина, почему эта мысль до сихъ поръ не приведена въ исполненіе; подобное учрежденіе для усовершенствованія русскаго языка часто занимало меня, и я уже отдала приказаніе относительно его.

— Это подлинно удивительно, продолжала я; ничего не можетъ быть легче, какъ осуществить этотъ планъ. Образцовъ для него очень много, и вамъ остается только избрать изъ нихъ самый лучшій.

— Пожалуйста, представьте мнѣ, княгиня, проектъ прибавила императрица, какого-нибудь.

— Кажется, было бы лучше, отвѣчала я, еслибъ вы приказали одному изъ вашихъ секретарей составить для васъ планъ французской, берлинской и нѣкоторыхъ другихъ академій съ замѣчаніями о тѣхъ особенностяхъ, которыя можно лучше согласить съ геніемъ и нравами вашей имперіи.

— Я повторяю мою просьбу, сказала Екатерина; примите на себя этотъ трудъ; я привыкла полагаться на вашу ревность и дѣятельность, и потому съ довѣріемъ приступлю къ исполненію предмета, къ стыду моему, такъ долго неосуществленнаго.

— Этотъ трудъ не великъ, государыня, и я постараюсь выполнить ваше желаніе возможно скоро; но у меня нѣтъ нужныхъ книгъ подъ рукой, и я вполнѣ убѣждена, что кто-нибудь изъ вашихъ секретарей сдѣлалъ бы это лучше моего.

Императрица настаивала на своемъ желаніи, и я не сочла нужнымъ возражать дальше.

По возвращеніи домой вечеромъ, я стала разсуждать, какъ бы лучше исполнить это порученіе и прежде, нежели пошла спать, начертала нѣкоторый планъ, желая передать въ немъ идею будущаго учрежденія; я послала этотъ проектъ императрицѣ, думая тѣмъ удовлетворить ея желанію и отнюдь не считая его достойнымъ принятія и практическаго примѣненія. Къ крайнему моему удивленію, Екатерина лично возвратила мнѣ этотъ наскоро-набросанный планъ, утвердила его собственной подписью, какъ вполнѣ оффиціальный документъ и вмѣстѣ съ нимъ издала указъ, опредѣлившій меня президентомъ Академіи въ зародышѣ. Копія съ этого указа была немедленно сообщена Сенату.

Хотя это распоряженіе носило характеръ особенной рѣшимости и настойчивости со стороны императрицы въ отношеніи ко мнѣ, несмотря на то, я черезъ два дня отправилась въ Царское Село просить ее избрать другаго президента. Не надѣясь успѣть въ своей попыткѣ, я сказала Екатеринѣ, что моихъ академическихъ суммъ достаточно будетъ для поддержанія новаго учрежденія и что всѣ расходы ея могутъ пока ограничиться одной покупкой дома. Эти деньги, прибавила я, въ объясненіе, будутъ взяты изъ тѣхъ пяти тысячъ рублей, которые она изъ своей собственной шкатулки ежегодно отпускала на переводъ классическихъ писателей.

Императрица удивилась и утѣшилась, надѣясь въ то же время, что переводы не прекратятся.

— Само собою разумѣется, сказала я, переводы пойдутъ своимъ порядкомъ, и я думаю лучше, чѣмъ прежде, съ помощью студентовъ Академіи наукъ, и подъ надзоромъ и редакціей профессоровъ. Такимъ образомъ эти пять тысячъ рублей, о которыхъ прежніе директоры забыли или, лучше, издавая очень немного переводовъ, клали ихъ по своимъ карманамъ, теперь могутъ быть употреблены съ пользой. Я надѣюсь имѣть честь скоро представить вамъ полную смѣту всѣхъ необходимыхъ издержекъ на устройство новой академіи; и, не исключая указанной мною суммы, мы тогда увидимъ, чего не достанетъ для удовлетворенія менѣе существенныхъ потребностей, какъ, напримѣръ, медалей и мундировъ, что, по моему мнѣнію, почти неизбѣжно для награды и отличія достойныхъ учениковъ.

Въ этой смѣтѣ я назначила жалованье двумъ секретарямъ по девяти сотъ рублей, двумъ переводчикамъ по четыреста пятидесяти каждому. При томъ необходимо было имѣть казначея и четырехъ солдатъ-инвалидовъ для топки печей и ухода за домомъ. Всѣ эти расходы я подвела къ тремъ стамъ рублямъ, изъ чего удѣлялось тысяча семьсотъ рублей на покупку дровъ, бумаги и книгъ, но ничего не осталось на медали и другія отличія.

*

Императрица вовсе не привыкла къ такимъ умѣреннымъ смѣтамъ и, я думаю, больше изумилась, чѣмъ осталась довольна моимъ разсчетомъ; она изъявила готовность дополнить недостатки, и я опредѣлила ихъ суммой въ тысячу двѣсти пятьдесятъ рублей. Вознагражденіе президента и случайныя пособія служебному штату не были упущены изъ вида при этой смѣтѣ, хотя, въ настоящее время, я не назначила себѣ ни одной копѣйки; такимъ образомъ учрежденіе самаго полезнаго учрежденія, въ полномъ составѣ своемъ, обошлось императрицѣ не дороже, чѣмъ покупка нѣсколькихъ орденскихъ звѣздъ.

Чтобъ досказать все о русской Академіи, я не считаю лишнимъ упомянуть еще о нѣсколькихъ подробностяхъ. Во-первыхъ, съ помощію трехлѣтняго капитала, пожалованнаго императрицей на переводы классиковъ и не выданнаго Домашневу, т. е. съ помощію пятнадцати тысячъ рублей, въ сложности съ суммой, сбереженной изъ экономическаго капитала, я построила два дома на дворѣ того же зданія, которое Екатерина отвела для Академіи, что увеличило доходъ ея почти двумя тысячами рублей; кромѣ того, я омеблировала Академію и мало-по-малу собрала значительную библіотеку, предоставивъ ей между тѣмъ пользоваться моей собственной; положила капиталъ въ сорокъ девять тысячъ рублей въ воспитательный домъ; начала, окончила и издала диксіонеръ, и все это совершила въ продолженіе одиннадцати лѣтъ. При этомъ я не упоминаю о новомъ академическомъ зданіи, столь замѣчательномъ въ свое время; оно было построено подъ моимъ руководствомъ, но на казенный счетъ и потому я не ставлю его въ числѣ своихъ собственныхъ предпріятій.

Кстати я должна замѣтить, что при дворѣ носились самые невыгодные и оскорбительные толки о моей дѣятельности. Впрочемъ просвѣщенная часть общества отдавала болѣе чѣмъ должную дань справедливости моей ревности и распорядительности; основаніе русской Академіи и удивительно быстрое изданіе перваго отечественнаго словаря приписывали исключительно моимъ заслугамъ.

Послѣдній трудъ былъ предметомъ очень жаркой критики, въ особенности относительно методы расположенія словъ, принятой согласно этимологической, а не алфавитной системѣ. На это возражали, что словарь былъ запутанъ и худо приспособленъ къ народному употребленію—это возраженіе было сдѣлано мнѣ самой государыней и потомъ съ радостью подхвачено придворными куртизанами. Когда Екатерина спросила меня, почему мы не приняли болѣе простой методы, я отвѣчала, что въ первомъ лексиконѣ какого бы то ни было языка такая система не представляетъ ничего страннаго; она

облегчаетъ трудъ отыскивать и узнавать корни словъ; за всѣмъ тѣмъ, Академія въ теченіе трехъ лѣтъ повторитъ изданіе, расположитъ его по алфавиту и, во всѣхъ отношеніяхъ, усовершенствуетъ.

Я не понимаю, какимъ образомъ императрица, способная соображать самые разнообразные и даже глубокіе вопросы, не соглашалась съ моимъ мнѣніемъ; но я знаю только, что разнорѣчіе мнѣ наскучило; при всемъ нежеланіи объявлять въ академическомъ совѣтѣ неудовольствіе царицы противъ нашего труда, я, однакожъ, рѣшилась поставить вопросъ въ первомъ засѣданіи, не касаясь другихъ предметовъ, за которые меня лично обвиняли.

Всѣ члены, какъ и надобно было ожидать, выразили единодушное мнѣніе, что первый словарь невозможно иначе расположить, и что второе изданіе будетъ полнѣй и въ алфавитномъ порядкѣ.

Въ слѣдующій разъ, я передала императрицѣ общій отзывъ академиковъ и доказательство ихъ. Государыня осталась при своемъ мнѣніи, заинтересованная въ это время словаремъ, или лучше компиляціей Палласа. Это былъ родъ лексикона, около сотни языковъ, изъ которыхъ нѣкоторые ограничивались десятью или двадцатью слѣдующими словами: земля, воздухъ, вода, отецъ, мать и проч. Этотъ ученый филологъ, извѣстный своимъ путешествіемъ по Россіи и открытіями по естественной исторіи, желая польстить литературному самолюбію Екатерины, довелъ расходы по напечатанію своего, такъ называемаго сравнительнаго лексикона до двадцати тысячъ рублей, не считая тѣхъ издержекъ, которыя употребилъ императорскій кабинетъ на разсылку гонцовъ въ Сибирь, Камчатку и проч., чтобъ собрать нѣсколько голыхъ, случайно пойманныхъ словъ на различныхъ говорахъ.

Какъ однакожъ ни былъ слабъ и неудовлетворителенъ нашъ словарь, но его превознесли, какъ въ высшей степени замѣчательный: для меня лично онъ послужилъ источникомъ большихъ непріятностей и горя.

XXI.

Чтобъ развлечь себя среди утомительныхъ занятій, я отправилась въ свой загородный домъ, обстроенный мной изъ камня, и отказалась на это время отъ общества и городскихъ визитовъ. Управленіе двумя академіями совершенно лишало меня досуговъ. Мое участіе въ составленіи словаря состояло въ наборѣ всѣхъ словъ, начинающихся первымя тремя буквами нашей азбуки. Каждую субботу мы собирались вмѣстѣ для отысканія корней тѣхъ словъ, которыя были

уже подготовлены нѣкоторыми членами. Такимъ образомъ все мое время, съ обыкновеннымъ еженедѣльнымъ посѣщеніемъ Царскаго Села, было занято сполна.

Въ продолженіе зимы 1783 года, мой сынъ получилъ двухмѣсячный отпускъ для свиданія со мной; въ то время я, съ утвержденія императрицы, передала ему все наслѣдственное его имѣніе, за исключеніемъ той частички, которая выдѣлялась на мою долю; и такимъ образомъ я освободила себя отъ хлопотъ по управленію собственными его дѣлами. Теперь онъ лично располагалъ бо́льшимъ состояніемъ, чѣмъ отецъ оставилъ намъ всѣмъ—не имѣя на себѣ ни одного рубля долговъ. Послѣ того я могу съ чистой совѣстью сказать себѣ и другимъ, что мой надзоръ не былъ дуренъ, и въ этой истинѣ никто не отказывалъ мнѣ изъ другихъ опекуновъ.

Лѣтомъ императрица собралась въ Финляндію и такъ убѣдительно просила меня сопутствовать ей, что какъ будто предвидѣла съ моей стороны особенную жертву въ моемъ путешествіи. Напротивъ, я приняла предложеніе очень охотно. Мнѣ хотѣлось взглянуть на Финляндію и разсѣять меланхолію, уже давно тяготившую меня. Я также желала познакомиться со шведскимъ королемъ, который обѣщалъ переплыть въ Фридрихсгамъ и сравнить его съ герцогомъ Судерманландскимъ; съ этимъ послѣднимъ я уже была знакома. Во всякомъ случаѣ, быть свидѣтелемъ свиданія двухъ образованныхъ монарховъ сосѣдей было очень любопытно. Вслѣдствіе всего этого, я радостно согласилась провожать Екатерину.

Въ самый день нашего отъѣзда, посѣтилъ меня шведскій уполномоченный, министръ Нокенъ, собиравшійся оставить Петербургъ для встрѣчи своего государя. Онъ явился ко мнѣ съ объявленіемъ, что король его желаетъ украсить меня орденомъ Большаго почетнаго креста и съ тѣмъ вмѣстѣ засвидѣтельствовать его удовольствіе, что я, съ которой онъ желалъ давно познакомиться, сопутствую императрицѣ въ Финляндію.

— Послѣднее желаніе, сказала я министру, слишкомъ лестное для меня; что же касается до орденскаго отличія, я умоляю васъ отсовѣтовать своему государю такое намѣреніе: во-первыхъ, какъ простая придворная Нинета, я не успѣю порядочно повѣсить черезъ плечо подобное украшеніе, которое я уже имѣю; во-вторыхъ, такое отличіе еще никогда не давалось женщинѣ, поэтому оно не замедлитъ породить враговъ, раздразнить завистниковъ, не доставивъ того удовольствія, за которое я глубоко благодарю, но считаю себя недостойной его.

Наконецъ, я просила Нокена увѣрить короля, что никто больше меня не цѣнитъ его доброты, и если я рѣшилась отклонить отъ себя

предложенную почесть, то единственно изъ уваженія къ его характеру и просвѣщенному уму.

Въ тотъ же вечеръ мы оставили дворецъ и переѣхали на шлюпкѣ по другую сторону рѣки, въ Выборгскую часть, гдѣ ожидали насъ дворцовые дорожные экипажи.

Мы увидѣли древнюю столицу Финляндіи, Выборгъ, гдѣ отвели намъ помѣщенія въ разныхъ улицахъ. Мнѣ достался очень хорошій, и, главное, очень чистый домъ. На слѣдующій день судьи и весь чиновный людъ, дворяне и военные, представились императрицѣ, которая приняла ихъ съ обыкновенной своей добротой и чарующей лаской.

Я позабыла сказать въ своемъ мѣстѣ, что мы провели одну ночь на загородной царской дачѣ, гдѣ очень удобно расположились во дворцѣ. Я также должна упомянуть имена тѣхъ лицъ, которыя находились въ свитѣ государыни. Изъ женщинъ я была одна; изъ мужчинъ—фаворитъ Ланской, графъ Иванъ Чернышевъ, графъ Строгановъ, Чертковъ и всѣ шестеро сидѣли въ одной каретѣ съ Екатериной. Кромѣ того, съ нами были Нарышкинъ, главный конюшій, Безбородко, первый секретарь и Стрекаловъ, директоръ кабинета; два гофмейстера были посланы впередъ на шведскую границу — встрѣтить короля и предупредить о пріѣздѣ императрицы.

На другой день ночью мы въѣхали въ Фридрихсгамъ, гдѣ заняли квартиры хуже, чѣмъ прежде. Чрезъ день явился король. Онъ немедленно посѣтилъ Екатерину, а свита его, оставшаяся въ передней комнатѣ, была представлена мнѣ. Мы познакомились; между тѣмъ вошли монархи, и Екатерина отрекомендовала меня королю.

Обѣдъ кончился очень весело, послѣ того монархи имѣли частное совѣщаніе, которое происходило между ними каждый день, пока мы жили въ Фридрихсгамѣ. Признаюсь, я не думаю, чтобъ въ подобныхъ свиданіяхъ, между коронованными собесѣдниками могла существовать искренность. Несмотря на умъ, самую утонченную вѣжливость и здравый смыслъ, истощенные въ этихъ совѣщаніяхъ, гроза наступала съ другой стороны. Политика отравляетъ всѣ задушевныя отношенія властителей.

Шведскій король, подъ именемъ графа Гаги, навѣстилъ меня на третій день. Я приказала сказать, что нѣтъ меня дома и, вошедъ къ императрицѣ, доложила ей объ этомъ отказѣ.

Екатерина не совсѣмъ была довольна имъ; я старалась извиниться подъ тѣмъ предлогомъ, что король послѣ своего путешествія въ Парижъ до того заразился его салоннымъ духомъ, что моя искренность и простота ему крайне не понравились бы. За всѣмъ тѣмъ императрица просила принять его на слѣдующій день и продолжить свиданіе возможно дольше.

Думая, что Екатерина сама хотѣла освободиться на нѣкоторое время отъ своего вѣнценоснаго друга, я послушалась и приняла графа Гагу. Разговоръ нашъ не былъ лишенъ интереса. Король обнаружилъ умъ, образованіе и яркую рѣчь; при всемъ томъ сквозь этотъ лоскъ повсюду выглядывала царская рутина короля-путешественника, усвоившаго самыя ложныя понятія о всемъ, что онъ видѣлъ въ чужихъ краяхъ. Извѣстно, что подобнымъ туристамъ открываютъ одну красную сторону въ народной жизни, и всѣ ихъ свѣдѣнія ограничиваются только этой фантастической стороной.

Другое зло въ путешествіяхъ этихъ людей заключается въ томъ, что на каждомъ шагу окружаетъ ихъ глупость и лесть, особенно тамъ, гдѣ хотятъ снискать ихъ благоволеніе. Потомъ, возвращаясь домой, они требуютъ отъ своихъ подданныхъ уже полнаго обоготворенія.

Поэтому я никогда не совѣтовала бы царямъ путешествовать въ чужіе края. Гораздо лучше имъ объѣзжать провинціи своихъ владѣній, и если только они хотятъ познакомиться съ настоящимъ положеніемъ страны — отбросить всякій внѣшній парадъ, неизбѣжный съ ихъ саномъ и очень разорительный для ихъ подданныхъ.

Во время нашего разговора, я не могла не замѣтить, что король насквозь былъ пропитанъ французской лестью и потому былъ самый пристрастный судья этой страны. Я позволяла себѣ иногда противорѣчить мнѣнію его и подтверждала свои мысли личными наблюденіями, собранными внутри и на границахъ Франціи, въ продолженіе моего двукратнаго посѣщенія ея. Я осмѣлилась даже замѣтить, что мое положеніе въ этомъ отношеніи было выгоднѣе королевскаго, потому что стоило ли труда обманывать меня—самое рядовое лицо, и потому думаю, что я видѣла предметы въ истинномъ ихъ свѣтѣ.

Графъ Армфельдъ, знаменитый своимъ паденіемъ и несчастіями послѣ смерти этого короля, гонимый герцогомъ Судерманландскимъ, находился при нашемъ свиданіи и всегда поддакивалъ моимъ замѣчаніямъ. Я была очень рада развязаться съ этимъ визитомъ и поспѣшила пройти въ комнаты императрицы вмѣстѣ съ королемъ.

На слѣдующій день король собрался въ обратный путь, раздавъ подарки свитѣ императрицы. Мнѣ онъ оставилъ на память дружбы бриллiантовый перстень съ своимъ портретомъ. Въ одно и то же время Екатерина и Густавъ выѣхали изъ Фридрихсгама. Государыня проѣхала прямой дорогой въ Царское Село и прибыла наканунѣ дня своего восшествія на престолъ. Я не замедлила снять бриллiанты съ королевскаго портрета, замѣнивъ ихъ маленькими перлами, а алмазы подарить своей племянницѣ Полянской, которая въ ряду другихъ фрейлинъ присутствовала на придворномъ праздникѣ.

Вскорѣ послѣ нашего прибытія въ Царское Село, я выдержала самое смѣшное нападеніе со стороны фаворита Ланского; стоитъ разсказать о немъ. Князю Барятинскому, главному гофмейстеру, было приказано послать въ академическую газету описаніе нашего путешествія, со всѣми его подробностями. Когда онъ сказалъ мнѣ объ этомъ, я напомнила ему, что Академіи давно уже велѣно мной немедленно печатать все, что ни будетъ прислано за его подписью; и потому путешествіе государыни не иначе помѣстится въ газетѣ, какъ за скрѣпой его или маршала Орлова. Въ этихъ объявленіяхъ я запретила измѣнять до послѣдней буквы.

Ланской жаловался, что газета, сообщая путешествія императрицы, ея стоянки и обѣды, ни о комъ не упомянула, кромѣ меня.

— Я должна отослать васъ за объясненіемъ, — сказала я, — къ князю Барятинскому; эта публикація не мной была составлена отъ него же вы узнаете, что съ тѣхъ поръ, какъ я управляю Академіей, въ газетѣ не было отпечатано ни одной придворной новости, безъ особеннаго распоряженія и собственной подписи его или Орлова.

— И все-таки,—возразилъ онъ,—вы однѣ стоите въ объявленіи съ императрицей.

— Я же сказала вамъ, что вы должны жаловаться на это князю Барятинскому. Что же касается до меня, я не занимаюсь и не читаю этихъ статей!

Наперсникъ Екатерины продолжалъ твердить одно и то же, пока не наскучилъ мнѣ своей нелѣпостью.

— Кажется, вы въ состояніи, милостивый государь, понять,— заключила я, — что какъ ни велика честь обѣдать съ государыней, — что я умѣю цѣнить,—но эта честь нисколько не новая и не обычайная для меня; я пользовалась ею отъ колыбели. Послѣдняя императрица Елисавета была моей крестной матерью и не одинъ разъ въ недѣлю заглядывала въ нашъ домъ. Я часто обѣдала на ея колѣняхъ и когда была побольше, садилась за однимъ столомъ съ ней. Послѣ того съ какой стати я буду гоняться за этой почестью на листахъ газеты, когда я, и по рожденію и по привычкѣ, давно знакома съ ней.

Кажется, на этомъ долженъ былъ прекратиться разговоръ; но нѣтъ; Ланской опять обратился къ своей жалобѣ. Видя, что зала, въ которой мы спорили, начала наполняться народомъ.

— Остановитесь,—сказала я ему такъ громко, чтобъ слышали другіе,—есть личности, которыхъ благородная жизнь стремится къ одному общественному благу, и за всѣмъ тѣмъ, онѣ не всегда пользуются блистательнымъ счастьемъ и довѣріемъ; но, по крайней мѣрѣ, онѣ имѣютъ право на пощаду со стороны нахаловъ, на спокойное и спра-

ведливое продолженіе своего поприща, которое даетъ имъ болѣе прочное положеніе, чѣмъ тѣмъ случайнымъ метеорамъ, которые сверкнутъ и потомъ исчезнутъ въ ничтожествѣ.

Въ то самое время вошла императрица и избавила меня отъ этой безсмысленной претензіи.

Мои слова были въ нѣкоторомъ смыслѣ предсказаніемъ; менѣе чѣмъ черезъ годъ Ланской умеръ.

На слѣдующее утро мистрисъ Гамильтонъ навѣстила меня изъ Ирландіи, и я чрезвычайно была обрадована свиданіемъ съ своимъ любезнымъ другомъ. Она была представлена императрицѣ, которая съ особеннымъ благоволеніемъ приняла ее въ Царскомъ Селѣ, куда иностранцы рѣдко допускались.

Я испросила отпускъ на три мѣсяца, чтобъ проводить Гамильтонъ въ Москву. Показавъ ей любопытные предметы маститой столицы, я повезла ее въ свое любимое помѣстье Троицкое, гдѣ я хотѣла бы жить и умереть; къ крайнему моему удовольствію Гамильтонъ осталась довольна этимъ очаровательнымъ мѣстомъ и хотя она, какъ англичанка, привыкла къ превосходнымъ паркамъ и садамъ своего отечества, не менѣе того она удивилась и хвалила мои собственные, которые я сама развела, гдѣ каждое дерево, каждый кустъ былъ посаженъ на моихъ глазахъ.

Я задала своей гостьѣ сельскій праздникъ, который восхитилъ ее. Въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Троицкаго была выстроена на моей землѣ новая деревня; по этому случаю я собрала всѣхъ крестьянъ, принадлежавшихъ этой деревнѣ, приказала одѣть имъ праздничное платье, съ разными украшеніями, обыкновенными въ нашихъ русскихъ костюмахъ. Погода была великолѣпная, и я заставила ихъ плясать на лугу и пѣть наши народныя пѣсни.

Такой праздникъ былъ совершенно новымъ явленіемъ для Гамильтонъ; она очарована была чисто національной сценой, красотой нарядовъ и живописнымъ положеніемъ группъ, веселившихся передъ ней.

Чтобъ вполнѣ довершить нашу народную пирушку, насъ угощали русскими яствами и напитками. Все это вмѣстѣ произвело такое пріятное впечатлѣніе на Гамильтонъ, что нашъ маленькій деревенскій праздникъ понравился ей больше, чѣмъ самые роскошные придворные балы.

Когда мои добрые мужики начали пить за мое здоровье, я представила моего друга и просила выпить и за его здоровье, сказавъ имъ при этомъ, что наша новая деревня будетъ называться „Гамильтонъ", затѣмъ я пожелала имъ всякаго счастья на новосельѣ. Наконецъ поднесла имъ хлѣбъ и соль по старому обычаю, строго соблюдаемому по всей Россіи и означающему, что въ этихъ первыхъ

предметахъ нашей жизни никогда не будетъ недостатка въ ихъ новомъ жилищѣ. Крестьяне разошлись такъ весело, такъ любо, что еще доселѣ жители „Гамильтона“ не забыли этого дня. Мой другъ принималъ жаркое участіе въ судьбѣ этого села; онъ нѣсколько разъ посѣщалъ его крестьянъ и часто справлялся о ихъ житьѣ-бытьѣ, до послѣднихъ дней своей жизни.

Изъ Троицкаго мы отправились въ Круглово, близъ Могилева, подаренное мнѣ императрицей; и такимъ образомъ Гамильтонъ имѣла случай видѣть большую часть Московской, Калужской, Смоленской и Могилевской губерній.

Мы возвратились въ Петербургъ не раньше, какъ подъ конецъ осени, когда въ Академіи наукъ обыкновенно читались тѣ сочиненія, которыя въ предыдущемъ году были присланы разными учеными для соисканія академическихъ премій, раздаваемыхъ согласно правиламъ программы черезъ годъ.

У меня вовсе не было охоты выставляться напоказъ въ нашихъ ученыхъ конференціяхъ, тѣмъ не менѣе, во время публичныхъ засѣданій, при всемъ томъ, по настоянію Гамильтонъ, желавшей видѣть меня на каѳедрѣ, какъ директора, я согласилась взойти. Въ назначенный день для раздачи призовъ и публичнаго засѣданія, о чемъ было объявлено въ газетахъ, въ Академію собралось множество народа, и въ числѣ посѣтителей были даже посланники и ихъ жены, въ качествѣ зрителей и слушателей. Я взошла на каѳедру и произнесла рѣчь самую лаконическую. Несмотря на то, что я говорила не болѣе пяти-шести минутъ, но мое волненіе, столь обыкновенное при этихъ случаяхъ, было такъ велико, что я принуждена была тушить въ себѣ чувство стыда стаканомъ холодной воды.

Я рада была окончанію засѣданія и съ тѣхъ поръ никогда больше не являлась на каѳедрѣ.

Около того времени мы услышали о смерти отца Щербинина. Ложный другъ моей дочери, умирая, совѣтывалъ ей искать соединенія съ своимъ мужемъ, съ которымъ она давно уже разлучилась, и я увѣрена, что этотъ совѣтъ клонился къ тому, чтобъ, удаливъ ее отъ моего вліянія, легче отобрать у нея денежные и брилліантовые подарки. Когда я узнала, что Щербинина получила письмо такого содержанія, я не хотѣла вмѣшиваться съ своимъ материнскимъ авторитетомъ въ дѣло моей дочери, но употребила всѣ усилія, внушаемыя дружескимъ и нѣжнымъ сочувствіемъ, чтобъ доказать ей все лицемѣріе этого совѣта. Слезы, безполезныя наставленія и глубокая скорбь разстроили мое здоровье. Въ самомъ дѣлѣ я предвидѣла все, что впослѣдствіи случилось; кромѣ того мнѣ хорошо была извѣстна расточительность своей дочери; уже по этому одному нельзя было

не опасаться за дурныя послѣдствія ея новаго шага. Правда, она обѣщала оставить Петербургъ и жить или съ родственниками своего мужа, или въ своемъ имѣніи.

Я не могу вспомнить безъ величайшаго огорченія о нѣкоторыхъ событіяхъ этого дѣла, и потому должна умолчать о нихъ. Довольно сказать, что я заболѣла, такъ что моя сестра и Гамильтонъ серьезно опасались за мою жизнь. Этотъ ударъ такъ сильно поразилъ мою нервную систему, что когда я въ состояніи была прогуливаться и посѣщать дачу, воспоминаніе столь знакомыхъ мнѣ предметовъ почти совершенно исчезло изъ памяти; моя душа оживала подъ вліяніемъ одной тоски и безутѣшнаго раздумья о будущихъ столь же грустныхъ обстоятельствахъ.

Однажды я отправилась съ сестрой и своимъ другомъ гулять; мы подъѣхали къ дачѣ и вылѣзли изъ экипажа въ лѣсу, примыкавшемъ къ моему имѣнію. Случилось такъ, что на этой сторонѣ я еще не построила никакого зданія; два простыхъ столба съ перекладиной служили воротами, пропускавшими на мою землю. Карета проѣхала впереди; я вошла въ ворота по слѣдамъ Полянской и Гамильтонъ, и вдругъ тяжелое бревно, сорвавшееся сверху, упало мнѣ на голову.

На крикъ моихъ спутницъ сбѣжались дѣвушки, собиравшія грибы неподалеку въ лѣсу. Я упала на землю и, совѣтуя успокоиться своимъ друзьямъ, сняла ночной колпакъ и шляпу, которая, вѣроятно, спасла мнѣ жизнь, и просила осмотрѣть мнѣ рану, такъ какъ я чувствовала боль отъ ушиба. На головѣ, однакожъ, не было никакого внѣшняго признака; за всѣмъ тѣмъ Гамильтонъ предложила скорѣе сѣсть въ карету и возвратиться въ городъ для немедленнаго совѣта съ докторомъ Роджерсономъ. Я, впрочемъ, хотѣла немного походить, чтобъ имѣть лучшее кругообращеніе крови и отлить ее къ ногамъ. Когда мы пріѣхали домой, явился докторъ и съ болѣе чѣмъ обезпокоеннымъ видомъ спросилъ меня, чувствовала ли я какіе-нибудь болѣзненные припадки. Я отвѣчала съ улыбкой, что чувствовала, но совѣтовала ему не бояться за меня, потому что есть демонъ, хранящій и заставляющій тянуть жизнь наперекоръ мнѣ самой.

Ушибъ не оставилъ никакихъ серьезныхъ послѣдствій. Не отъ физическихъ болей и страданій мнѣ суждено было умереть; другіе нравственные удары сильнѣе поражали меня.

Здоровье мое мало-по-малу поправлялось; но отъѣздъ Гамильтонъ въ слѣдующее лѣто 1785 года снова навѣялъ на меня уныніе, разсѣеваемое только съ помощью постоянной дѣятельности по управленію двумя академіями и надзора за постройками, начатыми на моей дачѣ. Я иногда работала вмѣстѣ съ каменщиками, помогая имъ собственной рукой выводить стѣны.

Зимой на короткое время пріѣхалъ въ Петербургъ князь Дашковъ вмѣстѣ съ Потемкинымъ. Нелѣпый слухъ, что мой сынъ избирается фаворитомъ Екатерины, снова сталъ носиться. Однажды Самойловъ, племянникъ князя Потемкина, зашелъ ко мнѣ спросить дома ли Дашковъ. Не заставъ его, онъ прошелъ въ мои комнаты и послѣ понятной прелюдіи сказалъ мнѣ, что дядя его желаетъ видѣть у себя моего сына немедленно послѣ обѣда.

— Все, что вы сказали мнѣ, — отвѣчала я, — не должно бы касаться моего слуха. Можетъ быть вамъ поручено говорить съ княземъ Дашковымъ; что же до меня, при всей моей любви и преданности Екатеринѣ, я слишкомъ уважаю себя, чтобъ принимать участіе въ подобномъ дѣлѣ; и если желаніе ваше исполнится, я въ одномъ случаѣ воспользуюсь вліяніемъ моего сына — это взять заграничный паспортъ и уѣхать изъ Россіи на нѣсколько лѣтъ.

Между тѣмъ отпускъ Дашкова кончился, и онъ возвратился въ свой полкъ: съ отъѣздомъ его мое безпокойство уменьшилось; я видѣла сына внѣ опасности.

XXII.

Въ эту зиму я много перенесла домашнихъ невзгодъ, которыя обыкновенно потрясали мое здоровье. Весной я получила позволеніе оставить городъ на два мѣсяца и въ это время посѣтила Троицкое, заѣхала въ Круглово; хотя я пробыла здѣсь не болѣе недѣли, но замѣтила, что мое помѣстье во многомъ было улучшено. Крестьяне находились въ менѣе жалкомъ и апатичномъ состояніи; лошади и скотъ вдвое увеличились у нихъ противъ прежняго и они сами видѣли, что сдѣлались гораздо счастливѣе, чѣмъ прежде, подъ управленіемъ польскаго или русскаго правительства.

Дѣятельность въ кругу двухъ Академій служила развлеченіемъ моихъ мыслей, озабоченныхъ глубоко-скорбными впечатлѣніями со стороны другихъ обстоятельствъ.

Около этого времени вспыхнула война со Швеціей; продолженіе ея ярко разоблачило мощный характеръ и душевныя качества Екатерины, столь справедливо признанныя за ней историками ея царствованія.

Во время этой войны случилось со мной происшествіе, не лишенное интереса. Я ужъ говорила о своемъ знакомствѣ съ герцогомъ Судерманландскимъ, братомъ шведскаго короля. Этотъ принцъ командовалъ флотомъ; вскорѣ послѣ открытія враждебныхъ дѣйствій, онъ прислалъ парламентера въ Кронштадтъ, съ письмомъ къ адми-

ралу Грейгу, прося его принять и передать мнѣ небольшой ящикъ съ письмомъ на мое имя. Адмиралъ, какъ иностранецъ и мой искренній другъ, вдвойнѣ считалъ себя обязаннымъ поступить въ этомъ случаѣ съ величайшей осторожностью; онъ отправилъ посылку прямо въ Государственный Совѣтъ. Императрица, почти каждый разъ засѣдавшая въ этомъ Совѣтѣ, приказала отослать этотъ пакетъ ко мнѣ, не распечатывая ни письма, ни ящика. Я жила въ ту пору на дачѣ и не безъ удивленія услышала о приходѣ посла изъ Совѣта. Ящикъ и письмо были поданы: въ первомъ заключалась посылка доктора Франклина, второе было очень вѣжливымъ извѣщеніемъ со стороны герцога Судерманландскаго о томъ, какъ моя собственность, вмѣстѣ съ плѣннымъ кораблемъ, перешла въ его руки. Не измѣнивъ нисколько чувству уваженія, прибавилъ онъ, которое вы внушили мнѣ послѣ перваго нашего знакомства на водахъ въ Спа, я не думалъ, чтобъ война, такъ неестественно поссорившая двухъ государей, почти кровныхъ родственниковъ, могла нарушить частную дружбу; поэтому и поспѣшилъ отправить посылку въ собственныя ваши руки.

Отпустивъ подателя, я сказала ему, что немедленно сама явлюсь во дворецъ и донесу государынѣ о свойствѣ принятыхъ депешъ. Согласно съ тѣмъ, я отправилась въ городъ, или, лучше, прямо во дворецъ. Войдя въ гардеробную императрицы, я просила дежурнаго лакея доложить Екатеринѣ и, если она не занята, дозволить мнѣ видѣть ее и показать нѣкоторыя бумаги, полученныя мной утромъ. Императрица приняла меня въ спальнѣ, гдѣ она работала за письменнымъ столомъ. Передавъ въ ея руки письмо герцога Судерманландскаго, „а другія бумаги, сказала я, отъ доктора Франклина и отъ секретаря философскаго Общества Филадельфіи, въ которое я принята, вовсе не по заслугамъ, однимъ изъ членовъ“.

Когда императрица прочитала письмо шведскаго принца, я спросила ее о дальнѣйшихъ приказаніяхъ: „не отвѣчайте, пожалуйста, на него и прекратите эту переписку“.

— Эта корреспонденція, отвѣчала я,—ограничивается единственно этимъ письмомъ, которое я получила отъ него въ продолженіе двѣнадцати лѣтъ, и хотя оставить это письмо безъ отвѣта и не совсѣмъ прилично съ моей стороны, но я готова, какъ и теперь, такъ и всегда безпрекословно повиноваться вашей волѣ. Съ тѣмъ вмѣстѣ, позвольте мнѣ напомнить вамъ о томъ портретѣ, въ которомъ я нѣкогда обрисовала этого герцога, и вы, конечно, согласитесь, что онъ оказалъ мнѣ эту честь не ради „моихъ прекрасныхъ глазъ“ (pour mes beaux yeux), и едва-ли не для того, чтобъ открыть этимъ путемъ договоръ о его личныхъ интересахъ, совершенно противоположныхъ его королю-брату.

Но императрица не хотѣла слышать о продолженіи этой переписки; черезъ нѣсколько же мѣсяцевъ мое заключеніе о характерѣ и намѣреніяхъ принца совершенно оправдалось.

Прощаясь съ государыней, я получила отъ нея приглашеніе провести этотъ вечеръ и посмотрѣть новую пьесу, которую представляли въ Эрмитажѣ.

Я явилась пораньше и, проходя залой, гдѣ собрались мужчины, была встрѣчена Ребендеромъ, царскимъ конюшимъ, добрымъ и честнымъ человѣкомъ, въ полномъ значеніи этого слова. Онъ подошелъ ко мнѣ поздороваться и замѣтилъ, что онъ догадывается о причинѣ моего настоящаго посѣщенія.

— Очень вѣроятно, сказала я,—за всѣмъ тѣмъ мнѣ было бы пріятно знать отъ васъ самихъ, что именно вы думаете объ этомъ.

— Я получилъ письмо изъ Кіева и узналъ изъ него, что свадьба вашего сына уже совершилась во время стоянки его полка, проходившаго черезъ этотъ городъ.

Легко сказать, какъ озадачила меня эта непредвидѣнная новость. Я думала, что провалюсь сквозь землю, но у меня однако жъ еще достало силъ спросить объ имени жены Дашкова. Это Алтерова, отвѣчалъ Ребендеръ, и, замѣтивъ измѣненіе на моемъ лицѣ, мой бѣдный другъ вообразилъ, что я вдругъ заболѣла, не подозрѣвая того, какъ глубоко потрясли меня слова его.

— Ради Бога!—закричала я,—стаканъ воды.

Онъ бросился за водой, и я въ нѣсколько минутъ достаточно оправилась и сказала ему истинный поводъ моего сегодняшняго визита во дворецъ, и что я въ первый разъ отъ него услышала о женитьбѣ моего сына, во всякомъ случаѣ, мало предвѣщающей добра.

Ребендеръ необычайно смѣшался, будучи невольнымъ вѣстникомъ такого грустнаго извѣстія; но я просила его позабыть объ этомъ и помочь мнѣ провести вечеръ въ присутствіи императрицы. Большихъ усилій мнѣ стоило скрыть мои настоящія чувства.

Мое волненіе было слишкомъ явнымъ, чтобъ могло ускользнуть отъ наблюденія окружающей придворной толпы, которая очень охотно выдала бы меня за государственнаго преступника, пойманнаго въ измѣнѣ, еслибъ государыня не обращалась ко мнѣ часто съ своей рѣчью; примѣтивъ мой задумчивый и весьма разсѣянный видъ, она старалась развеселить меня своими собственными шутками, которыми она мастерски владѣла.

Я отказалась отъ ужина съ императрицей и спѣшила уѣхать домой. Рана, нанесенная материнскому сердцу, была слишкомъ глубока и неизлѣчима. Нѣсколько дней я могла только плакать, затѣмъ началась нервная лихорадка. Я сравнила поведеніе моего мужа относительно

меня съ женитьбой моего сына, и тѣмъ болѣе сокрушалась, что, кажется, за всѣ мои пожертвованія въ пользу дѣтей, за неусыпныя заботы о воспитаніи сына, я, по крайней мѣрѣ, заслуживала отъ него уваженія, которымъ отецъ его почтилъ въ подобномъ случаѣ свою мать.

Такъ прошли два мѣсяца, и, наконецъ, я получила письмо отъ князя Дашкова; когда уже всѣ сплетники Петербурга давно знали о его свадьбѣ, онъ просилъ у меня позволенія на нее. Я между тѣмъ успѣла собрать достаточно свѣдѣній относительно его молодой жены и семейства ея, и тѣмъ больше отчаялась въ его выборѣ. Признаюсь, уронить меня ниже въ общественномъ мнѣніи никто не могъ, и одна мысль о насмѣшкѣ надъ моимъ участіемъ въ этомъ бракѣ лишала меня чувствъ.

Письмо его сопровождалось примирительной запиской со стороны маршала Румянцева, въ которой его сіятельство растространился о предразсудкахъ рожденія, непостоянствѣ и шаткости богатства и очень нелѣпо (чтобъ не сказать хуже этого, потому что мое знакомство съ нимъ отнюдь не давало ему права на такое вмѣшательство) вздумалъ совѣтовать мнѣ въ самую критическую минуту въ дѣлѣ между сыномъ и матерью.

Я отвѣчала ему довольно вѣжливо, но саркастически сказала, что между многими глупостями, наполняющими мою голову, я никогда не думала съ энтузіазмомъ о привилегіяхъ высокаго рода; и еслибъ обладала хоть нѣкоторой долей краснорѣчія, такъ щедро расточаемымъ его превосходительствомъ, я всегда отдала бы полное преимущество благовоспитанности и, какъ непремѣнному его послѣдствію, доброму характеру передъ всѣми блестящими, но хрупкими предметами моего честолюбія.

Сыну я отвѣтила въ немногихъ словахъ. „Когда вашъ отецъ,— писала я,—намѣренъ былъ жениться на графинѣ Катеринѣ Воронцовой", онъ полетѣлъ на почтовыхъ въ Москву, чтобъ испросить согласія у своей матери. Вы уже обвѣнчаны; мнѣ это извѣстно давно; я знаю также и то, что моя свекровь не болѣе меня заслуживала имѣть друга въ своемъ сынѣ".

Томительная тоска продолжала томить меня; я совершенно потеряла аппетитъ и, видимо, угасала. Среди домашняго одиночества, я считала себя одинокой въ цѣломъ мірѣ, потерявъ утѣшеніе тѣхъ, чья любовь была единственной путевой звѣздой на пути моихъ прежнихъ невзгодъ.

Къ зимѣ, почувствовавъ себя лучше въ физическомъ отношеніи, я обратилась опять къ своей академической дѣятельности; продолжала заниматься словаремъ, предприняла новый трудъ, который Академія

присудила исключительно моимъ заслугамъ, т. е. точное опредѣленіе всѣхъ словъ, относящихся къ политикѣ, правленію и нравственности.

Эта послѣдняя работа, для меня вовсе не легкая, много потребовала вниманія и каждый день служила мнѣ громоотводомъ печальныхъ думъ, осаждавшихъ меня. Я навсегда разсталась съ свѣтомъ, исключая моихъ свиданій съ императрицей одинъ разъ въ недѣлю, въ самомъ небольшомъ и близкомъ ея кругу.

Весной я удалилась на дачу моего отца, отстоявшую отъ города дальше, чѣмъ моя собственная; здѣсь мое уединеніе никѣмъ не нарушалось; являлись немногіе, но и тѣмъ отказывали. Все лѣто я провела въ такомъ мучительномъ нравственномъ состояніи, что, если устояла противъ замысловъ отчаянія, то обязана тѣмъ милости Провидѣнія. Покинутая дѣтьми, я считала свою жизнь бременемъ и пламенно желала сбросить его, еслибъ только явилась на помощь посторонняя рука, способная избавить меня отъ безнадежнаго существованія. Это нравственное настроеніе продолжалось или лучше возросло на слѣдующій годъ, когда я получила позволеніе осмотрѣть мои помѣстья подъ Москвой и въ Бѣлоруссіи... [1]).

Прошедшее, настоящее и будущее одинаково отуманились передо мной и не представляли ни одной свѣтлой точки, на которой бы могла остановиться мысль. Самыя страшныя видѣнія фантазіи овладѣвали мною. Я съ трепетомъ припоминаю, что въ числѣ моихъ думъ была мечта о самоубійствѣ и еслибъ не освѣжала моей души религія, эта послѣдняя опора человѣческаго несчастья, послѣднее убѣжище для души, томимой отчаяніемъ, я не могла поручиться за то, чѣмъ окончилась бы моя агонія. Въ одномъ увѣрена, что ни убѣжденіе противъ нелѣпаго акта самоуничтоженія, ни сила разсудка не могли спасти меня: я слишкомъ страдала, чтобъ слушаться разума, гордости или другого человѣческаго побужденія. Я искала, отъ всей души искала смерти, но не хотѣла подвергаться ей добровольно, отъ своей собственной руки. Одна религія могла спасти меня.

XXIII.

Въ эту зиму я менѣе, чѣмъ обыкновенно, страдала ревматизмомъ, развитію котораго содѣйствовало болотистое мѣстоположеніе моей

[1]) Примѣчаніе издат. Брадфордъ. Здѣсь опускаются двѣ или три страницы изъ рукописи Дашковой; онѣ разсказываютъ о нѣкоторыхъ обстоятельствахъ, глубоко и тяжело печалившихъ ее; но такъ какъ эти обстоятельства относятся къ ея частной, домашней жизни и при томъ въ нихъ замѣшиваются еще живыя личности, то издатель счелъ нужнымъ опустить ихъ.

дачи. Я была въ состоянiи предпринимать прогулки въ каретѣ и, по-прежнему, два раза въ недѣлю обѣдала съ императрицей.

Слѣдующiй разсказъ остался въ моей памяти отъ нашихъ разговоровъ за однимъ изъ этихъ обѣдовъ. Графъ Брюсъ, дежурный генералъ-адъютантъ, толкуя о храбрости, удивлялся отвагѣ солдатъ, которые въ его виду всходили на стѣны одного города, подъ самымъ жаркимъ огнемъ. „Ничего нѣтъ удивительнаго,—сказала я,— самый отчаянный дуракъ можетъ на минуту быть храбрецомъ и пуститься въ атаку, зная, что она скоро кончится. При томъ, извините меня, графъ, не въ этомъ состоитъ истинная военная храбрость; настоящее геройство заключается въ полномъ самоотверженiи и сознанiи всѣхъ опасностей и трудовъ, въ готовности встрѣтить и рѣшимости одолѣть ихъ. Если бъ стали пилить какой-нибудь членъ вашего тѣла острымъ деревяннымъ ножемъ и вы вынесли бы боль терпѣливо, я сочла бы васъ болѣе мужественнымъ, чѣмъ того воина, который неподвижно простоитъ нѣсколько часовъ передъ непрiятелемъ.

Императрица поняла меня; но графъ повелъ доказательство, не совсѣмъ ясное, и указалъ на самоубiйство, какъ образецъ храбрости. Въ продолженiе дальнѣйшаго разговора, когда я опровергала мнѣнiе Брюса, съ особеннымъ одушевленiемъ, можетъ быть вслѣдствiе близкаго настроенiя моей собственной души, императрица ни на одну минуту не свела глазъ съ меня.

Когда я окончила свой разсказъ, далеко не исчерпанный, обратилась къ императрицѣ и съ улыбкой увѣрила ее, что никогда и ничто не заставитъ меня ни искать, ни замедлять моей смерти. Наперекоръ софизмамъ Ж.-Ж. Руссо, идеала моей юности, я всегда буду того мнѣнiя, что страдать гораздо достойнѣе истиннаго мужества, чѣмъ искать ненормальнаго облегченiя отъ страданiй.

Императрица спросила, въ чемъ же состоитъ этотъ софизмъ Руссо и гдѣ я его вычитала?

— Въ Новой Элоизѣ, отвѣчала я,—онъ утверждаетъ, что не надобно бояться смерти, потому что, пока мы живемъ, смерти быть не можетъ, а когда умираемъ,—насъ больше нѣтъ.

— Онъ очень опасный писатель, прибавила государыня;— его слогъ кружитъ и сбиваетъ съ толку головы молодыхъ людей.

— Я никогда не могла добиться свиданiя съ нимъ, бывши въ Парижѣ въ одно время съ нимъ. Онъ прикрывался вѣчнымъ инкогнито, между тѣмъ его пожирала жажда славы и, наполняя мiръ толками о своей личности, онъ показалъ шарлатанскую скромность, дѣйствительно невыносимую. Его произведенiя, какъ вы замѣтили, безъ сомнѣнiя, опасны, потому что незрѣлые умы легко увлекаются софизмами его, принимая ихъ за силлогизмы.

Съ этого дня императрица не пропускала ни одного случая, чтобъ дать новое направленіе моимъ мыслямъ; и я, разумѣется, не была равнодушна къ такой добротѣ.

Однажды утромъ мы были наединѣ; Екатерина попросила меня написать маленькую драму на русскомъ языкѣ для эрмитажнаго театра. Напрасно я увѣряла, что у меня нѣтъ и тѣни таланта для такого сочиненія. Государыня настаивала и призналась мнѣ, что подобное занятіе, какъ она убѣдилась по собственному опыту, заинтересуетъ и развлечетъ меня.

Наконецъ, я принуждена была согласиться, съ однимъ, однакожъ, условіемъ, что императрица просмотритъ первые два акта и поправитъ ихъ, или просто велитъ бросить въ огонь.

Такимъ образомъ договорившись, я принялась за работу въ тотъ же вечеръ. На слѣдующій день я кончила первыя два дѣйствія и отвезла ихъ императрицѣ. Пьеса была названа именемъ главнаго лица Н..., думая, что это названіе, выражавшее дѣйствующій характеръ, никого не оскорбитъ, тѣмъ больше, что мой герой былъ самымъ общимъ мѣстомъ, то есть, человѣкъ вовсе безъ характера; такими-то безцвѣтными существами и наполнено наше петербургское общество.

Императрица отвела меня въ свой кабинетъ и заставила тутъ же прочитать, что было слишкомъ почетно для моего сочиненія. Надъ многими сценами она хохотала и, по снисхожденію или по особенному расположенію ко мнѣ, произнесла самый лестный отзывъ о моемъ опытѣ. Я обрисовала планъ третьяго акта, въ которомъ готовилась развязка драмы. На это она возразила и настаивала на пяти актахъ. По моему мнѣнію, такая пьеса казалась слишкомъ растянутой и, не говоря о моей усталости, она ослабила бы интересъ дѣйствія. За всѣмъ тѣмъ, я послушалась и окончила ее возможно скоро; потомъ два дня употребила на четкую переписку и отдала ее императрицѣ. Вскорѣ за тѣмъ, ее сыграли въ Эрмитажѣ и было приказано отпечатать.

Въ началѣ слѣдующаго года, я испросила у государыни позволеніе уволить моего сына въ отпускъ на три мѣсяца, для путешествія въ Варшаву, гдѣ онъ долженъ былъ расплатиться съ долгами своей сестры и проводить ее на родину. По этому случаю я отдала всѣ свои деньги и шесть мѣсяцевъ жила долгами, пока не собрала своихъ доходовъ.

Сынъ мой съѣздилъ, исполнилъ порученіе и перевезъ сестру въ Кіевъ, гдѣ онъ квартировалъ. Изъ Кіева я узнала о всѣхъ этихъ подробностяхъ. Казалось, цѣлые годы я не получала отъ дѣтей ни одной строчки, и такъ какъ никто и ничто не замѣнило ихъ мѣсто

въ моемъ сердцѣ, то легко представить, какъ было тяжело для меня это отчужденіе.

Братъ мой Александръ имѣлъ у себя на службѣ, въ коммерческомъ департаментѣ и таможнѣ, молодаго человѣка, Радищева, получившаго образованіе въ Лейпцигѣ и особенно уважаемаго Воронцовымъ. Однажды въ русской Академіи явился памфлетъ, гдѣ я была выставлена, какъ доказательство, что у насъ есть писатели, но они плохо знаютъ свой родной языкъ; этотъ памфлетъ былъ написанъ Радищевымъ. Въ немъ заключалась біографія и панегирикъ Ушакову, товарищу автора по Лейпцигскому университету. Въ тотъ же вечеръ я сказала объ этомъ сочиненіи своему брату, который немедленно послалъ въ книжную лавку за памфлетомъ. По моему мнѣнію, Радищевъ обнаружилъ въ своей брошюрѣ притязаніе на авторство, но въ ней не было ни слога, ни идеи, за исключеніемъ кой-какихъ намековъ, которые въ эту пору могли показаться опасными. Спустя нѣсколько дней, мой братъ замѣтилъ мнѣ, что я слишкомъ строго осудила Радищева; прочитавъ его, онъ находитъ, что авторъ слишкомъ превознесъ своего героя, ничего замѣчательнаго не сдѣлавшаго и не сказавшаго во всю свою жизнь, за всѣмъ тѣмъ, нельзя обвинить книгу ни въ чемъ дурномъ.

— Можетъ быть, дѣйствительно,—сказала я,—мой судъ слишкомъ строгъ; но такъ какъ вы любите автора, то я должна вамъ сказать, что особенно озадачило меня при чтеніи его произведенія: если человѣкъ жилъ только для того, чтобъ ѣсть, пить и спать, онъ могъ найти себѣ панегириста только въ писателѣ, готовомъ сочинять все, очертя голову; и эта авторская манія, вѣроятно, со временемъ подстрекнетъ вашего любимца написать что-нибудь очень предосудительное.

Такъ это и случилось. Въ слѣдующее лѣто, когда я жила въ Троицкомъ, братъ извѣстилъ меня письмомъ, что мое предсказаніе относительно Радищева вполнѣ оправдалось: онъ написалъ сочиненіе такого свойства, что его приняли за набатъ къ революціи; вслѣдствіе чего онъ былъ арестованъ и сосланъ въ Сибирь.

Нисколько не радуясь исполненію своего зловѣщаго предсказанія, я искренно сожалѣла о судьбѣ Радищева, особенно потому, что братъ принималъ живое участіе въ положеніи этого молодаго человѣка, и, слѣдовательно, былъ глубоко огорченъ неосторожностью и гибелью его. Въ то же время я предвидѣла, что настоящій фаворитъ постарается при этомъ удобномъ случаѣ обвинить покровителя на счетъ покровительствуемаго.

Попытка была сдѣлана ловко, но не достигла своей послѣдней цѣли: умъ Екатерины еще не совсѣмъ покорился господствовавшей надъ ней партіи.

За всѣмъ тѣмъ мой братъ впалъ въ немилость и, подъ вліяніемъ интригъ генералъ-прокурора, работавшаго за-одно съ его врагами, сталъ въ такое непріятное отношеніе ко двору, что, подъ предлогомъ нездоровья и необходимой перемѣны воздуха, испросилъ увольненія на годъ. Отпускъ былъ данъ. Когда онъ оставилъ Петербургъ, я чувствовала себя совершенно одинокой въ обществѣ людей, съ каждымъ днемъ все больше и больше ненавистныхъ для меня. Впрочемъ, я надѣялась на его возвращеніе по прошествіи означеннаго срока; но и въ этомъ ошиблась: прежде чѣмъ кончился годъ, онъ просилъ и получилъ полную отставку. Это было въ 1794 году; такъ онъ заключилъ свою общественную карьеру, честную и полезную для его отечества.

Черезъ полтора года послѣ его увольненія, вдова одного изъ нашихъ знаменитыхъ трагиковъ (Княжнина) просила меня напечатать, въ пользу ея дѣтей, послѣднюю трагедію мужа, еще не изданную въ свѣтъ. Эта просьба была представлена мнѣ однимъ изъ совѣтниковъ академической канцеляріи (Козодавлевымъ); я сказала ему, что съ моей стороны не будетъ никакого препятствія, если онъ просмотритъ пьесу и завѣритъ меня, что въ ней нѣтъ ничего противнаго нашимъ законамъ и религіи, и тѣмъ охотнѣе я поручила ему эту рецензію, что онъ былъ совершенный знатокъ отечественнаго языка и очень строгій судья въ цензурномъ отношеніи.

Козодавлевъ доложилъ мнѣ, что трагедія основана на историческомъ фактѣ, происходившемъ въ Новгородѣ, что въ ней нѣтъ ничего предосудительнаго ни по мыслямъ, ни по языку, и что развязкой пьесы служитъ торжество монарха надъ покореннымъ Новгородомъ и бунтомъ.

На основаніи этого доклада, я приказала напечатать трагедію (Вадимъ), облегчивъ расходы бѣдной вдовы, сколько возможно больше. Нельзя не изумляться, какимъ образомъ эта ничтожная вещь могла поднять такую нелѣпую суматоху при дворѣ.

Графъ Иванъ Салтыковъ, въ цѣлую жизнь не прочитавшій ни одной книги, по-наслышкѣ отъ кого-нибудь утверждалъ, что трагедія, прочитанная имъ, очень опаснаго содержанія для настоящаго времени, и подъ вліяніемъ этого впечатлѣнія, побѣжалъ къ Зубову, чтобъ сообщить свое ему мнѣніе. Не знаю, читала ли ее Екатерина или Зубовъ, но вскорѣ затѣмъ явился ко мнѣ полицеймейстеръ и очень вѣжливо попросилъ у меня позволенія войти въ книжные магазины, принадлежавшіе Академіи, и, согласно съ приказаніемъ императрицы, отобралъ всѣ экземпляры трагедіи, признанной, по мнѣнію Екатерины, за очень опасное сочиненіе.

Я допустила его, замѣтивъ при томъ, что едва-ли онъ найдетъ

хоть одинъ оттискъ; но такъ какъ пьеса эта помѣщена въ послѣднемъ томѣ „Русскаго театра", издаваемаго въ пользу самой Академіи, то, если угодно, онъ можетъ вырвать ее изъ книги; затѣмъ я прибавила, что очень смѣшно считать опаснымъ это несчастное произведеніе, которое на самомъ дѣлѣ гораздо менѣе враждебно монархической власти, чѣмъ многія французскія трагедіи, представляемыя въ Эрмитажѣ.

Послѣ обѣда никто другой, какъ Самойловъ, генералъ-прокуроръ Сената, пришелъ ко мнѣ съ выговоромъ отъ императрицы за напечатаніе этого труда. Чего хотѣли — оскорбить или напугать меня этой цензурой—я не знаю; но преслѣдователи мои не успѣли ни въ томъ, ни въ другомъ. Я отвѣчала графу Самойлову очень холодно и твердо, выразивъ удивленіе, на какомъ основаніи императрица могла заподозрить меня въ желаніи распространять что-нибудь враждебное ея интересамъ; и когда онъ сообщилъ мнѣ намекъ Екатерины на произведеніе Радищева, съ которымъ она сравнила опасную трагедію Княжнина, я повторила, что лучше сравнили бы ихъ, особенно послѣднюю пьесу, возбудившую съ ихъ стороны столько мести, съ ходячими французскими драмами, представляемыми, какъ на общественныхъ, такъ и частныхъ театрахъ. Относительно либеральнаго ея направленія я просила принять во вниманіе, что она предварительно была отдана на просмотръ одному изъ академическихъ совѣтниковъ, прежде чѣмъ Княжниной было позволено печатать ее въ свою пользу; поэтому я надѣюсь, что мнѣ не будутъ больше говорить объ этомъ.

Въ этотъ же вечеръ я не замедлила навѣстить Екатерину. Когда я вошла въ комнату, на лицѣ ея, видимо, выражалось неудовольствіе. Я подошла къ ней и спросила о здоровьѣ.

— Все хорошо,—отвѣчала она,—но скажите, пожалуйста, что я вамъ сдѣлала, что вы распространяете противъ меня и моей власти такія опасныя правила?

— И неужели вы считаете меня способной на это дѣло? воскликнула я.

— Знаете ли, что я думаю объ этой трагедіи: ее надобно сжечь рукой палача.

Это выраженіе вовсе не было въ характерѣ Екатерины, и потому я съ удовольствіемъ примѣтила, что она говорила языкомъ другаго лица, руководившаго ея мнѣніемъ.

— Но что это значитъ, государыня,—возразила я,—будетъ ли она сожжена палачемъ, либо нѣтъ—не я буду краснѣть за нее. Но ради Бога, прежде, чѣмъ вы рѣшитесь на поступокъ, столь несообразный съ вашимъ характеромъ, позвольте мнѣ прочитать вамъ эту гони-

мую драму; вы увидите, что развязка ея именно въ томъ духѣ, въ какомъ вы и всякій доброжелатель вашей власти желалъ бы ее. Въ то же время прошу васъ вспомнить, что, заступаясь за пьесу, я не авторъ и не заинтересованный издатель ея.

Дальше возражать было нечего, и потому разговоры кончились. Затѣмъ императрица сѣла за карточный столъ, и я послѣдовала ея примѣру.

На другое утро, я пришла съ оффиціальнымъ рапортомъ къ государынѣ и напередъ рѣшилась доложить заурядъ съ другими и потомъ просить уволить меня отъ должности, если она не приметъ меня съ обычнымъ довѣріемъ, не допуститѣ въ свою туалетную бриліантовую комнату [1]) и не станетъ говорить со мной по-прежнему запросто.

Въ сборной залѣ встрѣтилъ меня Самойловъ, только-что вышедшій изъ кабинета государыни; онъ шопотомъ совѣтовалъ мнѣ вести себя хладнокровно, ибо императрица, „кажется, нисколько не гнѣвается противъ васъ“, прибавилъ онъ.

Я отвѣчала обыкновеннымъ тономъ голоса, такъ, чтобъ слышали близъ стоявшіе здѣсь: „Милостивый государь, я не имѣю особеннаго повода горячиться, потому что мнѣ не за что упрекать ни себя, ни другихъ; что же касается государыни, мнѣ остается жалѣть, если она сердится или подозрѣваетъ меня. Впрочемъ, я такъ привыкла къ несправедливости, что, какъ бы она ни была велика, меня трудно удивить“.

Вскорѣ затѣмъ вышла императрица и, давъ поцѣловать свою руку утреннимъ посѣтителямъ, обратилась ко мнѣ и, съ обычной лаской, сказала: „Очень рада видѣть васъ, княгиня; пожалуйста, идите за мной“.

Надѣюсь, что читатели этихъ записокъ повѣрятъ мнѣ и не упрекнутъ меня въ тщеславіи, если я скажу, что это ласковое приглашеніе было пріятно мнѣ не столько за себя, сколько за императрицу, потому что мнѣ было бы больно, въ противномъ случаѣ, оставить Академію и Петербургъ, что отнюдь не относилось бы къ чести Екатерины.

Довольная тѣмъ, что цензурная бездѣлица не разлучила меня съ государыней, я едва вошла въ слѣдующую комнату, какъ, съ жаромъ протянувъ руку, просила Екатерину дать мнѣ поцѣловать свою и забыть прошлое.

---

[1]) Въ этой комнатѣ лежали большая и малая брилліантовыя короны и другія драгоцѣнныя вещи. Здѣсь обыкновенно императрица принимала меня, послѣ того, какъ я входила въ ея уборную комнату, и здѣсь мы оставались наединѣ, безъ всякой церемоніи, въ то время, когда чесали ей волосы.

— Но вѣдь по правдѣ...— сказала императрица.

— Да, да, государыня,—продолжала я, перервавъ ея рѣчь и повторивъ русскую пословицу:—„сѣрая кошка пробѣжала межъ насъ, не зовите ее черной“.

Императрица согласилась, что дѣло не стоило особеннаго вниманія, и, засмѣявшись, обратила разговоръ на другой предметъ. Я осталась обѣдать при дворѣ и замѣтила, что на ея душѣ не осталось ни малѣйшаго слѣда гнѣва. Обѣдъ шелъ очень весело, съ особеннымъ припадкомъ юмора, которымъ я, повидимому, заразила и Екатерину; она отъ всего сердца хохотала при всякой ничтожной шуткѣ, которыя я расточала съ рѣдкой веселостью.

XXIV.

Современная политика носила самый утѣшительный характеръ. Шведская война кончилась. Война съ турками, казалось, обѣщала самые счастливые результаты, чему, нѣтъ сомнѣнія, содѣйствовала храбрость нашихъ солдатъ и искусство нѣкоторыхъ отличныхъ полководцевъ. Мирный договоръ съ Портой былъ близокъ къ развязкѣ, несмотря на интриги и постоянныя сплетни французскаго кабинета, который не успѣлъ убѣдить турокъ нарушить его: у нихъ на долго была отбита охота мѣряться своими силами съ русскимъ войскомъ на полѣ битвы. Мнѣ очень хотѣлось увидѣть моего брата и побывать въ моихъ помѣстьяхъ. Съ этими желаніями соединялась полная рѣшимость сложить съ себя служебныя обязанности и удалиться отъ шума царской столицы. Но я рѣшила разстаться съ Петербургомъ не прежде, какъ раздѣлавшись съ кредиторами моей дочери и уплативъ банковый долгъ въ тридцать двѣ тысячи рублей, взятый мною для покрытія издержекъ по заграничному путешествію.

Съ этой минуты я хотѣла провести остатокъ жизни спокойно и среди уединенныхъ занятій сельскимъ хозяйствомъ; поэтому я задумала продать свой домъ въ Петербургѣ, но не покидать города, пока развяжусь съ денежными обязательствами, столь не совмѣстными съ полнымъ спокойствіемъ и независимостью.

Здѣсь приходится мнѣ напомнить о Щербининѣ. Онъ перевелъ на свою жену очень небольшое состояніе такъ же, какъ на двоюродную сестру Б... Его мать и родныя сестры выхлопотали у Сената право распоряжаться остальнымъ имѣніемъ его и, вѣроятно, не безъ надежды забрать себѣ въ руки подаренныя доли. Надо замѣтить, что люди, лишенные закономъ права управлять своимъ имѣніемъ по не-

способности, передаютъ это право попечителямъ, пользуясь, однакоже, довольно широкимъ правомъ личнаго участія въ этой опекѣ; Щербинину стоило только попросить и исполнить нѣкоторыя формальности, чтобъ возвратить себѣ это право. Но онъ не сдѣлалъ этой попытки, будучи вполнѣ убѣжденъ матерью и сестрой въ томъ, что онѣ однѣ лучше соблюдутъ его интересы.

Когда дѣла Щербинина приняли такой оборотъ, я сочла необходимымъ строго разобрать долги своей дочери, за которые я поручилась, прежде, чѣмъ отпустить ее за границу. Потребовавъ всѣ векселя и росписки, розданные ею, я хотѣла убѣдиться въ ихъ дѣйствительной силѣ и въ удостовѣреніи ихъ собственной ея подписью. Между векселями, представленными мнѣ, находились многіе, подписанные вмѣстѣ мужемъ и женой, сообразно требованію предметовъ, исключительно употребляемыхъ Щербининымъ.

Отвѣчать за всѣ эти обязательства, безъ исключенія, было бы глупо. Поэтому я отнеслась къ опекунамъ имѣнія его, и отъ нихъ-то узнала, что переводъ доли, выдѣленной мужемъ Щербининой, состоялся и признанъ по всѣмъ формамъ закона.

Если бы было какое-нибудь сомнѣніе или затрудненіе относительно этого пункта, то слѣдовало просить Сенатъ, который могъ уничтожить или признать подаренную собственность.

Между тѣмъ я просила ихъ разсмотрѣть векселя, присланные мнѣ, и по совѣсти рѣшить, какіе изъ нихъ должны быть уплачены мной, какіе ими по случаю собственныхъ займовъ Щербинина и, наконецъ, какіе должны быть очищены нами вмѣстѣ.

Вопросъ былъ перенесенъ въ Сенатъ. Я нисколько не искала рѣшенія въ пользу своей дочери и, говоря откровенно, отнюдь не желала его, ибо была убѣждена, что моя дочь была главной участницей въ расточеніи мужнинаго состоянія. Я, однакожъ, замѣтила генералъ-прокурору, отъ котораго зависѣло рѣшеніе этого вопроса, что мнѣ желательно было бы поскорѣй окончить дѣло и, если я выиграю его, то немедленно приму надлежащія мѣры и отправлюсь въ Москву.

Мой домъ уже перешелъ въ чужое владѣніе, и я, пополамъ съ горемъ, обитала въ обширныхъ пустыхъ хоромахъ своего отца, съ самой необходимой прислугой; во всѣхъ другихъ отношеніяхъ я была одна, и, подобно романической героинѣ, казалась осужденной геніемъ зла на вѣчное заключеніе въ этомъ заколдованномъ дворцѣ.

Наконецъ, рѣшеніе Сената состоялось, и я была свободна. Оно было утверждено императрицей и окончилось въ пользу моей дочери. Я уплатила большую часть росписокъ, нѣкоторыя отложила на извѣстный срокъ, поручившись лично за удовлетвореніе ихъ претензій.

Управленіе этимъ имуществомъ моей дочери, теперь переданное мнѣ, вовсе не было выгодно для меня. Напротивъ, оброкъ, возложенный на крестьянъ, былъ такъ не великъ, что ни мало не обременялъ ихъ, но доходовъ его едва доставало на уплату однихъ процентовъ съ тѣхъ суммъ, которыя я признала обязательнымъ долгомъ.

Устроивъ такимъ образомъ денежныя дѣла, я просила письмомъ Екатерину уволить меня отъ академическихъ должностей и позволить, какъ статсъ-дамѣ, отлучиться отъ двора на два года, для поправленія хилаго здоровья и домашнихъ дѣлъ.

Императрица не хотѣла слышать о моей рѣшительной отставкѣ, но отпустила на два года. Напрасно я доказывала, что Академіи не совсѣмъ удобно имѣть отсутствующаго начальника. Государыня настаивала и хотѣла назначить особеннаго депутата, съ тѣмъ, чтобы онъ исполнялъ заочныя мои распоряженія, а я продолжала дѣйствовать въ качествѣ дѣйствительнаго директора и пользовалась всѣми выгодами своего положенія.

Графу Безбородко она выразила сожалѣніе о моемъ удаленіи отъ двора. Я также разставалась не безъ грусти: хотя уже давно утѣшала меня мысль о жизни уединенной и надежда на свиданіе съ моимъ братомъ. За всѣмъ тѣмъ разлука съ Екатериной и, можетъ быть, послѣдняя разлука щемила мое сердце; я любила Екатерину въ то время, когда она могла быть для меня менѣе полезной по своей власти, чѣмъ я ей по своимъ заслугамъ; и хотя она никогда, въ отношеніи ко мнѣ, не обнаружила того искренняго расположенія, какое лежало въ глубинѣ ея сердца, при всемъ томъ я всегда чувствовала въ ней ту вдохновенную и юношескую любовь, которая соединила меня съ ней неразрывнымъ союзомъ.

Съ какою гордостью, съ какимъ наслажденіемъ я всегда останавливала взоръ на частныхъ дѣлахъ жизни и царствованія Екатерины. И въ нихъ-то я старалась угадать этотъ смѣлый и гибкій умъ, который ставилъ ее въ моемъ воображеніи выше всѣхъ русскихъ монарховъ.

Я недавно читала два сочиненія на русскомъ языкѣ; первое называется: „Жизнь Екатерины Великой“; другое—„Анекдоты царствованія Екатерины II“. Оба они написаны въ патріотическомъ духѣ и съ чувствомъ преданности государынѣ. Впрочемъ, надо замѣтить, что въ обоихъ допущена очень грубая ошибка; въ нихъ говорится, что Екатерина знала греческій и латинскій языки и что въ числѣ новѣйшихъ языковъ она предпочитала французскій, какъ самый легкій для разговора.

Я положительно утверждаю, что императрица не знала ни латинскаго, ни греческаго языковъ и если она говорила съ иностранцами

на французскомъ предпочтительно своему родному нѣмецкому от единственно потому, что ей хотѣлось заставить Россію забыть, что она была нѣмка. И въ этомъ она вполнѣ успѣла: я слышала отъ многихъ русскихъ мужиковъ, которые называли ее землячкой и матушкой.

Разговаривая съ ней о европейскихъ литературахъ и языкахъ, я часто слышала отъ нея, что богатство и энергія нѣмецкаго языка неизмѣримо выше французскаго, и еслибъ первому дать гармонію послѣдняго, онъ непремѣнно былъ бы языкомъ всеобщимъ. По мнѣнію ея, русскій языкъ, соединяя въ себѣ богатство, силу и выразительность нѣмецкаго съ музыкальностью италіанскаго, сдѣлается со временемъ языкомъ всего міра.

Наконецъ, собравшись въ путь, я отправилась провести послѣдній вечеръ съ Екатериной въ Таврическомъ дворцѣ. Она встрѣтила меня съ необыкновенной лаской, и я не знала, какъ разстаться. Въ извѣстный часъ императрица удалилась; я хотѣла проститься съ ней наединѣ. Проходя въ ея кабинетъ, я встрѣтилась въ дверяхъ съ великимъ княземъ Александромъ и его доброй супругой. Князь Зубовъ разговаривалъ съ ними.

Я тихонько попросила его пропустить меня проститься съ Екатериной (можетъ быть, въ послѣдній разъ), такъ какъ я рѣшила выѣхать завтра.—„Подождите немного",—сказалъ онъ и вдругъ исчезъ. Я думала, что онъ пошелъ доложить Екатеринѣ о моемъ желаніи, но прошло полчаса и посолъ не являлся. Я вошла въ ближайшую комнату и приказала одному камеръ-лакею попросить государыню дозволить мнѣ поцѣловать руку ея передъ отъѣздомъ. Еще проходитъ четверть часа, и, наконецъ, является посолъ просить меня къ Екатеринѣ.

При входѣ въ ея кабинетъ, я вмѣсто обыкновеннаго свѣтлаго взгляда и, въ ожиданіи самаго нѣжнаго „прости", замѣтила угрюмое выраженіе ея лица и встрѣтила самый холодный и даже рѣзкій пріемъ: „Добраго пути, мадамъ", проговорила она.

Кто привыкъ строго судить себя, тотъ не сознаетъ оскорбленія ни въ томъ случаѣ, когда его дѣлаетъ, ни въ томъ, когда принимаетъ. Въ этомъ именно положеніи я теперь находилась. Отнюдь не думая, чтобъ причиной этой неожиданной перемѣны была я сама, мнѣ представилось, что государыня получила какое-нибудь печальное извѣстіе, сильно встревожившее ее: пожелавъ въ душѣ ей счастья и здоровья, я вышла.

На другой день пріѣхалъ ко мнѣ проститься Новосильцовъ, родственникъ Марьи Савишны, одной изъ домашнихъ и очень довѣренныхъ женщинъ Екатерины. Я спросила его, не пріѣзжалъ ли вчера

ночью курьеръ съ непріятными новостями, которыя такъ странно измѣнили Екатерину, когда я разставалась съ ней. Новосильцовъ отвѣчалъ, что онъ только-что изъ дворца и вполнѣ увѣренъ, что тамъ нѣтъ никакихъ дурныхъ извѣстій и что императрица въ самомъ лучшемъ расположеніи духа. Я терялась въ догадкахъ.

Но въ это самое время было принесено письмо отъ императорскаго секретаря, Трощинскаго, и оно разрѣшило мою загадку. При письмѣ былъ приложенъ счетъ портного, подписанный моей дочерью и мужемъ ея, и съ тѣмъ вмѣстѣ самое жалобное прошеніе, написанное съ мастерской лестью и интересомъ для Екатерины. Секретарь увѣдомлялъ меня, отъ имени государыни, что она удивляется, какимъ образомъ я оставляю Петербургъ, не исполнивъ обѣщанія уплатить дочернины долги.

Говоря по правдѣ, я кипѣла злобой, читая это письмо, и тутъ же рѣшила расквитаться съ Петербургомъ навсегда. Трощинскому я отвѣтила, что для меня не менѣе удивительно то, что императрица могла заподозрить, что я была способна уронить себя такъ низко въ ея глазахъ; что я возвращаю роспиську и, если государыня потрудится просмотрѣть ее, то увидитъ, что дочери моей не было никакой надобности заказывать для себя такія вещи; что эти мундиры, ливреи и тому подобное были сдѣланы Щербининымъ для себя самого и своихъ слугъ; что я нисколько не обязана платить за своего зятя, средства котораго даже теперь совершенно равны моимъ; что я, между прочимъ, отослала этого портного къ опекунамъ Щербинина, которые въ моемъ присутствіи поручились заплатить этотъ долгъ по прошествіи двухъ мѣсяцевъ [1];—чѣмъ вполнѣ удовлетворенъ заимодавецъ; и еслибъ онъ или кто-нибудь другой продиктовалъ новую жалобу съ цѣлью оскорбить меня, предоставляю судить императрицѣ: неужели въ самомъ дѣлѣ я должна отвѣчать за нее?

Послѣдній намекъ оправдался. Эта просьба, какъ впослѣдствіи оказалось, была наушничествомъ князя Зубова, онъ составилъ ее, онъ же въ тотъ вечеръ, оставивъ меня, представилъ ее императрицѣ въ ту самую минуту, когда я должна была проститься съ ней.

Это было послѣднее мое свиданіе съ Екатериной II. И хотя поступокъ Зубова былъ памятенъ мнѣ на цѣлую жизнь, за всѣмъ тѣмъ, я приняла его, какъ обыкновенно, въ Петербургѣ, послѣ восшествія на престолъ Александра, и потомъ въ Москвѣ, послѣ коронаціи, между тѣмъ, какъ другіе круто отвернулись отъ него.

Наконецъ, я оставила Петербургъ, подъ вліяніемъ самыхъ проти-

---

[1] Этотъ долгъ былъ дѣйствительно уплаченъ Щербининымъ черезъ два или три мѣсяца.

вуположныхъ чувствъ, и еслибъ только я способна была разлюбить Екатерину, вовсе неутѣшительныхъ для нея.

Я поѣхала окольнымъ путемъ, намѣреваясь побывать въ Бѣлоруссіи и собрать деньги, предназначенныя для уплаты долговъ моей дочери. Здѣсь я провела восемь дней и только недѣлю прожила въ Троицкомъ, пламенно желая скорѣе увидѣться съ братомъ.

Дорога къ нему вела черезъ Москву, и здѣсь я осталась не дольше, чѣмъ это было необходимо для того, чтобъ отдать приказанія отдѣлать нижній этажъ въ домѣ возможно просто, но со всѣми удобствами для зимняго жилья.

Такимъ образомъ, я считала свою служебную карьеру оконченной. Хотя я далека отъ того, чтобъ гордиться ея блистательнымъ успѣхомъ, зависѣвшимъ отъ нѣкоторыхъ благопріятныхъ обстоятельствъ, но нельзя же безусловно согласиться и съ порицателями моей дѣятельности въ кругу двухъ Академій. Я твердо убѣждена, что только тотъ въ состояніи бороться съ несчастьемъ, кто умѣетъ побѣждать свое личное самолюбіе и ограничивать эгоизмъ извѣстными предѣлами.

Дружба брата и сельскій трудъ были единственными предметами моихъ желаній, и я встрѣчала новый образъ жизни не только съ удовольствіемъ, но и съ какимъ-то невозмутимымъ спокойствіемъ; одно чувство мутило мой душевный миръ, чувство сожалѣнія, что люди, всего болѣе мной любимые и уважаемые, дѣйствовали недостойно самихъ себя и были слишкомъ несправедливы ко мнѣ.

Мое свиданіе съ братомъ доставило ему величайшее наслажденіе, и время, проведенное нами вмѣстѣ, было самымъ пріятнымъ временемъ. Дружба и кровныя узы давно соединили наши сердца, тѣмъ крѣпче, что между нами образовалась симпатія вслѣдствіе одинаковыхъ обстоятельствъ. Каждый изъ насъ проходилъ служебное поприще, и каждый бѣжалъ отъ свѣта съ одинаковыми чувствами и опытами; мы совершенно понимали, сочувствовали другъ другу въ образѣ мысли и въ воззрѣніи на прошедшее.

Мой братъ былъ человѣкъ умный и образованный, но сдержанный, серьезный, точный и даже холодный въ обществѣ. Эта разница въ нашихъ характерахъ и манерахъ отнюдь не нарушала гармоніи нашихъ дружескихъ отношеній.

Время моего посѣщенія прошло счастливо и очень быстро. Я должна была возвратиться въ Москву, осмотрѣть свои комнаты, прилично отдѣланныя и обставленныя печами для принятія меня и друзей моихъ, прежде, чѣмъ настанутъ холода. Я наблюдала за всѣми этими работами и скоро снова увидѣлась съ братомъ въ Москвѣ, который въ этотъ годъ переѣхалъ раньше, чѣмъ обыкновенно.

На слѣдующее лѣто онъ навѣстилъ меня въ Троицкомъ и былъ восхищенъ изящной его обстановкой. Сады, огороды и зданія, которыми я украсила мѣстоположеніе его, были совершенно во вкусѣ моего брата. Когда я осенью пріѣхала къ нему, онъ далъ мнѣ полную власть распоряжаться въ новой распланировкѣ его имѣнія и въ разведеніи садовъ, которые я уже начала въ предъидущемъ году.

Лѣтомъ 1796 года я побывала въ своемъ Могилевскомъ помѣстьѣ, гдѣ и получила много писемъ изъ Петербурга, извѣщавшихъ меня о всемъ, что говорилось и дѣлалось при дворѣ. Нѣкоторыя лица желали моего возвращенія въ столицу и доносили, что императрица не одинъ разъ собиралась писать ко мнѣ, чтобъ вызвать меня въ Петербургъ и поручить отвезти великую княгину Александру въ Швецію, въ случаѣ бракосочетанія ея съ королемъ.

Меня также увѣдомляли московскіе родственники, жалѣвшіе о моемъ отсутствіи; они увѣряли, что императрица уже отправила гонца просить меня въ Петербургъ. Эта новость побудила меня поскорѣе возвратиться въ Троицкое, откуда я еще разъ написала Екатеринѣ просьбу о моей полной отставкѣ или, по крайней мѣрѣ, о продолженіи моего отпуска.

Въ отвѣтъ я получила самое доброе письмо; мнѣ дано было позволеніе еще остаться на годъ. Желая, однакожъ, удостовѣриться, не была ли принята эта просьба съ дурной стороны, я написала нѣкоторымъ искреннимъ друзьямъ передать мнѣ откровенно, что говорила императрица и какъ она вообще думаетъ обо мнѣ. Они отвѣчали, что Екатерина постоянно повторяетъ, что никому, кромѣ меня, она не желала бы поручить сопровождать свою внучку въ Швецію.

„Я увѣрена, говорила она, что княгиня Дашкова любитъ меня на столько, чтобъ не отказать мнѣ въ этой задушевной просьбѣ; въ такомъ случаѣ я буду совершенно спокойна за свою молодую королеву“.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Русская жизнь XVIII в. по романамъ и повѣстямъ [1]).

Встрѣчаемъ мы въ романахъ немало женскихъ образовъ — отъ необразованной, неразвитой, ничѣмъ не интересующейся, кончая „вольтерьянками“, играющими роль законодательницъ общественныхъ мнѣній.

Родители аттестуютъ свою неудавшуюся дочь:

„Когда же она у насъ жила, отъ всѣхъ сосѣдей дурною слыла, одѣться не умѣла, ни съ кѣмъ слова молвить не смѣла,—только и дѣла дѣлала: пила да ѣла, да еще сидя на печи, задъ свой грѣла; а когда ляжетъ спать, то зачнутъ ей старухи сказки врать; только и забавы: спитъ да бредитъ, а особливо шептунамъ, колдунамъ и всякимъ обманщикамъ и ворожеямъ вѣритъ (*Сава*, *51*).

„Г-жа Притворова—ханжа и лицемѣрка,—говоритъ объ обѣдняхъ, „панафидахъ“, молебнахъ. Услышавъ французскую рѣчь, она возмутилась—„я бы тебѣ не совѣтовала знать этотъ басурманскій языкъ. Я, чай, ты прочла всего Вольтера, этого атеиста. Онъ васъ всѣхъ, мои голубки, вскружилъ,—отъ него только что прослывешь умницею, а въ рай, вить, не войдешь. Уже черти и такъ ждутъ нынѣшнихъ-то разумниковъ, которые обо всемъ разсуждать изволятъ“. (*Россійская Памела*, *61*).

„Лжесвята удивительно расположила свое время: по утру служитъ молебны, торгуется съ мясниками, потомъ сѣчетъ безъ милости слугъ и бьетъ по щекамъ служанокъ, послѣ обѣда читаетъ четіи-минеи, вечеръ посвященъ карточной игрѣ, ужинъ Бахусу, а ночь отставному капитану Драбантову“ (*Игра судьбы*, *24*).

Одинъ помѣщикъ былъ очень прижимистъ: заставлялъ крестьянъ работать на него 5 дней въ недѣлю, а по воскресеньямъ молиться Богу и плясать. Жена его существо, совершенно излѣнившееся:

„въ 10 часовъ утра еле-еле открываетъ глаза. Подбѣгала горничная и спрашивала: „чего изволите, сударыня, приказать?“ „Ча“... говорила госпожа, зѣвая и протирая глаза“... Когда чай приносился, она... дѣлала знакъ отверженія, голова ея упадала на подушки, отъ коихъ недавно еще отдѣлилась, глаза смыкались.. (*Селимъ и Роксана*, *17*).

Вотъ образецъ россійской „вольтерьянки“.

„Когда я въ первый разъ къ ней пришелъ, то читала она сочиненія Вольтера. „Опасное море!“—сказалъ я, указавши на книгу. Лучше было бы мнѣ не

---

[1]) См. „Русскую Старину“, май 1906 г.

говорить подобіемъ. „Море? море?“, говорила она съ равнодушной гордостью: „я думаю, что и у насъ сыщутся Аретузы“ (*Мои свадебныя приключенія, 115*).

Въ своемъ городѣ она слыла „законодательницей“.

„дѣвицы перенимали ея поступки и рѣчь; женщины—наряды и походку. Книга, которую она похвалитъ, тотчасъ у всякаго была въ рукахъ; вездѣ она была первая. А что она также имѣла постоянныхъ враговъ и завистниковъ, можно догадаться“ (ibid., 116).

Въ противоположность этой „просвѣщенной“ дѣвицѣ русская дѣйствительность выдвигала подавляющее число прямо ей противоположныхъ—одинъ супругъ жалуется на свою жену:

„тщетно старался я пріохотить ее къ чтенію: двѣ какія-то старинныя безтолковыя книги составляли ея библіотеку. Тетка ея сама другихъ книгъ не читывала; компаніи она не любила; двѣ—три старухи, сидя съ нею, говаривали по цѣлому дню. Въ такомъ кругу было ей очень весело“ (ibid.).

Пестрота состава тогдашняго общества, когда рядомъ съ Скотининымъ стояли Стародумы, съ одной стороны,—и „вольтерьянцы“—съ другой, дѣлала изъ Россіи собраніе людей, ничѣмъ не связанныхъ между собой, чуждыхъ по вкусамъ и настроеніямъ.

Особенно эта „отчужденность“ сказывалась въ отношеніяхъ простыхъ крестьянъ къ своимъ „офранцузившимся“ господамъ. Вотъ, напримѣръ, характерный разговоръ старика-мужика о его помѣщикѣ, старомъ князѣ, который „Бога не боится“:

„Чего ему бояться Бога? вить онъ, говорятъ, какой-то чернокнижникъ и фармазонъ. Посмотри-ка, сударь! сколько ящиковъ книгъ привезли мы къ нему изъ подмосковной деревни“. „Книги-то, говорятъ, все не русскія! Такъ ему-ль русскихъ любить. Никогда не говѣетъ! Ему нашъ братъ крестьянинъ хуже собаки“. Старуха разсказываетъ, какъ баринъ вымѣнялъ на собаку молодаго повара. „А поваръ какой парень молодой, какой добрый, не воръ и не мотъ. Восемьсотъ за него давали! Изъ нашей деревни. Сударь! отецъ и мать такъ и бьются“! старикъ: „А собаку, вить, говоритъ князь, и на деревню не промѣняетъ. Да вить, какая, батюшка, мудреная! Совсѣмъ на собаку не похожа—словно овечка! („*Храброй философъ*“, *3*).

Другой крестьянинъ тоже осуждаетъ господъ, которые сдѣлались не русскими господами, а иностранными проказниками *(Роза и Любимъ. 52)*. Просвѣщаться можно, по его словамъ, и на родинѣ.

„Они вмѣсто просвѣщенія привозятъ сюда затменіе, отвращеніе къ отечеству и къ своимъ соотчичамъ. Въ одномъ государствѣ люди уже до тѣхъ поръ просвѣтились, что забыли Бога, Царя, законы и начали рѣзать другъ друга“ (ibid., 53).

„мужиковъ они считаютъ и называютъ „скотами“ и „животными“ (*Евгеній, 111*).

За то эти „полуиностранцы“ отличались талантами великосвѣтскими, „любезностью“, изысканнымъ костюмомъ и манерами. Они часто поль-

зовались успѣхомъ у провинціалокъ. Таковъ былъ, напримѣръ, одинъ— „князь Вѣтрогонъ"

„былъ житель города, умѣлъ притворяться, умѣлъ нравиться, умѣлъ красно говорить и сладко шутить, будучи внутренно человѣкъ коварный, будучи таковъ каковы бываютъ нынѣ люди большого свѣта". (*Софія*, 30).

Подобные герои были остроумны, не признавали ничего святого; одинъ изъ такихъ юношей такъ говорилъ о себѣ:

„для остраго слова не жалѣлъ я ничьего ума, ни чести. Какъ непоколебимый воинъ, жаждущій крови и славы разитъ всѣхъ, и не разбираетъ ни пола, ни лѣтъ, ни званія, такъ и я не щадилъ ни красивыхъ тварей, ни сѣдыхъ дураковъ, ни сильныхъ, ни слабыхъ. Естьли бы можно и не надъ кѣмъ уже было смѣяться, я бы сталъ смѣяться надъ самимъ собою" (*Евгеній, 83*).

Г. Плутоновъ (такъ онъ назывался) подлымъ такимъ презрительнымъ шутовствомъ, дерзкими словами, кои въ свѣтѣ называются иногда „бомо", снискалъ себѣ въ многихъ домахъ благосклонность... Онъ имѣлъ въ себѣ довольно пріятностей и хитрыхъ уловокъ. Будучи краснорѣчивымъ наставникомъ порока, умѣлъ содѣлывать плѣняющими всѣ тѣ матеріи, о коихъ онъ судилъ или говорилъ (*Россійская Памела, 7*).

„... Князь былъ такой странной человѣкъ, что все то почиталъ святымъ, что только было французскимъ, онъ принималъ всегда ласковѣе французскаго комедіанта, говоруна, бездѣльника, который въ глазахъ его обманывалъ (что онъ относилъ къ удивительной тонкости французскаго ума), нежели скромнаго вѣжливаго и почтеннаго россійскаго дворянина" (ibid., 67).

Одинъ графъ больше безпокоится болѣзнью собаки, чѣмъ судьбой бѣднаго сосѣда.

„Хотя всѣ нищіе переколѣли въ цѣломъ свѣтѣ, только бы моя Лихая, Лихая бы моя выздоровѣла" 99.

Хотя другіе и стоятъ за старину, когда и любовь, и браки отличались прочностью,—одинъ новомодный юноша потѣшался надъ другимъ:

„Ты влюбляешься по-дѣдовски, ты хочешь, чтобы любовь занимала всѣ твои чувствованья, какихъ ты ждешь утѣхъ изъ того" (*Русскія сказки, VII, 48*).

„Новомодная любовь" поражала людей пожилыхъ своимъ легкомысліемъ:

„нынѣ уже нѣтъ любовныхъ героевъ, о коихъ упоминаютъ въ рыцарскихъ повѣстямъ, и кои бѣгали за милыми своими изъ части свѣта въ другую, терпѣли гладъ и хладъ, смертельныя опасности, а иногда и умирали за постоянство" (ibid., IV, 98).

„нынѣ уже нѣтъ такихъ странствующихъ рыцарей, кои охотно подвергались всѣмъ несчастіямъ, чтобы быть нелицемѣрными рабами истинной любви". (ibid., VII, 48).

Но и старый взглядъ на бракъ и любовь отвергался романистомъ— онъ иронизировалъ надъ разсужденіями стариковъ:

„мы женились, не зная никакой страсти, и отживали вѣкъ согласно" „Возможно-ль, чтобъ въ старину не было страстей? Неужели онѣ—рожденье

нынѣшнихъ временъ? Да и какое сравненіе лѣтъ прошедшихъ съ счастьемъ нынѣшнихъ? Тогда женивались по-азіатски; жены были невольницы, а мужья тираны, кои брали ихъ для должности ключника и, можетъ быть, почитали ихъ за нѣкое пріятное животное, могущее угождать нашимъ чувствамъ, но и сіе опасно утверждать, потому что можно было плѣниться тогда красотою, когда невидывали женъ въ лицо, какъ только на другой день послѣ свадьбы, а женихамъ показывали ихъ изъ особливой комнаты, завѣшанныхъ съ головы до ногъ полотномъ. Буде жены любили тогда мужей, то по одному обычаю, а, вѣрнѣе, по притворству, причиняемому ужасомъ неограниченной супружней власти и тяжкой его руки. Кто желаетъ сочинить старинный нашъ словарь, къ стыду держащихся и понынѣ сего мнѣнія, тотъ можетъ поставить вмѣсто слова „супругъ"—слово „господинъ" или „тиранъ"; вмѣсто „жены"—„раба" или „мученица" (*„Утренникъ влюбленнаго"*, *47—48*).

„Въ нынѣшніе-жъ пріятные дни счастливаго нашего просвѣщенія, къ безсмертной славѣ того великаго смертнаго, который одинъ возмогъ изъ звѣрей учинить насъ человѣками. Мы почитаемъ прелестный полъ въ его совершенствахъ, любимъ въ его пріятностяхъ и знаемъ, что въ ихъ нѣжности находимъ мы облегченіе нашимъ горестямъ, покой въ нашихъ трудахъ и истинныхъ друзей къ блаженству нашей жизни, отдаемъ имъ полную власть надъ нашими сердцами, по справедливости ихъ однѣхъ достойную. Если войти въ дальнѣйшее изслѣдованье разныхъ дѣйствующихъ причинъ, то кто, кромѣ нихъ, возбуждаетъ нашу храбрость? Кто оживляетъ великія предпріятія? Кто прилѣпляетъ насъ къ славѣ? И кто виною разумнаго установленія общественнаго порядка" (ibid.).

Изображая русскую дѣйствительность, романисты наталкивались постоянно на ея отрицательныя стороны. Взяточничество, это постоянная мишень русской сатиры, начиная съ Сумарокова, и въ повѣстяхъ не разъ изображалось чертами рѣзкими и опредѣленными.

Привожу нѣкоторыя мѣста, характеризующія отношеніе русскихъ писателей къ этому явленію русской жизни.

„По древнему названію „посулъ", по нынѣшнему „взятка", а по иностранному „акциденція", когда начало свое воспріяли, въ томъ всѣ ученые между собой несогласны" (*Пересмѣшникъ*, *V*, *211*).

Эти взятки въ старину разрѣшались съ цѣлью дать „покормиться" служилому человѣку, „акциденціи" только были разрѣшены, введеніе штатовъ отмѣнило это разрѣшеніе. Тѣмъ не менѣе практика житейская удержала старый обычай. Народъ смотрѣлъ просто. Такъ изображенъ въ одной повѣсти мимоходомъ одинъ мужичокъ, который отправляется жаловаться къ судьѣ на обидчика.

„мужикъ взялъ съ собой 5 р. денегъ, кадушку меду, двѣ четверти овса и возъ сѣна" (*Похожденія Ивана Гостинаго сына*, *78*).

Особенно доставалось „приказнымъ"—секретарямъ судовъ и судьямъ.

„Хотя многіе сомнѣваются, что, будто подьячіе не тѣмъ богомъ произведены на свѣтъ, которымъ и всѣ люди... Однако, сомнѣнія ихъ почитаю я весьма язвительною насмѣшкой и утверждаю, какъ это и всѣ знаютъ, что они происходятъ, какъ и мы, отъ первороднаго Адама" (*Пересмѣшникъ, II, 49*).

Вотъ, напримѣръ, нѣсколько картинокъ изъ жизни „приказныхъ":

„въ секретарскомъ домѣ не имѣлось недостатка въ нужныхъ вещахъ. Бутыли, штофы и полуштофы съ настоеннымъ виномъ и водкою въ различныхъ ягодахъ и цѣлебныхъ травахъ, покрывали у насъ въ чуланѣ длинныя двѣ полки; въ погребѣ же стояли всегда на льду двѣ или три бочки вкуснаго и крѣпкаго пива, да одна меда, батюшка мой былъ изъ тѣхъ людей, которые любятъ, чтобы ихъ провожали изъ гостей подъ руки, чтобъ гости возвращались отъ нихъ домой не въ такомъ видѣ, въ какомъ къ нимъ пришли" (*Евгеній, 68*).

Одинъ бѣдный, но ловкій юноша—

„вздумалъ ходить за приказными ябедами, коихъ въ тамошнемъ краю въ то время очень много бывало, стряпчимъ; и такъ, посвятя себя онымъ чинамъ, ѣздя по окольнымъ деревнямъ съ наставникомъ своимъ, пересказывалъ о себѣ, что онъ въ стряпческомъ искусствѣ весьма знающъ, при чемъ и учитель его тожъ самое подтверждалъ и выхваливалъ почему, во-первыхъ, поссорившіеся между собою крестьяне, приходя къ нему, просили справедливаго и скораго на словахъ рѣшенія и удовольствія, а онъ и судилъ каждаго по достоинству дѣла, обирая принесенное и съ отвѣтчика, и челобитчика поровну, а кто больше даетъ, тотъ и правъ, хотя бы и подлинно былъ виноватъ; но ослѣпленные ихъ глаза тому вѣрили"... (*Похожд. Ивана, 114*).

„... всякое ремесло имѣетъ расположеніе и, малу-по-малу, доходитъ до совершенства. Напримѣръ, подьячій, притѣсняя челобитчиковъ, беретъ сначала только алтынами, достигнувъ въ секретари—счетъ его составляетъ рубли". (*Русскія Сказки, II, 43*).

„Секретарь былъ человѣкъ набожный,—онъ никогда не вставалъ и не ложился спать, не помолясь Богу; передъ обѣдомъ и передъ ужиномъ читалъ обыкновенныя молитвы вслухъ и умывалъ завсегда руки; не пропускалъ ни одного воскресенья и бывалъ завсегда у обѣдни, а въ двунадесятые праздники ѣздилъ развозить поклоны или принималъ оные самъ отъ челобитчиковъ. Всякое утро стоялъ онъ по два часа на молитвѣ, а жена его въ то время въ передней горницѣ упражнялася во взяткахъ и принимала всячиною. Когда же садилися они пить чай, то маленькій ихъ сынъ подавалъ ему реестръ поименно всѣхъ людей, бывшихъ у него въ то утро, и кто, что и сколько принесъ,—такимъ образомъ, смотря по величинѣ приноса, рѣшалъ онъ дѣла и въ приказѣ" (*Пригожая повариха, 23*).

Довольно курьезный случай, касательно взяточничества, разсказанъ въ одной повѣсти:

„Нѣкто основательный человѣкъ, съ разсчетомъ, экономъ, и чиномъ отставной надворный совѣтникъ попалъ въ воеводы. Отъ взятокъ отказывался, къ горожанамъ былъ суровъ и строгъ. Всѣ пріуныли. Одинъ старецъ посовѣтовалъ узнать у домашнихъ воеводъ, что онъ любитъ. Оказалось, воевода былъ любителемъ „щукъ". Всѣ потащили къ воеводѣ въ подарокъ „щукъ". Въ садкѣ, гдѣ продавали рыбу, сидѣлъ крѣпостной воеводы и щука поднялась, благодаря этому, въ цѣнѣ, дойдя до ста рублей" (*Пересмѣшникъ, V, 213—41*).

*

Разбогатѣвши, „приказные" стали выходить въ люди,—появились „новоиспеченные дворяне", къ которымъ романисты русскіе относятся съ насмѣшкой и презрѣніемъ, это видно, хотя бы, изъ тѣхъ вопросовъ, которые представлены однимъ романистомъ:

„отъ чего обогащаются тѣ, коимъ Государь ничего не жаловалъ, наслѣдства не доставалось, приданаго за женами не брали и промысловъ не имѣли, а были только у порученныхъ должностей? Черезъ это получили нѣкоторыя недвижимыя и движимыя имѣнія, когда предки ихъ и сами они хаживали въ лаптяхъ?.. Отчего представленные къ пріемамъ и выдачамъ не сводятъ расхода съ приходомъ?.. Отчего у васъ въ приказѣ лѣтъ по 50 лежатъ дѣла нерѣшенныя?" (*Русскія Сказки, VI, 271*).

Особенно нападаютъ романисты на сыновей этихъ дворянъ „изъ приказныхъ". Обладая хорошими средствами, эти „новомодные" дворяне старались пустить пыль въ глаза. Предки одного такого дворянина жили взятками на судахъ—оттого онъ

„древность своего рода не могъ далѣе вычислить, какъ со времени, когда въ нашихъ мелкихъ городахъ взятки дошли до совершенства". Когда вышли строгіе указы касательно взятокъ, то родитель сего дворянина также почувствовалъ свербежъ за спиною и скуча безмездными трудами, оставилъ приказную службу, купилъ деревню" (*Русскія Сказки, IV, 84*).

Съ тяжелымъ чувствомъ негодованія говорили русскіе романисты о казнокрадствѣ и злоупотребленіяхъ въ государствѣ.

У русскихъ людей этой эпохи сложилось убѣжденіе, что

„вѣшаютъ только дураковъ, кои мало крадутъ... Въ городѣ повѣсили крестьянина за то, что онъ, умирая съ голоду, укралъ у скупого богача четверть ржи. А старый нашъ воевода укралъ 30.000 рублей,—его только смѣнили съ мѣста" (ibid., II, 53).

Полученіе мѣстъ зависѣло отъ подкупа:

„мѣста градоначальниковъ достались за умѣренный откупъ, заплаченный любовницамъ княжескихъ наперсниковъ; казна государства истощена на украшеніе серальскихъ пріязней" (ibid., V, 167, еще VI, 179).

„Мѣста правителей въ государствѣ розданы были мясникамъ, кузнецамъ, сводникамъ, шутамъ и тому подобнымъ ремесленникамъ, но первый вельможа всѣхъ превосходилъ длинною бородой и особливо глупостью; словомъ, въ княжествѣ семъ все происходило такъ, какъ въ той деревнѣ, гдѣ много прикащиковъ и въ которую господинъ никогда не заглядываетъ" (ibid., V, 186).

„Судопроизводство" въ XVIII-омъ вѣкѣ было сопряжено и съ волокитой, и съ большими побочными расходами. Поэтому суда старались избѣжать

„въ старину почтенные и ни въ какихъ тяжбахъ не бывалые люди судовъ боялись" (*Похож. Ивана Гостинаго сына, 138*).

Любопытно, какъ велось въ XVIII вѣкѣ судебное слѣдствіе. Въ одной деревнѣ оказалась вырѣзанной цѣлая семья. Составили рапортъ, послали въ городъ, день былъ праздничный.

„Въ разсужденіи столь великаго праздника, всѣ судьи и секретари изъ города были отсутствованы и находились по деревнямъ окольныхъ дворянъ, а дневальные приказные служители отъ принятія того рапорта отозвались“ (*Пересмѣшникъ, V, 198*).

Только черезъ 6 недѣль присланъ былъ рапортъ и посланъ чиновникъ для „слѣдствія“.

„по осмотру и обыску“ онъ рѣшилъ, „что крестьянинъ, напившись въ праздникъ пьянъ, порубилъ свою семью, а самъ упалъ съ крыльца и ушибся“, а, подавая свой рапортъ, примолвилъ: „крестьяне-де государственные, то одаль слѣдствія быть не можетъ“. Почему данною резолюціей и велѣно съ приписаніемъ того рапорта отрапортовать верхнему присутственному мѣсту, а дѣло исключа изъ реестра нерѣшенныхъ дѣлъ, числить рѣшеннымъ къ отдачѣ въ Архивъ“ (*Пересмѣшникъ, V, 198*).

Зло высмѣяны въ одномъ романѣ тѣ порядки, которые царили въ чиновномъ мірѣ тогдашней Руси

„чтобъ любили, то надобно льстить, обманывать хитренько; и это ни мало нестыдно... Хочешь ли быть въ чинахъ? Кланяйся двойкѣ, двойка рекомендуетъ тройкѣ,—дойдетъ до манильи, то есть до дульцинеи туза,—а тутъ тотчасъ и шпадилья на рукахъ! Вотъ, ангелъ мой, наука жизни! для благополучія своего не жалѣй тысячи другихъ; живи на счетъ ближняго, за копейку продавай друга, хвали въ глаза: услужи рогами пріятелю, лови въ мутной водѣ рыбу. Вотъ должности проворнаго молодца“ (*Роза, 9*).

Одно изъ характернѣйшихъ явленій русской жизни XVIII и XIX ст. „нахлѣбничество“, явленіе, не разъ изображаемое въ русской литературѣ XVIII ст. Передъ читателемъ пройдетъ рядъ образовъ,—отъ „друга“ дома до жалкаго „шута“, котораго держатъ изъ милости.

Особенно характеренъ Никаноръ, безсчастный дворянинъ. Въ своей автобіографіи онъ разсказываетъ всю свою скорбную жизнь „маленькаго человѣка“. Этотъ смирный, зашибленный судьбой человѣкъ добродушенъ и незлобивъ до послѣдняго предѣла—оттого онъ—общій любимецъ, особенно провинціальныхъ дамъ.

„исканіе-жъ Никанорово во всѣхъ того города жителяхъ и дворянахъ составило ему въ томъ мѣстѣ весьма спокойную жизнь“.

Этою жизнью онъ вполнѣ доволенъ: онъ угождалъ всѣмъ, будучи у всѣхъ на посылкахъ, считалъ себя счастливымъ, называлъ эти дни „золотымъ вѣкомъ“ своей жизни (*„Несчастный Никаноръ“, 4)* благородныя женщины и дѣвицы того города его любили—

„Никаноръ всѣ силы свои употреблялъ служить имъ со всякимъ усердіемъ и почитаніемъ“: „игралъ съ ними въ маленькую игру для препровожденія времени, въ кадриль и въ ломберъ; между тѣмъ употреблялъ всякія пристойныя шутки, пѣлъ и сочинялъ пѣсни; также оды и всякіе увеселительные стишки,

смотрѣлъ на руки будто бы ученъ онъ былъ хиромантіи; и въ издѣвкахъ обнадеживалъ каждую изъ нихъ особливымъ благополучіемъ, сказывалъ имъ сказки и исторіи, на святкахъ производилъ съ ними всякія игры и гаданія, въ маскарадахъ одѣвался въ женское, словомъ сказать, все то дѣлалъ, что въ угодность имъ служило" (Ibid., 5).

Съ нимъ не стѣснялись, такъ какъ онъ былъ необидчивъ. Гораздо тяжелѣе было существованіе другого старика, сотоварища по нахлѣбничеству,—титулярнаго совѣтника Никифора. Когда у хозяина бывали гости, то его съ Никаноромъ сажали обѣдать къ дѣтямъ, — это обижало старика, онъ злился—

„выговаривалъ дворецкому, что такихъ молодыхъ ребятъ (гостей) больше почитаютъ, нежели такого старика, который по табели Петра I составитъ въ рангѣ арміи капитана" (Ibid., 156).

Съ Никаноромъ тоже не церемонились, когда въ жилой комнатѣ оказалось мало мѣста, ему сдѣлали постель въ залѣ, но тамъ ему показалось холодно, и онъ, съ разрѣшенія хозяина, перебрался спать въ „дѣвичью"—

„гдѣ ночь протекла для Никанора съ немалою пріятностью: дѣвушки пѣли изрядныя пѣсенки", Никаноръ гадалъ имъ: „Машенькѣ предсказалъ на рукѣ, что она выйдетъ замужъ за патентованнаго человѣка" (Ibid., 5.)

У того „милостивца", у котораго жилъ Никаноръ, кромѣ его и Никифора, жили нѣсколько такихъ же „вышибленныхъ изъ колеи людей".

Кромѣ „нахлѣбниковъ" въ богатомъ домѣ водился цѣлый штатъ „приживалокъ". Такъ, въ одной повѣсти перечислены такія „приживалки"

„...нянюшки и мамушки, повивальныя бабушки, названныя матушки, любезныя сестрицы, племянницы, кумушки и сватушки" (*Сава, 14*).

Перечисляю, для примѣра, нѣсколькихъ представителей этого своеобразнаго рода людей:

„..онъ пошелъ въ шуты къ охочимъ людямъ, торговалъ прелестями своей любезной и былъ сытъ" (*„Русскія Сказки", VI, 263*).

„...бѣдная дворянка, сирота, изъ милости живетъ у здѣшней помѣщицы" (*„Разныя повѣствованія", 67*).

„...другъ ея Тихонравовъ, за старостью, сложилъ съ себя должность и вознамѣрился остатокъ жизни препровесть въ Никольскомъ. Она любила сего друга, почитала его обхожденіе своимъ благоразуміемъ; а блаженство разумнаго сего товарища состояло въ томъ, чтобъ угождать ей. Тихонравовъ желалъ давно покоемъ, яко даромъ неба, наслаждаться; наконецъ, удовлетворено его желаніе; онъ и добродѣтельная его супруга гораздо утѣшались симъ первымъ родомъ жизни" (*Неонила, 6*).

Особенно тяжело было положеніе сиротъ-дѣвушекъ, взятыхъ въ зажиточный домъ. Онѣ часто дѣлались жертвами преслѣдованія

со стороны хозяина или сыновей. Такъ, одну такую дѣвушку, изъ милости жившую въ чужомъ для нея домѣ, графъ Высокомѣровъ преслѣдовалъ своими предложеніями и высмѣивалъ ея слезы:

„Браво, браво, захлопавъ въ ладоши и захохотавъ, онъ сказалъ „какая невинненькая! Она плачетъ: ахъ! сударка моя, я, право бы тебѣ, помогъ!“ („*Россійская Памела*“, *57*).

Въ купеческихъ домахъ отношеніе къ такимъ нахлѣбницамъ было болѣе патріархальнымъ

„...у всѣхъ купцовъ, особливо у богатыхъ, введено въ обыкновеніе брать къ себѣ для прислугъ родственницъ дѣвушекъ и за доброе поведеніе выдавать замужъ за сидѣльцевъ“ („*Похожденіе Ивана Гостинаго сына*“, *16*).

Во всякомъ случаѣ, положеніе этихъ несчастныхъ людей, зависимыхъ отъ доброты, часто очень тяжелой,—а иногда и просто каприза—было невеселымъ:

„Ничего нѣтъ скучнѣе, какъ жить въ знатныхъ домахъ. Тамъ бѣднаго благороднаго человѣка хуже почитаютъ постельной собаченки, или попугая; тамъ всегда надобно говорить противное тому, что чувствуешь, дурное должно называть хорошимъ, а хорошее дурнымъ“ („*Россійская Памела*“, *66*).

И вотъ въ повѣстяхъ встрѣчаемъ мы случаи, когда чаша терпѣнія у несчастнаго нахлѣбника переполнялась, и онъ оставлялъ своего „милостивца“ съ такими рѣчами:

„...естьли вамъ то несносно, что я кусокъ сей земли занимаю моимъ бѣднымъ жилищемъ, скажите мнѣ, государь мой, то я пойду индѣ искать мѣсто, къ которому бы могъ бѣдную мою прислонить голову“ („*Повѣствованія одного россіянина*“, *6*).

Развлеченія богатыхъ русскихъ помѣщиковъ отличались и блескомъ, и разнообразіемъ. У нихъ были часто въ деревняхъ роскошные замки („Александръ и Юлія, 90“), съ великолѣпными садами и парками (тамъ же и „Милыя, нѣжныя сердца“, 28), иногда даже съ звѣринцами („*Александръ и Юлія*“, 90).

У нихъ были свои домашніе оркестры („*Роза*“, 31) и хоры („*Никаноръ*“, 171). Въ деревняхъ устраивались большіе пріемы гостей, устраивались балы, маскарады, въ которыхъ принимали участіе не только гости дворяне, но и челядинцы („*Роза*“, 44) и крестьяне („*Александръ и Юлія*“, 122); устраивались любительскіе спектакли („*Роза*“, 29), концерты („*Россійская Памела*“, 82). Хозяинъ съ гостями увеселялся пикниками, съ богатымъ угощеніемъ и пѣснями („*Никаноръ*“, 73). Среди дворовой челяди въ богатыхъ домахъ были даже инородцы: „арапы“, „горцы“ („*Александръ и Юлія*“, 115); кромѣ штата „гайдуковъ“, „карлы“ (тамъ же, 115) и шуты.

Не менѣе сложенъ былъ штатъ богатой барыни — помѣщицы:

около нея, кромѣ старухъ приживалокъ, были „дѣвушки“ „барскія барыни“, „барскія барышни“ („*Вояжъ моего друга*“, *106*).

Въ одной повѣсти мы имѣемъ слѣдующій курьезный церемоніалъ „доклада“ барынѣ:

„...доложилъ мужику, который подметалъ тогда дворъ, что имѣетъ онъ крайнюю нужду до его госпожи. Мужикъ сказалъ это истопнику, истопникъ лакею, лакей донесъ камердинеру, камердинеръ сказалъ горничной дѣвушкѣ, дѣвушка объявила барской барынѣ“ („*Пересмѣшникъ*“, *IV*, *239*).

Рядомъ съ такой „по этикету“ строгостью жизни, рядомъ съ роскошью и утонченностью жизни, которая нуждалась въ „изящномъ“—требовала себѣ и музыки, и статуй, и картинъ,—въ другихъ слояхъ той же помѣщичьей и городской жизни встрѣчаемъ мы картины самаго грубаго разнузданнаго пьянства: похороны, крестины, свадьба, — все сопровождалось основательной попойкой. Повѣсти XVIII в. особенно богаты жанровыми картинками въ этомъ духѣ.

Привожу нѣсколько сценокъ: на крестинахъ пьяные гости со смѣхомъ укоряютъ отца новорожденной, что у него все дочери. Раздосадованный родитель

„...читалъ строгіе выговоры своей половинѣ за то, что она родила только дочерей“, обѣщалъ ей клятвенно сшить „парчевую кофту“, если родитъ мальчика, „Николаю же Чудотворцу за сіе самое отслужить благодарственный молебенъ съ акаѳистомъ и положить серебряную ризу на его образъ“ (*Евгеній, 70-1*).

Не менѣе живописны похороны:

„Погребеніе было самое плачевное. Когда повезли усопшую въ церкву, тогда два служителя вели полковника подъ руки для того, чтобы онъ не повалился бы въ грязь, жалость и выпитая имъ по утру для утоленія печали водка обременили его гораздо... Въ церкви съ разнымъ усердіемъ и разными голосами завывали старухи, стараясь разными способами обратить на себя вниманіе полковника“. Похоронивъ, „съ большимъ усердіемъ поспѣшили всѣ къ столу. До половины обѣда были рѣчи о покойницѣ, а послѣ вино помрачило ее у всѣхъ въ памяти: всякій началъ колобродить—попъ сталъ затягивать пѣсни“ („*Пересмѣшникъ*, *I*, *57*).

Очень колоритно описаны „проводы“ сына, уѣзжающаго изъ отческаго дома „въ ученіе“:

„собирающіеся гости, которые, желая напиться до-пьяна и проститься со мной, наполнили всѣ наши комнаты... Ревностный священникъ пришелъ вскорѣ въ сопровожденіи одного дьякона, одного дьячка и одного пономаря. Помолившись съ важностью и давъ всѣмъ желающимъ облобызать свою десницу, садится онъ подъ образа, выпиваетъ за здоровье хозяевъ и отъѣзжающаго по поднесенной ему рюмкѣ цѣлительнаго Ерофеича и говоритъ съ приличнымъ тѣлодвиженіемъ, что морозъ невеликъ“... „Черезъ полчаса домъ нашъ уподобился совершенно трактиру. Одинъ пьетъ и безъ стыда еще проситъ пить, другой бьетъ стаканы, третій кричитъ, четвертый поетъ, въ одномъ

покоѣ спорятъ, какъ въ питейномъ домѣ, въ другомъ бранятся, какъ въ смирительномъ, въ одномъ хохочутъ, какъ въ райкѣ въ театрѣ, въ другомъ воютъ, какъ на похоронахъ на кладбищѣ. Отецъ напомнилъ священнику вину его пришествія и, когда сей, какъ будто проснувшись, началъ служить молебенъ, гости, домашніе, даже и челядинцы, въ различномъ одѣяніи, всѣ собрались въ сію горницу, молились, вздыхали и зѣвали...“ (*Евгеній, 93*).

Исходъ обыкновеннаго обѣда въ нѣкоторыхъ помѣщичьихъ домахъ былъ обыченъ:

„насандаливъ довольно носы, встали мы изъ-за стола по обыкновенію пьяницъ, только благородныхъ, а не подлыхъ. Полковникъ совсѣмъ пьянъ въ придерживаніи двухъ дѣвокъ за оба крыла отправился въ свою спальню“ (*„Пересмѣшникъ“ I, 24*).

„Поминальный обѣдъ начался печально, а кончился весельемъ. По большей части засѣдали за нимъ отставные офицера, тѣ, которые были великіе охотники подтягивать сивуху и разсказывать о сраженіяхъ; насуслились они за нимъ довольно исправно, приговаривая почасту: „покойникъ былъ до вина охотникъ“ (*„Пересмѣшникъ“, I, 73*).

„...всякой въ угодность хозяина оказывалъ себя довольнымъ и выпивалъ все, что ему ни подносили, отъ чего послѣдовало изобильное краснорѣчіе, и, казалось, что собраны тутъ люди разныхъ націй и говорили разными языками; всякой не хотѣлъ молчать, а старались больше говорить; слушать же изъ нихъ никто не обязывался: слѣдовательно, пирушка сія походила на жидовскую школу“ (ibid., IV, 205).

Происходили и ссоры:

„...послѣ сего грому вся компанія помутилась, всѣ вскочили со своихъ мѣстъ и хотѣли разобрать ссору, ибо пьяные люди великіе охотники и драться и мириться“ (ibid., IV, 207).

„Всякой со своимъ усердіемъ подходилъ уговаривать ее (вдову) и воздерживаться отъ сокрушенія, и кто былъ пьянѣе другихъ, тотъ усерднѣе и старался“ (ibid., I, 74).

Повидимому, эти поминальные обѣды оканчивались нерѣдко криками и скандалами:

„...начиналась татарская музыка; всякъ заговорилъ своею погудкою и кто былъ довольнѣе, тотъ и кричалъ громче“ (ibid., I, 14).

„...bene portari тогда было необходимое свойство всякаго добраго россіянина, который, конечно, почелъ бы упущеніемъ должности своей, когда бы радостные тѣ дни ходить сталъ съ трезвою головою и не сталъ бы пить изъ сладостныхъ жизненныхъ источниковъ, увеселяющихъ только сердце. Послѣ крестинъ было повальное пьянство, домъ сгорѣлъ и младенецъ исчезъ“ (*„Странныя приключенія Могушкина“, 3*).

На свадебномъ пиру то же пьянство, которое окончилось тѣмъ, что гости.

„...всѣ легли спать въ разныхъ позахъ и разными манерами; иные подражали молодымъ, другіе спали и безъ того спокойно“ (*„Пересмѣшникъ“, II, 145*).

Иногда гости пріѣзжали уже сильно „навеселѣ“ (Неонила, 140).

Во время сытнаго и пьянаго обѣда споры велись горячіе, напримѣръ, о томъ, какое мясо вкуснѣе: черкасское или свиное. Иногда послѣ такого обѣда приходилось обращаться за помощью къ эскулапу,—но въ тѣ героическія времена и леченіе было героическое: въ одной повѣсти разсказано, какъ пьяный коновалъ, вызванный къ объѣвшемуся помѣщику, пьяному паціенту выпустилъ по ошибкѣ огромное количество крови, что не помѣшало тому весь день, слѣдующій за операціей, носиться съ гончими на лошади (*Зубоскалъ*, 8—9).

Игра въ карты была въ XVIII в. очень развита: существовали даже семейные дворянскіе дома, въ которыхъ всѣ члены въ разной мѣрѣ помогали другъ другу нечисто играть (*Евгеній*, 150).

Въ одной повѣсти отецъ, зная о шуллерствѣ своихъ сыновей, попытался было одного изъ нихъ направить на путь истинный и спросилъ:

„хорошо-ли сдѣлалъ твой братъ?“ — „очень хорошо: онъ по послѣдней ухваткѣ его обыгралъ, которую еще немногіе игроки знаютъ“ („*Сава*“, *37*).

Играли тогда особенно азартно: одинъ юный игрокъ разсказывалъ

„Что братъ его обыгралъ въ лоскъ товарища: все его имѣніе, деньги, даже послѣднюю атласную бѣлую женину исподницу съ заморскимъ кружевомъ“ *отобралъ онъ у проигравшаго* (*Сава*, *37*).

„... игроки сѣли, бросали направо, налѣво, били съ оника, и объявили, что деньги, платье и все, что онъ имѣлъ, надлежитъ имъ по народному праву“ („*Русскія Сказки*, *IV*, *102*).

Если судить по повѣстямъ XVIII в., то многіе изъ дворянъ того вѣка не отличались разборчивостью въ денежныхъ отношеніяхъ: въ повѣстяхъ встрѣчаются курьезные анекдоты о тѣхъ способахъ, которыми нѣкоторые богатые дворяне расплачивались съ заимодавцами.

„Близъ Кузнецкаго мосту жилъ господинъ, который деревнями и имѣніемъ былъ весьма богатъ, да и чинъ имѣлъ не малый, только имѣлъ похвальную для себя привычку, ходя пѣшкомъ по рядамъ, забиралъ всякіе товары не на деньги, а на счетъ, приказывая всякому за деньгами приходить въ домъ. Тамъ онъ угощалъ водкой и обходился ласково, но если кто напоминалъ о деньгахъ, того били гайдуки“ („*Похожденіе Ивана, Гостинаго сына*“, *62*).

„Какъ только придетъ къ нему купецъ съ векселемъ и станетъ просить денегъ, то онъ велитъ ему пустить кровь, слѣдовательно, тотъ купецъ не приходитъ уже къ нему цѣлый годъ: ибо пусканіе крови прежде прошествія года не бываетъ; и такъ, когда онъ учинилъ человѣкамъ пяти сіе пусканіе, то тѣ, которымъ жить милѣе, чѣмъ деньги, и совсѣмъ къ нему не ходили“ (*Пересмѣшникъ*, *IV*, *51*).

Въ другомъ романѣ упоминается о дворянахъ, которые, находясь въ дорогѣ —

„...обижаютъ крестьянъ по деревнямъ, отымаютъ у нихъ насильно лошадей, берутъ съѣстные припасы и за нихъ не платятъ, не имѣя къ тому ни малѣйшаго права, и послѣ ласкатели называютъ ихъ людьми добродѣтельными" (*Пересмѣшникъ, III, 222*).

Любопытно, что, по словамъ романтиковъ, „дворяне" занимались даже открытымъ разбойничествомъ. Нѣкоторые отпускали своихъ крѣпостныхъ на хищные промыслы, нѣкоторые прямо становились во главѣ шаекъ. Въ нѣсколькихъ повѣстяхъ обстоятельно разсказано, какъ комфортабельно устраивались такіе „атаманы" съ благородными вкусами и привычками

„...вошедъ въ его горницу, не мало дивился я убранству оной: она была убита цвѣтнымъ штофомъ въ золотыхъ рамахъ; большія зеркала и картины знатныхъ мастеровъ дѣлали въ ней большое впечатлѣніе". (*Пересмѣшникъ, I, 64*).

Другой романистъ, бѣгло описавъ богатство покоевъ атамана, особое вниманіе обращаетъ на него самого:

„... сидѣлъ на обитыхъ бархатомъ креслахъ человѣкъ, имѣющій пріятный видъ, съ черною окладистою бородою, въ парчевомъ кафтанѣ" (*Похожденія Ивана, Гостинаго сына, 47*).

Герой другого романа разсказываетъ, что, попавъ къ такому же атаману—барину, „больше 6 мѣсяцевъ" жилъ „прямо по-боярски". Когда онъ собрался покинуть гостепріимнаго хозяина, тотъ далъ ему на прощаніе лошадь и 2000 р. (*Зубоскалъ*, 18).

Изъ оффиціальныхъ документовъ извѣстно, что разбойничество дѣйствительно процвѣтало въ XVIII в. въ Россіи [1]); повѣсти и романы вводятъ насъ въ интимную сторону этой жизни. Мы узнаемъ, напримѣръ, что у разбойниковъ тогда были цѣлыя укрѣпленія въ лѣсахъ.

„прибыли мы къ одному рву, за коимъ сидѣли четверо на лошадяхъ въ такихъ же мундирахъ; они, отложа рогатку, впустили насъ; напослѣдокъ, пришли мы въ самую гущину лѣса, гдѣ стоялъ превеликій домъ, огороженный высокимъ заборомъ" (*Похожденія Ивана, 47*).

Разбойничество процвѣтало и въ самой Москвѣ:

„Всякой знаетъ, что въ Москвѣ въ нынѣшнее время стало немного построжѣе, а прежде, лѣтъ за пятокъ, и карауловъ не было, почему наша братія „торговые люди" (воры) въ отдаленныхъ отъ города мѣстахъ обитали цѣлыми домами" (*Похожденія Ивана, 52—53*).

Завести воровскую „шайку" тогда было совсѣмъ нетрудно (ibid. 22). Въ провинціи эти шайки представляли собой цѣлые военные отряды,

---

[1]) Сравни хотя бы дѣло о Ванькѣ Каинѣ и его автобіографію.

имѣвшіе иногда даже форму,—такъ одинъ разсказчикъ повѣствуетъ, какъ его спящимъ въ лѣсу нашли

„Человѣкъ съ шесть въ смурыхъ кафтанахъ и въ малиновыхъ бархатныхъ шапкахъ съ ружьями и палками". (*Пересмѣшникъ, I, 46*).

Это была банда разбойниковъ, атаманомъ которыхъ былъ помѣщикъ.

„Смурые кафтаны", „триповыя малиновыя шапки" и „ружья"—еще разъ встрѣчаются, какъ принадлежность разбойничьей формы" (ibid., 63).

Кромѣ такого „организованнаго разбоя подъ начальствомъ самого помѣщика встрѣчалось и разбойничество „случайное": крѣпостные, плохо управляемые, иногда полуголодные „пошаливали" по собственной иниціативѣ, иногда довольно крупно: особенно этотъ промыселъ соблазнялъ крестьянъ, жившихъ у большой дороги.

Любопытно еще одно бытовое явленіе, охотно отмѣчаемое въ русскомъ романѣ XVIII в.—„нищенство" злостное, съ обманомъ. Передъ нами въ повѣстяхъ XVIII в. проходитъ рядъ нищихъ симулянтовъ, которые дома у себя пользуются даже комфортомъ.

„Послѣ ужина нищіе сняли съ себя лохмотья и, оказалось, исподнія у нихъ хороши, умылись, легли спать, попарно, и, надобно знать, не на худыхъ, при томъ постеляхъ" (*Пересмѣшникъ, IV, 213*).

„Вечеромъ стали собираться толкающіеся по городу безстыдные люди и всякой, пришедши, опоражнивалъ свою мошенку въ поставленную хозяйкою чашку. Половина денегъ отправлена была въ кабакъ, при чемъ „бѣгалъ за виномъ хромой, однако, скоростью превзошелъ всякаго скорохода" (ibid., 213).

„Утромъ они встали, „натерлись нѣсколько сажею и грязью и, облекшись во вретище, пошли, куда каждаго добыча позывала" (ibid., IV, 216).

„Одинъ нищій притворялся убогимъ, а самъ былъ кутила, картежникъ: онъ собиралъ деньги, показывая на своемъ тѣлѣ раны, „кои растравлялъ нарочно чеснокомъ и горохомъ"; собравъ деньги, онъ „игралъ въ кости и карты", и однажды обыгралъ дьячка отъ Василія Блаженнаго „до самородной рубашки". (*Похожденія Ивана, 92*).

Нищій, лежа на площади, притворился умирающимъ,—позвали попа, сердобольный народъ сталъ кидать деньги на предстоящія похороны.

Одинъ изъ присутствовавшихъ зналъ, что это—продѣлки плута, поджегъ солому, на которой лежалъ „умиравшій", и тотъ пустился бѣжать безъ оглядки" (ibid).

Романы и повѣсти XVIII в. представляютъ вниманію историка длинную галлерею „типовъ", очевидно, выхваченныхъ прямо изъ жизни. Любопытно, что излюбленные „типы" русской сатиры—„щеголи" и „щеголихи" рѣдко встрѣчаются на страницахъ романа, за то романъ намѣчаетъ многіе такіе, которые нашли себѣ тонкое художественное развитіе въ русской литературѣ XIX ст.

Привожу тѣ случаи, когда мы имѣемъ дѣло съ „щеголями" и „щеголихами". Герой одной повѣсти передаетъ содержаніе бесѣды съ дамой:

„перестань, радость, ужасть какъ славно, ты себя раскрываешь!"—„Ето правда!"—продолжалъ я: „вы меня растрепали!", и съ тѣмъ бросаю на нее гнилой взоръ. Послѣ малаго числа вздоховъ становлюсь опять живъ, хвалю ея шнуровку и даю волю рукамъ. Красавица говоритъ: „Ето глупость! по чести ты шутишь!" А я далѣе... Меня ударяютъ полегоньку, но я продолжаю,—и, наконецъ, она и сама говоритъ, что ето была не шутка". (*Русскія Сказки, VII, 44*).

Одинъ русскій дворянчикъ „офранцузился"

„Почиталъ и себя не меньше, какъ выросшимъ въ Парижѣ, смѣялся всѣмъ, кои не подпрыгиваютъ на одной ножкѣ и не вмѣшиваютъ такихъ же словъ, кои не по-французски и не по-нѣмецки" (*Зубоскалъ, 24*).

Каковъ это былъ „стиль", видно изъ слѣдующаго примѣра: одинъ „щеголь" такъ ораторствуетъ:

„Мафуя! Діабль! Аманша моя сдѣлала мнѣ энфедимитацію. Бездѣлица! Бонъ есперансъ у меня въ карманѣ, не о чемъ быть въ пансіи. Сія табакерка пуръ ла меритъ новой моей любовницы" (*Русскія Сказки, IV, 112*).

Каково было „міросозерцаніе" этихъ офранцузившихся русскихъ видно, хоть бы, изъ слѣдующаго разсужденія:

„Цѣломудріе... Какъ ето смѣшно! Какъ ето пахнетъ русскимъ духомъ! да что ето значитъ? я отъ роду объ етомъ впервые слышу, и не знаю, что за вещь цѣломудріе!" (*Россійская Памела, 88*).

Щеголи заботились исключительно о томъ, что

Лежитъ до знанія дворянскаго, то есть не о любви къ отечеству, къ добродѣтели, а обращаться смѣло, говорить живо, напримѣръ, начинать рѣчь и не оканчивать, перебивать слова другихъ, всѣхъ пересмѣхать, одѣваться по модѣ и играть въ карты" (*Русскія Сказки, IV, 96*).

Другой такой щеголь высмѣивалъ всѣхъ

„Кои не попрыгиваютъ на одной ножкѣ и, не вмѣщая иностранныхъ словъ, не произносятъ ихъ навыворотъ..." Не влюбясь любить и влюбясь не любить, ломаться, обманывать, разславлять—вотъ его времяпровожденіе" (ibid., I, 96—97).

Старикамъ не нравились такіе юноши—одинъ съ насмѣшкой разсказываетъ, что къ его дочери сватается такой франтъ:

„шаркаетъ ногами, мигаетъ бровями, достатокъ мнѣ его извѣстенъ—голъ, что соколъ, какъ бы онъ мнѣ много ни лгалъ!" (*Сава, 57*).

Приведенными примѣрами исчерпываются всѣ случаи появленія „щеголей" на страницахъ русскаго романа.

Не есть ли это самое доказательство того, что сатирическіе журналы, выдвигавшіе эти типы на первое мѣсто, грѣшили тенденціозностью—они, очевидно, слишкомъ повторяли образы чужой, ино-

земной сатиры. То, что было типичнымъ, напримѣръ, въ Германіи, то у насъ бросалось въ глаза быть можетъ только въ столицѣ.

За то, повторяю, русскій романъ XVIII в. богатъ „типами", самыми разнообразными, въ очертаніи которыхъ чувствуется не поддѣльная правда русской жизни.

Такъ, въ романахъ охотно выводился типъ „недоросля"

„Въ домъ полковника былъ привезенъ за недѣлю до этого времени его племянникъ Балабанъ. Онъ обиталъ въ мѣстахъ просвѣщенныхъ, гдѣ люди съ великимъ прилежаніемъ копятъ деньги и не знаютъ, сколько въ рублѣ копѣекъ. Сосѣди его были волки, медвѣди и зайцы; лучшее его товарищество— борзыя и гончія собаки, съ которыми онъ вмѣстѣ въ одной академіи учился лаять, пилъ и ѣлъ и спалъ вмѣстѣ". (*Пересмѣшникъ, I, 33*).

„Горебогатырь остался тогда сиротою съ одной матерью, и лучшая его забава была играть въ свайку, валяться съ робятами на травѣ, ходить по игрищамъ и, воткнувъ булавку на палку, таскать изюмъ изъ погреба, сквозь окошко" (*Сказка о Горебогатырѣ, 4*).

Другой такой „недоросль" увлекался голубями. Онъ самъ разсказываетъ о слѣдующемъ эпизодѣ:

„Разъ забрался къ нему въ будку отецъ и взогналъ голубей больше, нежели я хотѣлъ, и тѣмъ меня разсердилъ нѣсколько и, къ пущему моему гнѣву, многихъ растерялъ. Я его столкнулъ съ будки и тѣмъ отправилъ на тотъ свѣтъ" (*Пересмѣшникъ, II, 59*).

Полное неумѣнье воспитывать дѣтей приводило къ такимъ послѣдствіямъ:

„Вася сдѣлался совершеннымъ повѣсой, пилъ исправно, ругался хуже всякаго извощика и къ ревизіи доставилъ лишнихъ душъ съ десятокъ. Настя столь не понятна была къ наукѣ, что не умѣла счесть, сколько горячностей оказала она старостину племяннику Игнашкѣ и сколько нянюшкину сыну башмачнику Антипкѣ" (*Игра Судьбы, 94*).

Другой богачъ, винный „компанейщикъ", сыну своему далъ „вольное воспитаніе", но не наказывалъ. Сынъ ни къ чему не привыкъ—только полюбилъ гонять голубей.

„построили ему будку, и стали закупать голубей сотнями" (*Пересмѣшникъ, II, 159*).

Нѣсколько разъ въ романахъ изображается образъ купца, нажившаго деньги всѣми правдами и неправдами. Вотъ, напримѣръ, исторія одного богатства:

„въ началѣ своей жизни торговалъ въ лавкахъ и обманывалъ людей, бравши за гнилой товаръ тройной барышъ, присовокупилъ немалое имѣніе; потомъ не захотя въ одномъ томъ криводушническомъ рукомеслѣ упражняться, откупалъ бани, кабаки, мосты и перевозы, притѣснялъ и грабилъ маломочныхъ людей безъ пощады, а оттого сдѣлался немалымъ капиталистомъ и чиновнымъ („*Похожденіе Ивана*", *15*).

Изобилуютъ романы изображеніемъ и другихъ типовъ. Вотъ, напримѣръ, передъ нами разорившійся помѣщикъ-дворянинъ Пустомошнинъ,—онъ имѣетъ привычку посѣщать сосѣдей „въ обѣденное и ужинное время“—ѣстъ онъ жадно

„не имѣлъ привычки во время стола разговаривать, но вымѣщалъ сіе послѣ и при томъ съ довольнымъ разумомъ насчетъ честныхъ людей, коимъ немало стоило труда стереть съ себя намазываемыя симъ потаскаемъ пятна...“ „Былъ настоящій прихлебатель, негодяй, вѣстовщикъ и лазутчикъ въ тѣхъ домахъ, въ кои имѣлъ входъ“ (*„Русскія Сказки“, VI, 197*).

Вотъ любопытный образчикъ россійскаго дворянина, любителя ругаться:

„Поутру, вставши съ постели, кричалъ онъ на своего слугу и кликалъ его къ себѣ: „чтобы дьяволъ тебя побралъ!.. Ванька! ..что за чортъ!.. Чтобы черти тебя взяли!.. Придешь ли ты, дьяволъ, сюда? (*„Не прямо въ глазъ, а въ самую бровь“, 63—4*).

Однажды его ругань была записана и положена на столъ къ нему. Прочитавъ записку, онъ

„прочелъ и сказалъ: „Вотъ еще какой чортъ!.. Онъ еще лучше меня ругается на бумагѣ“ (Ibid.).

Вотъ три молодыхъ дворянина, ухаживающихъ за одной дѣвушкой-сосѣдкой.

„Одинъ думаетъ побѣдить щегольствомъ, перемѣняетъ платья по три раза въ день, смотрится въ зеркало. Другой знатностью рода“. Занятія его заключаются „въ гоньбѣ за зайцами съ соколами, за утками“. Его конь былъ „увѣшанъ гербами: посреди скотовъ, составляющихъ гербы его, былъ онъ въ настоящей своей элементѣ“. Третій гордился своею храбростью: „онъ разсказывалъ мнѣ о разныхъ достойныхъ дворянина своихъ подвигахъ, напримѣръ, какъ онъ дрался за землю съ сосѣдями и ихъ переувѣчилъ, какъ у другихъ отнялъ луга, а у третьихъ свезъ сжатый хлѣбъ“. (*„Русскія Сказки“, V, 292*).

Любопытна сценка, въ которой приводится характеристика русскихъ помѣщиковъ. Отецъ отправляетъ своего сына къ сосѣдямъ и учитъ его, какъ надо обращаться съ каждымъ изъ нихъ:

„Къ Скрягину надо являться въ старомъ кафтанѣ и говорить: „ахъ, какая дорогой пыль—все платье изгадилъ!“, надо хвалить его столъ; съ Старосѣловымъ надо говорить „о войнѣ съ турками и о превосходствѣ древняго военнаго состоянія противу нынѣшняго“. У Нелюдимова нельзя говорить съ его дочерью и смотрѣть пристально на его сожительницу“. Надо ругать всякую вольность, иначе онъ побьетъ и дочь, и сожительницу, и сухо его приметъ. У Пилатова надо восхвалять тѣлесныя наказанія, и онъ тотчасъ будетъ отвѣчать, что, не бывши весьма драчливымъ и не переувѣча своихъ подчиненныхъ, никто не можетъ быть достоинъ своего званія“—„для забавы гостямъ раскваситъ двумъ или тремъ носы и нѣсколькихъ высѣчетъ батогами“. „Ехидникъ любитъ сплетни, и при немъ надо быть злоязычнымъ“. „Если тутъ же будетъ г-жа Змѣйкина, то можно наблюдать, какъ готовятся разныя пакости для вражды окрестнымъ помѣщикамъ“. (*„Русскія Сказки“, VII, 86*).

Вотъ характерный офицеръ „въ отставкѣ“: онъ—болтунъ, дерзокъ, великъ ростомъ, но худъ и нескладенъ“

„голова у него очень малой величины и при томъ деревянная; съ висковъ и что назади виситъ коса,—походитъ онъ на подъячаго, и въ самомъ дѣлѣ крючкотворецъ превеликій. Онъ для того родился на свѣтъ, чтобы пить, ѣсть и заводить ссоры, а больше ни къ чему не способенъ. Видите, онъ уже разстегнулъ камзолъ и хочетъ перемѣнить девятую тарелку, онъ ни одного не оставитъ цѣлаго кушанья и всѣхъ отвѣдаетъ до половины. Эта ржаная тварь вездѣ такъ ѣстъ, какъ будто бы предчувствуетъ 10-лѣтній голодъ“ (*„Пересмѣшникъ“, I, 10*).

Для характеристики „нравовъ“ не безъинтересенъ слѣдующій „типъ“:

„онъ былъ весьма храбрый офицеръ и на двадцатомъ еще году своего возраста мать свою родную высѣкъ розгами“ (*„Пересмѣшникъ“, I, 14*).

Даютъ наши романисты нѣсколько портретовъ людей, отличавшихся самодурствомъ. Одинъ, напримѣръ, богатый скряга, не позволялъ жечь ни свѣчи, ни лучины, заявляя, что

„свѣча принадлежитъ одному образу, а лучину жечь убыточно для сохраненія лѣсовъ, да и опасно въ пожарномъ отношеніи“. (*Сава, 41—42*).

Онъ всѣхъ укладывалъ рано спать

„сказывая, что Богъ сотворилъ день для работы, а ночь для успокоенія, такъ намъ умничать не для чего, и противъ власти Божіей мудрствовать“ (ibid.).

Тотъ же романистъ нарисовалъ намъ цѣлое поколѣніе скупыхъ помѣщиковъ,

„Дѣдъ—жидоморъ, сынъ—крохоборъ, внукъ—скопидомъ,—всѣ сіи три урода, неописанные скупяги составляли чудище въ родѣ человѣческомъ. Одинъ изъ нихъ послѣ полевыхъ работъ крестьянъ посылалъ во всѣ стороны собирать милостыню, „раздавъ имъ по большому мѣдному кресту, положа на деревянную тарелку, покрывъ бѣленькой тряпочкой“. Такъ собиралъ онъ въ день до 6 рублей. Лошадей онъ кормилъ подметеннымъ на площадяхъ сѣннымъ мусоромъ. Мяса мужикамъ ѣсть не позволялъ, указывая на устройство зубовъ у людей: „зубы къ мясу не опредѣлены“, говорилъ онъ, „а имѣютъ чашки, подобныя лошадинымъ и коровьимъ“. Онъ утверждалъ, что опасно кормить мясомъ слугъ—такъ какъ „слугу должно держать такимъ правиломъ, чтобъ онъ былъ ни сытъ, ни голоденъ, ни тепелъ, ни холоденъ, ни босъ, ни обутъ, ни нагъ, ни одѣтъ; а кисельные выжимки должно давать безъ скупости—пожалуй, кушай на здоровье“. Никому въ домѣ ужинать онъ не позволялъ. Пить разрѣшалъ только воду „сколько кто похочетъ“; помня пословицу: „на хлѣбъ, на соль—и туды, и сюды,—а на воду простъ“—„брюхо—не зеркало: никто не видитъ, чѣмъ ни набей!“ (ibid., 41—3).

Въ нѣсколькихъ словахъ обрисованъ ханжа-самодуръ, помѣшанный на нравственности: онъ запретилъ въ своемъ домѣ разговаривать мужчинамъ съ женщинами, запретилъ даже имъ смотрѣть другъ на друга.

„Какъ кто провинится, баринъ въ тоску ударится: „согрѣшили мы предъ Богомъ! Какое въ домѣ моемъ стало грѣхопаденіе: мужчина на женщину глядитъ и губами шевелитъ“. (Ibid, 48).

Не разъ рисуютъ романисты людей „стараго закала“, не признающихъ нововведеній, напр., медицины. Одинъ изъ такихъ старовѣровъ такъ разсуждаетъ:

„старики наши за грѣхъ почитали и лѣкарей въ домъ не пускали, да не меньше нашего жили, а ежели кто, бывало, занеможетъ,—возьметъ на себя постъ и недѣли не ѣстъ, да еще положитъ въ день поклоновъ земныхъ триста, да ночью двѣсти—лучше вашего проклятаго биліарда сдѣлаетъ моціонъ. (Ibid., 43).

Вслѣдъ за карамзинскимъ Флоромъ Силиномъ, появляются на страницахъ русскаго романа изображенія добродѣтельныхъ, простыхъ русскихъ людей, съ опредѣленнымъ міросозерцаніемъ. Немудрено, что „открытіе“ въ людяхъ низкаго состоянія не только наличности сердца и ума, но даже философскихъ взглядовъ на жизнь заставило писателей русскихъ съ особымъ восторгомъ останавливаться на этихъ „новыхъ герояхъ“, пришедшихъ на смѣну рыцарямъ и маркизамъ. Этимъ „новымъ героямъ“ принадлежалъ весь XIX вѣкъ.

„Вы заставляете меня забывать низкость вашего состоянія, сказала ему Умозора, и чтить ваше человѣколюбіе! Конечно, добродѣтель не разбираетъ благороднаго рожденія, она, поселясь въ сердца человѣческія, затмеваетъ собою низкость рода; она рождаетъ благородныя мысли, она умягчаетъ жестокость чувствъ“ (75).

„... не удивительно, если просвѣщенный человѣкъ сдѣлаетъ разумное, но разъ до сознательнаго отношенія къ добру дошелъ своимъ умомъ мужикъ—это великое дѣло“.

На страницахъ русскихъ романовъ встрѣчаемъ мы не разъ свѣтлые образы простыхъ мужиковъ,—трезво и спокойно глядящихъ на жизнь. Иногда, рядомъ съ ними, авторъ нарочно ставитъ другихъ, которые были оторваны отъ земли, отъ родной деревни и испорчены „городомъ“.

Такъ, въ одномъ романѣ выведены два такіе противоположные по вкусамъ мужика: одинъ—хорошаго поведенія, хорошій семьянинъ, другой—пьяница, съ презрѣніемъ относящійся къ деревнѣ; онъ смѣется надъ первымъ, говоритъ, что

„онъ годится только пахать землю, да развѣ въ рекруты“.

Молодые баричи поддерживаютъ его. На это осмѣянный крестьянинъ—

„не будетъ пахотника—не будетъ и бархатника“!—ворчалъ сквозь зубы.

Очень любопытенъ одинъ разговоръ съ извозчикомъ, очевидно, записанный авторомъ безъ измѣненія:

„Сколько ты подати платишь?" Я думаю много, съ дѣтьми вмѣстѣ. „Немножко и трудно, отвѣчалъ извощикъ, да что жъ дѣлать! Видно, надобно столько, такъ для того и требуютъ. Вишь для насъ трудятся, сударикъ; день и ночь не спятъ другіе, а иной, батюшка, теряетъ здоровье, а служивой-то и умираетъ за насъ—тогда какъ мнѣ въ моей семьѣ и горя нѣтъ. Сколько жъ еще есть бѣдныхъ людей! Вишь имъ надобно помогать. Я одинъ всѣхъ не надѣлю, а міромъ-то—кто денежку, кто полушку—анъ бѣдному человѣку и хлѣбъ насущный, и никому это не тягостно"! (*Филонъ, 410*).

У этого старика-извозчика два сына, одинъ—хорошій, другой—отъ рукъ отбился,—

„научился въ Москвѣ всему хорошему!... Пить, гулять, мошенничать!—это его первое дѣло. Меня не почитаетъ. Ругаетъ похабными словами.. Чуть не бьетъ. Надъ старыми людьми смѣется!.. Господь знаетъ, какъ его сыра-земля держитъ! Два раза наказывалъ я его на міру, билъ его больно управитель, увѣщевалъ и священникъ—ну, какъ нѣтъ, такъ и нѣтъ"! (ibid., 407).

Когда дошло дѣло до расплаты, то сѣдокъ былъ удивленъ, что старикъ-извозчикъ считаетъ грѣхомъ „запрашивать" лишнее. Онъ такъ разсуждаетъ по этому поводу:

„черезъ это и тебя въ грѣхъ ввелъ бы, и объ себѣ заставилъ бы худо подумать!"—„Почему же, старинушка?" спросилъ я его съ любопытствомъ. „Куда, какъ же, батюшка! Коли бы я запросилъ съ тебя больше, такъ бы за это съ досады, можетъ быть, и выбранилъ бы меня. Вотъ бы я тебя и ввелъ въ грѣхъ. Да еще бъ ты сказалъ, батюшка: „этой какой это старичокъ! Хочетъ деньги брать и напрасно. А я, батюшка, не привыкъ этого дѣлать"!. Тутъ вдругъ онъ вынулъ изъ запазухи ломоть хлѣба и, показывая его мнѣ, дрожащимъ отъ волненія голосомъ сказалъ: „видишь, батюшка, что я ѣмъ, то и лошадь моя. Она помогаетъ мнѣ въ работѣ, а я и дѣлюсь съ нею тѣмъ, что заработалъ. Да и думаю: „коли мнѣ этотъ кусокъ сладокъ, то и ей не горекъ, что мнѣ нужды, батюшка, какъ хочешь живи, а я хочу жить чистыми своими трудами, и не хочу ни одной, какова есть, полушки незаслуженной. Умру, батюшка, и не отдамъ никому отвѣта въ томъ, чего я не сдѣлалъ"! (ibid., 405).

Онъ разсказываетъ, какъ однажды вернулъ сѣдоку забытыя тѣмъ деньги, какъ надъ его честностью смѣялись товарищи-извозчики:

„я и сталъ себѣ послѣ думать: „ну коли, батюшка, деньги эти увезъ, а онѣ были, можетъ быть, чужія, либо хозяинъ былъ какой человѣкъ бѣдной? то что?.. Не пришелъ ли бы онъ на мою могилу плакаться о своемъ несчастіи?.. Я думаю, сударикъ, что его слеза дошла бы до моего гроба, и кости бы мои поворотила; а передъ Господомъ Богомъ какой бы я далъ отвѣтъ" (ibid., 406).

Жизнью своею старикъ, въ общемъ, доволенъ

... коли обо всемъ стать сожалѣть, то и вѣку нашего не станетъ! Почему бы я зналъ, что хорошо живу, коли худа за собой не вижу? что еще мое за несчастье? Люди больше моего терпятъ! Господь Богъ и самъ сколько терпѣлъ за насъ грѣшныхъ, да еще—невинно! А мы, кажется, терпимъ по дѣламъ. Богъ все видитъ и знаетъ, а совѣсть-то вишь не молчитъ; такъ неужто онъ, Свѣтъ, не оглянется на насъ"? (ibid.).

Русская деревня и ея обитатели были для авторовъ повѣстей особо интереснымъ предметомъ разсказовъ и описаній. Любопытно, что жизнь нашихъ крестьянъ освѣтилась въ романахъ съ двухъ совершенно различныхъ сторонъ: одни рисовали ея отрицательныя стороны: безотрадныя картины русской дѣйствительности, другіе—останавливались на сторонахъ болѣе свѣтлыхъ. Но любопытно то, что въ огромномъ большинствѣ случаевъ, и тѣ, и другіе сумѣли воздержаться отъ тенденціозности и остаться безпристрастными, объективными художниками.

Привожу нѣсколько примѣровъ. Вотъ описаніе одного захудалаго мужичка:

„Сысой Фофановъ, сынъ Дурносоновъ, крестьянинъ, родился въ деревнѣ, отдаленной отъ города хлѣбомъ и водою, бывъ повитъ пеленами, которыя тонкостью и мягкостью своею немного уступали цыновкѣ, лежалъ на локтѣ вмѣсто колыбели въ избѣ, лѣтомъ жаркой, а зимой дымной, до десяти лѣтняго возраста своего ходилъ босикомъ и безъ кафтана, претерпѣвалъ равномѣрно лѣтомъ несносный жаръ, а зимой нестерпимую стужу; слѣпни, комары, пчелы и осы вмѣсто городского жиру въ времена жаркія наполняли тѣло его опухолью. До двадцатипяти лѣтъ, въ лучшемъ уже убранствѣ противъ прежняго, т. е. въ лаптяхъ и въ сѣромъ кафтанѣ, ворочалъ онъ на поляхъ земли глыбами и въ потѣ лица своего употреблялъ первобытную жъ свою пищу, т. е. хлѣбъ и воду со удовольствіемъ“ (*Пересмѣшникъ*, *V*, *189*).

Другой герой жилъ —

„... въ такой деревнѣ, гдѣ изъ всѣхъ мужиковъ не можно сдѣлать ни одного философа,—всякой охотнѣе упражнялся въ удобреніи нивы, нежели въ познаніи самого себя“. „На какой конецъ имѣетъ онъ данную ему жизнь, имъ въ голову не приходило... Если бы съ ними объ этомъ заговорить, то они сочли бы за сумасшедшаго и пустили бы кровь“ (ibid., IV, 200—201).

Реально и въ то же время художественно-объективно изображена бѣдность деревни:

„... встрѣтилась со мною расчесанная деревня: я узналъ тотчасъ по ея платью, что не могу тутъ выпросить ни одного куска хлѣба“ (ibid., 77).

„... Что же ты пришелъ съ пустыми руками? спросилъ я у воротившагося Пантелеича; принесъ ли что?—„принесъ, сударь!“—огня—„И только?“—„Да у кого же что взять, сударь? во всей деревнѣ нѣтъ ни живого куренка!“—„Ну, такъ молока-то для чего не сыскалъ?“—Гдѣ прикажете сыскать? Нѣтъ ни бѣшеной собаки!“ (*Вояжъ моего друга*, *101*).

Вотъ, напримѣръ, нѣсколько описаній внутренности избы:

„Какъ только мы туда прибыли, то и возвели насъ въ покой, хорошо убранный, гдѣ люди и скоты вмѣстѣ находились: мущины, женщины, дѣти, работники и служанки, свиньи, коровы, собаки, кошки, куры и гуси,—все было собрано тамъ, съ тѣмъ только различіемъ, что для людей было сдѣлано мѣсто нѣсколько возвышеннѣе“... Огонь горѣлъ посрединѣ на земляномъ полу, около котораго сидѣли, какъ путешественники, такъ и домашніе; очи-

*

щали себя отъ чаду, который весьма ихъ тревожилъ. Дымъ выходилъ въ одно отверстіе и котлы висѣли на цѣпяхъ надъ огнемъ, въ которыхъ варили они грубую свою пищу“ (*Странныя приключенія Магушкина, 222*).

„... Маленькая избенка, внутри которой носились дымныя тучи и закрывали отъ взоровъ смертныхъ лазурь закоптѣлаго потолка; по стѣнамъ и полу ползалъ неисчислимый содомъ и гоморъ, а снизу курились ароматы, достойные обитателей“ (*Вояжъ моего друга, 114*).

Нерѣдки въ русскихъ повѣстяхъ сцены, дающія представленіе о грубости русской деревенской жизни.

Такъ, напримѣръ, въ одной повѣсти изображается деревенское сраженіе: изъ-за лошади, попавшей въ чужой хлѣвъ, дерутся двѣ деревни; цѣпы, дубины, колья—все пущено въ дѣло.

„Своевольные мужики обыкли больше управляться сами, нежели искать удовольствія въ правосудіи... Они въ мигъ разсудили, и каждый свое право началъ доказывать естественно, то есть оплеухами и кулаками“ (*Русскія Сказки, IV, 106—107*).

„Въ ихъ глазахъ одинъ отважный съ глупостью крестьянинъ ударилъ другого въ самое темя оглоблею, не сказавъ ему, чтобы онъ посторонился, и убилъ его“ (*Пересмѣшникъ, III, 229*).

По словамъ романистовъ, русскіе мужички не отличались милосердіемъ:

„рѣдкіе примутъ на себя трудъ, дабы оказать услугу нужду имѣющему и страждущему человѣку—открыть окошко и ему подать кусокъ хлѣба, или ковшъ воды“ (*Странныя приключенія Магушкина, 15*).

Но, повторяю, кромѣ указаній на эти отрицательныя стороны русской деревенской жизни, мы найдемъ не разъ картинки и свѣтлыя, и при томъ безъ приторной идеализаціи. Таковы, напримѣръ, разсказы о развлеченіяхъ сельской молодежи.

Одна дѣвушка вспоминаетъ о беззаботныхъ играхъ, хороводахъ, о томъ, какъ она

„... завивала березку, заплетала вѣночки, пѣла, плясала вокругъ душистой липки, разноцвѣтными лентами, жемчужными ожерельями обвѣшенной“ (*Обманутый мудрецъ, 83*).

Деревенскія пляски происходили „по гудку“ (*Похожденія Ивана*, 211).

„Во время Святковъ во всѣхъ мѣстахъ на Руси у обоего пола, возраста, достоинства и достатка людей, бываютъ ночныя сборища: въ городахъ комедіи, въ деревняхъ у дворянъ—вечеринки, а у крестьянъ и другой черни игрища“ (ibid., 115).

... „не только во время святочнаго торжества въ Руси бываютъ ночныя сборища и забавы, то же самое случается и объ масляной недѣлѣ“ (ib. 121).

Вотъ подробное описаніе сельскихъ забавъ. Молодежь танцуетъ подъ свирѣль, а

„подгулявшіе старички, сидѣвшіе въ кружокъ, съ удовольствіемъ вспоминая о своей молодости, смотрѣли на нихъ умильнымъ окомъ и, не вытерпя, присоединились къ молодымъ, но, чувствуя, что обветшалыя силы ихъ не позволяютъ имъ рѣзвиться, что отъ десяти прыжковъ они устали, принужденными нашлись отъ хороводу удалиться и сказать, что у нихъ головы закружились" (*Роза и Любимъ. 39*).

„Ничего не было забавнѣе, какъ смотрѣть на толпу барскихъ барынь, пышно наряженныхъ, которыя со всевозможнымъ жеманствомъ открыли сельской балъ пляскою со смѣшными кривляніями. Потомъ заиграла роговая музыка разныя охотничьи пѣсни, марши и городскія танцовальныя штуки, коимъ прилежно внимали вокругъ ушатовъ, наполненныхъ пивомъ и виномъ, сидящіе раскраснѣвшіеся мужички; но вдругъ они вскакиваютъ, надѣваютъ шляпы, берутъ своихъ женъ и подругъ, начинаютъ прыгать, держа въ одной рукѣ деревянный, или глиняный стаканъ съ виномъ, а въ другой свою даму. Имъ нѣту нужды въ томъ, что играютъ, пѣсню ли, польской ли, маршъ ли, минуетъ ли,—они только прыгаютъ, несмотря на то, что вино изъ стакановъ ихъ плещется" (*Россійская Памела, 66*).

„... Наконецъ, наступилъ толико желанный имъ день. Село его наполнилось тогда разряженными крестьянами и крестьянками, въ числѣ коихъ было довольно наипрекраснѣйшихъ. Ни одинъ, проѣзжій мимо его окошекъ, поселянинъ изъ другой деревни, пріѣхавшій со своею наряженною въ блестящее, но не роскошное платье семьею и сидящею въ телѣгѣ, не преминулъ того, чтобы не снять передъ нимъ пестрыми лентами перевитой своей шляпы, и не прокричать ему послѣ низкаго поклона поздравленія съ праздникомъ и желанія многолѣтней жизни" (ibid., 61).

... Веселость продолжалась до самаго вечера, по наступленіи коего всѣ пошли по домамъ, таковымъ порядкомъ: молодыя дѣвушки шли кучею впередъ, за ними холостые молодцы, а за ними подгулявшіе крестьяне съ женами, приплясывая и крича нескладныя пѣсни, коими заглушалося согласное пѣніе лѣповидныхъ предшественницъ и сановитыхъ предшественниковъ. Сіе шествіе блаженствующихъ и счастливыхъ поселянъ замыкалося старостою и важнымъ толстобрюхимъ прикащикомъ (*Россійская Памела, 66*).

Не разъ романисты указывали на хорошія отношенія помѣщиковъ къ крестьянамъ, о той любви, которою платили тѣ своимъ господамъ.

Меня отдали въ солдаты еще при покойномъ дѣдѣ нынѣшняго князя. Дай Богъ ему царство небесное! былъ добрый господинъ. Онъ былъ отецъ нашъ, а не господинъ. Самъ зналъ службу и нужду видалъ (10). Самъ служилъ царю Петру Первому; а тогда служба потруднѣе была (*Храбрый Философъ, 10*).

„Вашъ батюшка, продолжалъ однодворецъ, былъ добродѣтельной человѣкъ,—онъ далъ мнѣ хлѣбъ насущный, онъ записалъ сына моего въ службу, онъ посѣщалъ меня, дрожащія руки мои нерѣдко прижимали его къ моей изсохшей груди: позволь (сквозь слезы говоря), позволь, любезное дитя, мнѣ и тебя также обнять" (*Россійская Памела, 4—5*).

Въ одной повѣсти разсказана трогательная исторія о томъ, какъ обѣднѣвшій дворянинъ принужденъ былъ продавать своего преданнаго слугу.

„... Петръ—такъ звали его—послѣ нѣсколькихъ минутъ молчаливой борьбы съ самимъ собою, напослѣдокъ, всхлипывая, воскликнулъ: „Баринъ! не продавай меня. Руки мои здоровы, голова также. Отпусти меня по паспорту, и я надѣюсь пропитать тебя“ (*Филонъ, 15*).

„Поселяне справедливо называли его ангеломъ-утѣшителемъ своимъ. Съ какою ласкою укрощалъ онъ ихъ распрю и съ какимъ восхищеніемъ обличалъ судьбу несчастнаго“ (*Роза, 3*).

Особенно въ романахъ конца XVIII в. подчеркнуто признаніе за крестьянами человѣческихъ чертъ: „Бѣдная Лиза“ Карамзина въ этомъ отношеніи имѣла особое значеніе:

„Чувствовать умѣетъ и всякая крестьянка“ (*Ростовское озеро*, 310).

„Чувствительность встрѣчается намъ и въ низкомъ состояніи; она сопряжена съ любовію природы“ (*Бѣглецъ*, 401).

Любовь дворянина къ простой крестьянской дѣвушкѣ фигурируетъ не разъ на страницахъ русскаго романа XVIII вѣка.

„Любовь къ простой дѣвѣ не есть порокъ“ (*Кадмъ и Гармонія, 81*).

„Добродѣтели, а не порода дѣлаютъ людей почтенными“ (*Полидоръ, 139*).

„Человѣчество не въ знатности рода состоитъ, а въ поступкахъ, достойныхъ человѣка (ib., 24).

Въ одномъ романѣ герой женится на крестьянкѣ, такъ какъ не считаетъ это для себя унизительнымъ („Полидоръ“, 36); въ другомъ романѣ герой называетъ предразсудкомъ установившееся мнѣніе, что жениться на „простой“ неприлично,

... „предразсудокъ тамъ только полезенъ, гдѣ онъ отражаетъ или удерживаетъ зло; а тамъ онъ есть самъ зло, гдѣ сражается съ добродѣтелью. И лучше жениться на поселянкѣ да на благонравной, нежели на знатной и на богатой графинѣ“ (*Россійская Памела*, 46).

„неужели только по одному равенству можно любить? Неужели состоянія препятствуютъ? Вѣдь онъ такой же человѣкъ, какъ и я, такъ чѣмъ же мы неравны“. („*Россійская Памела*“, *121*).

„...красавица низкаго состоянія столь же любезна, сколько и самая прелестная царевна“ (ibid., 21).

Не разъ въ романахъ попадаются образы вѣрныхъ преданныхъ „дядекъ“ — слугъ и старыхъ нянь. Они являются часто въ роли „утѣшителей“—друзей. Напримѣръ:

„Сѣдая голова его склонилась къ колѣнямъ стоящаго господина; спина скорчилась; одна рука повисла къ землѣ, другая держалась за полу молодого человѣка. Сей послѣдній наклонился и положилъ одну руку на плечо старика, который, почувствовавъ ее на себѣ, приподнялъ голову, взглянулъ на него и, сквозь слезы, сказалъ прямымъ сердечнымъ языкомъ: „баринъ, любезной мой баринъ!“ Лица ихъ сближались,—они бросились другъ къ другу въ объятія; слезы смѣшивались... Въ сію минуту исчезло для нихъ человѣческое неравенство. Забывъ всѣ общественныя различія, они обнимались, какъ человѣкъ съ человѣкомъ“ (27).

Героиня одного романа сильно влюбилась и тосковала. Тайну ея сердца узнала ея старая няня,

„которую она любила безмѣрно и которая прилѣплена была къ ней всей душою. Сія добрая женщина, хотя съ великимъ трудомъ, но извлекла тайну изъ сердца Юліи".

Желая помочь Юліи, старуха явилась къ герою и —

„стараясь удержать текущія слезы, говоритъ ему томнымъ голосомъ: „я настрадалась, глядя на бѣдную мою барышню; она вянетъ, какъ цвѣтокъ въ полѣ... Ты, сударь! ты возмутилъ покой и веселость ея молодыхъ лѣтъ... Ахъ! зачѣмъ тебя Богъ принесъ сюда? Но естьли ты добрый и честный господинъ, то жизнь ея съ тобою будетъ счастлива. Ежели мила тебѣ Юлія, то проси ее у батюшки... Можетъ быть, самъ Царь Небесный создалъ васъ другъ для друга, можетъ, Онъ судилъ вамъ быть благополучными вмѣстѣ,—а мы какъ бы рады были увидѣть въ тебѣ нѣкогда нашего господина" (52).

Нѣсколько разъ мелькаютъ въ романахъ симпатичные образы дворянъ, честно послужившихъ отечеству и мирно доживающихъ свои дни въ родной деревнѣ.

„Мы заговорили о тѣхъ временахъ, когда русскіе дворяне, послуживъ вѣрою и правдою, послуживъ Богу, Царю и отечеству, возвращались въ свои помѣстья, жили въ деревенскихъ замкахъ своихъ, какъ маленькіе царьки, гуляли съ своими сосѣдями, и въ тѣ веселыя минуты, когда оссіанская чаша радости вокругъ ходила, разсказывали другъ другу свои славные подвиги и показывали раны, полученныя ими въ служеньѣ отечеству. Ліодоръ, согласно съ ними утверждалъ, что тогда было въ дворянахъ нашихъ болѣе духа, болѣе характерной твердости, нежели нынѣ, когда мы, погнавшись за блестящею наружностью другихъ націй, оставили все то, чѣмъ Богъ и Натура хотѣли отличить насъ отъ другихъ народовъ, оставили, забыли самихъ себя и сдѣлались во всемъ учениками, не будучи мастерами ни въ чемъ" (*„Ліодоръ"*, *315*).

„... Помѣщикъ этотъ служилъ 34 года въ военной службѣ безъ всякаго пороку и теперь въ отставкѣ, въ чинѣ первостатейнаго сотника, живетъ въ деревнѣ благополучно, имѣетъ дѣтей и старается уготовить ихъ для защищенія отечества" (*„Пересмѣшникъ"*, *V*, *196*).

Въ одномъ романѣ выведенъ служилый дворянинъ фамиліи

„хотя незнатной, но добродѣтельной и честной"—отецъ и сынъ служили отечеству вѣрно въ походахъ, на поляхъ Пруссіи, Польши и Турціи, ихъ „фамилія" за главный предметъ всегда поставляла себѣ исполнять въ точности безъ нарушенія законы, предписанные природою для всякаго смертнаго" (*Похожденіе россіянина*, *2*).

Такихъ простыхъ благодушныхъ людей, которые и жили и умирали по „законамъ природы", было не мало. Мы не разъ встрѣчаемъ изображенія простаго русскаго дома, въ которомъ жизнь течетъ спокойно и тихо (ср. семью Лариныхъ), но въ то же время не съ „идиллической тишиной", а очень похоже на правду. Вотъ, напримѣръ, описаніе одного дома,—собрались гости:

„тутъ не такъ, какъ въ знатныхъ домахъ гости, забывая о малопекущейся о нихъ хозяйкѣ, отъ скуки не занимаются ни картами, ни разсматриваньемъ сладострастіемъ дышащихъ картинъ... Тутъ никто никого не пересуживалъ, не поносилъ, язвительныя насмѣшки никого не обижали",—рѣчи велись о плодородіи, о милостяхъ Божіяхъ и Царскихъ, о добродѣтеляхъ человѣческихъ, о сожалѣніи ближняго и о прочемъ сему подобномъ. Хмельная брага замѣняла вино, и она для нихъ вкуснѣе была дорогихъ напитковъ" (*„Веселая бесѣда", 39*).

Предложенныя въ этой статьѣ „черты изъ жизни русской XVIII-го вѣка представляютъ собой пеструю мозаику, отдѣльные кусочки которой представляютъ конечно различную цѣнность.

Тѣмъ не менѣе историческое значеніе ихъ несомнѣнно; стоитъ эти „черты", выбранныя изъ романовъ, сравнить съ тѣми, которыя легко извлечь изъ записокъ и мемуаровъ [1]),—и мы увидимъ, что матеріалъ, собранный въ моей статьѣ, имѣетъ все значеніе историческаго. Въ немъ есть еще то достоинство, котораго нѣтъ въ матеріалѣ, извлеченномъ изъ записокъ: онъ ярче, рѣзкостороннѣе, онъ глубже вводитъ въ обыденную жизнь русскаго общества.

Правдивость этого матеріала свидѣтельствуется великими русскими писателями, изображавшими русскую жизнь. Романы XVIII в. слабо поддерживаютъ сатирическую литературу XVIII вѣка, и они несомнѣнно поддерживаютъ Пушкина (семейство Гриневыхъ, жизнь въ деревнѣ Лариныхъ), Грибоѣдова (Московская жизнь), Гоголя (чиновничество, типы), даже Островскаго (купечество). Еслибы удалось такую же работу сдѣлать надъ романомъ начала XIX вѣка, мы имѣли бы въ распоряженіи богатый матеріалъ, объясняющій многое въ творчествѣ русскихъ писателей XIX столѣтія.

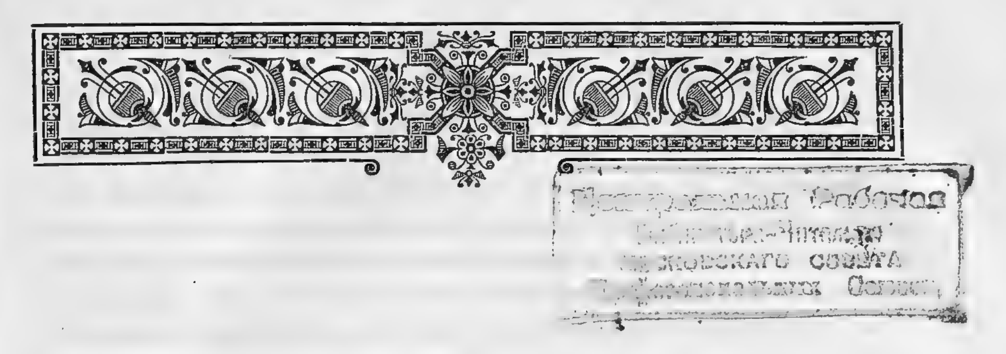
„Черты русской" жизни XIX в., извлеченныя изъ повѣстей, имѣютъ также большое историко-литературное значеніе: онѣ ясно доказываютъ, что русскіе романисты уже въ XVIII в. были „реалистами" по преимуществу, которые умѣли выхватывать изъ русской дѣйствительности яркія сцены и живые типы,—многіе изъ нихъ вполнѣ сознательно понимали эту жизнь и освѣщали ее болѣе правильнымъ свѣтомъ, чѣмъ сатирики и моралисты.

П. Сиповскій.

---

1) Ср., напримѣръ, интересную работу г. Чечулина „Русскій провинціальный бытъ XVIII в."—работу, составленную по тѣмъ матеріаламъ, что можно было извлечь изъ русскихъ мемуаровъ XVIII в.

Протоіерей Николай Θедоровичъ Раевскій.

1804—1857 гг.

Въ 1904 году исполнилось сто лѣтъ со дня рожденія протоіерея Николая Θедоровича Раевскаго. Въ скоромъ времени предстоитъ пятидесятилѣтіе со дня его кончины. Н. Θ. Раевскій былъ многіе годы законоучителемъ I кадетскаго корпуса въ Петербургѣ, затѣмъ наблюдателемъ по Закону Божію въ военно-учебныхъ заведеніяхъ и въ концѣ жизни настоятелемъ соборовъ Смольнаго и каѳедральнаго Петропавловскаго. Въ своей пастырской дѣятельности онъ не проявилъ исключительныхъ дарованій или особо глубокихъ богословскихъ познаній, которыя бы могли поставить его на-ряду съ нашими знаменитыми іерархами, подобными Филарету Московскому или Иннокентію Херсонскому, или съ ученымъ протоіереемъ Г. П. Павскимъ, онъ даже пользовался меньшей извѣстностью, чѣмъ его младшій братъ, протоіерей Михаилъ Θедоровичъ Раевскій, настоятель въ теченіе сорока лѣтъ церкви при русскомъ посольствѣ въ Вѣнѣ, сотрудникъ князя А. М. Горчакова и московскихъ славянофиловъ въ дѣлѣ возрожденія національнаго самосознанія австрійскихъ славянъ и привлеченія ихъ къ нравственному общенію съ нашимъ отечествомъ. Тѣмъ не менѣе, какъ человѣкъ искренняго религіознаго убѣжденія, незауряднаго образованія, рѣдкой теплоты сердца и какъ талантливый законоучитель и проповѣдникъ, стремившійся къ непосредственному доброму воздѣйствію въ вопросахъ практической жизни, Н. Θ. Раевскій цѣльностью своей гармоничной натуры явилъ собою образецъ истиннаго пастыря, благое вліяніе котораго при обширности круга лицъ, входившихъ съ нимъ въ соприкосновеніе, распространилось далеко за предѣлы его дѣятельности. Это побудило насъ познакомить въ настоящемъ очеркѣ съ его жизнью и трудами.

I.

Родился Н. Ѳ. Раевскій 29 мая 1804 года въ г. Арзамасѣ Нижегородской губерніи. По семейному преданію прадѣдъ его переселился изъ Кіева вмѣстѣ съ святителемъ Димитріемъ Ростовскимъ, при которомъ состоялъ посошникомъ и келейникомъ, и имъ же впослѣдствіи былъ посвященъ въ священники. Дѣдъ его, неизвѣстно какимъ путемъ, перешелъ на службу въ Нижегородскую епархію, а отецъ, Ѳедоръ Герасимовичъ, состоялъ священникомъ при Благовѣщенской церкви г. Арзамаса, лучшей въ то время приходской церкви города. Кромѣ прямыхъ обязанностей Ѳ. Г. Раевскій занимался дѣлопроизводствомъ въ существовавшій тогда въ Арзамасѣ женской Алексѣевской общинѣ, полуиноческомъ учрежденіи, славившемся иконописью и изяществомъ рукодѣлій, что́ давало ему средства для содержанія и воспитанія семьи. Зная древніе языки, онъ самъ приготовилъ сыновей къ поступленію въ семинарію, такъ что они избѣжали ученія въ низшемъ духовномъ училищѣ. Дѣти Ѳ. Г. не были лишены чтенія и соотвѣтствовавшихъ ихъ возрасту книгъ. Впослѣдствіи Н. Ѳ. вспоминалъ съ удовольствіемъ о едва-ли извѣстномъ теперь „Дѣтскомъ чтеніи", въ изданіи котораго участвовалъ Н. М. Карамзинъ. Вообще г. Арзамасъ, находившійся въ то время на перепутьи между подмосковными и степными губерніями, съ своими салотопенными и др. заводами, составлялъ нѣкоторый торгово-промышленный центръ, привлекавшій къ себѣ на зиму и окрестныхъ помѣщиковъ, имѣвшихъ въ немъ свои дома; общеніе съ ними поддерживало умственную жизнь населенія города. Значеніе Арзамаса еще возрасло въ періодъ отечественной войны 1812 г., когда многія московскія семейства, въ особенности изъ уроженцевъ дальнихъ приволжскихъ губерній, покинувъ Москву, выбрали его, какъ ближайшій городъ за р. Окой, для временнаго проживанія впредь до выясненія хода войны, и послѣ пожара Москвы оставались въ немъ, иныя нѣсколько лѣтъ, пока возобновлялись тамъ ихъ сгорѣвшіе дома. Памятникомъ этого времени до сихъ поръ остается въ Арзамасѣ выстроенный на средства москвичей, въ благодарность его жителямъ за данный пріютъ, величественный соборъ. Однимъ изъ первыхъ воспоминаній дѣтства Н. Ѳ. было то, какъ онъ, восьмилѣтній мальчикъ, осенью 1812 г. прибѣгалъ къ отцу въ церковь съ только-что полученной газетой, заключавшей въ себѣ реляцію о томъ, либо другомъ побѣдоносномъ въ то время сраженіи, и прочитывалъ послѣднюю отцу, пока Ф. Ѳ. совершалъ проскомидію, при чемъ поминалъ погибшихъ и оставшихся въ живыхъ воиновъ.

Уже на двѣнадцатомъ году Н. Ѳ. былъ отвезенъ въ Нижній, въ семинарію. Жизнь въ ней не оставила въ немъ тяжелыхъ воспоминаній. Съ одной стороны онъ нашелъ тамъ хорошихъ товарищей, которые, щадя его молодые годы, не брали его въ участники не совсѣмъ похвальныхъ увеселеній, а съ другой онъ встрѣтилъ ласковый и разумный привѣтъ у родственниковъ, да и относительная близость Арзамаса дозволяла ему пользоваться родительскимъ домомъ въ каникулярное время и большіе праздники. Въ памяти Н. Ѳ. остались веселыя прогулки, которыя предпринимались семинаристами въ весеннее время за Волгу, въ широкіе ея луга и въ лѣсъ, съ вѣдома и даже по указанію иныхъ доброжелательныхъ ректоровъ и архіереевъ, при участіи въ нихъ профессоровъ. Но особенное наслажденіе доставляло Н. Ѳ. посѣщеніе городскаго театра, которому покровительствовалъ въ то время, и едва-ли не содержалъ, извѣстный меценатъ князь Шаховской. До послѣднихъ лѣтъ жизни Н. Ѳ. вспоминалъ о горькихъ слезахъ, которыя вызывали у него пьесы Коцебу, особенно сцена изъ „Гусситовъ подъ Наумбургомъ“, гдѣ мать не можетъ рѣшиться, кого изъ дѣтей выдать въ заложники непріятелю, и о громадномъ впечатлѣніи, произведенномъ на него трагедіями Шекспира.

Окончивъ курсъ семинаріи, Н. Ѳ., какъ одинъ изъ лучшихъ учениковъ, былъ выбранъ для поступленія въ Петербургскую духовную академію. Здѣсь, по его словамъ, молодость лѣтъ на первыхъ порахъ не послужила ему на пользу. Серьезныя богословскія науки не привлекали къ себѣ пылкаго юношу. Здоровье его, въ переходномъ возрастѣ, трудно переносило петербургскій климатъ. Онъ мало посѣщалъ лекціи и большую часть времени проводилъ въ чтеніи, оставаясь зимой въ спальняхъ, а лѣтомъ лежа подъ деревьями въ прекрасномъ академическомъ саду. Богатая библіотека академіи, поступившая въ нее изъ упраздненной іезуитской коллегіи, послужила ему въ этомъ отношеніи большимъ подспорьемъ. Такъ какъ она заключала въ себѣ много сочиненій на иностранныхъ языкахъ, особенно на французскомъ, то Н. Ѳ. усердно изучилъ этотъ языкъ и прочелъ въ подлинникѣ произведенія знаменитыхъ французскихъ проповѣдниковъ XVII вѣка, Боссюэта, Фенелона, Масильона и др. Изъ числа ихъ, къ удивленію, ему особенно понравился Бурдалу, несмотря на отсутствіе особенной глубины мысли и полета фантазіи, быть можетъ потому, что его назиданія были направлены къ вопросамъ обыденной жизни людей средняго состоянія. Здѣсь же Н. Ѳ. основательно познакомился съ твореніями первыхъ отцовъ церкви, особенно Іоанна Златоуста, этого образца нѣжной, любящей души, и съ многими историческими сочиненіями. Чтеніе это несомнѣнно положило зада-

токъ того практическаго и историческаго направленія, которымъ впослѣдствіи были проникнуты его труды. Между прочимъ Н. Ѳ. случилось въ это время пріобрѣсти два экземпляра дѣланнаго библейскимъ обществомъ перевода священнаго писанія на русскій языкъ, при чемъ это пріобрѣтеніе имѣло для него курьезное послѣдствіе. Когда, съ измѣненіемъ направленія въ тогдашнихъ высшихъ сферахъ, послѣдовало распоряженіе объ отобраніи этого перевода отъ лицъ, его имѣвшихъ, то Н. Ѳ. возвратилъ одинъ экземпляръ, а другой сохранилъ до времени. Къ сожалѣнію, это обнаружилось, и отъ Н. Ѳ. былъ отобранъ и второй эксемпляръ, а самъ онъ, уже въ бытность священникомъ, по указу консисторіи, былъ подвергнутъ наблюденію мѣстнаго благочиннаго. Наблюденіе это оставалось въ силѣ, доколѣ онъ самъ не сдѣлался благочиннымъ. Произошелъ съ нимъ въ академіи и другой случай, который могъ имѣть печальныя послѣдствія, если бы не разумное и снисходительное отношеніе тогдашняго ректора, преосвященнаго Григорія, впослѣдствіи митрополита Петербургскаго. У Н. Ѳ., въ бытность въ академіи, образовался прекрасный голосъ, онъ принялъ дѣятельное участіе въ хоровомъ пѣніи, но, какъ часто бываетъ съ усердными пѣвцами, занятіе это стало пріобрѣтать нежелательный характеръ. Въ одинъ изъ вечеровъ о. ректоръ засталъ нашего пѣвца въ неподходящей обстановкѣ, но, какъ бы не обративъ на это вниманія, поручилъ инспектору академіи, также уроженцу Нижегородской губерніи, пригласить къ себѣ Н. Ѳ., угостить его чаемъ и поговорить съ нимъ по душѣ о неприличіи поведенія, при чемъ прибавилъ: „онъ вѣдь человѣкъ хорошій“. Порученіе это было въ точности исполнено архимандритомъ Іоанномъ и вызвало въ Н. Ѳ. на всю жизнь чувство глубокой признательности къ пр. Григорію, человѣку замкнутому, суровому, но правдивому и доброжелательному. По словамъ Н. Ѳ. курсовое сочиненіе, рѣшавшее судьбу студентовъ, ему очень удалось, и онъ, при окончаніи курса, былъ удостоенъ степени магистра.

По существовавшему порядку Н. Ѳ. былъ затѣмъ, въ 1825 году, назначенъ профессоромъ Архангельской семинаріи. Какъ ни пріятно было для отца его окончаніе сыномъ учебнаго курса и вступленіе на служебный путь, но отдаленность города и суровый климатъ пугали ихъ обоихъ. Впрочемъ, судьба скоро и при томъ оригинально помогла Н. Ѳ. перемѣнить мѣсто службы. Не прошло года, какъ въ Петербургѣ открылось мѣсто протодіакона при каѳедральномъ Петропавловскомъ соборѣ, и епархіальное начальство, по указанію нѣкоторыхъ товарищей его, помнившихъ о его прекрасномъ голосѣ, предложило ему это мѣсто. Хотя предложеніе это не соотвѣтствовало полученному имъ образованію и академической степени, но притяга-

тельная сила столицы взяла верхъ, и онъ въ апрѣлѣ 1826 года прибылъ въ Петербургъ, подвергшись въ пути опасности утонуть въ одной изъ сѣверныхъ рѣкъ. Вслѣдъ за тѣмъ, по полученіи посвященія, онъ въ скоромъ времени долженъ былъ принять участіе въ погребеніи скончавшейся въ г. Бѣлевѣ супруги императора Александра I, императрицы Елизаветы Алексѣевны. При возглашеніи „вѣчной памяти“ онъ обратилъ на себя общее вниманіе красотой музыкальнаго голоса.

Новое мѣсто службы сблизило Н. Ѳ. съ почтеннымъ настоятелемъ собора С. И. Колосовымъ, членомъ россійской академіи, получившимъ къ нему искреннее расположеніе. Они подолгу сиживали въ садикѣ при домѣ Петра Перваго, противъ церковнаго дома, въ серьезномъ разговорѣ, обмѣниваясь старческимъ опытомъ и свѣжестью молодой мыли. Одинъ разъ только, по словамъ Н. Ѳ., онъ не послушался уважаемаго начальника, когда на просьбу его о дозволеніи съѣздить въ Арзамасъ для посѣщенія родителей, тотъ къ удивленію сталъ ему отсовѣтывать, ссылаясь на вѣроятную разность ихъ образованія и взглядовъ и на обычно возникающія въ такихъ случаяхъ между отцами и дѣтьми отчужденность и разочарованіе. Свиданіе съ родителями, не сочувствовавшими выпавшему Н. Ѳ. роду службы, укрѣпило въ немъ намѣреніе искать священства. Къ счастію скоро открылось мѣсто священника въ первомъ кадетскомъ корпусѣ, которое Н. Ѳ. получилъ безъ труда, понравившись какъ начальству корпуса, такъ и тогдашнему митрополиту Петербургскому Серафиму, оцѣнившему его скромность въ принятіи дьяконскаго сана. 25 декабря 1826 года Н. Ѳ. служилъ первую обѣдню въ церкви кадетскаго корсуса. Радость родителей его, при полученіи извѣстія о происшедшей перемѣнѣ въ жизни сына, не имѣла границъ. Любящій Ѳ. Г. не могъ удержаться отъ слезъ, помянувъ въ первый разъ о здравіи „іерея Николая“ и въ письмѣ къ сыну, на высказанное имъ опасеніе по поводу незначительности въ то время содержанія духовенства военно-учебныхъ заведеній, останавливая сына, замѣтилъ, что „мѣста слѣдуетъ мѣрить не средствами, а людьми, съ которыми на нихъ обращаешься“.

II.

Поступленіе Н. Ѳ. въ первый кадетскій корпусъ совпало съ переходнымъ временемъ въ жизни нашихъ военно-учебныхъ заведеній. Какъ извѣстно, въ послѣдніе годы царствованія императора Александра I внѣшнія европейскія событія, послѣдовавшія за отечествен-

ной войной, привлекали къ себѣ преимущественное вниманіе государя, побуждали его къ частымъ заграничнымъ поѣздкамъ и тѣмъ ослабляли его вліяніе на внутреннія дѣла государства, предоставленныя почти исключительному вѣдѣнію фронтовика-Аракчеева. Вмѣстѣ съ тѣмъ въ обществѣ и арміи, подъ вліяніемъ знакомства съ просвѣтительными идеями энциклопедистовъ и съ порядками Западной Европы, быть можетъ поверхностно понятыми и не соображенными съ существованіемъ въ то время у насъ крѣпостнаго права, шло глухое броженіе, котораго не могла остановить одна матеріальная сила и которое окончательно выразилось въ событіи 14 декабря 1825 года. Военно-учебныя заведенія раздѣляли въ то время, съ прочими образовательными учрежденіями, общую участь недостаточнаго вниманія къ нимъ правительства. Главнымъ начальникомъ ихъ считался цесаревичъ Константинъ Павловичъ, но за нахожденіемъ его въ Варшавѣ фактическое завѣдываніе кадетскими корпусами принадлежало перемѣнному составу генераловъ, не всегда стоявшихъ на высотѣ задачи. Съ наступленіемъ новаго царствованія явилась потребность перемѣнъ. Въ частности, первый кадетскій корпусъ—преемникъ шляхетскаго кадетскаго корпуса временъ Анны Іоанновны, Елизаветы и Екатерины, этой общины молодыхъ дворянъ, посвящавшихъ себя изученію высшихъ военныхъ и гражданскихъ наукъ,—будучи дополненъ въ концѣ XVIII вѣка болѣе скромнымъ общеобразовательнымъ курсомъ для младшихъ возрастовъ, представлялъ въ то время собою неопредѣленный типъ заведенія, имѣвшаго цѣлью не то широкое гуманитарное образованіе съ спеціальнымъ оттѣнкомъ, не то цеховую военную школу. Въ соотвѣтствіи съ этимъ и преподаваніе закона Божія въ немъ имѣло двойственный характеръ. Въ высшихъ классахъ оно было возложено на ученыхъ архимандритовъ изъ числа такъ называемыхъ, вызываемыхъ на череду, для исполненія обязанностей по духовной цензурѣ и т. п., въ младшихъ же оно лежало на священникѣ корпусной церкви. Понятно, что первые, спѣша отбыть годичную обязанность, ограничивались случайнымъ изложеніемъ какого-либо одного отдѣла катехизическаго ученія, а вторые, поглощенные церковной службой и исполненіемъ требъ среди значительнаго корпуснаго персонала, не всегда удовлетворяя даже скромному общеобразовательному цензу, довольствовались передачей ученикамъ самыхъ элементарныхъ истинъ вѣроученія. Поэтому, когда было приступлено къ упорядоченію учебной части, то перемѣна коснулась и законоученія: было рѣшено возложить его на одно лицо—корпуснаго священника, при чемъ, само собою разумѣется, было возвышено требованіе отъ него педагогическаго ценза. Такимъ лицомъ и остался Н. Ѳ. въ первомъ кадетскомъ корпусѣ.

Особенная заботливость правительства о военно-учебныхъ заведеніяхъ проявилась со времени назначенія главнымъ начальникомъ ихъ, въ 30-хъ годахъ, великаго князя Михаила Павловича и помощникомъ его, въ званіи начальника штаба, Я. И. Ростовцева, тогда еще полковника, впослѣдствіи извѣстнаго сподвижника императора Александра II-го. Замѣчательно доброе сердце великаго князя памятно всѣмъ, соприкасавшимся въ тѣ годы съ воспитательнымъ и учебнымъ дѣломъ въ кадетскихъ корпусахъ. Съ своей стороны, молодой Ростовцевъ, желая оправдать довѣріе правительства и вмѣстѣ съ тѣмъ, устройствомъ важной въ странѣ воспитательной части, возвратить расположеніе къ себѣ общества, поколебленное ролью въ событіи 14 декабря, самъ человѣкъ образованный и примыкавшій къ литературному міру, не щадилъ стараній къ привлеченію въ корпусъ лучшихъ педагогическихъ и научныхъ силъ. Достаточно припомнить имена Остроградскаго, Петрушевскаго, Кушакевича, Шульгина, Проковича, Добровольскаго, Макина, Соколовскаго, и другихъ. Судьба судила и Н. Ѳ. Раевскому стать среди этихъ полезныхъ дѣятелей.

Выступивъ на поприще законоученія въ молодые годы, Н. Ѳ., конечно, не могъ сразу внести законченнаго плана учительства. Его натура, теплая и жизненная, чуждалась сухой догматики, да онъ и не находилъ нужнымъ передавать схоластическихъ подробностей воспитанникамъ, не приготовлявшимся къ спеціальной богословской сферѣ. Наиболѣе привлекала его нравственная сторона ученія религіи, ея воздѣйствіе на выработку людей долга, добрыхъ членовъ семейства и общества. Вмѣстѣ съ тѣмъ у Н. Ѳ. укрѣпилось твердое убѣжденіе въ возможности усвоенія дитятей и даже юношей отвлеченныхъ нравственныхъ правилъ не иначе, какъ путемъ добраго примѣра, въ рѣшительномъ значеніи въ этомъ отношеніи окружающей съ дѣтства среды, неуловимо, органически вырабатывающей нравственную личность человѣка, и въ благотворности передачи воспитаннику отвлеченныхъ обобщеній идей истины и добра лишь послѣ того, какъ зачатки этихъ истинъ сами собой сроднятся съ его природой подъ вліяніемъ конкретнаго примѣра, и самое ученіе это явится для него лишь какъ бы синтезомъ заложенныхъ въ немъ жизненныхъ основъ. Исходя изъ этой мысли, Н. Ѳ. находилъ лучшимъ видомъ законоученія для младшаго возраста ознакомленіе съ новозавѣтной исторіей и уже послѣ того съ самимъ христіанскимъ вѣроученіемъ, особенно съ заключащимся въ нагорной проповѣди. Но и съ переходомъ къ преподаванію въ старшемъ возрастѣ, когда съ развитіемъ умственныхъ способностей ученика и осложненіемъ окружающаго его міра въ душѣ его зарождаются болѣе глубокіе нравственные запросы, Н. Ѳ. также признавалъ наилучшимъ способомъ религіознаго воз-

дѣйствія прежде всего знакомство съ высокими примѣрами добродѣтели, проявленными жизнью христіанъ первыхъ вѣковъ, и съ біографіями наиболѣе знаменитыхъ подвижниковъ и учителей христіанства. Въ заключеніе онъ ставилъ ознакомленіе съ самыми твореніями отцовъ церкви, съ ихъ глубокими нравственными мыслями и въ связи съ нимъ повторительное толковое чтеніе Евангелія, которому Н. Ѳ. придавалъ особенное значеніе на порогѣ вступленія молодаго индивидуума въ практическую жизнь. Такимъ образомъ, методъ вѣроученія Н. Ѳ. можетъ быть названъ нравственно-историческимъ. На укрѣпленіе въ Н. Ѳ. убѣжденія въ благотворности этого метода законоученія повліяло также историческое направленіе, которое въ первой половинѣ прошедшаго вѣка приняло вообще изученіе гуманитарныхъ наукъ. Въ тѣ годы, въ Западной Европѣ и у насъ, лучшіе люди науки, извѣрившись въ возможность достиженія абсолютныхъ идеаловъ истины и добра, обѣщаннаго философіей XVIII вѣка, тѣмъ съ большимъ рвеніемъ устремились на воспроизведеніе человѣческой мысли и жизни въ послѣдовательномъ ходѣ ихъ развитія, чтобы этимъ путемъ выяснить возможныя для человѣчества, въ данный моментъ, правду и счастіе. Наконецъ, сами личныя качества и счастливый даръ слова влекли Н. Ѳ. къ повѣствовательному способу законоученія, при которомъ они могли получить наилучшее примѣненіе. Ученики Н. Ѳ. съ благодарностью вспоминали о минутахъ умиленія, которыя имъ доставляла въ дѣтствѣ передача имъ евангельскихъ притчей о богатомъ и Лазарѣ, о блудномъ сынѣ и др., о простотѣ его пріемовъ для выясненія высокихъ тайнъ вѣроученія. Такъ, объясняя тайну искупленія человѣчества крестной смертью, онъ приводилъ слѣдующее сравненіе: „подданные одного царя совершили разъ большое преступленіе, и онъ пожелалъ ихъ строго наказать. Приходитъ къ нему сынъ его и говоритъ: отецъ, помилуй ихъ, не наказывай, накажи меня одного за всѣхъ; пусть спасутся тѣ, кто полюбитъ меня и будетъ вести жизнь такъ, какъ я имъ укажу“. Вспоминали они и о захватывающемъ интересѣ разсказовъ изъ жизни знаменитыхъ мучениковъ и пастырей вселенской и русской церкви. Обязанности преподавателя поглощали все время Н. Ѳ. и не дали ему возможности оставить печатнаго изложенія уроковъ, тѣмъ болѣе, что этому не благопріятствовали и стѣснительныя цензурныя условія того времени [1]). Пе-

[1]) До какой степени была строга духовная цензура въ тѣ годы, можно заключить изъ того, что, когда Н. Ѳ., старавшійся о распространеніи домашняго чтенія Евангелія, задумалъ издать справочную книжку, какъ находить евангеліе и апостолъ, положенные на каждый день (различные въ каждомъ году для большей части дней, соотвѣтственно различію времени пасхалій), то долго не могъ получить разрѣшенія и даже для втораго изданія долженъ былъ ожидать болѣе десяти лѣтъ новаго дозволенія.

чатными учебниками Н. Ѳ. остались только изданные въ 40-хъ годахъ, въ пособіе для старшихъ классовъ, два труда: „Черты изъ жизни христіанъ первыхъ трехъ вѣковъ“ и „О жизни и твореніяхъ семи знаменитѣйшихъ отцовъ церкви“.

Слѣдующія выдержки изъ составленнаго Н. Ѳ. конспекта преподаванія новозавѣтной исторіи могутъ послужить характеристикою его взглядовъ на самый предметъ:

„Цѣлью ученія Господа Іисуса Христа было нравственное улучшеніе людей. Являлись законодатели, которые, стремясь устроить всемірное царство, мечтали улучшить состояніе людей силою оружія и законовъ, но, проливъ рѣки крови, оставляли людей въ прежнемъ состояніи. Мудрецы желали исправить людей образованіемъ ума, но безъ исправленія воли—образованіе ума также не достигало своей цѣли. Исправить волю людей, указать людямъ, въ чемъ состоитъ истинная добродѣтель и дать имъ силы къ творенію ея, довести людей до того, чтобы они исполняли свои обязанности къ Богу и ближнимъ изъ безкорыстной любви къ Богу и ближнему и такимъ путемъ достигали вѣчнаго блаженства—вотъ цѣль, къ которой желалъ привести людей Сынъ Божій, привести не одинъ народъ или поколѣніе, но все человѣчество. Устроить на землѣ единое вѣчное царство, въ которомъ бы главнымъ закономъ была любовь къ Богу, главной цѣлью исполненіе Его воли, и это святое царство нѣкогда привести на небо—это было главнымъ предметомъ желаній, дѣйствій и молитвъ Спасителя.

„Какимъ же образомъ можно было довести людей до того, чтобы они дѣйствовали изъ любви къ Богу? Надобно было дать людямъ живое и ясное понятіе о Богѣ, не останавливая его въ умѣ, ввести это познаніе въ сердце, приложить его къ жизни, сдѣлать божество какъ бы осязаемымъ человѣку. И Спаситель сдѣлалъ это. Онъ представилъ людямъ Бога не только какъ единаго Творца, Владыку и Господа, но особенно сильно, какъ отца и воспитателя, котораго любовь къ намъ превосходитъ всякое сравненіе, которому одному свойственно имя благого. Доказательство всеобъемлющей любви Божіей Господь указалъ въ видимомъ мірѣ. Онъ указалъ на Промыселъ Божій, пекущійся о тваряхъ, дарующій имъ все для сохраненія ихъ бытія и силъ, и для котораго всего дороже человѣкъ.

„Сынъ Божій явился для спасенія людей, закрывъ свое божество естествомъ человѣка, безъ тѣхъ страшныхъ явленій, съ которыми онъ нѣкогда далъ законъ на Синаѣ, но въ смиренномъ видѣ частнаго человѣка, какъ одинъ изъ сыновъ человѣческихъ. Сыну Божію угодно было облечься въ плоть потому, что онъ пришелъ искупить людей страданіями и смертью. Онъ явился въ смиренномъ видѣ частнаго человѣка для того, чтобы стать въ томъ состояніи, въ которомъ на-

ходится большая часть человѣческаго рода, чтобы раздѣлить съ нимъ его нужды. Ему могли и могутъ подражать и богатые и бѣдные, царь и вельможа, земледѣлецъ и рыбарь, люди всякаго возраста, пола и состоянія. Ставъ на низкой степени въ обществѣ, Сынъ Божій напомнилъ людямъ, что всякое званіе равно близко Богу.

„Чтобы дѣйствовать на людей словомъ, примѣромъ, убѣжденіемъ и любовью, чтобы они любили истину и добродѣтель потому, что они сами въ себѣ прекрасны, спасительны, благоугодны, сами по себѣ заслуживаютъ любовь. Гдѣ на людей дѣйствуютъ мѣрами страха или надеждою выгоды, тамъ нѣтъ убѣжденія, но принужденіе или обольщеніе, тамъ люди повинуются дотолѣ, доколѣ предъ ними гроза страха или надежда корысти.

„Если бы Христосъ явился въ міръ въ страшномъ величіи Сына Божія, тогда въ числѣ вѣрующихъ въ него, вмѣстѣ съ Петромъ и Іоанномъ, стали бы и пораженные ужасомъ Тиверій, Пилатъ и Каіаѳа, не сдѣлавшись нисколько лучшими и не имѣя желанія сдѣлать что-либо для истины и добродѣтели. Но смиреннаго Спасителя людей узнали только тѣ, у кого было, или по крайней мѣрѣ начиналось стремленіе къ истинѣ и добру. Они полюбили Его потому, что Онъ самъ былъ вполнѣ достоинъ любви, полюбили добро для добра, и зато полюбили любовью чистою, безпредѣльною, пламенною, любовью такою, которая за любимаго жертвовала жизнью, которая, переливаясь въ достойныхъ сердцахъ изъ вѣка въ вѣкъ, доселѣ соединяетъ Христа съ всеміpною церковью.

„Въ священномъ писаніи Сынъ Божій неоднократно уподобляется жениху, а собранная имъ церковь—невѣстѣ. Представимъ, что сынъ царя пожелалъ бы выбрать себѣ супругу между дочерьми его подданныхъ. Для этого онъ скрылъ знаки своего царскаго достоинства, вошелъ въ кругъ частныхъ лицъ, раскрылъ рѣдкія качества своего ума и сердца и отдалъ свое сердце той, которая, не зная его, полюбила въ немъ его умъ и сердце, его самого: какъ велика будетъ ея радость, когда она увидитъ его въ славѣ".

Въ поученіяхъ кадетамъ Н. Θ. старался преимущественно касаться практическихъ вопросовъ жизни. Приводимъ выдержки изъ рѣчей его къ окончившимъ курсъ воспитанникамъ:

... „Одно изъ вашихъ добрыхъ качествъ было то, что вы съ усердіемъ учились Закону Божію, съ радостью посѣщали храмъ Божій, благоговѣйно внимали богослуженію, свято исполняли долгъ очищенія совѣсти исповѣдью и причащеніемъ св. тайнъ, съ искреннимъ, дѣтскимъ послушаніемъ почитали того, кого преемникъ благодати апостольской поставилъ на служеніе вашему спасенію. Богъ приводилъ меня слышать и о тайныхъ милостыняхъ вашихъ, и объ усердной

молитвѣ тамъ, гдѣ не было за вами наблюденія воспитателей, и объ исполненіи нѣкоторыми изъ васъ христіанскаго долга исповѣди и причащенія въ домѣ родителей, кромѣ ежегоднаго исполненія его въ заведеніи. Какъ было не радоваться этимъ первымъ успѣхамъ вашимъ въ благочестіи, потому что они были плодомъ кроткихъ убѣжденій и вашего добраго усердія. Другое доброе качество ваше была ваша взаимная любовь и святое храненіе обязанностей товарищества. Пріятно было видѣть, какъ вы берегли другъ друга, услуживали, снисходили одинъ другому, послѣ минутныхъ порывовъ гнѣва легко прощали другъ другу. Пользоваться выгодами другаго посредствомъ обмана, возвышаться съ его униженіемъ, льстить и унижать себя и другихъ словами лжи и хвастовства, питать ненависть въ душѣ— все это было не въ вашемъ духѣ. Вы вѣрно сохраните эти качества, вѣрно прежнее взаимное радушіе, искренность, безкорыстіе, снисходительность будутъ соединять васъ и на службѣ. Дружно пойдете вы, куда поведетъ васъ воля Божія, дружно станете противъ оружія враговъ, какъ братья ляжете вмѣстѣ на полѣ брани, подобно предшественникамъ вашимъ, о которыхъ мы приносили молитву.

„Юные воины, такъ говоритъ вамъ тотъ, кого Богъ благословилъ быть непосредственнымъ участникомъ вашего нравственнаго воспитанія, тотъ, который старшихъ изъ васъ видѣлъ еще дѣтьми и руководилъ васъ въ первыхъ началахъ слова Христова, тотъ, кого вы давно привыкли называть нѣжнымъ и священнымъ именемъ отца. Возлюбленные мои, свидѣтель Богъ, что вы изъ прошедшихъ лѣтъ вашего дѣтства не оставляете во мнѣ ничего, кромѣ воспоминаній пріятныхъ, утѣшительныхъ: мой голосъ всегда находилъ путь къ вашему сердцу, съ надеждой смотрѣлъ я на ваше будущее. Могу ли сомнѣваться теперь, что вашими добрыми качествами вы будете всегда честью и утѣшеніемъ послужившему вашему воспитанію. Если вы будете богобоязненными христіанами, признательными сынами отечества, добрыми членами семействъ, тогда и я съ увѣренностью могу сказать: будутъ люди, которые и обо мнѣ принесутъ молитву Богу за ваше воспитаніе.

„Въ отношеніи частной вашей жизни напомню вамъ, юноши, одно правило, которое вы должны соблюдать съ особеннымъ стараніемъ. Сохраняйте чистоту и цѣломудріе, какъ прилично ученикамъ Христовымъ. Данъ ли кому изъ васъ отъ Бога даръ дѣвства, служите Богу и государю служеніемъ ангеловъ, проводите на землѣ жизнь небесную, въ которой ни женятся, ни посягаютъ. Но если такая жизнь свыше вашихъ силъ, не отлагайте времени вступать въ супружество. Въ чистой любви супружеской и въ попеченіи о дѣтяхъ учитесь узнавать, какъ Отецъ Небесный любитъ своихъ чадъ и Гос-

*

подь любитъ церковь, какъ горячи къ вамъ чувства вашихъ родителей. Для воспитанія дѣтей вы будете имѣть болѣе другихъ нужду въ обществѣ, но будете и болѣе для него трудиться, и будете болѣе награждены обществомъ. Не устрашайте себя мнимой бѣдностью: только исполняйте труды своего званія, Богъ и государь попекутся о вашихъ нуждахъ. Какъ многіе изъ вашихъ родителей начинали жизнь съ несравненно меньшими надеждами, чѣмъ начинаете вы, и кто изъ нихъ теперь, когда прижмутъ васъ къ своему сердцу, раскаются, что рано вступили въ супружество. Только, желая найти благословеніе въ супружествѣ, съ своей стороны принесите то, что желали бы найти въ немъ для общаго блага: страхъ Божій, снисходительность, трудолюбіе, особенно цѣломудріе. Почитайте тѣхъ язвою, открытыми злодѣями общества, кто, уклоняясь отъ супружества, во зло употребляютъ святымъ даромъ Божіимъ — быть отцомъ дѣтей. Судите сами, какимъ ужасомъ исполнилось бы ваше сердце, если бы услышали, что кто-либо, забывъ Бога и свою душу, внесъ развратъ въ ваше семейство, чего страшитесь за самихъ себя, страшитесь и за вашихъ ближнихъ. Никто на землѣ не оставленъ безъ защитника: тамъ, гдѣ ослабѣваетъ защита со стороны людей, во всей силѣ дѣйствуетъ защита Божія, отмщеніе отца сирыхъ—Господа. У обидимыхъ малыхъ, которые какъ бы не стоятъ вниманія свѣта, у нихъ именно есть ангелъ на небесахъ, которые всегда видятъ лицо Отца Небеснаго,— есть защитники, которые близки къ великому и страшному Царю Небесному. Даже и тѣ, кто сами запутались и гибнутъ въ сѣтяхъ порока, и тѣ не забыты Богомъ: Единородный Сынъ Божій приходилъ на землю, чтобы взыскать и спасти погибшихъ. Не ускоряйте пути къ аду для тѣхъ, которымъ еще можетъ открыться дверь къ небесамъ, не отнимайте у Отца Небеснаго тѣхъ, обращенія которыхъ Онъ ожидаетъ.

„Нѣтъ нужды, что теперь вамъ дается смертоносное оружіе. Оно дается вамъ не на разрушеніе, а на созиданіе, на защиту отечества. Помните, что оно дано вамъ не для самоуправнаго мщенія личныхъ обидъ. Законы военные угрожаютъ самовольнымъ жестокою казнью. Законы божественные возвѣщаютъ имъ не временную только, но и вѣчную казнь. „Поднявшіе мечъ, мечомъ и погибнутъ"—слова эти сказаны именно тому, кто началъ самовольно дѣйствовать оружіемъ. Несчастный, обнажившій мечъ противъ собрата для рѣшенія частной распри, лишаетъ себя имени и благословенія христіанина, ибо ниспровергаетъ весь законъ Христовъ, законъ любви. Идя на смерть, онъ не смѣетъ возвести взоръ на небо, не смѣетъ оградить себя знаменіемъ креста, ибо осмѣлится ли онъ призвать Бога — страшно сказать—участникомъ своего преступленія? Если же, ослѣп-

ленный злобою, онъ падетъ подъ вызваннымъ на себя оружіемъ, то самъ, лишая себя временной и вѣчной жизни, лишаетъ и ближнихъ послѣдняго утѣшенія принести молитву объ упокоеніи его души, Друзья мои, говорю это, чтобы возбудить въ васъ христіанское стремленіе истреблять въ окружающихъ васъ убійственный предразсудокъ, оставленный намъ варварскимъ состояніемъ общества. Напротивъ, берегите вашу жизнь для отечества, покажите мужество не въ минутной необдуманной вспыльчивости, но въ постоянномъ, терпѣливомъ перенесеніи трудовъ и опасностей, ратуйте не противъ собратій, но противъ враговъ царства, будьте готовы безъ трепета встрѣтить смерть, но только тогда, когда ваша жертва можетъ содѣйствовать благосостоянію ближнихъ. Тогда вы смѣло выйдете на поле брани, благословляя Бога, укрѣпляющаго ваши руки, вамъ будутъ невидимо предшествовать лики христіанскихъ мучениковъ, васъ осѣнитъ крестъ Іисуса Христа, ибо вы по заповѣди Спасителя пойдете положить душу свою за братій.

„Поле брани менѣе опасно для любви. Для нея опаснѣе времена мира. Тутъ-то берегите ваши души, чтобы васъ не раздѣляли виды корысти, властолюбія и тщеславія. Тутъ-то берегите ваши правоту и честность, которыя должны быть основнымъ отличіемъ военнаго званія, — правоту, которая воздаетъ каждому свое. Страшитесь пріобрѣтать какую-либо выгоду или удовольствіе съ вредомъ ближняго. Любовь ближняго да будетъ для васъ дороже всѣхъ сокровищъ міра. Придетъ время горести и посѣщенія Божія—не помогутъ вамъ ни сокровища, ни власть, не поможетъ братская любовь, но утѣшитъ сострадание тѣхъ, къ кому вы сами были сострадательны. Приблизится къ вамъ время старости и болѣзней, откроется передъ вами гробъ и за нимъ праведный судъ Божій — не помогутъ вамъ тогда ни власть, ни сокровища неправедно пріобрѣтенныя, ни плоть, упитанная преступными удовольствіями, не поможетъ слеза признательности, молитва тѣхъ, для блага которыхъ вы нѣкогда трудились, мѣра добра, сдѣланнаго вами для общества".

Простота преподаванія Н. Ѳ., сердечность его отношенія къ предмету и слушателямъ, близость его незлобивой души къ окружающему молодому міру мало-по-малу установили между нимъ и воспитанниками корпуса то общеніе взаимнаго пониманія, любви и уваженія, къ которому во всѣ времена, помимо теоретическихъ методъ, стремится правдивая педагогика. Это уваженіе кадетъ къ законоучителю, раздѣляемое и лучшими его сослуживцами, придало личности Н. Ѳ., въ составѣ учебнаго персонала корпуса, завидный авторитетъ. Родители воспитанниковъ, оставляя своихъ дѣтей—въ тѣ времена долгихъ и дорогихъ путешествій и отсутствія вакансій — въ стѣнахъ

заведенія на многіе годы, нерѣдко обращались къ Н. Ѳ. за нравственной помощью и лаской ихъ дѣтямъ. Съ воспитанниками старшихъ классовъ онъ также охотно дѣлился домашней бесѣдой и чтеніемъ подходящихъ литературныхъ и историческихъ сочиненій. Тѣнистыя аллеи корпуснаго сада съ ихъ высокими стѣнами, исписанными еще со дней Екатерины и графа Ангальта на иностранныхъ языкахъ изреченіями древнихъ мыслителей, бывали свидѣтелями задушевныхъ бесѣдъ Н. Ѳ. съ воспитанниками, ввѣрявшими ему свои личные запросы и заботы. И какъ тяжела была для него подчасъ утрата любимаго ученика, не выдержавшаго суровыхъ условій климата и военной обстановки, такъ непритворна была его радость, когда послѣ благополучнаго окончанія курса кадетъ или его родители приходили къ нему сказать слово искренней благодарности. Въ воспоминаніяхъ бывшаго кадета перваго корпуса генерала Ольшевскаго („Русская Старина" 1886 г.) встрѣчаемъ слѣдующее трогательное обращеніе его къ Н. Ѳ.: „послѣднее мое слово о тебѣ, нашъ любимый законоучитель Н. Ѳ. Раевскій. Прекрасный ты былъ человѣкъ и добрый пастырь. Какъ теперь вижу твою, высокую, стройную фигуру..." Великій князь Михаилъ Павловичъ, встрѣчаясь съ Н. Ѳ., также любилъ вступать съ нимъ въ бесѣду и удостоивалъ прогулки, разговаривая о дѣлахъ и нуждахъ корпуса. Добрая репутація Н. Ѳ. достигла со временемъ и императора Николая Павловича. При представленіи ему вновь назначеннаго митрополита петербургскаго Антонія, государь, по словамъ преосвященнаго, выразился между прочимъ: „давайте намъ въ корпуса прекрасныхъ священниковъ, — Раевскаго и Рожественскаго". Послѣдній былъ потомъ придворнымъ протопресвитеромъ.

Одновременно шли старанія Н. Ѳ. о стройномъ совершеніи богослуженія. Само собою разумѣется, что онъ озаботился о лучшемъ устройствѣ церковнаго хора. Въ этомъ отношеніи онъ, на первыхъ порахъ, не встрѣтилъ содѣйствія, а даже противодѣйствіе со стороны нѣкоторыхъ начальствующихъ лицъ, высокомѣрно относившихся ко всему церковному и не привыкшихъ къ порядку, столь прочно установившемуся впослѣдствіи въ учебныхъ заведеніяхъ, по которому пѣніе на церковныхъ службахъ принадлежитъ самимъ воспитанникамъ. Для этой потребности для церкви перваго корпуса существовалъ тогда хоръ кантонистовъ, изъ дѣтей корпусныхъ служителей, весьма мало удовлетворявшій своему назначенію. Когда Н. Ѳ. заявилъ объ умѣстности образованія хора изъ кадетъ, то встрѣтилъ возраженіе: „не надо ли уже будетъ одѣть ихъ въ стихари"? Затрудненіе это, конечно, было вскорѣ устранено, и въ церкви перваго корпуса образовался и постоянно поддерживался, при содѣйствіи талантливаго регента Ламакина, прекрасный хоръ. Вообще, церковь эта, благо-

даря благоговѣйному служенію Н. Ѳ., произносимымъ имъ по временамъ проповѣдямъ на живыя темы, стала популярною въ средѣ образованнаго столичнаго общества. Проповѣди Н. Ѳ. иногда печатались въ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ“, а впослѣдствіи, по его кончинѣ, вышли въ 1861 г. отдѣльнымъ изданіемъ.

III.

Кромѣ занятій въ первомъ кадетскомъ корпусѣ, Н. Ѳ., въ первые годы службы, преподавалъ Законъ Божій въ училищѣ Императорскаго Человѣколюбиваго Общества (нынѣ гимназія), а съ 1830 до 1843 года состоялъ законоучителемъ во 2-ой Петербургской гимназіи и въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ—въ старшихъ классахъ Артиллерійскаго училища. Отношеніе его къ гимназіи не могло быть такъ близко, какъ къ кадетскому корпусу по отсутствію въ ней церкви, тѣмъ не менѣе нѣкоторыя другія стороны гимназическаго строя, отличныя отъ корпуса, привлекали къ себѣ Н. Ѳ., возбуждали въ немъ горячность къ преподаванію и навсегда оставили въ немъ пріятное воспоминаніе о времени, проведенномъ въ гимназіи. То было время руководительства графа С. С. Уварова нашимъ народнымъ просвѣщеніемъ. Хотя особенной заботливости о среднихъ учебныхъ заведеніяхъ со стороны высшей власти не ощущалось, но въ общемъ педагогическая система была въ нихъ правильной и учебный персоналъ пользовался значительной свободой преподаванія. Во второй гимназіи Н. Ѳ. встрѣтился съ тогдашнимъ инспекторомъ ея Х. И. Пернеръ, родомъ швейцарцемъ, человѣкомъ гуманно-образованнымъ, любящимъ и любимымъ всѣми, съ классикомъ Штейнманомъ, словесниками Алимпіевымъ и Милюковымъ и съ извѣстными братьями Ѳ. Ѳ. и В. Ѳ. Эвальдами, математикомъ и историкомъ, поддерживавшими добрую репутацію заведенія. Разнообразный составъ учениковъ гимназіи, особенно въ приходящихъ классахъ, также выдѣлялъ не мало даровитыхъ юношей, съ которыми пріятно было заниматься. Тутъ были и тѣ, родители которыхъ по своему общественному положенію не нуждались въ помѣщеніи дѣтей въ закрытыя заведенія, а, смотря болѣе серьезно на задачи воспитанія и образованія, предпочитали для нихъ домашнее воспитаніе съ открытой школой и университетомъ, такъ и тѣ счастливые самородки, которыхъ отъ времени до времени выращиваетъ сама жизнь, не спрашиваясь, въ какихъ слояхъ общества она ихъ посѣяла. Въ примѣръ болѣе широкаго характера дѣятельности Н. Ѳ. во 2-й гимназіи приводимъ выдержки изъ его рѣчей, произнесенныхъ на актахъ гимназіи.

„Настоящее состояніе христіанства,—говоритъ онъ въ рѣчи 1832 г., посвященной характеристикѣ духа времени,—имѣетъ весьма утѣшительныя стороны. Особенно радуетъ сердце благоговѣйнаго наблюдателя судебъ Божіихъ примѣтное склоненіе духа времени къ дѣятельному, нравственному христіанству. Недавно еще умозрѣнія составляли исключительную часть христіанства. Учители церкви, соображаясь съ нуждами вѣка, вникали въ глубокій источникъ слова Божія единственно для того, чтобы извлекать изъ него истины вѣры, оставляя неудовлетворенными потребности сердца. Отсюда происходило то, что многіе, предаваясь словопреніямъ и тонкостямъ, едва понятнымъ въ самой школѣ, хвалились, что имѣли правую вѣру, а между тѣмъ оскудѣвали въ дѣлахъ любви и правды. Наскучивъ этимъ безплоднымъ пареніемъ ума, настоящій вѣкъ стремится ввести божественное ученіе Спасителя въ область сердца. Божественное величіе Господа Іисуса, какъ учителя нравственности, высота и глубочайшее согласіе съ природою человѣка его правилъ, оставленный имъ примѣръ любви къ истинѣ и добродѣтели, сила Его искупительной смерти—эти истины нынѣ особенно обращаютъ на себя вниманіе христіанъ. Едва-ли когда послѣ первыхъ вѣковъ христіанства ощущали съ такой силой, какъ нынѣ, что любовь есть исполненіе закона, совокупность совершенства, душа нашей вѣры. Идя этимъ путемъ, христіанство скоро оказало благодѣтельное вліяніе на общественное благосостояніе. Особенно это было видно тамъ, гдѣ божественная вѣра была посѣяна нынѣ въ первый разъ, на почвѣ еще не поврежденной. Проповѣданная не съ огнемъ и мечемъ, но съ духомъ апостольской кротости, она въ нѣсколько десятилѣтій смягчала нравы, обуздывала дикія страсти, пробуждала въ людяхъ чувства любви и состраданія и указывала имъ ихъ истинное назначеніе. Юноши, умѣйте пользоваться этимъ благопріятнымъ духомъ времени. Покажите вашу вѣру въ дѣлахъ, вашу любовь къ Господу Іисусу въ чистой нравственности, ваше послушаніе Евангелію въ правдивомъ служеніи обществу, и эти чувствованія будутъ сообразны съ чувствованіями дѣятельныхъ учениковъ Іисуса Христа.

„Другое отличительное свойство нашего времени—глубоко-укоренившаяся любовь къ просвѣщенію. Бывъ прежде достояніемъ только нѣкоторыхъ слоевъ общества, оно нынѣ разливается повсюду, отъ чертоговъ вельможи до хижины земледѣльца. Многіе великіе мыслители дѣлаютъ честь настоящему вѣку. Нѣтъ ни одной отрасли наукъ и знаній, которая бы не была нынѣ вновь изслѣдована, расширена и усовершенствована. Неутомимой жаждѣ просвѣщенія они жертвовали всѣмъ: имуществомъ, выгодами, спокойствіемъ, честолюбіемъ людей обыкновенныхъ, даже самою жизнью. Куда ни обратите взоръ—

къ вѣчнымъ ли льдамъ сѣвера или къ палящимъ степямъ Африки, къ хребтамъ ли Америки или къ унылымъ пустынямъ Сибири—вездѣ увидите, что люди трудятся, нерѣдко гибнутъ, не для того, чтобы пріобрѣсти злато гиблющее, но чтобы пріобрѣсти неотъемлемое злато познаній, чтобы обогатить науки новыми опытами, чтобы видѣть человѣка во всѣхъ климатахъ, на всѣхъ степеняхъ образованія. Какъ должны мы судить объ этой необыкновенной дѣятельности ума? Христіанинъ знаетъ, что сама вѣра призываетъ его къ просвѣщенію... Просвѣщайте, образуйте вашъ умъ: это благословляетъ вѣра, этого ожидаютъ отъ васъ государь и отечество, даровавшіе вамъ образованіе, они желаютъ, чтобы пріобрѣтенныя вами познанія возбудили въ васъ жажду большихъ познаній и чтобы вы передали любовь къ просвѣщенію и послѣдующему роду. Но, въ то же время, чувствуйте величіе благодѣяній къ вамъ Отца Небеснаго, убѣждайтесь въ благодѣтельности для васъ Его воли и въ необходимости повиноваться ей, любите единственнаго Друга вашего, положившаго за васъ и душу, и, такимъ образомъ, умудряйтесь не въ свое только, но и ближнихъ спасеніе.

„Изъ глубоко-укоренившейся любви къ просвѣщенію проистекаетъ еще другое качество нашего вѣка—стремленіе людей чувствовать достоинство человѣка, какъ существа духовнаго, нравственнаго, и дѣйствовать сообразно съ этимъ достоинствомъ. Человѣкъ дикій доволенъ и наслаждается своимъ бытомъ, когда удовлетворены потребности его жизненной природы; человѣкъ полуобразованный останавливается на мелкихъ расчетахъ корыстолюбія и честолюбія; человѣкъ, котораго внутреннія чувства развиты гармоническимъ образованіемъ, хочетъ жить и дѣйствовать всѣмъ существомъ. Скоропреходящія чувственныя блага не удовлетворяютъ потребностямъ его духа, онъ хочетъ ознаменовать свое бытіе дѣяніями, сообразными съ его нравственнымъ величіемъ. Вмѣсто того, чтобы быть мертвымъ членомъ общества, онъ стремится дѣятельно участвовать въ общемъ ходѣ человѣчества, содѣйствовать его благу, ищетъ владычества надъ природою, жаждетъ безсмертія въ памяти потомства. Высокое, благородное стремленіе. Онъ зародышъ, основаніе великихъ дѣлъ. Безъ него все мелко, все ничтожно. Если человѣкъ холоденъ къ своему величію, онъ не человѣкъ, онъ червь, рабъ, но дайте ему это чувство—онъ царь, онъ, говоря словами поэта, богъ. Это-то чувство образовало и возвысило знаменитыхъ людей на поприщѣ просвѣщенія и гражданской дѣятельности, которые составляютъ славу нашего вѣка, это-то чувство было основаніемъ геройскихъ подвиговъ самопожертвованія ко благу общества, которые нерѣдки въ новой исторіи. Это чувство вполнѣ достойно вашихъ сердецъ. Божественная христіанская вѣра,

показывающая истинное величіе человѣка, научитъ васъ, какъ дѣйствовать сообразно съ нимъ. Вы возвышены передъ всѣми тварями—скажетъ она вамъ—для того, чтобы быть ближе къ Господу. Все существуетъ для васъ: и міръ, и жизнь, и смерть, и настоящее, и будущее, но вы сами должны быть Христовы. Вы получили не духъ рабства и боязни, но духъ сыноположенія, для того, чтобы вы не были рабами плоти и низкихъ стремленій чувственной природы, не владычествовали надъ страстями и дѣйствовали по высокимъ побужденіямъ любви къ Богу и ближнему".

Въ актовой рѣчи 1833 г., касающейся характера дѣятельности христіанина, какъ человѣка и члена общества, встрѣчаемъ слѣдующія мысли:

„... стремясь ко благу и усовершенствованію самого себя, каждый изъ насъ долженъ стремиться и ко благу общества. Къ этому призываетъ насъ долгъ благодарности. Обратите вниманіе на безконечное разстояніе, отдѣляющее васъ отъ дикаря, обитателя пустыни, который влачитъ жизнь безсловесныхъ, безъ надлежащаго крова, безъ одежды, съ бѣднымъ даромъ слова, безъ идей въ умѣ и нѣжныхъ чувствованій въ сердцѣ, сравните этого человѣка съ самими собою, и вы увидите, чѣмъ вы обязаны обществу. Сколько дѣлало оно усилій, часто безплодныхъ, сколько одолѣло препятствій, сколько терпѣло бѣдственныхъ опытовъ, чтобы постепенно въ теченіе тысячелѣтій пріобрѣсть вамъ то, чѣмъ вы теперь безъ труда наслаждаетесь. Жалокъ тотъ, кто не чувствуетъ этихъ благодѣяній. Еще достойнѣе сожалѣнія тотъ, кто не знаетъ святаго удовольствія платить за нихъ. Самое тяжкое наказаніе для невѣжества то, что оно не чувствуетъ блаженства быть дѣятельнымъ членомъ человѣчества. Я приношу себя въ жертву обществу, я плачу человѣчеству лежащій на мнѣ долгъ: эта мысль ставитъ человѣка выше самого себя, даетъ ему свѣтъ и радость среди превратностей жизни. Эта-то мысль разливала особенный восторгъ въ сердцѣ Богочеловѣка, когда Онъ, идя къ страданіямъ и уподобляя себя зерну пшеницы, вѣщалъ: „аще зерно пшенично, падъ на земли, не умретъ, то едино пребываетъ, аще же умретъ, плодъ многъ сотворитъ".

„Но кругъ общества обширенъ. Чтобы мы могли дѣйствовать совокупнѣе, Провидѣніе указываетъ намъ болѣе опредѣленное поприще дѣятельности — собственное отечество каждаго. Мѣсто рожденія, языкъ, нравы, образъ правленія, вѣра—вотъ тѣ узы, которыя привязываютъ насъ къ отечеству. Вы должны чувствовать эти священныя узы въ двойной мѣрѣ, ибо на васъ изливаются особенныя благодѣянія отечества. Образованіе ума и сердца неоцѣненное сокровище, которымъ вы ему обязаны. Цѣлую жизнь вы будете наслаждаться

плодами вашего образованія: цѣлая жизнь, посвященная благу отечества, единственно достойная жертва, которую вы можете и должны принести ему...“

Въ рѣчи 1834 года—о совмѣстимости религіи и просвѣщенія, останавливаясь на печальномъ фактѣ холодности многихъ образованныхъ людей къ вѣрѣ и задавая себѣ вопросъ, не образованіе ли тому причиной, не оно ли, ближе знакомя съ предметами вѣры, ослабляетъ чувство благоговѣнія, проповѣдникъ говоритъ:

„Мысль эта была нѣкогда сильна и убійственна. На западѣ она зажигала костры, именемъ вѣры она возставала противъ возникшаго свѣта наукъ. Теперь уже она ослабѣла, и нельзя полагать, чтобы могла опять возстать съ силою, ко вреду просвѣщенія. Человѣчество рѣшительно идетъ противъ нея. Разумъ твердо защитилъ свои права и отразилъ клевету, унижающую достоинство самой вѣры. Думать, что просвѣщеніе можетъ ослабить благоговѣніе къ предметамъ вѣры, это, дѣйствительно, клевета на вѣру. Это значило бы, что божественная вѣра должна бояться и бѣгать просвѣщенія, что таинства вѣры Христовой, чтобы возбуждать благоговѣніе, должны оставаться во мракѣ, подобно постыднымъ таинствамъ язычества. Именно то и составляетъ признакъ истины, что она не боится свѣта, смѣло идетъ къ свѣту, ибо она „отъ Бога“. Истина останется истиною, великое останется всегда достойнымъ поклоненія, хотя бы его видѣли самымъ яснымъ и близкимъ образомъ. Кто благоговѣлъ передъ Отцомъ Небеснымъ, когда смотрѣлъ на природу разсѣяннымъ взоромъ, или вовсе не примѣчалъ ея чудесъ, тотъ тѣмъ болѣе исполнится чувства благоговѣнія, когда глубже вникнетъ въ тайны мірозданія. Кто любилъ Господа Іисуса въ Его божественномъ словѣ, тотъ тѣмъ болѣе возлюбитъ Его, когда въ лѣтописяхъ исторіи увидитъ неимовѣрно-благодѣтельный переворотъ въ человѣчествѣ, совершенный проповѣдниками Евангелія, когда увидитъ благоденствіе царствъ христіанскихъ — осязаемое доказательство божественности вѣры Христовой. Кто, бывъ напитанъ правилами Евангелія, былъ непороченъ, смиренъ, радостенъ, какъ дитя, пламенѣлъ чистымъ усердіемъ жертвовать благу ближнихъ, тотъ еще болѣе утвердится въ этихъ качествахъ, когда съ образованіемъ яснѣе увидитъ, какъ корыстолюбіемъ и злобою люди разрушаютъ взаимное благо и какъ тѣсно съ благомъ общественнымъ соединено частное благо каждаго. Конечно, можно быть добрымъ сыномъ церкви, хорошимъ гражданиномъ и полезнымъ членомъ семейства, не будучи особенно просвѣщеннымъ, но образуйте такого человѣка—онъ будетъ ангеломъ. Просвѣщеніе дастъ ему новыя средства, укажетъ ему обширнѣйшій кругъ, какъ и гдѣ онъ долженъ разлить свой внутренній свѣтъ на окружающихъ.

„Если первые христіане, между которыми было мало мудрыхъ по плоти, были такъ богаты вѣрою, то очевидно, что не недостатокъ образованности былъ тому причиною. Препятствовало ли іудейское образованіе и знаніе эллинскихъ пророковъ святому Павлу, меньшему изъ апостоловъ, потрудиться болѣе всѣхъ апостоловъ? Напротивъ, оно было приличнымъ для него орудіемъ въ бесѣдѣ съ ареопагомъ и съ учеными римлянами. Припомните далѣе ходъ исторіи: сколько Александрія и Аѳины приготовили достойнѣйшихъ мучениковъ, воспитателей и пастырей христіанскихъ. Далѣе вы видите Василія Великаго, Григорія Богослова, Іоанна Златоуста, блаженнаго Іеронима и Августина, объявшихъ все просвѣщеніе своего времени. Кто послѣ апостоловъ потрудился болѣе ихъ ко благу церкви Христовой и потрудился съ такимъ успѣхомъ? Но гдѣ упадаетъ просвѣщеніе, тамъ и великіе пастыри рѣдѣютъ въ лѣтописяхъ церкви. Коснетесь ли исторіи россійской церкви—не болѣе ли свѣтилъ между вѣнцами ея пастырей вѣнецъ святаго Димитрія Ростовскаго, отъ того, что его писанія, плодъ зрѣлаго образованія, до сихъ поръ разливаютъ свѣтъ на коснѣющихъ въ невѣжествѣ и суевѣріи".

Повидимому, однако, Н. Ѳ. не всегда встрѣчалъ одобреніе своимъ взглядамъ. Въ календарѣ на 1834 годъ, противъ одного изъ чиселъ іюня мѣсяца, сдѣлана имъ отмѣтка: „говорилъ сегодня рѣчь въ гимназіи, къ большому для себя неудовольствію". Должно быть, вліятельный зоилъ нашелъ неумѣстнымъ въ устахъ православнаго священника похвалу просвѣщенію, а можетъ быть, ему не понравилась проведенная въ той же рѣчи параллель между Вашингтономъ и Наполеономъ, въ пользу перваго, какъ не поддававшагося искушенію пріобрѣсти власть надъ согражданами, тогда какъ послѣдній присвоилъ ее себѣ вопреки законовъ страны, что проповѣдникъ приписывалъ большему воздѣйствію на Вашингтона религіознаго чувства, этого благотворнаго спутника просвѣщенія.

Уваженіе, пріобрѣтенное Н. Ѳ. въ кадетскомъ корпусѣ, стройное отправленіе имъ церковной службы, умѣлое и участливое отношеніе къ прихожанамъ и духовнымъ дѣтямъ, его проповѣди, занятія въ гимназіи сдѣлали Н. Ѳ. извѣстнымъ многимъ лицамъ петербургскаго общества, приглашавшимъ его для частныхъ занятій съ дѣтьми. Въ числѣ ихъ назовемъ семейства Я. И. Ростовцева, Д. В. Дашкова, графа В. Н. Панина, А. Ѳ. Орлова, Воронцова-Дашкова. Кромѣ того жизнь на Васильевскомъ островѣ, который и донынѣ сохранилъ характеръ какъ бы отдѣльнаго города въ столицѣ, познакомила его съ нѣкоторыми изъ коренныхъ его обывателей, какъ русскихъ, такъ и иностранныхъ, напр. съ семействами гг. Сольскихъ, Очкиныхъ, Шуйскихъ, Жадиміровскихъ, Пренъ, Амбургеръ и др. Занятія во многихъ

изъ этихъ семействъ, смотрѣвшихъ серьезно на дѣло воспитанія, доставляли ему истинное утѣшеніе, и съ своей стороны онъ старался вносить въ исполненіе порученныхъ обязанностей всю присущую ему теплоту души и умъ. Отношенія къ иностранцамъ возникали по большей части изъ того обстоятельства, что при существовавшей въ тѣ годы связи столичной нѣмецкой и особенно англійской колоніи съ нашими отдаленными сѣверными мѣстностями, въ ихъ семействахъ дѣти иногда получали крещеніе отъ православныхъ священниковъ, родители же, не расположенные къ перемѣнѣ дѣтьми исповѣданія, были озабочены пріисканіемъ для нихъ образованнаго законоучителя. При многочисленности другихъ занятій Н. Ѳ. былъ иногда поставляемъ въ затруднительное положеніе настойчивыми желаніями иновѣрцевъ, изъ которыхъ одно лицо даже напомнило ему объ евангельской хананеянкѣ, чѣмъ склонило къ исполненію просьбы. Случалось также Н. Ѳ. поддерживать безвозмездно уроками нуждающіеся частные пансіоны, особенно женскіе, возникавшіе въ то время въ значительномъ числѣ, при отсутствіи женскихъ гимназій.

IV.

Между тѣмъ не прекращались добрыя отношенія Н. Ѳ. къ его родителямъ въ Арзамасѣ. Въ постоянной перепискѣ отецъ и сынъ обмѣнивались не только извѣстіями о событіяхъ дня, но и мыслями по серьезнымъ вопросамъ жизни. Къ сожалѣнію, Ѳ. Г. не было суждено вновь увидѣть сына. Въ 1831 году онъ было собрался навѣстить Н. Ѳ., доѣхалъ уже до села Бронницъ близъ Новгорода, но учрежденный здѣсь карантинъ по случаю холеры въ столицѣ принудилъ его возвратиться. Три года спустя онъ скончался, на 50-ти лѣтнемъ возрастѣ, отъ нервнаго удара, подъ впечатлѣніемъ радостнаго для него событія—состоявшагося назначенія его настоятелемъ церкви и городскимъ благочиннымъ.

Судьба возложила также на Н. Ѳ. заботу о младшемъ его братѣ, Михаилѣ Ѳедоровичѣ. Послѣдній былъ семью годами его моложе—родился въ 1811 г., скончался въ 1884. Братья съ дѣтства различались характерами: Н. Ѳ. былъ болѣе въ отца, человѣка скорѣе вдумчиваго и отвлеченнаго, чѣмъ житейскаго, а М. Ѳ. болѣе въ мать, женщину практичную и веселую. Постоянное стараніе Н. Ѳ. о соотвѣтствіи жизни съ разъ поставленнымъ идеаломъ наложило впослѣдствіи нѣкоторую грусть на его міровоззрѣніе и домашній обиходъ, тогда какъ М. Ѳ. грѣшилъ, быть можетъ, въ сторону жизнерадостно-

сти. По окончаніи курса въ семинаріи, М. Ѳ. Раевскій былъ, какъ и старшій братъ, назначенъ къ поступленію въ Петербургскую духовную академію. Въ письмѣ по этому поводу къ Н. Ѳ. отецъ его, прося его заботъ о братѣ, между прочимъ выразился о послѣднемъ, что „въ немъ мало истинной философіи". Желая открыть брату болѣе широкій жизненный путь, Н. Ѳ., по окончаніи М. Ѳ. академическаго курса, настоялъ на принятіи имъ мѣста священника за границей, при посольствѣ въ Стокгольмѣ, куда онъ и отправился въ 1834 году. Служба въ Швеціи, продолжавшаяся десять лѣтъ, не была для него веселою по отсутствію тамъ русскихъ и слишкомъ своеобразному укладу мѣстной жизни, но М. Ѳ. воспользовался свободнымъ временемъ для изученія иностранныхъ языковъ и присылалъ сюда статьи о постановкѣ народнаго образованія въ Швеціи, помѣщавшіяся въ „Журналѣ М. Н. П". Съ переводомъ М. Ѳ. въ 1844 году на такое же мѣсто въ Вѣну, для недюжинныхъ способностей его открылось болѣе широкое поприще. Хотя и въ Вѣнѣ въ то время, за отсутствіемъ желѣзныхъ дорогъ и существовавшими у насъ препятствіями къ заграничнымъ путешествіямъ, было мало русскихъ, но М. Ф. не могла не заинтересовать бойкая политическая и общественная жизнь столицы Австріи, въ особенности же славянскія отношенія. Сначала галиційскіе малороссы, а потомъ и другіе православные славяне, проживавшіе въ Вѣнѣ, изъ сербовъ Карловицкой епархіи и словаковъ стали заходить къ нему на домъ, по окончаніи богослуженія. Гостепріимный самоваръ, подчасъ русская пѣсня поддерживали скромное общеніе, къ которому впослѣдствіи присоединились одноплеменники и другихъ исповѣданій, изъ чеховъ и хорватовъ. Можно думать, что на первыхъ порахъ нѣмецкій языкъ служилъ средствомъ взаимнаго общенія, по крайней мѣрѣ на немъ М. Ѳ. въ началѣ издавалъ переводы нѣкоторыхъ нашихъ церковныхъ сочиненій, но съ теченіемъ времени установилось взаимное пониманіе языковъ, особенно съ тѣхъ поръ, какъ къ нему примкнули болѣе видные славянскіе дѣятели. Собранія эти не ушли отъ вниманія австрійской полиціи и подали поводъ слѣдующему эпизоду, въ которомъ и Н. Ѳ. пришлось принять участіе. Однажды графъ Панинъ, тогда министръ юстиціи, во время урока Н. Ѳ. его дѣтямъ, сообщилъ Н. Ѳ., что имѣлъ въ тотъ день докладъ у государя, и что по окончаніи доклада, въ обычномъ съ нимъ разговорѣ о постороннихъ предметахъ, императоръ Николай Павловичъ передалъ о полученіи имъ жалобы отъ австрійскаго правительства, которая его затрудняетъ: жалуются, что вѣнскій священникъ Раевскій мутитъ славянъ. Узнавъ, что братъ послѣдняго извѣстенъ ему, графу, государь сказалъ ему: передайте же нашему Раевскому, чтобы онъ предупредилъ своего вѣнскаго брата быть осторожнѣе, „иначе

онъ попадетъ изъ Вѣны въ Якутскъ". Само собою разумѣется, что Н. Ѳ. въ точности исполнилъ волю государя, а М. Ѳ. принялъ до времени необходимыя мѣры осторожности. По счастію М. Ѳ. Раевскій вскорѣ нашелъ добрую помощницу въ славянскихъ дѣлахъ въ лицѣ великой княгини Елены Павловны, которая, будучи вынуждена провести одну зиму въ Вѣнѣ по случаю тяжкой болѣзни одной изъ ея дочерей, познакомилась съ нимъ и приняла живое участіе въ заботахъ о помощи нуждающимся славянскимъ церквамъ, опредѣленіи сиротъ въ русскія учебныя заведенія и т. п. Къ этому же дѣлу примкнули высокообразованная графиня А. Д. Блудова, И. С. Аксаковъ и другія сочувствующія лица. Окончательно же упрочилась и распространилась настоящая дѣятельность М. Ѳ. съ перемѣной царствованія и съ назначеніемъ министромъ иностранныхъ дѣлъ князя А. М. Горчакова, бывшаго дотолѣ нашимъ посломъ въ Вѣнѣ. Можно быть разнаго мнѣнія о пользѣ дѣятельности нашихъ славянофиловъ прошедшаго вѣка, можно полагать, что она въ концѣ концовъ столько же содѣйствовала нравственному общенію западныхъ славянъ съ Россіею, сколько и къ укрѣпленію внутренняго строя самой Австріи, ослабивъ въ ней рознь между отдѣльными братскими племенами,—во всякомъ случаѣ нельзя не признать, что М. Ѳ. Раевскій былъ достойнымъ, въ продолженіе десятковъ лѣтъ, представителемъ русской церкви и народности въ западно-европейской странѣ, судьбы которой такъ загадочно связаны съ нашимъ отечествомъ. Прекрасный климатъ Вѣны и культурныя условія ея общежитія, въ свою очередь, поддержали въ немъ до преклонныхъ лѣтъ бодрость духа и выработали въ немъ ту привѣтливую, готовую на помощь, энергичную личность, о которой съ признательностью вспоминаютъ посѣщавшіе въ тѣ годы столицу Австріи наши соотечественники.

Рядомъ съ М. Ѳ. Раевскимъ слѣдуетъ упомянуть и о другомъ заграничномъ священникѣ, родственникѣ Н. Ѳ., отношенія его съ которымъ были, пожалуй, еще тѣснѣе и сердечнѣе—Д. В. Соколовѣ. По натурѣ замкнутый, научно-любознательный и кроткой души Д. В. тяготился своимъ мѣстомъ въ одномъ изъ приходовъ столицы, населенномъ наиболѣе темнымъ людомъ (Спаса на Сѣнной) и подъ вліяніемъ Н. Ѳ. принялъ назначеніе къ посольской церкви въ Берлинъ. Во время 20-ти лѣтней тамъ службы онъ старался пополнить свое образованіе, посѣщалъ университетъ, знакомился съ людьми науки, перевелъ на русскій языкъ всемірную исторію Вебера, изданную Н. И. Гречемъ, и, между прочимъ, пріобрѣлъ для Н. Ѳ., послѣ одного профессора богословія, полную библіотеку твореній отцовъ церкви въ оригиналѣ. Любовь къ искусству побудила Д. В. Соколова образовать въ средѣ семьи музыкальный кружокъ, и дочь его А. Д.

Соколова, въ замужествѣ Кочетова, была въ Петербургѣ въ 60-хъ годахъ извѣстна, какъ концертная пѣвица и сотрудница А. Г. Рубинштейна въ образованіи консерваторіи.

V.

Вполнѣ прочную постановку занятія Н. Ѳ. въ военно-учебныхъ заведеніяхъ получили со времени учрежденія въ началѣ 40-хъ годовъ, въ кадетскихъ корпусахъ должности наблюдателей по преподаваемымъ предметамъ, въ видахъ достиженія возможнаго единства преподаванія и поддержанія его на должной высотѣ. Иниціатива этой мѣры принадлежала в. к. Михаилу Павловичу и генералу Ростовцеву. Въ каждомъ корпусѣ избирался наблюдатель изъ числа преподавателей даннаго предмета и кромѣ того, во главѣ ихъ, назначался главный наблюдатель по каждому предмету, вѣдѣніе котораго простиралось на всѣ кадетскіе корпуса имперіи. Н. Ѳ. былъ назначенъ такимъ главнымъ наблюдателемъ по закону Божію. Обязанности его заключались въ выработкѣ плановъ и программъ преподаванія, докладѣ и разсмотрѣніи ихъ и другихъ вопросовъ въ учебномъ комитетѣ управленія въ качествѣ его члена, посѣщеніи уроковъ законоучителей и въ экзаменахъ воспитанниковъ какъ столичныхъ корпусовъ, такъ и иногороднихъ—послѣднихъ при пріемѣ ихъ въ высшіе классы Петербургскаго Дворянскаго полка (впослѣдствіи военнаго училища), гдѣ они доканчивали курсъ. Положеніе это дало Н. Ѳ. возможность окончательно примѣнить его нравственный и историческій методъ къ законоученію въ военно-учебныхъ заведеніяхъ. Трудно сказать, насколько эта іерархическая система принесла пользы въ живомъ дѣлѣ законоученія. Не каждый законоучитель владѣлъ той субъективной стороной, которая предполагалась при указанномъ характерѣ преподаванія, да едва-ли каждый безусловно ему подчинялся, но безспорно одно,—что воздѣйствіе Н. Ѳ. имѣло результатомъ несравненно лучшую постановку законоученія въ кадетскихъ корпусахъ, чѣмъ въ другихъ учебныхъ заведеніяхъ, гдѣ оно нерѣдко пріобрѣтало характеръ суровый, архаическій, подчасъ отталкивающій. Въ воспитанникахъ военно-учебныхъ заведеній, говоря вообще, развивалось то простое, дѣятельно-благодушное отношеніе къ области религіи, которое, соединяя ихъ съ міровоззрѣніемъ народа, послужило важною основою полезной дѣятельности ихъ на разнообразнымъ поприщахъ, открывавшихся въ послѣдующее царствованіе.

Замѣчательно, что учрежденіе въ военно-учебныхъ заведеніяхъ

наблюдательства по Закону Божію встрѣтило препятствіе въ духовномъ вѣдомствѣ, усмотрѣвшемъ здѣсь превышеніе власти. Затрудненіе было устранено при содѣйствіи оберъ-прокурора графа Протасова, тѣмъ, что независимо отъ упомянутаго наблюдательства, утвержденнаго высшею властью съ образованіемъ слѣдующаго штата, Св. Синодомъ было учреждено особое „блюстительство", по тому же предмету во всѣхъ учебныхъ заведеніяхъ въ лицѣ епархіальныхъ архіереевъ, которымъ въ свою очередь были приданы помощники въ званіи „помощниковъ блюстителей": одинъ—по гимназіямъ, а другой по кадетскимъ корпусамъ. Такимъ образомъ Н. Ѳ., оставаясь главнымъ наблюдателемъ, былъ одновременно облеченъ отъ духовной власти въ званіе помощника блюстителя; послѣднимъ, по Петербургской епархіи, былъ особо назначенъ ректоръ духовной академіи, епископъ Макарій, извѣстный богословъ и историкъ. Благодаря однако добродушному отношенію Н. Ѳ. къ этому бюрократическому исходу и уваженію, питаемому имъ къ епископскому сану, а также такту преосвященнаго Макарія, всякое пререканіе между ними было избѣгнуто, и Н. Ѳ. остался въ дѣйствительности такимъ же хозяиномъ дѣла, какимъ предполагался. Нѣкоторое затрудненіе встрѣтилось также въ отношеніи посѣщенія Н. Ѳ. иногороднихъ корпусовъ въ виду правила, по которому священникъ дѣйствуетъ лишь въ предѣлахъ епархіи, коей подвѣдомственъ. По крайней мѣрѣ въ Москвѣ учрежденіе наблюдательства было встрѣчено недружелюбно со стороны митрополита Филарета, относившагося вообще скептически къ введенной Н. Ѳ. системѣ преподаванія. „Посмотримъ, какъ они докажутъ своей нравственностью и исторіей непреложность догматовъ вѣры",—отозвался онъ однажды на экзаменѣ въ Московскомъ кадетскомъ корпусѣ. Тѣмъ не менѣе, когда Н. Ѳ. случилось быть въ Москвѣ, владыка принялъ его весьма привѣтливо, подарилъ ему собраніе своихъ сочиненій и показалъ всѣ своеобразные уголки своей лѣтней аскетической резиденціи. Особенное утѣшеніе доставляли Н. Ѳ. воспитанники Воронежскаго кадетскаго корпуса наилучшимъ усвоеніемъ преподаннаго, яснымъ, теплымъ и проникновеннымъ изложеніемъ истинъ вѣры и церковно-историческихъ характеристикъ и событій. Постоянный добрый отзывъ Н. Ѳ. объ этомъ корпусѣ, совпавшій впрочемъ съ издавна установившеюся репутаціею этого заведенія вслѣдствіе счастливаго подбора преподавателей и воспріимчивости учениковъ, послужилъ даже поводомъ къ поднесенію Н. Ѳ. отъ корпуса иконы святителей Николая и Митрофана. На принятіе этой иконы Н. Ѳ. было испрошено надлежащее разрѣшеніе, которое было дано тѣмъ легче, что икона не имѣла цѣнныхъ украшеній. Напротивъ, Полоцкій кадетскій корпусъ озабочивалъ Н. Ѳ. постоян-

ными отзывами мѣстнаго преосвященнаго о неудовлетворительности преподаванія тамъ Закона Божія, неподтверждавшимися результатами экзаменовъ кадетъ въ Петербургѣ. Произведенное Н. Ѳ. разслѣдованіе выяснило, что происшедшее между епископомъ и законоучителемъ корпуса столкновеніе возникло изъ мелочныхъ поводовъ и имѣло въ основѣ племенную подкладку, такъ какъ одно изъ этихъ лицъ было изъ числа возсоединившихся уніатовъ, а другое—простоватый великороссъ. Примирительное настроеніе Н. Ѳ. привело къ тому, что инцидентъ разрѣшился къ обоюдному успокоенію сторонъ и высшихъ сферъ.

Отношенія Н. Ѳ. съ законоучителями другихъ исповѣданій, имѣвшихъ въ то время въ первомъ корпусѣ каждое особую церковь, также всегда были добрыя. Интересенъ бывшій у него случай съ католическимъ патеромъ Стацевичемъ. Этимъ лицомъ былъ составленъ катехизисъ для руководства кадетъ-католиковъ, и трудъ этотъ, по желанію великаго князя, былъ порученъ Н. Ѳ. для просмотра съ точки зрѣнія государственныхъ запросовъ. Насколько деликатно Н. Ѳ. отнесся къ этому дѣлу, можно заключить изъ того, что почтенный патеръ Стацевичъ, впослѣдствіи ректоръ р.-к. духовной академіи, сохранилъ о немъ наилучшую память и отзывался о Н. Ѳ. „c'était un homme véridique, parfaitement véridique“: то былъ правдивый человѣкъ, вполнѣ правдивый человѣкъ. Съ лютеранскимъ пасторомъ Флитнеромъ (впослѣдствіи суперинтендентомъ) у Н. Ѳ., помимо воли, было одно лишь столкновеніе, по поводу отведенныхъ имъ обоимъ, при переустройствѣ корпуса, квартиръ. Пасторъ Флитнеръ почему-то выбралъ нѣсколько бо́льшую изъ предназначавшихся двухъ помѣщеній; Н. Ѳ. съ своей стороны былъ на это согласенъ, въ виду старшинства лѣтъ службы Флитнера въ корпусѣ, и въ этомъ же смыслѣ ближайшее начальство предположило сдѣлать распоряженіе, однако отъ главнаго начальника послѣдовала резолюція: „хоша (sic!) Раевскій моложе Флитнера, но онъ православный священникъ,—предоставить ему бо́льшую квартиру“.

Такъ шли годы службы Н. Ѳ. въ первомъ кадетскомъ корпусѣ, перейдя уже второе десятилѣтіе, пока не наступилъ 1848 годъ, полный событіями въ Западной Европѣ, отразившимися, къ сожалѣнію, и на скромной русской жизни. Настало время реакціи въ вѣдомствѣ просвѣщенія, увольненіе министра графа Уварова, ослабленіе гуманитарнаго характера средней школы, введеніе комплекта въ университетѣ. Еще тяжелѣе отозвалась перемѣна направленія на военно-учебныхъ заведеніяхъ, совпавшая притомъ съ кончиною великаго князя Михаила Павловича, нѣкоторая оппозиція котораго, въ случаяхъ крутыхъ мѣръ власти, была порой благодѣтельна. Хотя Рос-

товцевъ остался по-прежнему во главѣ фактическаго управленія ими и даже укрѣпился въ положеніи съ назначеніемъ на должность главнаго начальника молодаго государя наслѣдника, но долженъ былъ до времени свернуть прогрессивное знамя. Ближайшіе начальники корпуса, рыцарски благородный директоръ баронъ К. А. Шлиппенбахъ и своеобразный, талантливый инспекторъ А. Я. Кушакевичъ уступили мѣста гг. Лихонину и Линдену, зятю пастора Флитнера. Лица эти, при всѣхъ частныхъ достоинствахъ, были тѣми сухими службистами, которые такъ претятъ прямодушной русской натурѣ. Авторитетъ законоучителя сталъ имъ неудобенъ, начали предъявляться къ нему, въ сферѣ нравственнаго наблюденія, требованія, несовмѣстныя съ достоинствомъ пастыря и даже несогласныя съ правилами церкви. Съ своей стороны Н. Ѳ., подходившій къ 50-ти лѣтнему возрасту, чувствовалъ утомленіе отъ продолжительной дѣятельности преподавателя, чувствовалъ потребность въ отдыхѣ, въ болѣе самостоятельномъ и спокойномъ служебномъ положеніи, ему хотѣлось стать исключительно приходскимъ священникомъ, не бывъ которымъ, духовное лицо остается какъ бы недоконченнымъ.

По счастливому случаю къ тому времени освободилось мѣсто настоятеля собора всѣхъ учебныхъ заведеній или по обычному названію—Смольнаго собора. Мѣсто это вполнѣ подходило къ служебному положенію Н. Ѳ., и кромѣ того величественный храмъ этотъ, лучшій въ Петербургѣ до открытія Исаакіевскаго собора, издавна привлекалъ къ себѣ его артистическое чувство. Нѣсколько останавливала только скудость содержанія причта, въ связи съ необходимостью оставить частныя занятія при отдаленности собора отъ города, но доброжелательное отношеніе Я. И. Ростовцева и здѣсь помогло устранить затрудненіе. При его содѣйствіи Н. Ѳ., награжденному за 25-ти лѣтнюю службу орденомъ св. Владиміра 3 степени, была назначена пенсія и оставлена за нимъ должность главнаго наблюдателя по военно-учебнымъ заведеніямъ съ содержаніемъ (всего вмѣстѣ 2 т. руб.). Въ январѣ 1850 года Н. Ѳ. получилъ желаемое назначеніе, и 2 февраля, на первой утрени въ новомъ храмѣ, имѣлъ утѣшеніе прочесть слова евангелія: „нынѣ отпущаеши раба твоего, владыко, по глаголу твоему съ миромъ“.

VI.

Нравственное настроеніе Н. Ѳ., при переходѣ его въ Смольный, всего лучше выясняется въ словѣ, сказанномъ имъ на первой литургіи въ Соборѣ:

„Богъ благословилъ меня“,—говорится здѣсь,—„вступить въ ис-

полненіе обязанностей при этомъ святомъ храмѣ. До сихъ поръ принадлежа ему сердцемъ, теперь соединенъ съ нимъ и мѣстомъ жительства. Для дѣтей, воспитаніе которыхъ было отчасти ввѣрено мнѣ, архипастыремъ избранъ другой пастырь. Съ этихъ поръ я долженъ принадлежать вамъ, прихожане св. храма. Важенъ для меня настоящій шагъ моей жизни. До сихъ поръ предметомъ моего попеченія были дѣти, одинаковые по своему происхожденію и образованію, близкіе по лѣтамъ, сходные въ добрыхъ качествахъ, близкіе между собой и въ недостаткахъ. Теперь я вижу предъ собой людей разнаго возраста, разнаго пола, разнаго состоянія. Мнѣ предстоитъ узнать на опытѣ разныя чувства людей, разныя ихъ правила, для того, чтобы по возможности быть полезнымъ каждому изъ нихъ. До сихъ поръ кругъ моей дѣятельности преимущественно ограничивался ученіемъ, книгою—теперь предо мною раскрывается жизнь во всемъ ея разнообразіи. На мое прежнее поприще я вступилъ съ силами юными, изобильными, со свѣжей бодростью духа,—теперь, съ переходомъ на вторую половину жизни, силы, утомленныя трудомъ, ослабѣваютъ...

„Но благословенъ Богъ, который, какъ всегда, такъ и нынѣ не оставилъ меня своей милостью, который при новыхъ трудахъ и испытаніяхъ даетъ и новыя побужденія и силы къ исполненію долга. Если трудящійся во всякомъ добромъ дѣлѣ не лишается помощи Божіей, если всякій просящій получаетъ, всякій ищущій находитъ, то тѣмъ болѣе готова благодатная помощь тому, кто проходитъ званіе священства... Тотъ, кто прославилъ въ своей церкви Василіевъ, Златоустовъ, Григоріевъ, кто далъ имъ тысячи талантовъ, не лишитъ своей лепты и малаго изъ своихъ слугъ, котораго избралъ предстоять своему святому престолу.

„Другимъ воодушевленіемъ къ исполненію предстоящихъ мнѣ обязанностей служитъ чистота побужденій, съ какими я принялъ ихъ. Я желалъ быть однимъ изъ служителей этого храма не для того, чтобы снискать здѣсь богатства и выгоды жизни. Могъ ли я ожидать этого въ удаленіи отъ средоточія столицы, при храмѣ, гдѣ собираются люди, пріобрѣтающіе пропитаніе трудами рукъ своихъ или находящіе себѣ пріютъ подъ щедротами монаршими. Меня привлекъ сюда благолѣпный видъ славнаго храма и совершаемаго въ немъ служенія, меня влекла сюда увѣренность, что здѣсь, по малому числу паствы, отдѣленной архипастыремъ на мое попеченіе, и въ преклонныхъ лѣтахъ жизни я могу быть полезнымъ на служеніи Слова. Умѣренныя и чистыя побужденія служатъ порукой въ достиженіи желаемаго, или по крайней мѣрѣ служатъ утѣшеніемъ и успокоеніемъ, когда успѣхъ не соотвѣтствуетъ желаніямъ“.

Исчисливъ затѣмъ свои новыя обязанности, какъ приходскаго пастыря, Н. Ѳ. въ заключеніе своей рѣчи говоритъ: „Тотъ, Кто благословилъ меня совершить съ вами настоящую литургію, съ вашими молитвами благословитъ меня мирно и радостно совершить литургію всей моей жизни“.

Дѣйствительно, первые годы службы въ Смольномъ вполнѣ отвѣтили стремленію Н. Ѳ. къ исполненію обязанностей приходскаго пастыря, входящему подчасъ въ соприкосновеніе съ самыми сокровенными сторонами людской жизни и нуждъ и въ то же время необременительному для утомившихся силъ бывшаго педагога. Такъ какъ завѣдываніе соборомъ было совершенно отдѣлено отъ окружавшихъ его женскихъ институтовъ и вдовьяго дома—прежняго монастыря, имѣвшихъ своихъ законоучителей и причты, то соборъ, несмотря на громкое оффиціальное названіе, въ сущности былъ лишь обыкновеннымъ приходскимъ храмомъ, при томъ въ мѣстности, хотя одной изъ наиболѣе живописныхъ въ столицѣ, но отдаленной и захудалой. Приходъ его составляли нѣсколько почтенныхъ служилыхъ семействъ средняго достатка, неимущіе отставные чиновники, мѣщане, рабочее населеніе нѣсколькихъ мануфактуръ и складовъ, военныя команды Аракчеевскихъ казармъ; съ личнымъ составомъ правительственныхъ учрежденій могли возникать лишь случайныя отношенія. Чередуясь съ другими священниками, Н. Ѳ. совершалъ ежедневныя службы, исполнялъ требы, вводившія его въ жизнь тѣхъ скромныхъ людей, къ которымъ всегда лежала его душа; здѣсь ему случалось встрѣчаться съ самой вопіющей нуждой и оказывать помощь иногда достойнымъ людямъ, выбитымъ изъ жизненной колеи стеченіемъ несчастныхъ обстоятельствъ или несправедливостью представителей власти. Торжественныя служенія въ праздничные дни, когда въ соборъ стекались тысячи богомольцевъ, даже въ самые ранніе часы, также привлекало къ себѣ его заботливость. Онъ радовался, когда на эти службы приходили его бывшіе ученики; нѣкоторые изъ нихъ потомъ передавали, что память о стройномъ богослуженіи въ Смольномъ соборѣ, при посѣщенія ими храмовъ за границей, помогала имъ относиться съ большей стойкостью къ впечатлѣнію службъ другихъ исповѣданій. Какъ въ воскресные, такъ и въ праздничные дни онъ старался произносить небольшія проповѣди на темы изъ области семейной жизни, воспитанія, благотворительности. На раннихъ обѣдняхъ велъ для простаго люда возможно-доступныя бесѣды объ основныхъ истинахъ христіанства. Трудъ этотъ давалъ вмѣстѣ съ тѣмъ Н. Ѳ., свободному отъ постороннихъ занятій, тотъ отдыхъ, въ которомъ онъ въ то время такъ нуждался. Единственное исключеніе составляло наблюденіе за законоученіемъ въ ка-

детскихъ корпусахъ, но разъ поставленное на прочную почву, дѣло это не было для него обременительно.

Развлеченіе въ тихой служебной жизни доставляли ему посѣщенія собора высокопоставленными иностранцами, а также лицами иновѣрнаго духовенства, особенно англійскаго, съ которыми приходилось, въ объясненіяхъ, вспомнить старую латынь. Чѣмъ особенно дорожилъ Н. Ѳ. въ эти годы—это возможностью возобновить литературное чтеніе, сдѣлавшееся для него почти недоступнымъ въ послѣдніе тяжелые годы корпусной службы. Къ тому времени вышли „Записки Охотника“ Тургенева, появились первыя бытовыя пьесы Островскаго; изъ нихъ „Не въ свои сани не садись“ пришлась ему болѣе другихъ по душѣ теплотой настроенія. День полученія новаго тома исторіи Соловьева былъ для него настоящимъ праздникомъ: до такой степени онъ цѣнилъ правдивость ея изложенія и научную обосновку событій. Въ лѣтніе дни ближайшія къ Смольному монастырю окрестности за р. Невой, еще мало населенныя, манили его къ прогулкамъ; отовсюду виднѣлся любимый храмъ, случалось встрѣчаться съ художниками, рисовавшими здѣсь виды Смольнаго. Въ эти же годы возобновилось знакомство Н. Ѳ. съ почтеннымъ придворнымъ протоіереемъ И. М. Пѣвницкимъ, также уроженцемъ Нижегородской губерніи, возвратившимся изъ Штутгардта послѣ долголѣтней службы тамъ при посольствѣ. Вечера въ его семействѣ доставляли Н. Ѳ. удовольствіе слушать музыкальные квартеты, устраиваемые И. М.—самимъ хорошимъ музыкантомъ—съ его сыновьями а также мелодичное пѣніе артиста Никольскаго, еще состоявшаго тогда въ придворномъ хорѣ, и другихъ солистовъ.

Въ примѣръ проповѣдей, произнесенныхъ въ эти годы Н. Ѳ., приводимъ сказанную имъ въ одинъ изъ воскресныхъ дней на текстъ: „еже сѣетъ человѣкъ, тожде и пожнетъ“.

„Наступила осень. Холодный вѣтеръ шумитъ въ вершинахъ зданій, дождь безвременно льется на поблекшую зелень, желтые листья, какъ лоскутья старой изношенной одежды, устилаютъ землю, черныя тучи застилаютъ небо, изрѣдка проглянетъ солнце, но и въ его лучахъ нѣтъ теплоты. Не увидишь, какъ наступитъ зима: снѣговымъ покровомъ покроетъ она землю и все помертвѣетъ, хотя и на время. Хорошо тому хозяину, который заблаговременно укрылъ свое жилище, прилежно работалъ лѣтомъ и довольно заготовилъ пропитанія себѣ и своему семейству; онъ спокойно смотритъ на наставшую осень, на приближеніе зимы, на бури-непогоды, ибо онъ съ семьей безопасенъ.

„Настоящее время года напоминаетъ намъ нашу старость, зима напоминаетъ смерть. Многіе изъ насъ доживутъ до старости, конечно

всѣ желали бы дожить. Теперь, смотря на скучную осень, сожалѣя, что прошло лѣто, надобно и намъ подумать о своей осени—я разумѣю о старости, какъ доброму хозяину, чтобы намъ не скучать о своемъ лѣтѣ, о цвѣтущихъ годахъ жизни, и не бояться зимы, т. е. кончины".

„Худо будетъ встрѣчать старость тому, кто не трудился въ жизни и не исполнялъ прилежно дѣлъ своего званія. Если онъ не привыкъ трудиться въ молодости, ему трудно будетъ начинать трудиться подъ старость: и силы его будутъ слабѣе, и не будетъ доставать у него свѣдѣній и опытности, чтобы хорошо вести дѣло. Онъ увидитъ, что другіе будутъ пользоваться плодами отъ своихъ трудовъ, а его станутъ забывать, какъ человѣка лишняго и безполезнаго въ обществѣ, его встрѣтитъ и недостатокъ, и бѣдность, а пособить будетъ уже поздно".

„Худо будетъ встрѣчать старость тому, кто любилъ жить роскошно, нѣжить себя излишнею пищею и питьемъ, проводить дни и ночи весело. Онъ накопитъ себѣ въ продолженіе жизни большой запасъ болѣзней. Въ то время, какъ старецъ, хорошо потрудившійся, пойдетъ бодро съ свѣжимъ румянцемъ на лицѣ, съ добродушной веселостью на устахъ,—слабое зрѣніе, поникшая голова, мутный цвѣтъ лица, дрожащіе члены, ѣдкія болѣзни будутъ гнѣздиться въ его разрушенномъ тѣлѣ. Они будутъ заживо наказывать его за невоздержаніе и ежеминутно ему напоминать: ты отжилъ свой вѣкъ, отжилъ худо, скоро приблизится къ тебѣ преждевременная кончина".

„Худо будетъ встрѣчать старость тому, кто жилъ неправдой, лгалъ, лицемѣрилъ, жилъ съ обидою другимъ и думалъ только о своей выгодѣ. Разрушивъ счастіе другихъ, онъ не воспользуется беззаконными плодами трудовъ своихъ. Рано или поздно его лукавство и корыстолюбіе раскроются передъ людьми, и въ тѣ лѣта, когда особенно пріятно видѣть къ себѣ уваженіе, онъ будетъ презираемъ и обходимъ своими собратьями. Если онъ и не впадетъ въ руки правосудія земнаго, онъ всегда будетъ его бояться, и этотъ страхъ будетъ постоянно его тревожить. Среди роскоши и пировъ совѣсть будетъ ему напоминать о тѣхъ, которыхъ онъ своей неправдой сдѣлалъ бѣдными и несчастными".

„Худо будетъ встрѣчать старость тому, кто въ свое время не озаботился о воспитаніи своихъ дѣтей и объ укорененіи въ своемъ домѣ страха Божія. Что будетъ безъ меня съ дорогими моему сердцу, если они и теперь не имѣютъ твердаго основанія для жизни, если они и теперь не тверды въ правилахъ истины и добра; кто поддержитъ ихъ безъ меня, а сдѣлавшись безполезными въ обществѣ и несчастными, чѣмъ они будутъ поминать меня,—вотъ мысли, которыя будутъ отравлять печальную старость безпечныхъ родителей".

„Всего хуже будетъ встрѣчать старость тѣмъ, кто въ свое время не укрѣплялъ самого себя въ вѣрѣ и любви къ Богу, кто небрегъ объ обязанностяхъ молитвы, объ участіи въ святыхъ таинствахъ и приготовленіи себя милостынями и добрыми дѣлами къ переходу въ вѣчность. Теперь и заботы, и отчасти удовольствія жизни закрываютъ отъ нихъ будущую жизнь, и они думаютъ только о настоящей. Тогда мысль о смерти и о судѣ невольно явится передъ ними. Время молитвы, поста, покаянія уже прошло: все, для чего жилъ человѣкъ на свѣтѣ, оставляетъ его, одинъ съ своей совѣстью, отягченной преступленіями, идетъ онъ ко гробу и къ суду Божію, кто поддержитъ и успокоитъ его, когда онъ самъ отвращался вѣры и церкви“.

„Что человѣкъ сѣялъ, то и пожнетъ; что собралъ онъ въ своемъ сердцѣ въ продолженіе жизни, съ тѣмъ встрѣтитъ и старость, съ тѣмъ встрѣтитъ и кончину. Намъ не дано въ жизни ни одного лишняго часа и дня, которые бы мы не были должны посвящать своему долгу, въ которыхъ бы отъ насъ не было потребовано отчета. Поспѣшимъ же воспользоваться тѣмъ временемъ, которое остается въ нашей власти; поспѣшимъ добрыми дѣлами и милостынями сдѣлать себѣ добрый запасъ для перехода въ вѣчность, поспѣшимъ загладить наши неправды, постараемся исполненіемъ своихъ обязанностей заслужить то, чтобы оставшіеся въ живыхъ вспомянули о насъ съ молитвою и благословеніемъ. Тогда пусть приближается старость, пусть наступаетъ кончина—миръ Божій оградитъ умы и сердца наши“.

Въ поученіи на праздникъ св. Маріи Магдалины, признавъ заслуги женщинъ, посвятившихъ себя дѣламъ милосердія или тяжелому труду воспитанія, за которыя ихъ ожидаютъ обители въ дому Отца Небеснаго, Н. Ѳ., обращаясь къ великому значенію христіанской матери, какъ бы спрашиваетъ себя:

„Останется ли въ этихъ обителяхъ мѣсто тѣмъ, которыя возросли подъ кровомъ родителей или добрыхъ воспитательницъ, вступили въ супружество, проводили тихую частную жизнь подъ кровомъ супруговъ, пользуясь иногда достаткомъ и почетомъ въ обществѣ. Не воспріемлютъ ли они уже здѣсь, на землѣ, полной награды. Объ этихъ,—отвѣчаетъ онъ,—съ особенной заботливостью говоритъ св. апостолъ Павелъ: спасется мать семейства съ рожденными ею дѣтьми, если пребудетъ въ вѣрѣ и любви, и въ святости съ цѣломудріемъ. Спасется и она, но съ главнымъ условіемъ, если въ точности исполнитъ лежащую на ней обязанность по воспитанію дѣтей въ страхѣ Божіемъ, если, съ своей стороны, не подастъ малѣйшаго повода къ отступленію отъ истины и добродѣтели, и или съ дѣтьми своими пребудетъ въ вѣрѣ и любви.

„Спасется ревностная, благочестивая мать, потому что такимъ христіанскимъ воспитаніемъ она приноситъ неисчетную пользу церкви Христовой и всему обществу, передавая благочестіе, сохраняя вѣру изъ рода въ родъ. Отецъ полагаетъ основаніе характеру сына, даетъ ему правила, открываетъ путь жизни, но положить въ душу сына и дочери основаніе христіанскаго чувства, первую теплоту любви къ Богу и ближнимъ—это преимущественно дѣло матери. Кто образовалъ св. Григорія Богослова—мать Нинна, кто св. Іоанна Златоуста—мать Анѳуса. Припомните, сколько всѣ вы обязаны въ вашихъ чувствахъ вашимъ матерямъ, учившимъ васъ знаменію креста, приводившимъ васъ къ святымъ тайнамъ, преподававшимъ вамъ первыя молитвы и заповѣди Божіи.

„Спасется ревностная, благочестивая мать, ибо постоянное христіанское воспитаніе дѣтей требуетъ отъ нея чрезвычайныхъ трудовъ и высокаго христіанскаго терпѣнія. Она должна постоянно лишать себя покоя, чтобы слѣдить за каждымъ шагомъ, каждою мыслью и чувствомъ своего дитяти. Вмѣсто удовольствій пріятнаго общества, она должна заключить себя въ стѣнахъ дома, потому что безъ нея не можетъ быть другой матери для ея дѣтей. Ея жизнь должна быть исполнена христіанскихъ добродѣтелей, потому что она окружена дѣтьми, которыя безъ ея вѣдома, противъ ея желанія, замѣчаютъ каждый ея поступокъ, чтобы современемъ подражать ему. Она не предается суетности, не завидуетъ, не превозносится, не безчинствуетъ, не раздражается, не мыслитъ зла, чтобы все это впослѣдствіи не повторилось въ ея дѣтяхъ. Добрая христіанская мать есть воплощенная христіанская любовь. А кто исчислитъ ея милостыни, ея молитвенные подвиги за дѣтей? Чья молитва можетъ быть такъ глубока, такъ сильна и неотступна, какъ молитва матери? Истинная материнская любовь дѣлается такимъ образомъ для самой матери учительницею благочестія и, спасая дѣтей, спасаетъ саму мать“.

Въ заключеніе приводимъ выдержку изъ одной изъ рѣчей его, въ тѣ же годы, на день кавалерскаго праздника ордена св. Владиміра, которыя ему поручалось ежегодно произносить въ Князе-Владимірскомъ соборѣ, какъ одному изъ кавалеровъ этого ордена.

„Обязанность отличеннаго знакомъ почести,—говоритъ онъ,—превосходить другихъ въ подвигахъ христіанскаго смиренія. Если я предпочтенъ другимъ, тѣмъ болѣе я долженъ оправдывать передъ моими ближними благое соизволеніе власти, долженъ показать на самомъ дѣлѣ, что чувствую цѣну дара Божія, чувствую, что это не есть только плодъ моихъ трудовъ и усилій, но святая воля Того, Кто одинъ смиряетъ и возвышаетъ, убожитъ и обогащаетъ. Возвращаясь къ прежнимъ годамъ жизни, сколько я вижу передъ собой

собратій моихъ, которые трудились съ полнымъ рвеніемъ, съ превосходными дарованіями, съ необыкновеннымъ самоотверженіемъ, съ истинною пользою для общества, но или болѣзнь, или бѣдность, или родъ службы, или сострадание къ своимъ близкимъ — иногда обстоятельства самыя маловажныя — отвлекали или останавливали ихъ на пути службы. Труды ихъ стали мало видны, немного оцѣнены, и они, сѣявъ слезами, все еще ожидаютъ пожать радостію. А меня Отецъ Небесный благоволилъ мирно идти, радоваться, возвышаться на пути жизни. Чѣмъ я заслужилъ это? И заслуживъ лестное одобреніе моихъ трудовъ, неужели я всегда шелъ путемъ правды, никогда не уклонялся отъ моего долга, не ослабѣвалъ въ исполненіи его? Нѣтъ, ослабѣвалъ я, трудились другіе, падалъ я, другіе стояли, подавали мнѣ руку помощи, и теперь Единому Сердцевѣдцу остались извѣстны ихъ доблести. Значитъ, я отличенъ для того, чтобы тѣмъ нѣжнѣе я любилъ моихъ ближнихъ, чтобы тѣмъ болѣе старался самоотверженіемъ сократить то разстояніе, которое временно отдѣляетъ меня отъ нихъ, чтобы тѣмъ болѣе ревновалъ объ ихъ пользѣ и благосостояніи, сострадалъ ихъ немощамъ, трудился за нихъ, переносилъ ихъ недостатки. На меня возлагается знаменіе креста для того, чтобы я тѣмъ смиреннѣе несъ внутренній крестъ, сложенный изъ скорбей моихъ ближнихъ. Должны есмы мы сильніи—если бы мы только заслужили это имя—немощи немощныхъ носити и не себѣ угождати. Старѣйшину ли тя поставиша, не возносися, но буди въ нихъ, яко единъ отъ нихъ“.

Замѣчательно, что эта проповѣдь не могла быть произнесена въ настоящемъ ея видѣ. Митрополитъ Никаноръ, которому она была представлена Н. Ѳ. на просмотръ, какъ имѣвшему служить на упомянутомъ праздникѣ, затруднился разрѣшить ее къ произнесенію, во избѣжаніе какой-либо непріятности, въ виду щекотливости нашихъ сановниковъ, и просилъ Н. Ѳ. сказать слово на болѣе индифферентную тему и во всякомъ случаѣ смягчить слишкомъ живое ея изложеніе.

VII.

Недолго продолжался отдыхъ Н. Ѳ. на новомъ мѣстѣ службы. Не прошло двухъ лѣтъ, какъ онъ былъ назначенъ членомъ духовной консисторіи, при чемъ на его долю выпалъ судебный ея отдѣлъ, въ частности дѣла о законности рожденія. Это новое занятіе поставило его въ соприкосновеніе съ міромъ, совершенно неизвѣстнымъ ему съ молодыхъ лѣтъ. Потребовалось ближайшее ознакомленіе съ законами.

По самому свойству этого рода дѣлъ, вытекавшихъ, главнымъ образомъ, изъ отысканія наслѣдственныхъ правъ, чувство состраданія къ лицамъ, безвинно обиженнымъ суровымъ закономъ, нерѣдко приходило у него въ столкновеніе съ обязанностью исполненія закона: уваженіе къ послѣднему преодолѣвало, создавало даже Н. Ѳ. репутацію безчувственнаго формалиста, но тяжело отзывалось на его чуткой, снисходительной натурѣ. То было преобладаніе въ дѣлопроизводствѣ канцелярій. При отсутствіи адвокатуры неразборчивые чиновники канцеляріи консисторіи и даже Сvнода проведеніемъ дѣлъ лицъ, отыскававшихъ права состоянія и наслѣдства, въ законныхъ инстанціяхъ, хотя бы сами состояли въ нихъ на службѣ, оказывая давленіе на членовъ присутствія безнравственными посулами и угрозами въ случаѣ неуспѣха, нерѣдко оказывавшимися дѣйствительными. Существовала какъ бы система подготовленія кандидатовъ на значительныя наслѣдства, состоявшихъ на прокормленіи секретарей и оберъ-секретарей, доколѣ выигрышъ дѣла не возмѣщалъ съ лихвой понесенныя затраты. По счастію, въ этой борьбѣ за законъ Н. Ѳ. находилъ себѣ помощь въ лицѣ митрополита Никанора, обыкновенно присоединявшагося къ его мнѣнію въ серьезныхъ вопросахъ. И со стороны другихъ представителей духовенства дѣятельность Н. Ѳ. по духовной консисторіи также заслуживала одобренія. Такъ, однажды, на полуоффиціальномъ собраніи придворный протопресвитеръ В. Б. Бажановъ, членъ Сvнода и самъ бывшій законоучитель, обратясь къ Н. Ѳ., сказалъ: „благодарю васъ, Николай Ѳедоровичъ, что не даете потачки нашимъ секретарямъ, а то они были бы готовы бить по носу членовъ консисторіи“. Такое сочувствіе общественнаго мнѣнія поддерживало Н. Ѳ. и служило ему утѣшеніемъ въ тѣхъ случаяхъ, когда различіе взглядовъ на службѣ заставляло его порывать самыя крѣпкія житейскія связи.

Въ затруднительное положеніе другаго рода Н. Ѳ. былъ поставленъ, въ эти же годы, случаемъ съ возобновленіемъ въ храмѣ иконы Ильинско - Черниговской Божіей Матери. Какъ извѣстно, зданія Смольнаго монастыря были построены по волѣ императрицы Елизаветы, на мѣстѣ ея загороднаго дворца, въ которомъ она уединенно проживала въ предшествующее царствованіе. Сюда же въ новообразованный женскій Воскресенскій монастырь, въ покои императрицы, были перенесены изъ упомянутаго дворца имѣвшіяся въ немъ иконы, а по окончательномъ упраздненіи монастыря въ 30-хъ годахъ прошлаго вѣка онѣ были переданы въ достроенный къ тому времени соборъ. Однѣ изъ нихъ нашли мѣсто въ самомъ храмѣ, а другія хранились при немъ въ особомъ помѣщеніи. Осенью 1852 года одинъ изъ оставшихся старослужилыхъ монастыря сталъ настойчиво тре-

бовать отъ причта собора постановки въ немъ неоказавшейся иконы Черниговской Божіей Матери, икона была отыскана въ числѣ хранившихся, и желаніе его было удовлетворено. Стоустная молва разнесла вѣсть объ этомъ случаѣ между населеніемъ столицы, и всю зиму на 1853 годъ толпы народа стали стекаться въ Смольный соборъ, наполняя его, какъ прежде бывало, лишь въ праздники, и оживляя ведущія къ нему глухія улицы. Полицейскія власти не замедлили встрепенуться и, съ свойственнымъ имъ уваженіемъ къ народной психикѣ, стали требовать устраненія иконы. Епархіальное начальство находилось въ затрудненіи между двумя рѣшеніями, изъ которыхъ каждое представляло свою опасность. На долю Н. Θ. выпало сгладить обострившійся эпизодъ. Онъ вошелъ въ сношеніе съ Ильинскимъ монастыремъ въ Черниговѣ и, на основаніи печатныхъ источниковъ, получилъ удостовѣреніе въ томъ, что въ 1709 году, при проѣздѣ императора Петра I послѣ Полтавской побѣды черезъ Черниговъ, ему была поднесена отъ Ильинскаго монастыря копія мѣстной иконы Богоматери. Представлялось правдоподобнымъ, по характеру живописи обновленной иконы (XVII вѣка), ея тождество съ упомянутой копіей, а нахожденіе ея въ составѣ имущества императрицы Елизаветы могло объясниться временемъ рожденія послѣдней въ томъ же 1709 году. Эта справка, поставивъ дѣло на болѣе прочную, историческую почву, устранила домогательства полиціи, а тѣмъ временемъ излишнее возбужденіе богомольцевъ улеглось, и Черниговская икона, въ соотвѣтственной обстановкѣ, донынѣ составляетъ одно изъ лучшихъ молитвенныхъ украшеній храма.

VIII.

Въ началѣ 1854 года скончался въ Петербургѣ каѳедральный протоіерей І. С. Кочетовъ. Званіе каѳедральнаго протоіерея, какъ старшаго лица бѣлаго духовенства епархіи, особенно вліятельно и почетно. Слѣдуетъ припомнить, что епископская каѳедра есть своего рода юридическая личность, имѣющая назначеніемъ, съ самыхъ древнихъ временъ христіанства, рукоположеніе, общее руководство, просвѣщеніе, благотворительность и судебныя дѣла духовенства епархіи подъ главенствомъ епископа. При ней имѣются особый храмъ, архіерейскій хоръ, духовно-учебныя заведенія и учрежденіе для призрѣнія сиротъ духовенства. Личный составъ ея, помимо епископа, состоитъ изъ каѳедральнаго протоіерея, саккеларія (иначе ключаря), нѣсколькихъ іереевъ и дьяконовъ всѣхъ степеней. Въ наиболѣе законченномъ

видѣ учрежденіе каѳедры сохранилось въ нѣкоторыхъ церквахъ востока, въ римской церкви и даже англиканской. У насъ развитіе ея затемнилось позднѣйшими наслоеніями высшихъ бюрократическихъ духовныхъ учрежденій Сѵнода, прокуратуры, консисторій; тѣмъ не менѣе она существуетъ и иногда энергично проявляетъ дѣятельность, преимущественно въ южно-русскихъ епархіяхъ. Въ 50-хъ годахъ петербургской каѳедрѣ принадлежалъ Петропавловскій соборъ, что въ Петербургской крѣпости, состоявшій каѳедральнымъ съ основанія столицы до открытія въ 1858 году Исаакіевскаго собора; при немъ состояли духовное училище, епархіальное попечительство о бѣдныхъ духовнаго званія и богадѣльни для вдовъ и сиротъ. Со времени учрежденія консисторіи, каѳедральный протоіерей былъ ея старшимъ членомъ, а также благочиннымъ ближайшихъ къ собору приходовъ. Въ соотвѣтствіи сложности его обязанностей, равно какъ и всего клира каѳедральнаго собора, составлявшаго издревле какъ бы совѣтъ епископа, изъ числа членовъ котораго избирались и сами епископы, чинъ служенія въ соборѣ, хотя бы въ отсутствіе епископа, отличался нѣкоторыми привилегіями, принадлежащими сему послѣднему. Митрополитъ Никаноръ, имѣвшій возможность въ послѣдніе годы ближе узнать Н. Ѳ. и получившій къ нему расположеніе подъ впечатлѣніемъ его стойкости въ дѣлахъ консисторіи и умѣлаго разрѣшенія столкновеній какъ въ полоцкомъ инцидентѣ, такъ и въ случаѣ съ Черниговской иконой, предложилъ Н. Ѳ. должность каѳедральнаго протоіерея. Какъ ни грустно было Н. Ѳ. разставаться съ уединеніемъ Смольнаго монастыря, какъ ни мало походили предстоявшія ему обязанности на тѣ, которыя давали бы ему возможность „мирно и радостно окончить литургію жизни“, но усвоенное съ молодости уваженіе къ архипастырской власти побороло эгоистическое чувство и побудило его принять лестное назначеніе, соединявшее его вновь съ храмомъ, въ которомъ онъ нѣкогда началъ службу въ болѣе скромномъ званіи. При томъ онъ чувствовалъ себя значительно окрѣпшимъ послѣ четырехлѣтняго перерыва педагогическихъ занятій. Конечно, не могло быть уже рѣчи о любимомъ произнесеніи въ храмѣ проповѣдей, но нѣкоторыя изъ выпавшихъ на него здѣсь обязанностей, ректорство въ училищѣ, предсѣдательство попечительства и надзоръ за богадѣльнями, давали новую пищу его теплому, заботливому сердцу въ стараніяхъ о возможно правильной и человѣчной, при скудныхъ средствахъ, постановкѣ дѣла воспитанія малолѣтнихъ и призрѣнія сиротъ. Преосвященнымъ митрополитомъ возлагалось также на него миролюбивое разрѣшеніе семейныхъ столкновеній въ средѣ столичнаго духовенства.

Положеніе причта каѳедральнаго собора усложнялось въ то время

еще тѣмъ, что онъ одновременно былъ мѣстомъ погребенія почившихъ императоровъ и членовъ императорскаго семейства. Въ обыкновенное время это имѣло послѣдствіемъ лишь значительное число торжественныхъ поминальныхъ служеній, въ которыхъ долженъ былъ участвовать причтъ и настоятель собора, но съ неожиданною кончиною въ февралѣ 1856 года императора Николая Перваго, кромѣ увеличенія числа служеній, явилась надобность въ разнаго рода распоряженіяхъ по собору, предпринимавшихся посторонними вѣдомствами совмѣстно съ настоятелемъ. Сами богослуженія отправлялись какъ епархіальнымъ, такъ и придворнымъ духовенствомъ: послѣднее, имѣя свои указанія, какъ бы игнорировало значеніе даннаго храма, какъ епархіальнаго, смотрѣло на него единственно какъ на царскую усыпальницу и, можетъ быть, помимо воли, иногда не сообразовалось съ временемъ и условіями общихъ службъ. Отсюда происходили неизбѣжныя столкновенія, отражавшіяся даже на добрыхъ отношеніяхъ Н. Ѳ. съ протопресвитеромъ Бажановымъ, и нуженъ былъ весь тактъ Н. Ѳ., чтобы приводить эти недоразумѣнія къ желаемому исходу. Въ настоящее время, какъ извѣстно, Петербургская каѳедра переведена въ Исаакіевскій соборъ, а Петропавловскій соборъ, оставшись лишь императорскою усыпальницею, перечисленъ въ придворное вѣдомство.

Надо прибавить, что по мѣсту нахожденія Петропавловскаго собора въ Петербургской крѣпости на Н. Ѳ., какъ настоятелѣ собора, лежала грустная обязанность послѣдняго утѣшенія содержавшихся въ ней государственныхъ преступниковъ, въ случаяхъ ихъ смерти, а также увѣщаніе содержавшихся въ ней раскольниковъ и старообрядцевъ иностранной іерархіи. Собесѣдованія съ послѣдними были для него нелегки, хотя иногда вознаграждались полученіемъ интересныхъ историческихъ и другихъ свѣдѣній. Н. Ѳ. старался знакомить ихъ съ нашимъ богослуженіемъ и самимъ храмомъ. Къ сожалѣнію, однажды, послѣ такого осмотра, всѣ иконы нижней части иконостаса—изящныя миніатюры съ изображеніемъ евангельскихъ событій—оказались испорченными: въ нихъ были выцарапаны глаза у всѣхъ лицъ, не принадлежащихъ къ числу святыхъ. Послѣ этого пришлось быть осторожнѣе.

Между тѣмъ своимъ порядкомъ шли занятія Н. Ѳ. по наблюденію за законоученіемъ въ военно-учебныхъ заведеніяхъ, посѣщенію уроковъ, экзаменовъ, даже нѣсколько осложнившіяся съ началомъ Крымской войны, вызвавшей усиленные выпуски кадетъ. По-прежнему говорилъ онъ ежегодно рѣчи къ воспитанникамъ передъ присягою, для принятія которой въ эти годы собирались на плацъ перваго корпуса выпускные кадеты всѣхъ петербургскихъ корпусовъ. Государь наслѣдникъ, присутствовавшій на этихъ собраніяхъ, какъ главный

начальникъ, видимо бывалъ тронутъ послѣднимъ прощаніемъ съ воспитанниками, отправлявшимися съ учебной скамьи на раны и смерть. Какъ при этихъ случаяхъ, такъ и впослѣдствіи, по восшествіи на престолъ, при встрѣчахъ съ Н. Ѳ. въ Петропавловскомъ соборѣ, онъ продолжалъ оказывать ему знаки сочувственнаго вниманія. Только однажды промелькнула тѣнь неудовольствія. Дѣло происходило въ одной изъ залъ Зимняго дворца, во время приготовленія къ крещенской процессіи. Проходившій государь наслѣдникъ, увидѣвъ Н. Ѳ., подошелъ къ нему и въ разговорѣ выразилъ ему сожалѣніе, по поводу перехода въ Александровскій лицей законоучителя втораго кадетскаго корпуса А. Н. Строкина, молодаго, весьма интеллигентнаго священника, какъ бы съ упрекомъ, что тотъ не былъ задержанъ для корпуса. Н. Ѳ., позволилъ себѣ замѣтить, что лицей столько же, если не болѣе, нуждается въ хорошемъ законоучителѣ. Замѣчаніе это, однако, не удовлетворило цесаревича, и онъ успокоился лишь тогда, когда Н. Ѳ. завѣрилъ въ принятіи всѣхъ мѣръ къ замѣщенію о. Строкина вполнѣ соотвѣтственнымъ лицомъ. Н. Ѳ. даже самъ подумывалъ передъ тѣмъ, подъ впечатлѣніемъ хлопотъ соборной службы, принять мѣсто законоучителя въ лицеѣ, но его остановило малое знакомство съ философіей, преподаваніе которой, подъ видомъ логики и психологіи, лежало въ то время въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ на законоучителѣ. Съ перемѣной царствованія настроеніе управленія кадетскими корпусами, а съ нимъ и засѣданій учебнаго комитета, замѣтно измѣнилось. Подъ вліяніемъ общественнаго движенія, вызваннаго печальными результатами Крымской войны и свѣтлыхъ идей молодаго государя, Я. И. Ростовцевъ сталъ возвращаться, въ вопросахъ педагогики, къ воззрѣніямъ прежнихъ лѣтъ, предшествовавшихъ печальной памяти 1848 году. Нѣкоторые изъ его сотрудниковъ, наиболѣе упорствовавшіе прежде въ суровыхъ требованіяхъ инструкціи 49-го года, теперь одинъ передъ другимъ соревновали въ запросахъ о скорѣйшемъ введеніи въ военно-учебныхъ заведеніяхъ новаго, открытаго строя воспитанія и образованія. Такое настроеніе порой удручало Н. Ѳ., извѣдавшаго на опытѣ всю непрочность осуществленія скороспѣлыхъ предположеній. Такъ, въ вопросѣ о закрытіи сиротскаго кадетскаго корпуса, онъ, несмотря на убѣжденіе въ несовершенствѣ результатовъ воспитанія въ заведеніяхъ для малолѣтнихъ, не могъ присоединиться къ мнѣнію о цѣлесообразности немедленнаго закрытія этого учрежденія и предоставленія отпускавшихся на него средствъ въ распоряженіе опекуновъ надъ сиротами. Огорчала его также нѣкоторая распущенность, незамедлившая проявиться въ обществѣ, особенно среди молодежи, на первыхъ порахъ реформъ.

Подъ гнетомъ этихъ сомнѣній грустью вѣетъ отъ послѣдней рѣчи

Н. Ѳ. къ выпускныхъ кадетамъ, произнесенной въ маѣ 1856 года. Приводимъ изъ нея главнѣйшія мѣста.

„Г.г. новопроизведенные офицеры. Вы имѣете теперь произнести клятву въ исполненіи вами обязанностей воина. Богъ чрезъ возлюбленнаго монарха даровалъ намъ миръ. Но вы готовитесь на подвиги военные, потому что всегда необходимы готовые, сильные охранители внѣшняго мира, и вамъ всегда будетъ случай исполнить вашу присягу. Кто знаетъ, можетъ быть, наступитъ время, когда и вы станете съ оружіемъ передъ лицомъ враговъ, подобно множеству вашихъ предшественниковъ, которые заслужили на полѣ брани благословеніе отечества и уваженіе отъ самихъ враговъ. А теперь, по указанію промысла Божія, воспользуйтесь временемъ, чтобы постепенно, исподволь усовершить себя въ исполненіи вашего долга и тѣмъ выше стать впослѣдствіи.

„Усовершайте вашъ умъ. Не говорю объ обогащеніи его свѣдѣніями въ дѣлѣ военномъ: и необходимость, и ваша польза, и духъ времени, жаждущій просвѣщенія, не допустятъ васъ остановиться на познаніяхъ, доселѣ вами пріобрѣтенныхъ. Обогащайте вашъ умъ познаніемъ истинъ вѣры, возвышайте его размышленіемъ о Богѣ, о Его промыслѣ, о жертвѣ искупленія, принесенной за насъ, о вѣчности, о безсмертіи, о судѣ Божіемъ. Еще разъ напоминаю вамъ, каждому имѣть хотя одну священную или отеческую книгу, чтобы въ часы душевнаго мира воодушевлять себя къ богоугодной жизни бесѣдою съ богопросвѣщенными мужами. Понятія о добрѣ и злѣ быстро мѣняются въ разныя времена, въ разныхъ обществахъ; всегда неизмѣнно—вѣрныя правила жизни почерпаются въ словѣ Божіемъ.

„Разумныя, богоподобныя созданія, назначенныя для вѣчной жизни. Не допустите, чтобы что-либо чувственное, низкое овладѣло вашей волей, со всею горячностью юной души ищите горнихъ, прилѣпляйтесь вашимъ сердцемъ къ тому, что честно, свято, истинно-благородно и богоугодно, и вы сохраните вѣчное достоинство человѣка. Владѣя страстями, вы найдете истинную свободу духа. Побѣдивши себя, будете имѣть силу побѣдить и враговъ. Тотъ, кто далъ законъ и призываетъ къ его исполненію, дастъ вамъ и помощь въ ожидающей васъ борьбѣ...“

IX.

Какъ бы то ни было, при содѣйствіи расположенныхъ къ нему сослуживцевъ, Н. Ѳ. продолжалъ справляться со своими разнообразными занятіями и даже находилъ время прислушиваться къ голосу

публицистики и литературы, ожившихъ съ наступленіемъ новаго царствованія. Напечатанные въ „Морскомъ Сборникѣ“ „Вопросы жизни“ Пирогова произвели на него глубокое впечатлѣніе, хотя и не удовлетворили вполнѣ, по недостаточному, съ его точки зрѣнія, развитію въ нихъ христіанской основы воспитанія. Особенное вниманіе Н. Ѳ. привлекалъ къ себѣ крестьянскій вопросъ, законодательное возбужденіе котораго уже чувствовалось въ обществѣ. „Новымъ людямъ, съ молодымъ гуманнымъ государемъ во главѣ,—говаривалъ Н. Ѳ.,— удастся лучше разрѣшить это великое дѣло, чѣмъ отживающему поколѣнію“. Вскорѣ, однако, въ жизни Н. Ѳ. произошло событіе, оказавшее на нее значительное вліяніе. Въ сентябрѣ 1856 года неожиданно скончался петербургскій митрополитъ Никаноръ, по возращеніи изъ Москвы съ коронаціи, гдѣ получилъ острую болѣзнь и нравственно испытывалъ уколы самолюбія, принужденный уступить первенствующее мѣсто московскому архипастырю. Сынъ столичнаго священника, воспитанникъ Московской академіи, человѣкъ образованный, въ молодые годы викарій митрополита Филарета, а впослѣдствіи долгое время состоявшій епископомъ въ губерніяхъ западной окраины и обязанный своимъ послѣднимъ положеніемъ, подобно предшественнику своему, митрополиту Антонію, рекомендаціи графа Паскевича, преосвященный Никаноръ отличался деликатностью въ обращеніи, не всегда свойственной у насъ высшимъ духовнымъ властямъ, уваженіемъ къ людямъ труда, и хотя въ отношеніяхъ съ свѣтской властью былъ уступчивъ, но всегда стремился къ правдѣ, болѣлъ, когда не могъ ее осуществить, и цѣнилъ стойкихъ въ ней сослуживцевъ. Такія свойства архипастыря обезпечивали въ немъ для Н. Ѳ. желанную опору. На мѣсто преосвященнаго Никанора петербургскимъ митрополитомъ и первенствующимъ членомъ Сѵнода былъ назначенъ преосв. Григорій, архіепископъ казанскій,—то самое лицо, которое было ректоромъ духовной академіи въ бытность Н. Ѳ. студентомъ. Назначеніе это послѣдовало во вниманіе къ общему отзыву, по крайней мѣрѣ высшихъ круговъ духовенства, о безупречной жизни, серьезныхъ знаніяхъ, опытности и самостоятельности владыки, совпадавшему съ желаніемъ самого императора Александра II видѣть во главѣ церковной іерархіи болѣе авторитетное лицо. Казалось, сотрудничество съ новымъ архипастыремъ сулило Н. Ѳ. продолженіе добрыхъ дней, тѣмъ болѣе, что въ повременные пріѣзды въ Петербургъ для присутствія въ Сѵнодѣ преосвященный Григорій, посѣщая Н. Ѳ., всегда привѣтливо къ нему относился. Но, какъ нерѣдко бываетъ, долгіе годы жизни въ различныхъ условіяхъ разобщили сочувствующихъ. Недоразумѣніе произошло при первомъ же представленіи старшаго столичнаго духовенства. Привыкнувъ къ раболѣпству провинціальнаго

духовенства въ глухихъ восточныхъ губерніяхъ, преосвященный Григорій, повидимому, ожидалъ отъ представлявшихся лицъ земнаго поклона, между тѣмъ Н. Ѳ., помня отвращеніе своего былаго ректора къ грубой лести, ограничился простымъ, глубокимъ поклономъ, такъ же поступило и остальное духовенство. Свое неудовольствіе преосвященный Григорій не замедлилъ показать въ скоромъ времени при торжественномъ вступленія на новую каѳедру. Встрѣченный во вратахъ храма соборнымъ духовенствомъ, онъ, по традиціи, долженъ былъ, выслушать привѣтствіе каѳедральнаго протоіерея. Едва Н. Ѳ. произнесъ нѣсколько словъ, какъ преосвященный отстранилъ его рукой, сказавъ „пусти", и быстро направился къ срединѣ храма. Лишеніе возможности произнести привѣтствіе было въ данномъ случаѣ тѣмъ неумѣстнѣе, что не могло быть сомнѣнія въ разумно-охранительномъ содержаніи его, по крайней мѣрѣ, читавшіе конспектъ этого привѣтствія припоминаютъ, что въ немъ упоминалось, между прочимъ, о своевременности примѣненія знаній и опыта преосвященнаго на новомъ высокомъ посту, какъ находящемся при вратахъ нашего отечества въ Западную Европу, откуда съ особенной силой приходятъ къ намъ и благотворныя, и пагубныя вѣянія. Рѣзкость допущеннаго архипастыремъ обращенія, въ торжественной обстановкѣ, передъ сонмомъ сослуживцевъ, глубоко огорчила Н. Ѳ. и хотя въ послѣдующіе мѣсяцы, съ приступомъ къ совмѣстнымъ занятіямъ, отношенія сгладились, но при пожилыхъ годахъ Н. Ѳ. и новости для него чего-либо подобнаго, настоящій печальный случай не могъ не отозваться пагубно на его впечатлительной натурѣ. Самъ преосвященный Григорій, слишкомъ поздно возведенный въ санъ петербургскаго митрополита, недолго оставался на этомъ посту. Онъ проявилъ заботливость о духовной академіи, учредилъ преміи по византійской исторіи и древностямъ, но въ другихъ, общецерковныхъ отношеніяхъ, выказалъ узкость взгляда недовольнаго старца. Такъ, по его распоряженію, были устранены изъ соборнаго храма Александроневской лавры превосходные портреты Петра и Екатерины, основателя и устроительницы монастыря, помѣщенные изстари на западной стѣнѣ храма, а также имъ былъ воздвигнутъ походъ противъ ношенія женщинами крестовъ въ видѣ украшеній и противъ печатанія такихъ же узоровъ на матеріяхъ, давшій обильную пищу тогдашнему отечественному и даже заграничному злословію.

Между тѣмъ исподволь подкрадывалась къ Н. Ѳ. неотвратимая бѣда, которая и разразилась въ январѣ 1857 года. Еще въ концѣ 40-хъ годовъ появились у него признаки внутренней болѣзни, не рѣдкой у духовныхъ лицъ,—результата продолжительнаго стоянія и классныхъ занятій. Болѣзнь эта усилилась послѣ холернаго лѣта 1848 года,

когда Н. Ѳ. остался въ городѣ для напутствія умирающихъ какъ среди населенія корпуса, такъ и въ помощь сосѣднимъ приходскимъ. При этомъ она стала осложняться по временамъ мрачнымъ настроеніемъ духа. Средства тогдашней медицины не много ему помогали. Значительное облегченіе отъ недуга онъ получилъ съ облегченіемъ занятій, во время четырехлѣтней службы въ Смольномъ монастырѣ, но съ переходомъ въ Петропавловскій соборъ, подъ вліяніемъ вновь увеличившихся занятій, болѣзнь опять стала усиливаться. Быть можетъ, на нравственную сторону ея подѣйствовали здѣсь и сами частыя заупокойныя служенія; въ наиболѣе свѣтлые праздники, какъ Пасха, предстояло обходить императорскія гробницы—этихъ лучшихъ, по выраженію Н. Ѳ., его прихожанъ, чтобы привѣтствовать ихъ молитвеннымъ „Христосъ Воскресе“. Почившій покровитель Н. Ѳ., великій князь Михаилъ Павловичъ, самъ вѣнценосецъ Николай I, ко времени котораго относились десятки лѣтъ его службы, какъ бы указывали ему на предстоящій конецъ и его посильнымъ трудамъ. Лѣтомъ 1856 года врачи посовѣтовали Н. Ѳ. отправиться для лѣченія въ Карлсбадъ; состоявшаяся къ тому времени отмѣна стѣснительныхъ паспортныхъ правилъ облегчала это предположеніе, не затруднился бы Н. Ѳ. и сохраненіемъ въ поѣздкѣ духовной одежды, довѣряя культурности условій западно-европейской жизни; епархіальное начальство было согласно на его отпускъ, но назначенная на августъ этого года коронація новаго императора помѣшала осуществиться его намѣренію. Съ отбытіемъ св. Сѵнода въ Москву, учреждалась въ Петербургѣ временная сѵнодальная контора, членомъ которой состоялъ каѳедральный протоіерей, и вообще увеличивались занятія оставшихся высшихъ духовныхъ лицъ. Послѣ этого осень уже не могла пройти для него удовлетворительно, особенно въ связи съ предшествующимъ печальнымъ инцидентомъ.

Къ началу 1857 года болѣзнь приняла острый характеръ. 12 января Н. Ѳ. въ послѣдній разъ выѣзжалъ изъ дому въ св. Сѵнодъ, на епископское нареченіе, при которомъ каѳедральному протоіерею принадлежала обязанность введенія новонарекаемаго въ сонмъ іерарховъ. Послѣ того начались дни тяжелыхъ страданій, когда, по словамъ врачей, почти уже не было надежды на выздоровленіе. Въ промежутки облегченія Н. Ѳ. нерѣдко, прохаживаясь по кабинету и смотря на висѣвшій здѣсь, пріобрѣтенный имъ издавна портретъ преосвященнаго Григорія, говорилъ: „учитель мой, учитель, не пришлось мнѣ съ тобой поработать“. Съ приближеніемъ праздника Срѣтенія Господня онъ, въ эти же минуты, утѣшалъ себя пѣніемъ относящихся къ празднику трогательныхъ пѣснопѣній Богородицѣ и старцу Симеону. Заходившій посѣтить больнаго старикъ протоіерей Пѣвниц-

*

кій, съ трудомъ удерживая слезы, тихо приговаривалъ при этомъ: „какого голоса мы лишаемся“. Одному изъ старательныхъ молодыхъ сослуживцевъ Н. Ѳ., вспоминая свою ретивость въ юные годы въ принятіи выпадавшихъ на него обязанностей, сказалъ въ эти дни: „береги свое здоровье—всѣхъ дѣлъ не передѣлаешь“. Въ минуты полусознанія отъ нестерпимой боли, какъ бы сожалѣя о недостаточной настойчивости въ своихъ идеальныхъ стремленіяхъ и о потраченныхъ трудахъ на соглашеніе противорѣчивыхъ иногда интересовъ, Н. Ѳ. съ горечью приговаривалъ: „ни свѣту не угодилъ, ни тьмѣ не угодилъ“. Онъ забывалъ извѣданную имъ же на опытѣ трудность осуществленія добра въ жизни и евангельское изреченіе, благословляющее миротворцевъ.

Н. Ѳ. скончался въ ночь на 4 февраля 1857 г., на 53 году жизни. Кончина его вызвала общее сочувствіе во всѣхъ кругахъ, къ которымъ онъ примыкалъ. Управленіе военно-учебными заведеніями, съ Я. И. Ростовцевымъ во главѣ, выразило особенное вниманіе и признательность памяти его добросовѣстнаго дѣятеля. Въ комитетѣ министровъ, какъ передавало одно бывшее въ засѣданіи его, въ эти дни, лицо, присутствовавшіе сановники, такъ или иначе знавшіе Н. Ѳ., сошлись въ одинаковой оцѣнкѣ его душевныхъ свойствъ и общеполезной дѣятельности. Петербургское духовенство, прежніе сослуживцы по различнымъ учрежденіямъ, ученики, многія семейства ихъ отозвались съ трогательнымъ единодушіемъ. Какъ условлено было между членами св. Сѵнода, выносъ его былъ произведенъ архіепископомъ тверскимъ Ѳеодотіемъ, благочестивымъ старцемъ, а отпѣваніе совершено Ниломъ, архіепископомъ ярославскимъ, извѣстнымъ миссіонерской дѣятельностью въ бытность епископомъ иркутскимъ, въ сослуженіи съ мѣстнымъ викаріемъ. Митрополитъ Григорій не имѣлъ возможности участвовать въ служеніи, не будучи въ силахъ вынести продолжительнаго обряда священническаго погребенія. Преосвященный Макарій, пресловутый „блюститель“, выразивъ по настоящему поводу искреннее сочувствіе, отъ участія въ служеніи уклонился, подъ предлогомъ академическихъ занятій. Императоръ Александръ II, по доведеніи до свѣдѣнія о кончинѣ Н. Ѳ., въ виду невозможности совершить отпѣваніе въ Петропавловскомъ соборѣ, какъ царской усыпальницѣ, изъявилъ желаніе, чтобы оно было совершено въ соборѣ всѣхъ учебныхъ заведеній, но желаніе это не могло осуществиться по отдаленности собора отъ мѣста погребенія, избраннаго самимъ покойнымъ при жизни, на Смоленскомъ кладбищѣ. Обрядъ былъ исполненъ въ старинной Троицкой церкви на Петербургской сторонѣ.

Подъ алтаремъ придѣла главнаго храма кладбища, посвященнымъ

св. евангелисту Іоанну Богослову, находится гробница протоіерея Н. Ѳ. Раевскаго, между гробницами его перваго, уважаемаго начальника, каѳедральнаго протоіерея Колосова и строителя храма. Свѣтъ лампады озаряетъ надъ ней ликъ Спасителя и подъ нимъ слова изъ Евангелія любимаго ученика: „аще кто любитъ меня, слово мое соблюдетъ, и отецъ мой возлюбитъ его, и къ нему пріидемъ и обитель у него сотворимъ“.

X.

Въ переживаемую нами эпоху, когда каждая общественная группа подводитъ итоги своей предшествующей дѣятельности, своимъ заслугамъ и недочетамъ, ища себѣ указанія на будущее время, умѣстно было вспомнить о лицѣ, которому судьба не мало благопріятствовала, но не мало и поставляла преградъ въ выпавшей на его долю общественной просвѣтительной дѣятельности. Въ сферѣ проповѣди Н. Ѳ. Раевскій пытался сначала касаться, съ христіанской точки зрѣнія, болѣе глубокихъ вопросовъ духа и общественности, но темное время, которое ему пришлось прожить, подозрительное къ малѣйшему проявленію самостоятельной мысли, къ критикѣ окружающихъ явленій и къ слову, свободному отъ оковъ схоластической рутины, побудило его остановиться въ церковномъ словѣ, главнымъ образомъ, на вопросахъ частной семейной жизни, взаимныхъ отношеній супруговъ, воспитанія дѣтей. Помимо вліянія природной горячности чувства и встрѣченной съ первой поры жизни доброй атмосферы родительскаго дома, къ этому влекло его сознаніе упадка у насъ въ тѣ годы семейной жизни. При дѣйствіи крѣпостнаго права, въ нашемъ помѣщичьемъ классѣ, дававшемъ тонъ и остальному зажиточному населенію, женщина, пользуясь полнотою правъ, стремилась не столько къ исполненію скромныхъ семейныхъ обязанностей, сколько къ житейскимъ вопросамъ болѣе общаго характера. Не говоримъ уже о нерѣдкихъ печальныхъ примѣрахъ, когда дѣти, предоставленныя на волю няней и гувернантокъ, физически и нравственно калѣчились, а мать, зачитываясь произведеніями извращенной мысли, парила въ мечтахъ о свободной любви, чтобы пасть передъ первымъ искусителемъ, вносившемъ въ семью горе и нестроеніе. И если съ пробужденіемъ въ 60-хъ годахъ прошлаго вѣка запроса на иныя общественныя условія, неудержимо, въ первую же очередь, возникъ у насъ вопросъ о лучшей постановкѣ домашняго воспитанія, и въ самое короткое время, въ интеллигентныхъ сферахъ произошелъ благодѣтельный переворотъ

во взглядѣ на задачи воспитанія, то одною изъ причинъ тому едва-ли не была приготовленность почвы трудами подобныхъ Н. Ѳ. убѣжденныхъ пастырей. „Въ этомъ соту,—скажемъ его любимымъ выраженіемъ—была капля и его меда“.

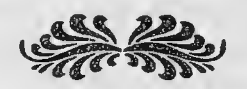
Другимъ завѣтомъ пастырской дѣятельности Н. Ѳ., обращеннымъ преимущественно къ военному строю, въ общеніи съ которымъ протекла наибольшая часть его жизни, былъ призывъ къ беззавѣтному исполненію долга, къ терпѣнію въ перенесеніи трудовъ военной жизни, къ доброму товариществу, къ полному самоотверженію, даже до смерти, по слову божественнаго основателя церкви. Правда, мало здѣсь слышится поощренія къ индивидуальной дѣятельности, къ бодрой рѣшимости въ распоряженіяхъ, къ стойкости характера и гражданскому мужеству, но опять-таки не забудемъ, что время, къ которому относится дѣятельность Н. Ѳ., было временемъ суроваго порядка, признававшаго лишь приказаніе и повиновеніе, не допускавшаго свободной дѣятельности единицъ и группъ, искусственно притягивавшаго всѣ силы на служеніе себѣ. Служеніе это до такой степени поглощало тогдашнихъ дѣятелей, что даже лучшіе изъ нихъ, имена которыхъ впослѣдствіи соединены съ самыми благотворными государственными актами, хотя рѣшались высказывать власти правду, но были далеки отъ мысли, безъ прямаго указанія власти, покидать активную дѣятельность, когда она могла не согласоваться съ ихъ убѣжденіемъ. Будущему принадлежитъ развить у насъ болѣе нормальный общественный строй и соотвѣтственно этому вызвать новыя болѣе свѣтлыя личныя качества. До тѣхъ же поръ добрыя свойства, хотя и пассивнаго характера, на которыхъ настаивали проповѣдники прежнихъ лѣтъ, сослужили великую службу въ тяжкія годины отечества, при защитѣ ли Севастополя, во время ли упорнаго сидѣнья подъ Плевной и на горахъ Шипки, или въ нежданныхъ побоищахъ на поляхъ Манчжуріи. Надо полагать, что при трудности первобытныхъ условій нашей родины, вызывающей въ каждомъ случаѣ крайнее напряженіе всѣхъ сторонъ человѣческой природы, и впредь они долго еще сохранятъ значеніе при исполненіи святой обязанности защиты домашняго очага и родной земли, составляющей вѣковой смыслъ воинскаго служенія.

Заслуживаетъ вниманія современныхъ пастырей и самый внѣшній обликъ поученій Н. Ѳ. Рѣчь его, свободная, плавная, литературная, нѣсколько расплывчатая въ первые годы, подъ вліяніемъ Карамзина и чужеземныхъ образцовъ, становится съ годами проще, сосредоточеннѣе, рельефнѣе, въ уровень прозы послѣдующихъ писателей. Онъ никогда не забываетъ святости мѣста, гдѣ говоритъ, всего тона нашего богослуженія, призывающаго къ тихой молитвѣ, къ успокоенію

житейскихъ волненій, а не къ растравленію ранъ, приведшихъ страдальца на порогъ храма. Кругъ предметовъ проповѣди неограниченъ. Новые жгучіе вопросы ожидаютъ у насъ освѣщенія съ христіанской точки зрѣнія. Слѣдуетъ, однако, желать, чтобы наши молодые проповѣдники новаго закала, въ законномъ стремленіи къ простотѣ рѣчи, сохраняли, по примѣру Н. Ѳ., общеніе съ лучшими произведеніями современной литературы; это придало бы ихъ слову привлекательную для слушателя печать изящества и предохранило бы ихъ отъ тривіальности, неумѣстной въ храмѣ. Въ свою очередь, пастырь прежняго строя, вынесшій на себѣ всю тяжесть черновой стороны культа, всѣхъ частныхъ служеній, поминовеній, записей, найдетъ откликъ въ простомъ, убѣжденномъ словѣ Н. Ѳ., когда и ему выпадетъ обратиться съ словомъ любви и увѣщанія къ немудрой паствѣ.

Тяжела у насъ,—да и не у насъ однихъ,—доля большинства духовенства. Подобно Игнатію Богоносцу, въ средневѣковомъ сказаніи, добрый пастырь несетъ на своихъ плечахъ бремя Христовой истины среди бурнаго потока окружающихъ его препятствій—давленія сложной іерархіи, докучливаго надзора свѣтской власти, нерасположенія общества, невѣжества народа, порой собственной немощи матеріальной и нравственной. Поддержкой на этомъ скорбномъ пути ему долженъ служить примѣръ прежде него трудившихся пастырей, при такихъ же и еще болѣе трудныхъ условіяхъ, сознаніе, что затрудненія эти исходятъ не отъ самой истины, а отъ временныхъ условій, при коихъ она вносится въ темный міръ, и что съ ходомъ развитія человѣческихъ обществъ, трудомъ добрыхъ силъ, эти тучи разсѣятся къ вѣчному сіянію истины. „Не мною церковь началась, не мною и кончится“, сказалъ Іоаннъ Златоустъ, при оставленіи константинопольской каѳедры, утѣшая осиротѣвшую паству.

С. Р.

Замѣтки и воспоминанія В. М. Флоринскаго.

1865 — 1880.

V [1]).

Прибытіе въ Петербургъ.—Бесѣда съ графомъ Толстымъ.—Пререканія въ строительной коммиссіи.—Положеніе дѣлъ въ Петербургѣ.—Похищеніе доски и денегъ, положенныхъ подъ фундаментъ во время закладки.—Характеристика Казнакова.—Университетскія безобразія въ Казани.

Описывать обратный путь на пароходѣ считаю излишнимъ. Та же широкая Обь съ ея пустынными берегами, тотъ же печальный Нарымъ, Томскъ и Сургутъ съ грязными остяками и крошечнымъ русскимъ населеніемъ. Погода во все время нашего плаванія, несмотря на сентябрь мѣсяцъ, была замѣчательно теплая и ясная. Спутники на пароходѣ такъ же, какъ и въ передній путь, оказались весьма симпатичные и интересные. Ближе всего мы сошлись съ семействомъ барона Штакельберга, возвращавшагося въ Европейскую Россію съ Амура, изъ Благовѣщенска. Съ нимъ мы дѣлились во время длиннаго пути мыслями и впечатлѣніями: онъ—по Восточной Сибири и Китайской Манджуріи, я—по Западной; во время приваловъ на пристаняхъ дѣлали маленькія береговыя экскурсіи, стараясь подмѣтить что-либо стоющее вниманія. Плыли мы девять сутокъ и добрались только до деревни Іевлевой (на р. Тоболѣ), такъ какъ по причинѣ мелководья Туры дальше пароходъ слѣдовать не могъ. Отъ Іевлевой до Тюмени (120 верстъ) пришлось ѣхать на перекладныхъ, что при ясной и теплой погодѣ не представляло еще очень большаго неудобства. Въ Тюмени на почтовой станціи нашли проходные экипажи и благополучно добрались до Екатеринбурга. Этотъ разъ дорога оказалась веселѣе, такъ какъ не было удручающей грязи.

---

[1]) См. „Русскую Старину“, май 1906 г.

Въ Казань возвратился только 19 сентября, а 1 октября долженъ былъ снова отправиться въ путь, по вызову министра, въ Петербургъ, для представленія отчета за текущее лѣто и для личныхъ объясненій по дѣламъ Сибирскаго университета.

Въ Казани меня ожидало длинное письмо отъ многоуважаемаго Александра Прохоровича Ширинскаго-Шахматова, извѣщавшаго меня о своемъ выходѣ изъ министерства, хотя я уже зналъ объ этомъ раньше. Не могу воздержаться не привести извлеченій изъ этого дорогаго для меня письма. „Доселѣ я не отвѣтилъ на письмо вашего превосходительства изъ Томска,—писалъ Александръ Прохоровичъ,—а теперь отвѣчаю уже вамъ въ Казань. Совершилась закладка Сибирскаго университета—слава Богу! Дай вамъ Богъ въ добромъ здоровьѣ и въ полномъ сердечномъ удовольствіи и спокойствіи дождаться, когда и матеріальный послѣдній гвоздь будетъ вбитъ, и когда послѣдуетъ окончательное сформированіе духовныхъ и научныхъ силъ будущаго разсадника образованія въ Сибири. Сердечно вамъ желаю, глубокоуважаемый Василій Марковичъ, благополучно дожить до той минуты, когда вы сознательно и вполнѣ возрадуетесь о вашемъ твореніи. По старой памяти порадуйте меня изъ Казани вѣстію о благополучномъ возвращеніи вашемъ и вашихъ. Я долженъ сказать вамъ, во-первыхъ, что письмо ваше застало меня на излетѣ изъ столицы въ деревню. Еще при графѣ (Толстомъ) я просилъ объ увольненіи меня отъ должности товарища министра народнаго просвѣщенія, но получилъ просимое только чрезъ Сабурова. По милости государя оставленъ сенаторомъ общаго присутствія (чего мнѣ очень хотѣлось) и почетнымъ опекуномъ, съ полученіемъ содержанія, мнѣ производившагося. Благодаря такой милости, я въ семь почти лѣтъ своей службы при графѣ нынѣ имѣлъ въ первый разъ возможность провести лѣто въ деревнѣ и заняться лѣченіемъ (отъ котораго, впрочемъ, немного получилъ пользы)... Въ министерствѣ народнаго просвѣщенія я служилъ 31 годъ, 15—16 лѣтъ былъ попечителемъ въ трехъ округахъ и, слава Богу, вспоминаю съ удовольствіемъ это время, хотя и бывшее иногда нелегкимъ. Всегда, что начинается, то и кончается. Я считаю окончаніе моей службы чрезъ мѣру взысканнымъ милостью государя императора и совершенно соотвѣтствующимъ моимъ желаніямъ и моему 58-лѣтнему возрасту, въ который энергія уже слабѣетъ и немощи требуютъ успокоенія... Я удаляюсь подъ вахту, на кубрикъ, простоявъ 43 года на вахтѣ; но съ тѣмъ, чтобы по первому свистку „всѣхъ наверхъ" немедленно явиться, если потребуютъ... [1]) Да хранитъ васъ Богъ.

[1]) Князь Александръ Прохоровичъ первое время своей службы состоялъ морскимъ офицеромъ и потому любилъ иногда употреблять морскіе термины.

Сердечно уважающій и преданный вамъ кн. А. Шахматовъ". 30 авг. 1880 г.

Къ сожалѣнію, князь не дождался этого свистка, призывающаго къ новой дѣятельности. Здоровье его было расшатано больше, чѣмъ мы предполагали; тяжкій недугъ подкрадывался незамѣтно. Не прошло и трехъ лѣтъ, какъ у него совершенно неожиданно развилась параплегія, а вслѣдъ за нею тяжелое психическое разстройство, послѣ чего онъ въ скоромъ времени скончался. Вспоминая нынѣ объ этомъ высокогуманномъ, добрѣйшемъ человѣкѣ, съ которымъ мнѣ приходилось много работать, а еще больше и чаще дѣлиться въ семейномъ кругу мыслями и чувствами по разнымъ современнымъ вопросамъ, я считаю за особую для себя честь и удовольствіе многолѣтнее знакомство съ этимъ прекраснымъ семействомъ. Такіе люди не часто встрѣчаются на жизненномъ пути, особенно въ наше эгоистическое время.

Но пора возвратиться къ прерванному разсказу о поѣздкѣ въ Петербургъ. Прошло съ небольшимъ пять мѣсяцевъ, какъ я былъ въ министерствѣ въ послѣдній разъ, но какъ измѣнились здѣсь и люди, и порядки. Изъ лицъ, съ которыми я имѣлъ дѣловое соприкосновеніе, только директоръ департамента М. Е. Бродке остался въ прежнемъ положеніи, остальные либо отошли на второй планъ, какъ, напр., А. Ив. Георгіевскій, либо совсѣмъ оставили министерство. Для меня, конечно, важнѣе всего были взгляды на наше сибирское дѣло самого министра А. А. Сабурова и его товарища П. А. Маркова. Къ счастію, у того и другаго я нашелъ ласковый пріемъ и полное сочувствіе Сибирскому университету. Отчасти я объясняю это вліяніемъ великаго князя Константина Николаевича, который попрежнему ко мнѣ милостивъ. На другой же день послѣ пріѣзда министръ назначилъ мнѣ особый часъ для доклада въ своей квартирѣ. Тамъ же были П. А. Марковъ и директоръ департамента. Независимо отъ отчета, представленнаго наканунѣ, я подробно изложилъ на словахъ положеніе нашего дѣла,—затрудненія, какія предвидятся впереди, и мои предположенія объ ихъ устраненіи. Изъ нашей бесѣды я вынесъ убѣжденіе, что новое министерство питаетъ ко мнѣ полное довѣріе и готово поддержать зародившійся университетъ всѣми зависящими отъ него мѣрами.

Будучи въ Петербургѣ, я счелъ своимъ долгомъ навѣстить бывшаго министра народнаго просвѣщенія, графа Д. А. Толстаго. Графъ незадолго передъ тѣмъ вернулся изъ деревни и жилъ на частной квартирѣ, по Моховой улицѣ, въ довольно скромной обстановкѣ. Онъ принялъ меня весьма радушно и, какъ мнѣ показалось, былъ даже тронутъ моимъ визитомъ. „Я теперь генералъ въ отставкѣ", иронически

замѣтилъ онъ, и грустныя ноты звучали въ его голосѣ. „Не правда ли, вы не ожидали видѣть меня на этой квартирѣ?"—Дѣйствительно, я такъ привыкъ видѣть графа въ его парадной казенной обстановкѣ (по Литейной, въ домѣ духовнаго вѣдомства), съ толпою курьеровъ, чиновниковъ и просителей, въ постоянныхъ дѣловыхъ заботахъ, что его теперешнее положеніе показалось мнѣ какимъ-то сиротствующимъ. Онъ много разспрашивалъ меня о Томскѣ и о закладкѣ университета, благодарилъ за телеграмму, посланную ему 26 августа, и выразилъ по отношенію къ Сибирскому университету самыя теплыя чувства. „Сибирскій университетъ,—замѣтилъ онъ,—будетъ однимъ изъ украшеній настоящаго царствованія, а для меня лично онъ будетъ служить самымъ дорогимъ воспоминаніемъ изъ всего мною сдѣланнаго въ продолженіе истекшихъ 14 лѣтъ" [1]). И я вѣрю, что это была не фраза.

Потомъ графъ перевелъ разговоръ на современную прессу, именно на ея крайне несправедливую оцѣнку его мѣропріятій и трудовъ по министерству просвѣщенія. „Только лѣнивый меня теперь не бьетъ", выразился онъ, вспомнивъ при этомъ басню Крылова. И это было вполнѣ вѣрное замѣчаніе. Наши газеты и журналы долго переполаскивали отставку графа Толстаго, третируя это, какъ освобожденіе отъ тяжкаго ига. И при этомъ никто не потрудился уяснить себѣ, какъ много было сдѣлано графомъ полезнаго (въ смыслѣ громаднаго увеличенія числа учебныхъ заведеній и полнаго обновленія ихъ строя) и въ чемъ именно усматриваютъ его мнимые грѣхи передъ русскимъ обществомъ. Болѣе всего негодовали на классицизмъ, не понимая того, что безъ классической подкладки немыслимо современное высшее образованіе. По отношенію къ университетамъ одни обвиняли графа въ стѣснительныхъ мѣрахъ, другіе, изъ противуположнаго лагеря, считали его чуть не насадителемъ нигилизма, породившаго цѣлый рядъ волненій и хроническихъ безпорядковъ во всѣхъ нашихъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ. Вся эта пристрастная и близорукая критика отвѣчала духу времени, представлявшему непостижимый хаосъ увлеченій, нелѣпыхъ вожделѣній и противорѣчій. Сбитая съ толку учащаяся молодежь играла при этомъ не послѣднюю роль, но ея увлеченія были лишь результатомъ общаго атмосфернаго чада, оше-

---

[1]) Графъ Толстой состоялъ министромъ народнаго просвѣщенія съ 14-го апрѣля 1866 г. и вмѣстѣ оберъ-прокуроромъ Св. Сѵнода съ 3-го іюня 1865 года. Во время его управленія особенно широко было развито женское образованіе. Большинство существующихъ нынѣ женскихъ гимназій и прогимназій были открыты въ это время. То же можно сказать про реальныя училища, учительскіе институты и семинаріи. Бюджетъ министерства народнаго просвѣщенія за эти 14 лѣтъ удвоился.

ломившаго почти всѣ слои образованнаго русскаго общества, въ томъ числѣ и литературу. Въ этомъ общемъ водоворотѣ графъ Толстой не принадлежалъ, конечно, къ сонму поклонниковъ новыхъ вѣяній, но вмѣстѣ съ тѣмъ, по отношенію къ университетамъ, онъ не обнаружилъ также и достаточной твердости въ активной борьбѣ противъ господствующей распущенности. Не знаю, руководился ли Дм. А. Толстой при этомъ общимъ ходомъ внутренней политики того времени, вообще довольно либеральной, или не желалъ вмѣшиваться въ университетскія дѣла, по уставу 1863 г. подлежащія вѣдѣнію Совѣтовъ (т. е. корпораціи профессоровъ), но во всякомъ случаѣ онъ какъ бы не замѣчалъ происходившихъ въ университетахъ безобразій и не предпринималъ противъ этого никакихъ строгихъ мѣръ. Такое отношеніе консерваторы ставили ему въ вину, а либералы считали его недостаточно сочувствующимъ ихъ вожделѣніямъ. Это и было причиною удаленія графа Толстаго, по настоянію именно либеральныхъ сферъ, а не консервативныхъ, какъ многіе думали. Объ этомъ я имѣю свѣдѣнія изъ довольно компетентныхъ источниковъ.

У графа Дмитрія Андреевича я просидѣлъ болѣе двухъ часовъ. Говорили о многомъ, въ томъ числѣ и о новомъ нашемъ министерствѣ. А. А. Сабурова графъ считаетъ ненадежнымъ министромъ, слишкомъ либеральнымъ, какъ онъ выразился. „Какъ же, ваше сіятельство,—замѣтилъ я,—въ городѣ говорятъ, что вы его рекомендовали государю на этотъ постъ?"—„Никогда я не могъ этого сдѣлать,—отвѣтилъ онъ,—это было бы противъ моихъ убѣжденій". О своихъ старыхъ сослуживцахъ по министерству графъ высказалъ сожалѣніе, что почти никто изъ нихъ его теперь не навѣщаетъ. Въ концѣ концовъ мы разстались, какъ близкіе знакомые. Графъ просилъ навѣщать его, когда буду въ Петербургѣ. „Помните,—сказалъ онъ,—у насъ есть общее дѣло — Сибирскій университетъ, которому я всегда останусь вѣренъ въ душѣ".

Въ Петербургѣ на этотъ разъ я пробылъ всего одну недѣлю, спѣша въ Казань, къ своимъ профессорскимъ обязанностямъ. 12 октября я былъ уже дома, въ кругу собственной и университетской семьи.

Возвратившись въ Казань, я нашелъ у себя нѣсколько писемъ изъ Томска отъ своихъ комитетскихъ сотрудниковъ. Судя по нимъ, я видѣлъ, что тамъ дѣла скорѣе запутываются, чѣмъ налаживаются. Послѣ моего отъѣзда вопросы о подрядахъ и поставкахъ, болѣе или менѣе налаженные при мнѣ, совсѣмъ остановились. Важнѣе всего былъ вопросъ о кирпичѣ, который мнѣ почти удалось уладить передъ отъѣздомъ изъ Томска съ заводчикомъ Даниловымъ по 11 руб. за 1000 (поставка $1^1/_2$ милліона на каждое лѣто). Въ комитетѣ нашли эту

цѣну слишкомъ высокою. По этому поводу я получилъ отъ предсѣдателя комитета, отъ 11 сентября, слѣдующую депешу: „Даниловъ утверждаетъ, что вы выразили ему согласіе на 11 рублей съ 1000 кирпича безъ доставки, правда ли это?"—Я отвѣчаю: „мое мнѣніе не выше 12 рублей съ доставкою, что почти равносильно 11 руб. безъ доставки. Желательно покончить не выше этой цѣны. Машины Данилова (для паровой выдѣлки кирпича) видѣлъ 15 сентября на пути между Екатеринбургомъ и Тюменью (онѣ направлялись съ послѣднимъ пароходомъ въ Томскъ для строющагося кирпичнаго завода).

Между тѣмъ Мерцалову и Цибульскому желательно было передать кирпичный подрядъ не Данилову, а купцу Михайлову, никогда этимъ дѣломъ не занимавшемуся. По этому поводу Арнольдъ мнѣ телеграфируетъ отъ 30 сентября: „съ матеріалами ничего не сдѣлано. Почти мѣсяцъ Михайловъ не даетъ никакого рѣшенія. Даниловъ дожидался и уѣхалъ (въ Красноярскъ). Комитетъ бездѣйствуетъ. Я внесъ энергическую записку, копію которой послалъ вамъ письмомъ". Въ тотъ же день я телеграфирую предсѣдателю: „Министръ желаетъ знать положеніе дѣлъ постройки. Третьяго октября ѣду въ Петербургъ. Боюсь нареканій за медленность. Сообщите, почему до сего времени не заключенъ подрядъ о поставкѣ кирпича, бута и извести. Какія заготовки будутъ зимой и по какимъ цѣнамъ?" На это получаю отвѣтъ Мерцалова отъ 1 окт. „Министру готовится отчетъ. Вамъ сегодня адресовано подробное письмо. Михайловъ отказался. Даниловъ поставилъ невозможныя условія. Вопросъ кирпичный разрѣшится послѣ полученія отвѣта думы о соборномъ кирпичѣ. За бутовый камень просили 18 руб. Теперь понизили до 12 руб. за кубическую саженъ. Песокъ не отданъ. Известь не рѣшена". Въ дополненіе къ этому 4 окт. В. И. Мерцаловъ сообщаетъ: „Вчера въ засѣданіи комитета я внесъ вопросъ о бутовомъ камнѣ, пескѣ и извести, но по настоянію Арнольда рѣшено заключеніе контрактовъ отложить на мѣсяцъ. Кирпичный вопросъ будетъ разсмотрѣнъ на слѣдующей недѣлѣ". 20 окт. я снова телеграфирую: „Время уходитъ. Кончайте скорѣе съ кирпичемъ и прочими поставками".

Отъ 21 окт. Мерцаловъ мнѣ отвѣчаетъ: „Цибульскій въ засѣданіи комитета заявилъ, что торговый домъ Петрова и Михайлова въ компаніи съ нимъ, Цибульскимъ, принимаетъ на себя выдѣлку кирпича для университета по 10 руб. съ 1000 безъ доставки. На-дняхъ будетъ представлено письменное предложеніе. Окончивъ кирпичный вопросъ, приступимъ къ заготовкѣ бута, извести и песку. О дѣйствіяхъ Арнольда сообщено вамъ почтой".

Въ свою очередь Арнольдъ мнѣ телеграфируетъ отъ 23 ноября: „Вчера комитетъ большинствомъ рѣшилъ кирпичъ съ Михайловымъ

и Цибульскимъ. Поставка начнется только съ іюня 1882 года и менѣе трехъ милліоновъ въ годъ. Поэтому окончаніе главнаго корпуса можно ожидать не ранѣе 1887 года, а остальныхъ зданій въ 1889 году. Цѣна 12 руб. съ доставкой. Обезпеченія и отвѣтственности никакихъ, подряду придается видъ благодѣянія. Дѣло посылается на утвержденіе министра. Я представляю отдѣльное мнѣніе. Остальные матеріалы поручено заготовлять Цибульскому и Мерцалову, не стѣсняясь цѣнами. Отчетъ не посланъ. Дѣйствіе комитета—неизлѣчимый хронизмъ. Дѣла заставляютъ меня просить увольненія. Подробности письмомъ". Вслѣдъ за этимъ В. И. Мерцаловъ сообщаетъ мнѣ по петербургскому адресу: „Представленіе о кирпичѣ сдѣлано 30 ноября (т. е. послано въ министерство). Законтрактовано 1000 кубовъ бута по 16 рублей (вмѣсто 12 руб. по сентябрской цѣнѣ), известь по 16 коп. пудъ, кирпича 160 т. по 15 руб. на мѣстѣ. Залоги получены, задатки выданы. Не откажитесь ходатайствовать теперь же о назначеніи Михайлова (поставщика кирпича?!) и Жилля членами комитета, людей опытныхъ и дѣятельныхъ. Я часто въ разъѣздахъ, Цибульскій намѣренъ отправиться на пріиски, исполнять порученія некому. Указанныя мѣры (т. е. назначеніе новыхъ членовъ) удовлетворятъ общественному мнѣнію. Мерцаловъ".

Судя по этимъ телеграммамъ видно было, что дѣла въ комитетѣ идутъ крайне печально. Благодаря промедленіямъ и пререканіямъ, упущено было время для выгодныхъ подрядовъ. Предложеніе Цибульскаго въ компаніи съ Михайловымъ на мой взглядъ было не вполнѣ благовидно, такъ какъ Цибульскому, состоящему членомъ комитета, едва-ли удобно было выступать въ роли подрядчика. Въ письмахъ отъ Бѣлявскаго, Арнольда и Мерцалова я нашелъ еще больше странностей въ дѣйствіяхъ комитета. Въ сужденіяхъ и мѣропріятіяхъ было нѣчто дѣтское, халатное, совсѣмъ не гармонирующее съ серьезностью возложенной на насъ задачи. Но самое главное, изъ писемъ я усматривалъ, что личныя отношенія между членами комитета получили какой-то острый враждебный характеръ. На архитектора Арнольда жалуется и предсѣдатель и Бѣлявскій. Арнольдъ въ свою очередь порицаетъ всѣхъ томскихъ членовъ, находя ихъ дѣйствія пристрастными, неряшливыми, непрактичными, въ иныхъ случаяхъ даже незаконными. И эти взаимныя жалобы направляются не только ко мнѣ, но и въ министерство. Предсѣдатель пишетъ, что онъ формально проситъ объ отчисленіи Арнольда за его упрямство и неряшество.

Между тѣмъ заготовка строительныхъ матеріаловъ не двигается съ мѣста. Вотъ что между прочимъ пишетъ объ этихъ пререканіяхъ А. С. Бѣлявскій: „Въ послѣднемъ засѣданіи комитета (20 сент.) между предсѣдателемъ и Арнольдомъ вышла размолвка. В. Ив.

(Мерцаловъ) еще за три дня до засѣданія высказалъ желаніе ваше, чтобы выяснить, нуженъ ли на эту зиму второй архитекторъ Бетхеръ, которому комитетъ платитъ по 150 руб. въ мѣсяцъ, и какія работы ему поручались раньше и предполагается поручить впослѣдствіи. Арнольдъ этихъ свѣдѣній не доставилъ и въ засѣданіи началъ доказывать, что члены комитета, какъ не техники, не могутъ быть судьями или цѣнителями работъ Бетхера. Пренія, повидимому, происходили въ весьма приличныхъ выраженіяхъ, но тѣмъ не менѣе обѣ стороны были сильно раздражены. Дѣло кончилось безъ внесенія мнѣній спорящихъ въ протоколъ, но несомнѣнно, что Бетхеръ будетъ устраненъ губернаторомъ отъ занятій по комитету, такъ какъ это было и ваше желаніе, десятника Мещерякова тоже уволятъ, такъ какъ онъ сильно пьетъ и никакого дѣла ему поручить нельзя". Въ другомъ письмѣ сообщаютъ, что Арнольдъ устраиваетъ разныя затрудненія сдачѣ подрядовъ на строительные матеріалы. Для выдѣлки кирпича онъ настаиваетъ на постройкѣ собственнаго завода на средства комитета, что́ значительно осложнило бы строительныя задачи, замедлило бы начало постройки университетскихъ зданій и едва-ли принесло бы какую-либо матеріальную выгоду. При опредѣленіи количества строительныхъ матеріаловъ, потребныхъ на будущее лѣто, онъ назначаетъ слишкомъ большія пропорціи, затрудняя этимъ поставщиковъ и заставляя ихъ вслѣдствіе того возвышать цѣну. Такъ, напр., относительно бутоваго камня онъ находитъ необходимымъ, чтобы къ веснѣ его было вывезено до 1000 куб. саженъ, тогда какъ по разсчетамъ прочихъ членовъ комитета для фундамента одного главнаго университетскаго корпуса достаточно 600 куб. саженъ. Тоже относительно пропорціи песку, извести и т. под. Однимъ словомъ дѣйствіями Арнольда въ комитетѣ недовольны, въ особенности предсѣдатель и Цибульскій.

Въ слѣдующихъ письмахъ за октябрь мѣсяцъ, сѣтованія еще болѣе увеличились. В. И. Мерцаловъ прямо пишетъ, что съ Арнольдомъ дѣло вести невозможно и онъ будетъ просить объ увольненіи такого строптиваго и малосвѣдущаго архитектора. Все это не было для меня неожиданностью. Еще при первомъ знакомствѣ съ Арнольдомъ я уже видѣлъ, что изъ него не будетъ проку. Наблюдая за нимъ прошлое лѣто, я еще болѣе убѣдился въ этомъ. Въ томскихъ письмахъ меня тревожило другое обстоятельство: начинающійся разладъ между членами комитета. В. И. Мерцаловъ не ладитъ съ Дмитріевымъ-Мамоновымъ, Бѣлявскій съ Цибульскимъ, а отчасти и съ предсѣдателемъ. Издали трудно судить, кто подаетъ къ тому поводъ, но отсутствіе гармоніи въ такой маленькой коллегіи несомнѣнно отражается на успѣхѣ дѣла.

Въ началѣ декабря я снова получаю изъ министерства приглашеніе пріѣхать въ Петербургъ по дѣламъ Сибирскаго университета [1]). Отправляюсь въ Николинъ дек. (6 дек.). Въ департаментѣ мнѣ показываютъ цѣлую серію депешъ и бумагъ изъ Томска. Это большею частію жалобныя письма и нашего предсѣдателя, и Арнольда, и Бѣлявскаго, въ которыхъ незнакомому человѣку, дѣйствительно, трудно было разобраться. Были тамъ и техническіе вопросы съ разными проектами относительно заготовки строительныхъ матеріаловъ. Министръ и товарищъ министра недоумѣвали, какъ разрѣшать подобные жалобы и проекты на разстояніи 4.000 верстъ, не зная ни лицъ, ни мѣстныхъ условій. П. А. Марковъ предложилъ предоставлять спорные техническіе и хозяйственные вопросы мѣстному генералъ-губернатору и въ этомъ смыслѣ измѣнить соотвѣтствующій параграфъ инструкціи строительнаго комитета [2]). По существу дѣла это было правильно, но могло имѣть и неблагопріятныя послѣдствія, именно въ смыслѣ преобладанія въ комитетѣ Томской губернской администраціи. Члены отъ министерства внутреннихъ дѣлъ имѣли здѣсь и численный перевѣсъ, и болѣе близкія отношенія къ генералъ-губернаторской канцеляріи, тогда какъ члены отъ нашего министерства (я и архитекторъ) до сего времени не имѣли съ Омскомъ никакихъ сношеній и едва-ли могли разсчитывать на поддержку съ этой стороны въ случаѣ разногласія мнѣній. Къ намъ генералъ-губернаторская канцелярія относилась скорѣе враждебно, чѣмъ сочувственно, вслѣдствіе прежнихъ инцидентовъ по случаю спора объ избраніи города для Сибирскаго университета. Это и было причиной, почему я настаивалъ у графа Толстаго о необходимости подчиненія комитета непосредственно министру просвѣщенія. Кромѣ того, мнѣ казалось не вполнѣ нормальнымъ, даже страннымъ, если бы постройка университета, производящаяся для цѣлей и на средства нашего министерства, оказалась бы во властныхъ рукахъ чужаго вѣ-

---

[1]) Приглашеніе получено депешей такого содержанія: „По вопросу, не терпящему отлагательства, касающемуся Сибирскаго университета, прошу немедленно пріѣхать въ Петербургъ. Управляющій министерствомъ Сабуровъ“. 29-го ноября 1889 г.—На это 2-го декабря посланъ мною такой отвѣтъ: „Ледоходъ во всю Волгу; выѣхалъ сегодня, но затертый льдомъ при переправѣ принужденъ вернуться назадъ. Отправлюсь снова при малѣйшей возможности“. Черезъ Волгу удалось переправиться только 6-го декабря, при томъ съ большими трудностями. Переѣздъ отъ Казани до Нижняго (на перекладныхъ) по неустановившемуся пути тоже былъ не изъ легкихъ.

[2]) По инструкціи строительный комитетъ былъ подчиненъ непосредственно министру народнаго просвѣщенія, а къ генералъ-губернатору не имѣлъ почти никакого отношенія.

домства, да при томъ еще въ такой дали и въ сибирской нравственной атмосферѣ, не отличавшейся ни безкорыстіемъ, ни безпристрастіемъ, ни должнымъ пониманіемъ нашихъ задачъ.

Все это я высказалъ А. А. Сабурову и П. А. Маркову. Они приняли къ свѣдѣнію мои доводы и, повидимому, раздѣляли ихъ, но тѣмъ не менѣе признали нужнымъ, хотя отчасти, измѣнить инструкцію, предоставивъ генералъ-губернатору окончательное разрѣшеніе всѣхъ вопросовъ по заготовкѣ строительныхъ матеріаловъ и техническихъ вопросовъ по сооруженію университета. Представленное въ министерство спорное дѣло о заготовкѣ кирпича Цибульскимъ и Михайловымъ, такимъ образомъ, было предложено комитету немедленно препроводить на разсмотрѣніе и разрѣшеніе генералъ-губернатору.

Относительно архитектора Арнольда, по поводу жалобъ на него, я высказалъ мнѣніе, что въ данномъ случаѣ можно было бы уволить его отъ занимаемой должности, согласно его прошенію. Съ этимъ согласились, и въ тотъ же день предсѣдателю комитета была послана телеграмма министра объ увольненіи нашего неудачнаго строителя, а мнѣ было поручено пріискать на его мѣсто новое лицо.

Имѣя въ Петербургѣ много знакомыхъ, въ томъ числѣ и архитекторовъ, мнѣ удалось исполнить это порученіе безъ большаго труда. Мнѣ рекомендовали молодаго, но очень талантливаго и опытнаго строителя г. Иванова. Онъ выстроилъ нѣсколько большихъ домовъ въ Петербургѣ и въ настоящее время не былъ занятъ новыми работами. Освѣдомившись о его постройкахъ и переговоривъ съ нѣкоторыми домохозяевами, гдѣ онъ работалъ, я получилъ о немъ самые лестные отзывы. Послѣ того переговорилъ съ самимъ г. Ивановымъ, сообщилъ ему наши условія и съ его согласія представилъ его г. министру, какъ намѣченнаго мной кандидата. Г. Ивановъ былъ утвержденъ, но, къ сожалѣнію, два мѣсяца спустя, онъ подъ благовиднымъ предлогомъ отказался ѣхать въ Томскъ. Впослѣдствіи я узналъ, что причиной его нерѣшимости было письмо Арнольда, который описалъ ему Томскъ и нашъ комитетъ въ самыхъ мрачныхъ краскахъ. Арнольдъ узналъ о назначеніи Иванова изъ министерской телеграммы, посланной предсѣдателю комитета. Объ этомъ мнѣ писалъ Бѣлявскій.

Вопросъ о назначеніи въ комитетъ новыхъ членовъ, Михайлова и Жилля, какъ того желалъ предсѣдатель, само собой разумѣется, мною не былъ возбуждаемъ. Это дало поводъ къ неудовольствію на меня В. И. Мерцалова. Неудовольствіе усугубилось еще тѣмъ, что я не поддержалъ въ министерствѣ указаннаго нашимъ предсѣдателемъ кандидата на мѣсто отказавшагося архитектора Иванова. Кан-

дидатъ этотъ былъ мнѣ совершенно неизвѣстенъ; раньше онъ служилъ въ какомъ-то губернскомъ отдаленномъ городѣ, въ строительномъ отдѣленіи, и, вѣроятно, по качествамъ былъ не выше нашего Бетхера. Рекомендовать неизвѣстное мнѣ лицо на такое сложное и отвѣтственное дѣло, какъ постройка университета, было не въ моихъ правилахъ.

Въ Петербургѣ я оставался до 24 декабря. За это время, кромѣ устройства комитетскихъ дѣлъ, мнѣ пришлось неоднократно видѣться съ старыми добрыми знакомыми и наслушаться петербургскихъ новостей и сплетенъ. Слухи были крайне неутѣшительные. Съ одной стороны, шла по городу неустанная молва о разныхъ государственныхъ сановникахъ, оказавшихся не на высотѣ своего положенія по неразумію, или неряшеству во ввѣренныхъ имъ частяхъ управленія. Больше всего глумились надъ министромъ финансовъ С. А. Грейгомъ, который въ концѣ октября и былъ уволенъ отъ этой должности,— надъ министромъ государственныхъ имуществъ, княземъ Ливеномъ, по поводу расхищенія башкирскихъ земель въ Уфимской и Оренбургской губ., порицали генер.-губ. Оренбургскаго края Крыжановскаго за тѣ же продѣлки. Но, кромѣ этихъ злобъ дня, злой критикѣ подвергалось почти все высшее правительство за дѣйствительныя или мнимыя неудачи въ управленіи. Доставалось и военному министру Милютину за послѣднюю восточную войну, и кн. Горчакову за Берлинскій трактатъ, и всѣмъ, кто игралъ какую-либо выдающуюся роль въ послѣднюю злосчастную эпоху. Пресса разжигала эти страсти; устная молва досказывала то, что не попадало въ печать. Положеніе Россіи, дѣйствительно, было незавидно. Всѣ промахи и недочеты общественное мнѣніе ставило на счетъ государю, будто бы не умѣвшему выбирать себѣ талантливыхъ и честныхъ сотрудниковъ. Радикальнымъ средствомъ противъ господствовавшихъ неурядицъ многія даже изъ здравомыслящихъ людей считали перемѣну формы государственнаго управленія, т. е. установленіе конституціи. Другіе, наоборотъ, находили такое предположеніе величайшимъ зломъ для Россіи, такъ какъ эта форма не соотвѣтствовала ни нашему народному духу, ни политическому составу нашего государста (принимая въ разсчетъ его разноплеменность), ни даже народному развитію, съ чѣмъ нельзя не согласиться.

Соотвѣтственно этимъ двумъ теченіямъ петербургское интеллигентное общество раздѣлялось на два лагеря, если можно такъ выразиться,—консерваторовъ и прогрессистовъ. Такое дѣленіе было замѣтно даже въ высшихъ правительственныхъ сферахъ: одни сочувствовали Москвѣ и старымъ народнымъ традиціямъ, другіе благоговѣли передъ Европой и ея административными порядками. При хаотиче-

скомъ броженіи общественной мысли, самымъ тяжелымъ кошмаромъ являлись шайки анархистовъ, терроризировавшихъ и правительство, и даже, отчасти, общественное мнѣніе. Не проходило мѣсяца безъ того, чтобы гдѣ-либо не были обнаружены злодѣйскія покушенія на жизнь государя императора, или кого-либо изъ его приближенныхъ. Стыдно и страшно сказать, государь въ собственной столицѣ могъ выѣзжать изъ дворца не иначе, какъ въ закрытомъ экипажѣ, окруженный конвоемъ. Это послѣдняя степень терроризма!

Грустно было все это видѣть и слышать. И до переселенія моего въ Казань бывало нѣчто подобное, но теперь это грустное направленіе вмѣстѣ съ расшатанностью общественныхъ сферъ, дошло до Геркулесовыхъ столбовъ. И кто въ этомъ виноватъ? Нашъ собственный индифферентизмъ, неумѣлость отличать чернаго отъ бѣлаго, наше дѣтское непониманіе основныхъ государственныхъ интересовъ, наше попустительство. Мы возмущаемся на словахъ противъ дерзкихъ выходокъ анархистовъ и вмѣстѣ съ тѣмъ чуть не рукоплещемъ напыщеннымъ рѣчамъ ихъ защитниковъ въ залахъ суда, или при чтеніи въ газетахъ судебныхъ процессовъ подобнаго рода. Все это не болѣе какъ погоня за современной модой, близорукая несостоятельность нашей мысли, очерствѣлость истиннаго русскаго сердца. Будемъ надѣяться, что нравственный угаръ, временно омрачившій наше общество, скоро пройдетъ, и мы, оглядываясь назадъ, будемъ стыдиться прежнихъ дѣтскихъ увлеченій.

Скажу еще нѣсколько словъ о нашихъ учебныхъ заведеніяхъ. Говорятъ, что въ Петербургскомъ и Московскомъ университетахъ разрѣшено студентамъ устраивать открытыя сходки для обсужденія своихъ дѣлъ, позволено имѣть студенческую кассу самопомощи и формировать земляческіе кружки. Однимъ словомъ, что прежде считалось проступкомъ и приводило въ отчаяніе университетскую администрацію, нынѣ признается явленіемъ нормальнымъ. Видно, что Андрей Александровичъ совсѣмъ не знаетъ настоящаго положенія нашихъ университетовъ, да не знаетъ и человѣческаго сердца. Что изъ этого выйдетъ, поживемъ—увидимъ.

Послѣдніе дни передъ отъѣздомъ изъ Петербурга устраивалъ дѣла съ моими и университетскими книгами. Изданный мной лѣчебникъ („Домашняя медицина") идетъ прекрасно, несмотря на то, что о немъ не было ни одной публикаціи, ни одного отзыва въ газетахъ. Въ петербургскихъ книжныхъ магазинахъ до настоящаго времени продано болѣе 700 экземпляровъ этого изданія и новыя требованія быстро возрастаютъ. Магазинъ „Новаго Времени" проситъ прислать еще экземпляровъ 500. Книга пришлась по вкусу публикѣ и мнѣ даетъ хорошій гонораръ.

*

Для Сибирскаго университета еще отобралъ изъ дублетовъ Публичной библіотеки большую партію книгъ. Иванъ Давыдовичъ Деляновъ и Аѳанасій Ѳедоровичъ Бычковъ настолько любезны, что не потребуютъ немедленной уплаты и позволяютъ оставить отобранные экземпляры на храненіе въ библіотекѣ до тѣхъ поръ, пока Сибирскій университетъ изыщетъ средства для расплаты и пересылки.

Съ И. Д. Деляновымъ много бесѣдовалъ о злобахъ дня и о проектѣ новаго университетскаго устава. Послѣдній въ концѣ истекшаго года былъ напечатанъ для представленія въ Государственный Совѣтъ, но послѣ выхода графа Толстого дѣло это остановилось и, кажется, не обѣщаетъ скораго движенія. А. А. Сабуровъ до сихъ поръ еще не успѣлъ достаточно ознакомиться съ этимъ проектомъ и, повидимому, не вполнѣ ему сочувствуетъ. Редакція проекта составлена, главнымъ образомъ, А. Ив. Георгіевскимъ. Въ ней есть, по моему мнѣнію, нѣкоторыя излишества, не вполнѣ согласныя ни съ общими выводами бывшей университетской коммиссіи, ни съ требованіями жизни. Въ бесѣдахъ съ Ив. Д. Деляновымъ я обратилъ на это вниманіе, особенно на предполагаемые семестры и на гонораръ. Мнѣ лично проектъ не нравится: вышло не то, чего я ожидалъ, да и большинство членовъ бывшей коммиссіи, прочитавъ его, вѣроятно, вынесутъ такое же впечатлѣніе. Мнѣ даже показалось, что и Деляновъ не особенно доволенъ редакціей. Графъ Толстой и прежде относился къ этому дѣлу холодно, а теперь онъ вовсе умываетъ руки, заявляя, что новый университетскій уставъ не его твореніе. Вообще, изъ проекта вышелъ какой-то недопеченный пирогъ, неизвѣстно для какого праздника состряпанный.

Рождественскіе праздники провелъ въ Казани. Изъ Томска получаю много писемъ, и всѣ они въ минорномъ тонѣ. Дѣла по заготовкамъ строительныхъ матеріаловъ нѣсколько налаживаются, за исключеніемъ несчастнаго кирпича, съ которымъ, вѣроятно, предстоитъ еще много хлопотъ. Бутъ и песокъ подряжены не своевременно, потому очень дорого: зимой при лютыхъ морозахъ и подъ глубокимъ снѣгомъ затруднительно добывать этотъ матеріалъ. Но наиболѣе удручающее впечатлѣніе въ письмахъ производятъ личныя распри между членами комитета. Кто изъ нихъ правъ, кто виноватъ,—трудно судить издали. Отчасти, можетъ быть, виновата провинціальная глушь, гдѣ каждый желаетъ играть выдающуюся роль. Дмитріевъ-Мамоновъ не ладитъ съ предсѣдателемъ, Бѣлявскій—и съ тѣмъ и другимъ. Послѣ удаленія Арнольда, помощникъ архитектора Бетхеръ и десятникъ тоже отчислены, комитетъ остался безъ техниковъ. Даже подготовительныя чертежныя работы совсѣмъ остановились. Ясно, что вся зима пройдетъ безполезно, нисколько не подготовивъ насъ къ дѣятельнымъ работамъ на предстоящее лѣто.

Въ одномъ изъ писемъ Бѣлявскій, между прочимъ, сообщаетъ мнѣ, что томская полиція недавно доставила предсѣдателю комитета ту самую мѣдную вызолоченную доску, съ выгравированными на ней надписями, которую въ прошломъ августѣ мы такъ торжественно положили въ основаніе университетскаго фундамента. Ее нашли въ одномъ изъ кабачковъ, гдѣ она играла роль столешницы для импровизированнаго стола. Тутъ же розыскали и виновниковъ ея похищенія. При разслѣдованіи оказалось, что доска вмѣстѣ съ замурованными въ стѣнку серебряными и золотыми рублями, положенными въ память закладки университета, были вынуты каменщиками (рабочими) въ ту же ночь. Хищники предполагали, что доска приготовлена изъ чистаго золота и надѣялись сбыть ее томскимъ евреямъ на сплавъ, но, узнавъ, что она мѣдная, оставили ее въ кабакѣ за штофъ водки. Весной доску предполагается водворить на прежнее мѣсто, но уже безъ монетъ.

19-го февраля генералъ-губернаторъ Западной Сибири Н. Г. Казнаковъ уволенъ въ отставку по разстроенному здоровью. На мѣсто его назначенъ генералъ - лейтенантъ Мещериновъ, съ которымъ теперь мнѣ придется имѣть дѣло. Казнаковъ захворалъ и уѣхалъ изъ Омска въ Петербургъ еще прошлою осенью. Съ тѣхъ поръ я его не видалъ. Говорятъ, съ нимъ случилось нѣчто въ родѣ удара, или мозговая эмболія съ явленіями паралича въ одной половинѣ тѣла. Лѣченіе въ столицѣ не поправило здоровья и продолженіе дѣятельной службы на окраинѣ имперіи сдѣлалось невозможнымъ. Я искренне жалѣю Николая Геннадіевича, хотя въ послѣднее время и расходился съ нимъ во мнѣніяхъ по вопросу о Сибирскомъ университетѣ. Какъ генералъ-губернаторъ, онъ былъ дѣятельнымъ, энергичнымъ и дальновиднымъ начальникомъ, вникалъ въ нужды края и, несомнѣнно, оставилъ бы добрый слѣдъ своего управленія, если бы дольше оставался на своемъ посту и ближе присмотрѣлся къ мѣстнымъ вопросамъ и людямъ. Изъ пяти лѣтъ его сибирской службы въ первый годъ онъ едва успѣлъ бѣгло ознакомиться съ своею территоріей; потомъ почти ежегодныя поѣздки въ Петербургъ и довольно продолжительное пребываніе тамъ, хотя и по служебнымъ дѣламъ, едва-ли давали ему возможность глубже сосредоточиться на интересахъ и потребностяхъ своего края, обширнаго и своеобразнаго.

У Николая Геннадіевича не было ни аристократическаго придворнаго лоска, ни напускнаго величія, столь свойственныхъ лицамъ въ его положеніи. Отправляясь въ Омскъ, онъ не окружалъ себя, подобно другимъ главнымъ начальникамъ провинцій, плеядою петербургскихъ недорослей, такъ охотно и усердно рекомендуемыхъ вновь назначаемымъ начальникамъ. Онъ хотѣлъ прежде познакомиться на мѣстѣ съ

личнымъ составомъ своихъ сослуживцевъ, а потомъ уже цѣнить ихъ по достоинству. Въ этомъ виденъ хорошій принципъ управленія. Предвзятое недовѣріе къ людямъ, ломка безъ нужды, желаніе окружить себя своими креатурами, часто составляетъ слабую сторону не только главныхъ начальниковъ края, но даже заурядныхъ начальниковъ губерній. Николай Геннадіевичъ не страдалъ этимъ недугомъ. Омскъ сохранитъ о немъ хорошее воспоминаніе уже за то одно, что при его содѣйствіи городъ получилъ вполнѣ благоустроенныя мужскую и женскую гимназіи, техническое училище и порядочныя начальныя школы. Что же касается до всей Западной Сибири, то я не знаю тѣхъ мѣропріятій и замѣтныхъ усовершенствованій въ положеніи края, которыя составляли бы слѣды управленія Н. Г. Казнакова, за исключеніемъ, можетъ быть, установившагося при немъ пароходства по Иртышу выше Тобольска и послѣдняго разграниченія съ Китаемъ въ предѣлахъ Семипалатинской области. Впрочемъ, въ продолженіе пяти лѣтъ и трудно было создать для страны что-либо болѣе осязательное и крупное [1]).

1-го марта 1881 г. Страшное, потрясающее происшествіе: русскій императоръ Александръ Николаевичъ варварски убитъ анархистами среди бѣлаго дня на одной изъ многолюдныхъ улицъ Петербурга. Вотъ чѣмъ разразился финалъ нашихъ 15-лѣтнихъ смутъ, революціонныхъ попытокъ и систематическаго развращенія русскаго общества. Подробности этого злодѣйства пока еще до насъ не дошли, но онѣ, конечно, вскорѣ будутъ извѣстны и займутъ скорбную страницу въ русской исторіи. Подъ этимъ удручающимъ впечатлѣніемъ невольно приходится оглянуться теперь на прошлое и подумать, какимъ путемъ мы пришли къ такому ужасному концу.

Всѣмъ извѣстно, что царствованіе императора Александра II принадлежитъ къ числу наиболѣе плодотворныхъ для Россіи. Ни одна эпоха не ознаменовала себя такими крупными и давно желанными реформами, какія совершились въ истекшія 26 лѣтъ. Освобожденіе крестьянъ, установленіе земскаго самоуправленія, новые суды, свобода печати, широкое развитіе образованія, облегченная воинская повинность, присоединеніе Кавказа, Амурско-Уссурійскаго и Турке-

---

[1]) Въ „Всемірной Иллюстраціи“ 1895 г. (№ 1375, 3 іюня), на стр. 446 въ статьѣ „Дворяне Казнаковы“, между прочимъ, было сказано, что Н. Г. Казнаковъ, назначенный въ 1875 г. генералъ-губернаторомъ Западной Сибири, „въ бытность свою тамъ положилъ много труда на устройство Томскаго университета“. Это свѣдѣніе не совсѣмъ точно. Н. Г. не могъ быть по болѣзни даже на закладкѣ университета, такъ какъ осенью этого года навсегда оставилъ Сибирь и въ устройствѣ Томскаго университета онъ не принималъ никакого участія. Скончался Н. Г. 12-го февраля 1885 г.

станскаго края и многое другое составляютъ такіе крупные шаги внутренней государственной жизни, какихъ Россія не дѣлала еще никогда! Она чуть не вдвое выросла за это время и во внутреннихъ силахъ и по внѣшнимъ границамъ. Казалось, нужно было бы благоговѣть предъ такимъ государемъ, которому отечество обязано столь крупными успѣхами и благодѣяніями. Между тѣмъ на дѣлѣ вышло совсѣмъ противоположное. Ни при одномъ царѣ не было столько недовольства и столько злобы противъ него, какъ при Александрѣ II. И такое настроеніе обнаружилось не въ послѣднее только время, когда русское самосознаніе было уязвлено первыми дунайскими событіями, неудачными Плевнами, дурною организаціею интендантства и вообще неудовлетворительнымъ исходомъ Восточной войны и нѣкоторою расшатанностью въ высшихъ правительственныхъ сферахъ. Недовольство началось въ самомъ началѣ царствованія, вслѣдъ за освобожденіемъ крестьянъ. Духъ критики и порицанія особенно усилился послѣ польскаго мятежа и франко-прусской войны, когда государь явно симпатизировалъ нѣмцамъ, вопреки настроенію всей Россіи. Исходъ Восточной войны съ Берлинскимъ трактатомъ переполнили чашу національнаго огорченія. Въ Берлинѣ, Вѣнѣ, Лондонѣ, даже въ собственномъ нашемъ Остзейскомъ краѣ насъ третировали, какъ низшую расу. Во внутреннихъ дѣлахъ мы видѣли тоже постоянные промахи, недомысліе, или даже прямыя злоупотребленія. Все это ставилось на счетъ правительству и не подогрѣвало симпатій къ государю. Въ общественной атмосферѣ стоялъ какой-то удушливый чадъ, не позволявшій даже людямъ благомыслящимъ разобраться въ текущихъ явленіяхъ. При такихъ условіяхъ не трудно было зародиться и вырости зерну анархизма, доведшаго Россію до нынѣшнихъ печальныхъ дней. Онъ, какъ злокачественная бактерія, нашелъ себѣ пріютъ и пищу въ гнилой средѣ и не встрѣчалъ достаточной реакціи или противодѣйствія въ незараженныхъ общественныхъ слояхъ.

Но что такое анархизмъ и анархисты? Есть ли это особая группа озлобленныхъ, фанатизированныхъ и злонамѣренныхъ людей, представляющихъ особую касту и рѣзко отдѣляющихся отъ легальныхъ и благоразумныхъ гражданъ? Думаю, что такой касты нѣтъ, какъ нѣтъ сословія воровъ или нищихъ. Тѣ и другіе суть продукты самого общества, если оно ненормально поставлено и переполнено враждебными правительству элементами. Всѣ эти клички: нигилистъ, соціалистъ, анархистъ, или либералъ, радикалъ и т. п. суть только степени или отклики одного и того же протестующаго настроенія. Между ними есть общая традиціонная связь, взаимныя симпатіи, а, слѣдовательно, должна быть и общая нравственная отвѣтственность

за дѣянія анархистовъ, по скольку они являются порожденіемъ самого общества. Соціализмъ и анархизмъ есть болѣзнь нашего вѣка, уродливое проявленіе жизни, для развитія которыхъ требовалось, кромѣ благопріятной почвы, и нѣкоторое систематическое воспитаніе. Въ этомъ послѣднемъ, къ стыду нашему, принимало участіе, хотя и помимо своей воли, наше злосчастное министерство просвѣщенія вмѣстѣ съ другими вѣдомствами, гдѣ существуютъ учебныя заведенія.

Вспомнимъ безпристрастно, что такое представляли собой наши высшія учебныя заведенія (за исключеніемъ духовныхъ академій и привилегированныхъ лицеевъ) въ послѣднія 15—20 лѣтъ, какъ не настоящую школу либеральной распущенности, своеволія и политическихъ бредней. Безпрерывные студенческіе исторіи и безпорядки сдѣлались притчей во языцѣхъ. Какія смѣшныя мѣры правительство принимало для устраненія ихъ (вспомнимъ Валуевскую коммиссію), а вмѣстѣ съ тѣмъ главные начальники учебныхъ заведеній почти открыто потворствовали этимъ безпорядкамъ, или старались игнорировать ихъ. Сходки, вечеринки, уличныя манифестаціи, студенческія библіотеки и кассы, разныя подписки и петиціи отъ имени студентовъ были явленіемъ самымъ обыкновеннымъ. Студенты сами судили своихъ товарищей и профессоровъ, сами рѣшали, какая наука достойна ихъ вниманія, какая—нѣтъ, кого изъ профессоровъ можно слушать, кого не слѣдуетъ, какъ человѣка отсталаго или не сочувствующаго духу времени. Пріученные къ такому самосуду, они и политическіе вопросы рѣшали съ такимъ же легкимъ сердцемъ, воображая себя истинными цѣнителями и людей и событій. Такая многосторонняя роль опьяняетъ незрѣлые умы. Многіе выносили изъ этой школы наивное убѣжденіе, что современная молодежь должна взять на себя высокую миссію въ жизни—произвести переворотъ въ обветшаломъ, по ихъ мнѣнію, общественномъ строѣ, обновить, если не все человѣчество, то, по крайней мѣрѣ, Русское государство. Сколько силъ погибло изъ-за этихъ дѣтскихъ бредней, сколько людей, бросивъ серьезное дѣло личнаго образованія, погрязли въ этой утопіи и на цѣлую жизнь остались бременемъ для самихъ себя и для общества. Я уже не говорю объ упадкѣ религіознаго и нравственнаго настроенія. Религіи стыдились, какъ признака отсталости; нравственность считали требованіемъ условнымъ; гордились дарвинизмомъ, производившимъ родъ человѣческій отъ обезьяны, считая это для себя за великую честь, ибо это ново и научно, а происхожденіе отъ Духа Божія пахнетъ религіозной рутиной!

Вотъ какова была наша школа 60—70 годовъ и что изъ нея могло выйти путнаго. Этой закваскѣ вторило общество и литература, играя въ тѣ же дѣтскія игрушки. Школа выпускала новыхъ дѣя-

телей на всѣ поприща жизни, чтобы тамъ продолжать и пропагандировать прежнія школьныя увлеченія. Отбросы шли на подпольную дѣятельность. Изъ нихъ формировались анархисты и открытые агитаторы. Грустно все это вспоминать. Еще грустнѣе сознавать слѣпоту тѣхъ солидныхъ людей, которые должны бы были предвидѣть, къ чему поведетъ такое извращенное направленіе. Оно уже привело къ 1-му марта. Многіе надѣются, что оно можетъ привести къ государственному перевороту, по меньшей мѣрѣ, конституціонному, отъ чего, Боже упаси, наше дорогое отечество. Но если Господь и сохранитъ насъ отъ такого ложнаго шага, то все же нынѣшнее направленіе школы дастъ намъ много хлопотъ въ будущемъ, пока наше поколѣніе не смѣнится другимъ, можетъ быть, болѣе солиднымъ, и благоразумнымъ, которое будетъ имѣть въ виду не туманныя картины европейскихъ красотъ, а собственныя потребности русскаго самодержавнаго государства.

Миръ праху твоему, Царь-мученикъ! Прости наши прегрѣшенія вольныя и невольныя, какъ и мы, оставшіеся въ живыхъ, прощаемъ тѣхъ твоихъ ближайшихъ сотрудниковъ, которые по неразумію омрачили славу твоего великаго царствованія!

2-го марта Казань, какъ и вся Россія, принимала присягу новому воцарившемуся государю Александру Александровичу. И въ этомъ случаѣ нашъ университетъ не могъ обойтись безъ крупнаго скандала. Почти всѣ студенты, въ числѣ не менѣе 700 человѣкъ, собрались въ актовомъ залѣ и устроили здѣсь колоссальную сходку. На приглашеніе ректора пожаловать въ церковь (рядомъ съ актовымъ заломъ), гдѣ должна была совершиться присяга, они отвѣтили, что присягать не будутъ. Тѣмъ временемъ на каѳедру взошелъ одинъ изъ студентовъ, медикъ 5 курса Н., и обращается къ товарищамъ съ такою рѣчью: „Господа! старая пословица говоритъ: de mortuis aut bonum, aut nihil. Это глупая пословица. Въ жизни нужно говорить только одну правду, не взирая на то, хороша она или дурна. Такую правду я и намѣренъ вамъ сказать про покойнаго государя". Въ это время въ актовомъ залѣ была на-лицо вся университетская инспекція, съ ректоромъ и проректоромъ во главѣ, и многіе изъ профессоровъ, привлеченные необыкновенною сходкою. Успѣлъ пріѣхать и попечитель Шестаковъ, которому было дано знать о безпорядкѣ. Увѣщанія прекратить сходку не имѣли никакого успѣха. Лишь только попечитель или ректоръ заведутъ объ этомъ рѣчь, начинаются свистки и крики: „вонъ". Даже оратору университетскія власти не имѣли силы запретить его рѣчь съ каѳедры. Она продолжалась въ порицательномъ духѣ истекшаго царствованія, при чемъ доказывалось, что монархическое правленіе въ Россіи отжило свой

вѣкъ и въ настоящее время нужно позаботиться о другомъ государственномъ порядкѣ. Все это мы слушали, видѣли всѣхъ сочувствующихъ такимъ рѣчамъ и не имѣли силы ничего сдѣлать. Когда „правда" оратора стала уже переходить всякія границы приличія, деканъ медицинскаго факультета Виноградовъ, любимецъ студентовъ, бывшій по обыкновенію „на веселѣ", взошелъ на каѳедру и провозгласилъ, что онъ будетъ продолжать рѣчь, и просилъ Н. уступить ему мѣсто. Толпа закричала: „хотимъ слушать Виноградова". Тотъ заплетающимся языкомъ въ шутливомъ тонѣ произнесъ нѣсколько безсвязныхъ фразъ. Толпа захохотала, закричала „браво!" и этимъ сходка закончилась.

По этому образчику можно видѣть, въ какомъ положеніи находятся наши университеты. Тяжело и стыдно заносить такую повѣсть на страницы дневника, но это необходимо для характеристики времени. Здѣсь обращаетъ на себя вниманіе не самая сходка (къ нимъ мы уже привыкли), а поводъ къ ней и отношеніе къ ней мѣстныхъ властей. Возмутительная дерзость студентовъ, которой трудно пріискать названіе, обращена была въ какую-то глупую шутку. О ней не только не сообщили министерству, но не сдѣлали даже никакого замѣчанія болѣе выдающимся участникамъ и коноводамъ. Какъ будто все это произошло въ порядкѣ вещей. Ораторъ Н. въ томъ же году благополучно окончилъ курсъ и, какъ стипендіатъ, получилъ мѣсто врача въ одномъ изъ областныхъ городовъ Западной Сибири. Пройдетъ ли у него съ годами и съ болѣе зрѣлымъ разумомъ прежній юношескій чадъ? Вѣроятно, пройдетъ, и онъ когда-нибудь, можетъ быть, подъ старость, въ глубинѣ своей совѣсти устыдится своего неумѣстнаго краснорѣчія. Но до того времени сколько посѣвовъ своего незрѣлаго разума онъ распространитъ на жизненномъ пути и сколько юныхъ, такихъ же неразумныхъ, головъ совратитъ съ пути истиннаго!

Кромѣ сходки, казанскіе студенты продѣлали и другую, не менѣе дерзкую выходку. Послѣ полученія телеграммы о кончинѣ Александра II, они скупили въ магазинѣ канцелярскихъ принадлежностей купца Печаткина всю почтовую бумагу, налитографировали на ней множество экземпляровъ возмутительныхъ прокламацій и въ первую же ночь расклеили ихъ на всѣхъ фонарныхъ столбахъ и на другихъ видныхъ мѣстахъ, гдѣ обыкновенно расклеиваются городскія афиши. Утромъ полиція, конечно, сорвала всѣ эти воззванія къ народу и тутъ же безъ труда разслѣдовала, у кого и кѣмъ была куплена такая масса почтовой бумаги. Оказалось, что ее купили студенты. Легко было узнать по почерку литографированныхъ листковъ, кто именно занимался этимъ художествомъ, но такія разслѣдованія не признали

нужнымъ производить. Губернаторомъ въ Казани въ это время былъ генералъ Гейнсъ, человѣкъ очень мягкій и добрый, сочувствовавшій молодому поколѣнію. И на это дѣло посмотрѣли сквозь пальцы, какъ на невинную шутку.

Въ связи съ прокламаціями произошелъ одинъ забавный случай въ соборѣ во время панихиды по усопшемъ государѣ. На полу соборнаго храма полиція подняла заряженный револьверъ. Въ первое время подумали, не есть ли это признакъ какого-нибудь злаго умысла, но потомъ разъяснилось, что револьверъ принадлежитъ бывшему генералъ-губернатору Восточной Сибири, барону Фридериксу (жившему въ Казани послѣ своей отставки). Баронъ, напуганный прокламаціями, вообразилъ, что въ городѣ можетъ вспыхнуть мятежъ, и, отправляясь въ соборъ на молебствіе, захватилъ съ собою на всякій случай огнестрѣльное оружіе, положивъ его въ боковой карманъ шинели. Лакей, которому была передана эта шинель, нечаянно вытряхнулъ изъ нея револьверъ и такимъ образомъ былъ причиною нѣкотораго смущенія полиціи.

Кстати, для характеристики казанскихъ сходокъ, упомяну здѣсь еще объ одной бурной сходкѣ, бывшей въ ноябрѣ 1882 года. Поводомъ къ ней послужило увольненіе изъ университета студента Воронцова[1]), отъявленнаго негодяя и пьяницы. Три года онъ числился на первомъ курсѣ, не посѣщалъ лекцій и, отличаясь разными дебошами, получалъ вмѣстѣ съ тѣмъ стипендію, помнится, отъ Пермскаго земства. По существовавшимъ правиламъ, студентъ, не выдержавшій курсоваго испытанія въ теченіе двухъ лѣтъ, лишался права пользоваться какимъ-либо денежнымъ пособіемъ, а пробывшій три года на одномъ и томъ же курсѣ подлежалъ увольненію изъ университета. Несмотря на это, Воронцовъ пользовался стипендіей три года и былъ уволенъ не столько за малоуспѣшность, сколько за дурное поведеніе. Достаточно сказать, что онъ, будучи студентомъ, исполнялъ обязанности регента въ хорѣ бродячихъ арфистокъ, пѣвшихъ по трактирамъ. Мало того, онъ послѣднюю зиму состоялъ за извѣстную плату кассиромъ въ одномъ изъ казанскихъ домовъ терпимости, продавая входные билеты. За эти добродѣтели его, наконецъ, исключили изъ университета.

Студенты все это знали и не только не возмущались безправственнымъ поведеніемъ своего товарища, но выразили коллективный протестъ противъ его исключенія. Они доказывали, что правленіе университета не имѣло права лишать его стипендіи, такъ какъ стипендія была не казенная, а земская; равнымъ образомъ, и мотивъ къ

---

[1]) Воронцовъ поступилъ въ Казанскій университетъ изъ Пермской гимназіи

исключенію былъ въ ихъ глазахъ не достаточенъ на томъ основаніи, что университетское начальство не должно вмѣшиваться въ частную жизнь студента и контролировать способы, какими онъ зарабатываетъ себѣ средства къ жизни. По студенческой этикѣ того времени не считалось зазорнымъ гулять по трактирамъ во главѣ хора арфистокъ, или сидѣть за прилавкомъ въ публичномъ домѣ.

Когда ходатайство студенческой депутаціи съ вышеизложенными аргументами не было уважено, студенты рѣшились дѣйствовать силой, т. е. устроить сходку и этимъ способомъ произвести давленіе на совѣтъ профессоровъ. Сходка состоялась весьма бурная. Прежде всего толпа студентовъ выломала двери актоваго зала, заблаговременно запертыя по распоряженію ректора, чтобы предотвратить многолюдное сборище. Въ обширномъ залѣ собрались почти всѣ студенты, человѣкъ 600 или 700, и начались обычныя рѣчи на тему о стѣсненіи студенческой свободы и о необходимости дать отпоръ университетскому начальству. Ректора и инспектора, явившихся съ увѣщаніями разойтись, выгнали вонъ свистками и криками. Та же участь постигла и попечителя Шестакова. Пришлось послать за ротой солдатъ, съ прибытіемъ которой студенты разошлись. Университетъ былъ временно закрытъ. У всѣхъ входовъ поставлены часовые съ ружьями. По распоряженію попечителя назначена была слѣдственная коммиссія изъ профессоровъ для разслѣдованія произведеннаго безпорядка и опредѣленія зачинщиковъ. Въ числѣ членовъ коммиссіи пришлось быть и мнѣ. Намъ было предложено опросить всѣхъ участвовавшихъ на сходкѣ и отъ каждаго изъ нихъ взять письменное объясненіе. Это потребовало двухъ-недѣльнаго труда съ 10 час. утра и до 8—10 ч. вечера, съ небольшими перерывами. Эти экстраординарныя занятія были крайне утомительны и непріятны, но для меня они были не безполезны. Здѣсь въ откровенныхъ и не рѣдко крайне наивныхъ и оригинальныхъ сужденіяхъ студентовъ я ближе познакомился съ существующими у нихъ воззрѣніями на университетскіе порядки, съ ихъ взглядами на дисциплину, современную этику и на цѣли ихъ пребыванія въ университетѣ. И раньше я не былъ высокаго мнѣнія о современномъ строѣ нашихъ университетовъ, но, наслушавшись теперь откровенныхъ рѣчей учащейся молодежи, невольно задумываюсь: что готовитъ многострадальной Россіи наше злосчастное грядущее поколѣніе.

По окончаніи разслѣдованія, коммиссія представила собранныя данныя ректору. Затѣмъ было назначено экстренное засѣданіе совѣта, подъ предсѣдательствомъ попечителя Шестакова, для постановленія взысканія съ виновныхъ. Совѣтъ постановилъ пятерыхъ студентовъ, какъ зачинщиковъ и подстрекателей, исключить изъ университета

безъ права поступленія въ другое учебное заведеніе, съ остальныхъ участниковъ сходки взять подписку въ томъ, что они впредь не будутъ принимать участія ни въ какихъ открытыхъ демонстраціяхъ. Къ числу исключенныхъ принадлежали: два брата Яковлевы (донскіе казаки), Осипановъ [1]) (бывшій воспитанникъ Красноярской гимназіи), Померанцевъ (бывшій воспитанникъ Пермской гимназіи) и студ. I курса, фамиліи котораго теперь не припомню, по національности бурятъ, поступившій изъ Иркутской гимназіи.

Въ то время, когда въ стѣнахъ университета производилось разслѣдованіе вышеописанныхъ безпорядковъ и университетскіе входы охранялись военною командою, кто-то изъ студентовъ написалъ по этому поводу стихотвореніе, циркулировавшее потомъ въ стихахъ по всей Казани. Вотъ его содержаніе:

Братья! Наши генералы
Насъ отлично просвѣтили:
Храмъ науки злополучный
Вдругъ въ казармы превратили.

* * *

Вмѣсто бюстовъ тѣхъ героевъ,
Что въ принципахъ были тверды [2]),
Видимъ мы теперь воочью
Полицейскія все морды.

* * *

Все солдаты, все берданки...
Все—куда ни кинешь взоры...
Самъ оплеванный проректоръ
Поступилъ въ тамбуръ-мажоры.

* * *

Чтобъ ходили всѣ по стрункѣ,
По-солдатски; для примѣра
Намъ поставили въ начальство
Войцеховича [3]) въ Вольтеры.

---

[1]) Несмотря на исключеніе безъ права поступленія, Осипановъ былъ принятъ въ 1885 году въ Петербургскій университетъ вольнымъ слушателемъ, 1-го марта 1887 г. онъ былъ уличенъ въ покушеніи на цареубійство (захваченъ полиціею на углу Невскаго и Морской ул. съ разрывными снарядами въ рукахъ).

[2]) Въ вестибюлѣ главнаго входа Казанскаго университета помѣщаются около дюжины гипсовыхъ бюстовъ великихъ людей науки. Въ данномъ случаѣ, они сопоставляются съ солдатами, безсмѣнно занимавшими вестибюль, въ числѣ 10—15 человѣкъ, во все время закрытія университета.

[3]) Войцеховичъ—помощникъ инспектора, нелюбимый студентами.

* * *

И во всѣхъ аудиторьяхъ
Тупоумны, дерзки, грубы,
Въ вицмундирахъ просвѣщенья
Засѣдаютъ Скалозубы [1]).

* * *

А Ш . . . . знаменитый [2])
Этотъ сикофантъ двуличный,
При газетѣ вмѣсто премій,
Открываетъ домъ публичный.

* * *

Пошлой газетки издатель,
Разныхъ статеекъ кропатель,
Кличка твоя намъ не нова,
— Вѣрное эхо Каткова,
Жалкій урядникъ Толстова,
Сводня печатнаго слова.

Сколько мнѣ извѣстно, студенты восхищались этими виршами, находя ихъ очень остроумными и ѣдкими. О правдѣ, конечно, никто не заботился. Въ людей чужаго лагеря можно было, по настроенію того времени, бросать грязью, не справляясь, есть ли къ тому поводъ. Куда бы ни шло, если бы это говорилось только для краснаго словца; но подобные скороспѣлые приговоры отражались на репутаціи профессоровъ, по крайней мѣрѣ въ глазахъ корпоративнаго студенчества и мѣстнаго либеральнаго общества.

Распущенность университетовъ составляетъ истинную злобу нашихъ дней. Потому считаю не лишнимъ коснуться этого вопроса, какъ онъ рисуется въ моей памяти и представляется моему пониманію. Начиная съ преобразовательной эпохи 60-хъ годовъ, когда явился усиленный спросъ на образованныхъ дѣятелей во всѣхъ сферахъ общественной и государственной жизни, сложилось естественное и вполнѣ правильное убѣжденіе, что чѣмъ больше и скорѣе мы расплодимъ людей съ высшимъ образованіемъ, тѣмъ успѣшнѣе осуществимъ задуманные планы обновленія Россіи. Въ то время нельзя было и думать иначе. У всѣхъ было еще слишкомъ свѣжо воспоминаніе о послѣдствіяхъ стѣсненнаго доступа въ гимназіи и университеты въ предшествовавшее царствованіе императора Николая I. Этому не безъ основанія приписывали долю неудачъ проигранной

---

[1]) Здѣсь имѣлась въ виду наша коммиссія.

[2]) Проф. Ш. раньше былъ любимцемъ студентовъ. Его блестящимъ лекціямъ часто аплодировали; но достаточно было разъ взглянуть на увлеченіе молодежи съ другой точки зрѣнія, чѣмъ смотрятъ сами студенты, и прежній кумиръ повергался въ прахъ.

Крымской кампаніи и бросавшіеся въ глаза недостатки во всѣхъ частяхъ внутренняго управленія. Обновленная Россія требовала новыхъ людей. Поднятый вопросъ объ уравненіи образовательныхъ правъ привилегированныхъ и податныхъ сословій распахнулъ двери учебныхъ заведеній не только для дворянъ, духовенства и разночинцевъ, но и для тѣхъ классовъ, для которыхъ образованіе считалось прежде запретнымъ плодомъ. При такихъ условіяхъ, естественно, явилось стремленіе воспользоваться дарованнымъ правомъ въ возможно болѣе широкихъ размѣрахъ. Правительство и общество покровительствовали этому доброму порыву всѣми возможными средствами. Изъ всѣхъ концовъ Россіи хлынула новая волна молодаго поколѣнія въ распахнутыя двери среднихъ и высшихъ учебныхъ заведеній. И этому можно было только радоваться. Но таковъ законъ природы, что добро и зло, свѣтъ и тьма всегда идутъ параллельно. И въ дѣлѣ народнаго просвѣщенія стремительный потокъ не могъ не вызвать, вмѣстѣ съ добрыми началами, нѣкоторыхъ нежелательныхъ крайностей.

Въ силу реакціи противъ прежнихъ стѣснительныхъ мѣръ, пресса и общество склонны были преувеличивать успѣхи новаго образовательнаго направленія. Быстрое умноженіе числа учащихся они отождествляли съ прогрессомъ просвѣщенія, предполагая въ данномъ случаѣ, что количество и качество должны идти рука объ руку. Также смотрѣли учителя и профессора учебныхъ заведеній. Они считали грѣхомъ лишать молодаго человѣка соотвѣтствующаго образованія даже въ томъ случаѣ, когда это было ему явно не подъ силу, или когда онъ не заслуживалъ этой привилегіи по своимъ нравственнымъ качествамъ. Достойные смѣшивались съ недостойными, талантливые съ бездарными, лѣнивые и распущенные съ искренне желающими учиться и трудиться. Всю эту разнохарактерную массу одинаково прикрывалъ университетскій дипломъ, дававшій одни и тѣ же права годнымъ и негоднымъ элементамъ. Въ этомъ, заключалась первая, такъ сказать, принципіальная, ошибка новаго взгляда на русское просвѣщеніе. Благодаря ей не рѣдко профанировалось значеніе университетскаго диплома и подрывалось довѣріе къ русскимъ интеллигентнымъ силамъ.

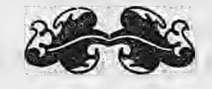
Вторая, еще горшая, ошибка заключалась въ томъ, что къ вопросамъ образованія стали примѣшивать политику. Въ этомъ грѣхѣ повинны и общество, и правительство, и болѣе всего сами студенты или вообще учащіеся. Вспоминая теперь печальную эпоху 60, 70-хъ годовъ, невольно удивляемся существовавшей въ то время путаницѣ понятій. Общество и правительство стали другъ противъ друга какъ два враждебные лагеря, не понимая того, что они идутъ къ одной и той жей цѣли—прогрессивному развитію внутренней жизни отече-

ства. Вмѣсто того, чтобы поддержать благія начинанія правительства сочувствіемъ къ преобразовательнымъ мѣрамъ, общественная интеллигенція, смущаемая и подстрекаемая извнѣ темными силами, требовала ломки всего государственнаго строя. Во внутреннихъ дѣлахъ государства она отмѣчала только слабыя стороны, роны, старыя прорѣхи, не залѣченныя еще раны, не обращая вниманія на совершившіяся крупныя преобразованія и благодѣтельныя мѣры. Съ своей стороны и правительство, видя чрезмѣрныя притязанія противной стороны и превратное толкованіе его мѣропріятій, было подъ часъ вынуждаемо платить недовольному обществу тою же монетою. Хуже всего то, что орудіемъ этой борьбы страстей была избрана школа. Это обстоятельство можно считать истиннымъ несчастіемъ для русскаго образованія.

24 марта 1881 г. въ Казань пришла вѣсть, что министръ народнаго просвѣщенія Сабуровъ отчисленъ отъ этой должности. На мѣсто его назначенъ баронъ Николаи, котораго раньше мы совсѣмъ не знали. Послѣ совершившихся событій на послѣднемъ актѣ С.-Петербургскаго университета нельзя было не ожидать такой перемѣны, но что намъ дастъ новый министръ, это трудно предугадать. Во всякомъ случаѣ можно ожидать новыхъ порядковъ, можетъ быть болѣе строгихъ, что́ естественно вытекаетъ изъ предшествовавшихъ обстоятельствъ. Благоразумные люди о такой перемѣнѣ курса сожалѣть не будутъ. Но для меня лично перемѣна министерства имѣетъ особое значеніе, именно по отношенію къ Сибирскому университету. Новыя птицы—новыя пѣсни. Въ какомъ тонѣ онѣ отзовутся на нашихъ томскихъ дѣлахъ, и безъ того шаткихъ, запутанныхъ, еще не пустившихъ прочныхъ корней. Этотъ вопросъ начинаетъ меня тревожить. Подъ этимъ впечатлѣніемъ я написалъ длинное письмо М. Е. Бродке (директоръ департамента), прося его совѣта—не слѣдуетъ ли мнѣ, ранѣе отъѣзда въ Томскъ въ маѣ мѣсяцѣ, снова побывать въ Петербургѣ, чтобы переговорить съ новымъ министромъ и оріентироваться въ направленіи дѣлъ. Бродке посовѣтовалъ не дѣлать этого, а идти своей дорогой, какъ было предначертано при послѣднемъ моемъ посѣщеніи министерства въ концѣ декабря. Такое рѣшеніе вывело меня изъ затруднительнаго положенія, такъ какъ въ первой половинѣ апрѣля, до вскрытія Волги, ѣхать было невозможно вслѣдствіе полной распутицы, а въ концѣ апрѣля и до половины мая у насъ должны были происходить экзамены, не позволявшіе мнѣ оставить Казань. Да и что можно было сказать барону Николаи о постройкѣ Сибирскаго университета, когда и самъ я въ точности не зналъ, какъ направится это дѣло предстоящимъ лѣтомъ, послѣ перемѣны архитектора при полной неопредѣленности строительныхъ

предположеній въ нашемъ комитетѣ. Будетъ гораздо удобнѣе представиться новому министру и познакомить его съ этими вопросами уже послѣ возвращенія изъ Томска, осенью. Такъ я и рѣшилъ поступить.

Несчастный Томскій университетъ! Какъ складно и удачно направился онъ на первыхъ порахъ, когда вопросъ разрабатывался, такъ сказать, теоретически, и какъ неблагопріятно стали для него складываться обстоятельства потомъ. Ежегодная смѣна министровъ, перемѣна генералъ-губернаторовъ, затрудненія и неурядицы въ строительномъ комитетѣ далеко не содѣйствуютъ гладкому и успѣшному ходу дѣлъ. Но самымъ крупнымъ и неблагопріятнымъ осложненіемъ въ данномъ случаѣ является 1-е марта. Какъ оно отразится на нашихъ университетахъ вообще и на Сибирскомъ въ частности, это покажетъ близкое будущее. Пока можно сказать одно: наступаютъ другія времена, выходятъ на сцену другіе люди, можетъ быть съ другими планами и взглядами, и при такой общей пертурбаціи мнѣ прійдется ощупью вести трудное, можетъ быть для многихъ теперь не симпатичное, дѣло созиданія новаго университета на далекой русской окраинѣ. Дай Богъ довести его до конца. О трудахъ, временныхъ препятствіяхъ и разочарованіяхъ я не сокрушаюсь. Все это неизбѣжно во всякомъ крупномъ предпріятіи, лишь бы не была забракована основная идея. При такомъ невеселомъ настроеніи мнѣ приходится нынѣ отправляться въ Томскъ, утѣшаясь одной мыслію, что доброе и полезное дѣло не должно страшиться препятствій. Такъ или иначе онъ направится на свой путь, выразится въ осязательной формѣ и будетъ давать соотвѣтствующіе плоды. Темныя точки стушуются, трудные эпизоды забудутся, останется на виду одинъ результатъ безвѣстныхъ трудовъ, и онъ долженъ служить намъ теперь путеводною нитью, наградой и утѣшеніемъ въ скорбныя минуты.

Историческая и бытовая заграничная хроника.

Людовикъ XVIII и Бонапартъ [1]).

I.

Переворотъ, совершившійся во Франціи 18 фруктидора (4 сентября 1797 г.), когда были арестованы Пишегрю, Рашель и прочіе приверженцы роялистовъ, подготовлявшіе насильственный переворотъ въ пользу Людовика XVIII, не только нанесъ рѣшительный ударъ роялистамъ, но былъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, угрозою для Пруссіи, пріютившей короля-изгнанника въ Бланкенбургѣ, и прусское правительство поспѣшило настоять на его удаленіи изъ своихъ предѣловъ. Послѣ пятнадцатилѣтняго пребыванія въ Бланкенбургѣ, Людовикъ XVIII съ грустью оставилъ его въ началѣ 1798 г. и направился въ Россію, гдѣ императоръ Павелъ I согласился принять его и предоставить въ его распоряженіе старинный замокъ герцоговъ курляндскихъ въ Митавѣ.

Достойно вниманія, что это новое испытаніе не сокрушило энергіи будущаго короля и не поколебало его увѣренности въ окончательномъ торжествѣ его дѣла, основанной на твердомъ убѣжденіи въ незыблемости его наслѣдственныхъ правъ.

Удаляясь отъ границъ своего королевства, онъ тверже, чѣмъ когда-либо, рѣшилъ употребить всѣ зависящія отъ него средства, чтобы завоевать обратно корону.

Самымъ дѣйствительнымъ по его мнѣнію средствомъ было склонить на свою сторону, кого-либо, изъ популярныхъ вождей арміи, вступивъ съ ними въ непосредственные, тайные переговоры. Образецъ генерала Монка, принимавшаго дѣятельное участіе въ реставраціи Стюартовъ въ Англіи (1660 г.), преслѣдовалъ роялистовъ съ

---

[1]) Louis XVIII et Bonaparte. D'après des documents inédits, par Ernest Daudet. (Le Correspondant, 25 Février 1905)

самаго возникновенія республики. И ими были сдѣланы соблазнительныя предложенія Пишегрю, Гошу, Моро, Келлерману и другимъ менѣе извѣстнымъ генераламъ; ихъ убѣждали принять сторону Бурбоновъ, сдать его приверженцамъ подвѣдомственныя имъ крѣпости, или же въ случаѣ побѣды надъ союзными войсками, потребовать отъ союзныхъ монарховъ, чтобы они признали Людовика французскимъ королемъ и содѣйствовали его возвращенію въ Парижъ.

Но на этотъ призывъ откликнулся только одинъ Пишегрю, вступивъ въ переговоры съ королевскими агентами, но и тотъ отказался нарушить присягу и обѣщалъ свое содѣйствіе лишь въ томъ случаѣ, если обстоятельства будутъ благопріятствовать.

Послѣ переворота 18 фруктидора онъ оказался въ числѣ побѣжденныхъ, былъ сосланъ и на него болѣе нельзя было разсчитывать.

Несмотря на эти неудачныя попытки, нельзя было утверждать, что и дальнѣйшіе шаги не увѣнчаются успѣхомъ; то, что не удалось однажды, могло удасться со временемъ.

Такъ думалъ король, его мнѣніе раздѣлялъ аббатъ Андрэ де-ла Марръ, его агентъ, котораго онъ удостоивалъ въ то время наибольшимъ довѣріемъ.

Этотъ священникъ, родомъ изъ Савойи, былъ личностью весьма интересной: во цвѣтѣ лѣтъ, чрезвычайно дѣятельный, предпріимчивый, онъ бралъ на себя въ теченіе четырехъ лѣтъ труднѣйшія порученія, то и дѣло разъѣзжалъ взадъ и впередъ, отвозя въ Парижъ и Лондонъ приказанія короля, слѣдилъ за ихъ выполненіемъ, всегда готовый взяться за рискованное предпріятіе, не боясь никакихъ опасностей, которыя онъ искусно умѣлъ побѣждать. Онъ обладалъ особымъ умѣньемъ угадывать подъ личиной преданности своекорыстныя, эгоистическія побужденія, смѣло совлекалъ съ такихъ людей маску и былъ слишкомъ дальновиденъ, чтобы не понять, какъ мало пользы могли принести заговоры и покушенія, совершаемыя отдѣльными лицами и насколько вѣрнѣе было дѣйствовать путемъ пропаганды и убѣжденія.

„Изыскать, послѣ всѣхъ бывшихъ переворотовъ возможность согласовать власть, которой долженъ обладать король, съ той долею свободы, какой долженъ пользоваться народъ, и съ интересами всѣхъ гражданъ—вотъ въ чемъ заключается главная задача, писалъ аббатъ въ 1800 году; по его мнѣнію, вѣрнѣйшимъ средствомъ привлечь къ королю наибольшее число сторонниковъ заключалось въ томъ, чтобы никого не отвращать“, понимая подъ этимъ, что надобно было привлекать людей силою убѣжденія, а не угрозами. Человѣкъ, разсуждавшій такъ въ то время, какъ другіе, несмотря на уроки прошлаго, совѣтывали королю дѣйствовать по-прежнему путемъ угрозъ каръ и переворотовъ, былъ несомнѣнно человѣкъ не заурядный.

*

Уже въ началѣ 1797 г. король и графъ д'Авари оказывали ему полное довѣріе.

Пріѣхавъ въ это время въ Бланкенбургъ, онъ убѣждалъ короля въ необходимости дѣйствовать умѣренно и осторожно совѣтовалъ ему сдѣлать попытку къ примиренію, подалъ мысль обратиться за содѣйствіемъ къ извѣстнѣйшимъ республиканскимъ генераламъ и на столько съумѣлъ убѣдить короля въ правильности своихъ мыслей, что, откланиваясь ему 29 января передъ отъѣздомъ во Францію, гдѣ ему было поручено принять участіе въ переговорахъ, начатыхъ парижскими агентами съ членами директоріи и законодательнаго корпуса, аббатъ Андрэ получилъ отъ короля довѣренность, коей оно уполномочивался „вступить отъ его имени въ сношеніе съ Бонапартомъ“ и съ Бертье.

Съ именемъ этого генерала, которому суждено было сыграть въ послѣдующихъ событіяхъ видную роль, были связаны воспоминанія, говорившія о его преданности престолу. Онъ не только не принималъ участія въ злодѣйскихъ поступкахъ революціонеровъ, но даже спасъ двухъ тетокъ короля, когда имъ угрожала чернь, и помогъ имъ бѣжать изъ Парижа. Это давало право предполагать, что подъ мундиромъ республиканскаго генерала билось сердце, преданное монархіи, слѣдовательно, король могъ разсчитывать на его услуги.

Въ Бланкенбургѣ находился въ то время эмигрантъ—графъ Готфоръ, состоявшій нѣкогда въ числѣ приближенныхъ графа Прованскаго [1]), который командовалъ отдѣльной частью въ арміи Кондэ. Прощаясь съ нимъ передъ отъѣздомъ въ Россію, Людовикъ XVIII поручилъ ему повидаться съ генераломъ Бертье, посланнымъ для подавленія возстанія въ восточныхъ провинціяхъ Франціи и склонить его передаться съ арміей на сторону монархической партіи, за что Бертье и его офицерамъ были обѣщаны большія награды.

Графу Готфору не удалось видѣть Бертье, и проектъ остался невыполненнымъ, но онъ любопытенъ, какъ доказательство превратнаго взгляда, какой имѣли эмигранты относительно республиканскихъ генераловъ и какія ошибочныя рѣшенія принимались ими подъ вліяніемъ этихъ взглядовъ. Можно ли было думать, что такой заслуженный воинъ, какъ Бертье, согласился перейти на сторону непріятеля и что онъ сдѣлаетъ это такъ грубо и неискусно. Еще большей ошибкой было думать, что ему удастся увлечь за собою солдатъ и что они не возмутятся противъ него, если бы онъ посмѣлъ склонять ихъ противъ республики.

---

[1]) Людовикъ XVIII, при жизни своего брата Людовика XVI, носилъ титулъ графа Прованскаго.

Два года передъ тѣмъ принцъ Кондэ обращался съ подобнымъ же предложеніемъ къ Пишегрю, но эта попытка не удалась; поэтому странно, что король счелъ возможнымъ обратиться съ такимъ же предложеніемъ къ другому генералу.

Это доказываетъ, что успѣхи директоріи не отняли у него энергіи. Когда онъ поселился въ Митавѣ, то аббатъ де-ла Марръ и графъ Готфоръ продолжали дѣйствовать въ его пользу вышеуказанными путями. Впрочемъ, Людовикъ XVIII какъ бы предчувствовалъ, что Бертье отклонитъ его предложеніе, и возлагалъ большія надежды на де-ла Марра, которому было поручено отправиться въ Парижъ и начать переговоры съ самимъ Бонапартомъ.

Ему представился къ тому случай при посредствѣ эмигранта графа де Вернегъ (de Vernègues), который разсказалъ аббату, что, въ бытность свою въ Миланѣ, онъ близко сошелся съ эмигрировавшимъ туда богатымъ марсельскимъ негоціантомъ, по имени Николай Клари, на сестрѣ котораго былъ женатъ Іосифъ Бонапартъ, старшій братъ Наполеона Бонапарта. Полагая, вполнѣ естественно, что благодаря этому браку Клари имѣлъ доступъ къ генералу Бонапарту, Вернегъ завелъ съ нимъ рѣчь о возможности привлечь послѣдняго на сторону Бурбоновъ. Клари не только не уклонился отъ этого разговора, но даже обѣщалъ передать объ немъ Іосифу Бонапарту и дѣйствительно говорилъ съ нимъ, а Іосифъ будто бы сообщилъ объ этомъ самому Бонапарту, который, польщенный сдѣланнымъ ему предложеніемъ, обѣщалъ дѣйствовать, когда настанетъ время, между тѣмъ выразилъ желаніе видѣть довѣренность на имя Вернега, подписанную королемъ, которую Вернегъ обѣщалъ предъявить въ томъ случаѣ если ему будетъ поручено начать переговоры.

Не вдаваясь въ обсужденіе вопроса, насколько все сообщенное Вернегомъ заслуживало довѣрія, Людовикъ XVIII послалъ ему довѣренность и полномочія. Только годъ спустя узналъ, что Вернегъ не могъ воспользоваться ими, ибо въ тотъ самый день (27 сентября 1797 г.), когда Вернегъ, показавъ этотъ документъ Клари, долженъ былъ представить его Іосифу Бонапарту, въ Римѣ былъ убитъ генералъ Дюфо (Duphot). Вслѣдствіе этого свиданіе Вернега съ Іосифомъ не состоялось и о дальнѣйшихъ переговорахъ не было болѣе рѣчи; но король долгое время былъ убѣжденъ въ томъ, что они продолжаются, не теряя надежды, что онѣ увѣнчаются успѣхомъ.

Полученныя въ Митавѣ около половины сентября извѣстія о переворотѣ 18 фруктидора (4 сентября 1797 г.) и о полномъ торжествѣ республиканцевъ вывели короля изъ этого заблужденія: всѣ противники директоріи были арестованы или спаслись, бѣжавъ изъ Парижа.

„Въ эту ужасную ночь рушились всѣ наши надежды“, писалъ, нѣсколько дней спустя, де-ла Марръ, бѣжавшій въ Швейцарію, „всѣ наши планы разстроены. Надобно много времени, чтобы оправиться, и главное надобно дѣйствовать крайне осторожно“ и прервать съ этой цѣлью сношенія со всѣми бывшими агентами и привлечь къ дѣлу новыхъ людей, не замѣшанныхъ въ прежнія интриги; намекая на неудавшуюся попытку войти въ сношеніе съ Баррасомъ, при посредствѣ графа Грабянки, предложившаго королю свои услуги, аббатъ присовокуплялъ полушутя, полусерьезно: „я давно уже ломаю голову, изыскивая, какъ бы добраться къ Бонапарту, и вижу только одно средство—подыскать для этого поляка, котораго вы удостоили бы своимъ довѣріемъ“.

Это было сѣмя, брошенное на благодарную почву: мысль, поданная аббатомъ, запала въ душу Людовика XVIII, возбудивъ въ немъ новыя надежды, и несмотря на всѣ испытанныя имъ неудачи и разочарованія, онъ принялся дѣятельнѣе чѣмъ прежде за осуществленіе своей завѣтной мечты—вернуть себѣ престолъ.

Жизнь въ Митавѣ, куда король ѣхалъ скрѣпя сердце, не найдя себѣ инаго убѣжища, имѣла свои выгоды и неудобства. Онъ находился тамъ подъ покровительствомъ императора Павла I, который, принявъ его въ свои владѣнія и окруживъ всевозможнымъ вниманіемъ и удобствами, доказалъ этимъ, что онъ смотрѣлъ на него, какъ на законнаго короля Франціи. Для монарха-изгнанника было, конечно, отрадно найти защитника и друга въ лицѣ самаго могущественнаго монарха въ мірѣ, но съ другой стороны, будучи подчиненъ строгимъ полицейскимъ мѣрамъ и выпужденный считаться съ причудливымъ и непостояннымъ характеромъ императора Павла, находясь къ тому же такъ далеко отъ Франціи, онъ чувствовалъ, что его свобода дѣйствій была надолго парализована, что ему будетъ труднѣе чѣмъ прежде поддерживать правильныя сношенія со своимъ королевствомъ, и это увеличивало его озлобленіе противъ державъ, которыя, отказавъ ему въ пріютѣ, заставили его искать убѣжища въ отдаленной Россіи. Въ письмахъ изъ Митавы король часто проклинаетъ „чертовскую политику“, которая приковала его къ этому мѣсту.

Но, несмотря на всѣ превратности судьбы, онъ не терялъ надеждъ. Переселяясь въ Митаву, онъ не думалъ, что его положеніе могло еще болѣе ухудшиться; онъ разсчитывалъ, что ему скоро удастся вернуться во Францію, что его пребываніе въ Россіи будетъ кратковременно и что онъ скоро вернетъ престолъ, при помощи союзной арміи, которая будетъ сформирована по почину Россіи или по ясно выраженному желанію его подданныхъ.

Увѣренность короля въ этомъ была такъ велика, что ее не могла поколебать даже чрозвычайная медленность, съ какою шли переговоры, возложенные на де-ла Марра и Готфора. Въ оправданіе этого оптимизма надобно сказать, что де-ла Марръ, сообщивъ королю о препятствіяхъ, какія онъ встрѣтилъ въ Лондонѣ, гдѣ онъ пытался достать денегъ для подкупа республиканскихъ войскъ, представилъ ему въ то же время новый планъ, при помощи котораго онъ разсчитывалъ заручиться содѣйствіемъ Бонапарта.

Онъ говорилъ о возможности повліять на генерала чрезъ его супругу, Жозефину, у которой было много друзей роялистовъ. Вліяніе, которое она имѣла на мужа, давало по его словамъ поводъ надѣяться, что ея помощь окажется дѣйствительной.

Король и д'Авари съ восторгомъ ухватились за это предложеніе, но они не успѣли еще обсудить его, какъ слѣдуетъ, когда совершилось никѣмъ не предвидѣнное событіе, отсрочившее выполненіе ихъ плановъ на неопредѣленное время.

Бонапартъ отбылъ изъ Европы во главѣ своего войска, предпринявъ походъ въ Египетъ.

Это извѣстіе должно было бы поразить короля, такъ какъ оно отсрочивало выполненіе его плана на неопредѣленное время. Между тѣмъ оно было принято въ Митавѣ довольно спокойно. Отсутствіе Бонапарта, по мнѣнію короля, должно было увеличить анархію, царившую среди директоріи. Если бы онъ не вернулся изъ похода, то эта анархія, которую безъ него никто не могъ прекратить, могла окончательно погубить республиканскую партію и вернуть французовъ ихъ законному королю, а если бы онъ вернулся побѣдителемъ, то его вліяніе и власть были бы безграничны и захоти онъ съиграть роль Монка,—въ побѣдѣ не могло быть сомнѣнія.

Поэтому проектъ, который Людовикъ XVIII надѣялся осуществить при помощи республиканскаго генерала, не былъ оставленъ, хотя отсутствіе Бонапарта, продолжавшееся, какъ извѣстно, болѣе 18 мѣсяцевъ, замедлило его выполненіе.

Во время серьезныхъ событій, разыгравшихся во Франціи, пока Бонапартъ былъ въ Египтѣ и отголосокъ которыхъ доходилъ въ Митаву, поддерживая надежды Людовика XVIII, короля неотступно преслѣдовалъ образъ „корсиканца". Не отказываясь отъ мысли привлечь его на свою сторону, Людовикъ чувствовалъ въ немъ врага, инстинктивно боялся его возвращенія и въ глубинѣ души былъ бы радъ, если бы онъ былъ побѣжденъ и не вернулся изъ Египта.

Эти опасенія возрастали по мѣрѣ, того какъ изъ Египта доходили извѣстія о побѣдахъ Бонапарта. Въ августѣ мѣсяцѣ 1799 г. д'Авари писалъ де-ла Марру:

„Не говорю о Бонапартѣ, но не забывайте, что въ то время какъ вы будете втайнѣ замышлять его погибель и подсчитывать своихъ сторонниковъ, онъ можетъ взлетѣть до небесъ, хотя на это мало вѣроятія. Будемъ надѣяться, что онъ и его приверженцы послужатъ примѣромъ потомству, а не поощреніемъ негодямъ и преступникамъ".

Если бы Бонапартъ „вознесся до небесъ, если бы всѣ французы преклонились передъ нимъ, то король могъ получить корону только изъ его рукъ. Это было главное; въ Митавѣ этого не упускали изъ вида, тѣмъ болѣе, что король то и дѣло получалъ отъ извѣстныхъ и неизвѣстныхъ ему лицъ предложенія услугъ съ цѣлью передать Бонапарту его желанія.

Съ такимъ предложеніемъ явился однажды графъ Фенисъ де-ла Прадъ (Fenis de la Prade), о которомъ королю было извѣстно, что, проживая въ Гамбургѣ, онъ видѣлся съ агентомъ Людовика XVIII, Товенэ, открылъ ему подъ секретомъ, что онъ другъ генерала и, слѣдовательно, можетъ передать ему все, что угодно; и просилъ соотвѣтственныхъ полномочій для переговоровъ.

Сначала ему было въ этомъ отказано, но затѣмъ, въ исходѣ 1799 г., довѣренность была прислана, съ оговоркою, что она должна остаться въ рукахъ Товенэ до того момента, когда будетъ видно, что де-ла-Прадъ можетъ воспользоваться ею; но онъ возбудилъ къ себѣ вскорѣ недовѣріе, обратившись къ Товенэ съ просьбою о ссудѣ, тогда какъ вначалѣ онъ самъ предлагалъ денегъ для веденія дѣла.

Послѣ этого, неизвѣстно откуда, явился съ подобнаго же рода предложеніемъ нѣкто Барбе, услуги котораго были рѣшительно отклонены, такъ какъ все обличало въ немъ искателя приключеній.

Вслѣдъ за нимъ явился баронъ Амекуръ, извѣстный своей преданностью Бурбонамъ. Не хвастая личнымъ знакомствомъ съ Бонапартомъ, онъ говорилъ, что знаетъ одного изъ близкихъ къ генералу лицъ, занимавшаго видный постъ, который, по его словамъ, взялся бы за это дѣло, если бы онъ былъ увѣренъ, что, по возстановленіи монархіи, онъ не подвергнется преслѣдованію за свое участіе въ революціи. Король воспользовался услугами барона Амекура только для того, чтобы распространить, при его посредствѣ, слухи о своихъ намѣреніяхъ.

„Я обязанъ", писалъ онъ барону Амекуру, „принять самыя поспѣшныя и дѣйствительныя мѣры для прекращенія бѣдствій, тяготѣющихъ надъ Франціей. Къ счастью, справедливое довѣріе, какое внушаютъ мнѣ ваши „душевныя качества и ваши знанія", даютъ мнѣ возможность исполнить этотъ долгъ. Поэтому, если вы убѣдитесь въ томъ, что указанное вами лицо дѣйствительно можетъ и хочетъ

содѣйствовать возстановленію монархіи, я уполномочиваю васъ увѣрить его отъ моего имени въ томъ, что, каковы бы ни были совершенныя имъ ошибки или преступленія, они будутъ преданы за столь важную услугу забвенію и ему будетъ обезпечено дальнѣйшее спокойное существованіе. Вы можете дать ему въ этомъ мое королевское слово; вы можете даже, если это будетъ признано необходимымъ, показать ему мое письмо, какъ гарантію того, что вы передаете ему это отъ меня".

За де-ла-Прадомъ, Барбе и барономъ Амекуромъ слѣдовала цѣлая вереница людей, предлагавшихъ королю свои услуги для переговоровъ съ Бонапартомъ; таковы: Казалесъ, которому Бонапартъ велѣлъ передать, что онъ можетъ вернуться въ Парижъ, не опасаясь для себя никакихъ дурныхъ послѣдствій; Невилль, услуги коего были приняты королемъ, такъ какъ онъ казался человѣкомъ весьма почтеннымъ; маркизъ де-Пракомталь (de Pracomtal), другъ консула Лебрена; кавалеръ де-Куаньи (Coigny), принятый у г-жи Бонапартъ, какъ свой человѣкъ; г-жа де-Куаньи, которая также была дружна съ женою перваго консула; красавица герцогиня де-Гюишъ (de-Guiche), близкая къ герцогу Артуа, жившая въ Англіи; графъ де-Монлозье, бывшій членъ учредительнаго собранія, который отправился изъ Лондона въ Францію съ цѣлью посулить Бонапарту итальянскую корону, если онъ возвратитъ престолъ Бурбонамъ, и которому полиція не позволила высадиться въ Калэ и, наконецъ, Дюмурье; къ послѣднему король отнесся недовѣрчиро, несмотря на заявленную имъ горячую, но нѣсколько запоздалую преданность монархизму. Онъ предлагалъ королю всѣ, бывшія въ его рукахъ, средства, чтобы войти въ сношеніе съ Бонапартомъ чрезъ Мармона, и утверждалъ, что онъ уже писалъ объ этомъ первому консулу, подъ какимъ-то предлогомъ, и увѣренъ, что онъ не замедлитъ ему отвѣтить. Несмотря на эти увѣренія, Дюмурье въ Митавѣ не особенно довѣряли и отъ него постарались вѣжливо отдѣлаться, подъ предлогомъ, что было бы опасно „посылать къ Бонапарту слишкомъ много посредниковъ".

Въ сущности, Людовикъ XVIII довѣрялъ вполнѣ только аббату де-ла-Марръ; ему одному было поручено руководить дѣломъ и избрать вполнѣ надежнаго и искуснаго агента для веденія переговоровъ.

Императоръ Павелъ I, отказавшійся вначалѣ принять участіе въ образованной противъ Франціи коалиціи, увлекся, мало-по-малу, ролью „защитника ниспровергаемыхъ троновъ"; совершенный Наполеономъ разгромъ изолированной Австріи, которая не могла помириться съ существующимъ порядкомъ вещей въ Швейцаріи и Италіи, побудилъ императора въ декабрѣ мѣсяцѣ 1798 г. примкнуть къ новой коалиціи, образовавшейся изъ Англіи, Австріи и Турціи. У Павла про-

сили шестнадцать тысячъ войска,—онъ обѣщалъ дать сорокъ пять тысячъ, изъ коихъ было образовано двѣ арміи,—для дѣйствій въ Италіи и Швейцаріи.

Весною 1799 г. Суворовъ, во главѣ русскихъ войскъ, двинулся на соединеніе съ эрцгерцогомъ Карломъ; армія Кондэ получила приказаніе соединиться съ корпусомъ, состоявшимъ подъ командою Корсакова.

Германія задрожала отъ топота кавалеріи и грохота лафетовъ.

Грозная коалиція, въ составъ которой вошли Россія, Англія, король Неаполитанскій, Пьемонтъ и даже Турція, надѣялась привлечь къ участію въ общемъ дѣлѣ Пруссію, хотя эта держава заявила, что, находясь въ миролюбивыхъ отношеніяхъ съ Франціей, она намѣрена сохранить нейтралитетъ.

Людовикъ XVIII съ тревогой слѣдилъ изъ своего уединенія за ходомъ событій въ Европѣ, заявляя, однако, при всякомъ случаѣ о своемъ желаніи принять участіе въ походѣ. Онъ писалъ Павлу I письмо за письмомъ, посылалъ къ нему своихъ уполномоченныхъ, доказывая, что интересы союзниковъ требовали, чтобы король Франціи шелъ во главѣ войскъ, такъ какъ только его присутствіе могло успокоить его подданныхъ. Инструкціи, посланныя королемъ своему брату и агентамъ, имѣли цѣлью подогрѣть ихъ рвеніе и подготовить мѣстныя возстанія, которыя должны были вспыхнуть въ разныхъ пунктахъ королевства, по мѣрѣ вступленія союзныхъ войскъ.

Убѣдясь, наконецъ, въ томъ, что союзныя державы, вѣрныя той „пагубной системѣ", которой онѣ всегда слѣдовали, не внимали его словамъ, Людовикъ XVIII рѣшился молчать; къ сожалѣнію, ему болѣе ничего не оставалось дѣлать. Предвидя, что эту войну, отъ участія въ которой его устраняли такъ же точно, какъ и отъ предыдущихъ войнъ, постигнетъ та же участь, онъ лелѣялъ по-прежнему надежду войти въ переговоры съ Бонапартомъ, когда онъ возвратится изъ Египта.

Въ началѣ іюля, нѣсколько дней спустя послѣ свадьбы племянницы короля съ герцогомъ Ангулемскимъ, въ Митавскій замокъ пріѣхала жена одного изъ самыхъ преданныхъ королю лицъ г-жа Гюэ (Hue). Она разсказывала, что ей удалось выѣхать изъ Парижа, только благодаря тому, что г-жа Бонапартъ, которую она давно знала, оказала ей содѣйствіе при полученіи паспорта, въ которомъ ей сначала было отказано. Въ подтвержденіе своихъ словъ она показала копію съ письма, написаннаго Жозефиной, по ея просьбѣ, министру полиціи.

Въ письмѣ говорилось: „Гражданка Гюэ, мой давнишній другъ, которой я очень желала бы сдѣлать пріятное, проситъ о дозволеніи отправиться къ мужу. Я была бы вамъ премного обязана, если бы

вы сдѣлали все отъ васъ зависящее, чтобы доставить ей эту возможность, если къ тому не встрѣтится, какъ я полагаю, препятствія".

Эти нѣсколько строкъ свидѣтельствовали о томъ, что г-жа Гюэ не преувеличивала, говоря о дружбѣ, существовавшей между нею и вдовою графа Богарнэ въ то время, когда она еще не была супругою Бонапарта. Д'Авари, прочтя это письмо и разспросивъ г-жу Гюэ подробно относительно ихъ знакомства, открылся ей относительно плановъ, которые замышлялись въ Митавѣ.

По словамъ г-жи Гюэ, Жозефина была всегда предана монархіи, мужъ ее обожалъ и она имѣла на него вліяніе; во всякомъ случаѣ, не кто иной, какъ она, не могъ бы склонить Бонапарта взять на себя защиту интересовъ Людовика XVIII.

„Онъ очень подозрителенъ, ревнивъ и остороженъ", говорила г-жа Гюэ, „всегда боится, чтобы кто-нибудь не проникнулъ его мыслей и не предупредилъ его плановъ; но, лежа въ постели, наединѣ съ женою, онъ позволяетъ ей иногда говорить съ нимъ о дѣлахъ и угадывать его мысли".

Г-жа Гюэ предлагала сообщить своему другу, что именно отъ нея ожидали. Но такъ какъ въ письмѣ было неудобно излагать всей сущности дѣла, то это нужно было поручить какому-нибудь надежному лицу, которое, явясь къ г-жѣ Бонапартъ съ письмомъ, передастъ ей все, что надобно. Надежное лицо было вскорѣ найдено въ лицѣ дяди г-жи Гюэ, проживавшаго въ Парижѣ. Его звали Бріонъ. Человѣкъ пожилой, 65 лѣтъ, членъ парламента, разсудительный, не болтливый, благомыслящій, онъ былъ принятъ въ интимномъ кружкѣ г-жи Бонапартъ, бывалъ у нея часто и могъ, „пользуязь своимъ вліяніемъ на нее, склонить ее поговорить объ этомъ съ мужемъ".

Предложеніе г-жи Гюэ было тотчасъ принято и соотвѣтственныя письма заготовлены, но, по неизвѣстной причинѣ, они не были отправлены по назначенію и до декабря мѣсяца о нихъ не было болѣе рѣчи, а въ это время Бонапартъ вернулся изъ Египта, и переворотъ, совершенный 18 брюмера (9 ноября 1799 г.), предоставилъ власть въ его руки; тогда только въ Митавѣ снова ухватились за мысль прибѣгнуть къ помощи Жозефины, или предпочтительнѣе къ Бертье, который возвратился изъ Египта вмѣстѣ съ Наполеономъ и былъ поставленъ имъ во главѣ военнаго министерства.

„Я не думаю, чтобы было легко добраться до Бонапарта", писалъ д'Авари аббату де-ла-Марру, находившемуся въ Лондонѣ, „а тѣмъ болѣе расположить его въ пользу короля. Однако, слѣдуетъ попытаться; мнѣ кажется, что можно было бы надѣяться на успѣхъ, дѣйствуя чрезъ одного изъ близкихъ къ нему лицъ, напр., чрезъ Бертье или его супругу."

Въ запискѣ, составленной тѣмъ же д'Авари, эта мысль была выражена яснѣе и указывался даже практическій способъ ея осуществленія. Между прочимъ, д'Авари высказалъ, что единственный приличествующій королю шагъ — это написать собственноручно корсиканцу, коего честолюбіе будетъ этимъ польщено. „Король не унизитъ своего достоинства, написавъ человѣку, который прославился своими военными талантами, не запятналъ себя никакимъ преступленіемъ и пользуется неограниченной властью. Генрихъ IV говорилъ, что никакой шагъ, сдѣланный для спасенія народа, не можетъ назваться безчестнымъ, и самъ Карлъ II писалъ Монку".

И такъ, было рѣшено, что Людовикъ XVIII долженъ былъ написать Бонапарту и что это письмо долженъ былъ передать Бертье. Если бы Бертье отказался отъ этого, то оставалось одно средство,— прибѣгнуть къ посредничеству Жозефины, чрезъ г-жу Гюэ.

19 декабря король писалъ къ обоимъ генераламъ. Письмо къ Бонапарту, которое никогда не было имъ прочитано, замѣчательно его краснорѣчивымъ и высокомѣрнымъ тономъ. Оно проникнуто сознаніемъ королевскаго достоинства, съ какимъ Людовикъ XVIII отстаивалъ свои права во всѣхъ серьезныхъ обстоятельствахъ жизни.

„Вы не могли думать, генералъ, чтобы я отнесся равнодушно къ совершившимся великимъ событіямъ", писалъ Людовикъ, „но вы можете сомнѣваться относительно тѣхъ чувствъ, каковыя эти событія возбудили во мнѣ; они возбудили во мнѣ справедливую и твердую надежду. Мои взоры давно уже устремлены на васъ; я давно уже сказалъ себѣ, что побѣдитель при Лоди, Кастиліоне, Арколѣ, завоеватель Италіи и Египта будетъ избавителемъ Франціи; страстно любя славу, онъ не захочетъ, чтобы она была чѣмъ-либо омрачена, онъ захочетъ, чтобы отдаленнѣйшіе потомки благословляли его побѣды. Но до тѣхъ поръ, пока я видѣлъ въ васъ только одного изъ славнѣйшихъ военачальниковъ, я долженъ былъ скрывать свои чувства. Нынѣ, когда въ вашихъ рукахъ вмѣстѣ съ талантомъ сочеталась власть, настала пора высказаться и заявить вамъ о тѣхъ надеждахъ, какія я основываю на васъ.

„Генералъ, вы должны быть Цезаремъ или Монкомъ — инаго выбора у васъ нѣтъ. Я знаю, что роль перваго васъ не устрашитъ; но обратитесь къ вашему сердцу, и вы поймете, что блескъ вашихъ побѣдъ былъ бы омраченъ узурпаціей власти, тогда какъ слава Монка безупречна и можетъ быть превзойдена лишь той славою, какая ожидаетъ васъ. Произнесите одно слово, и тѣ самые роялисты, съ какими вы будете, быть можетъ, сражаться, пойдутъ за вами. Возвратите мнѣ армію, побѣдоносную подъ вашимъ предводительствомъ и которая, ведомая съ такимъ вождемъ, какъ вы, будетъ содѣйствовать

спасенію отечества. Я не говорю о благодарности вашего короля,— вамъ будутъ признательны всѣ грядущія поколѣнія. Если бы я обращался не къ Бонапарту, то я предложилъ бы за это награду, но великій человѣкъ долженъ самъ быть вершителемъ своей судьбы и судьбы своихъ друзей. Скажите мнѣ, что вы желаете для нихъ и для себя лично, и въ тотъ моментъ, когда я вступлю снова на престолъ, будутъ исполнены ваши желанія.

„Посылаю вамъ настоящее письмо съ надежнымъ лицомъ, но не боюсь скомпрометтировать себя, написавъ его. Подобный шагъ можетъ только служить къ чести монарха, который рѣшается сдѣлать его. Примите, генералъ, увѣреніе въ моемъ искреннемъ расположеніи, если вы присоединитесь ко мнѣ, если же вы останетесь моимъ врагомъ, то вѣрьте въ мое страстное желаніе встрѣтиться съ вами какъ можно скорѣе, на полѣ брани“.

Это письмо было написано въ двухъ экземплярахъ,—изъ коихъ одинъ рѣшено было дать генералу Бертье, а другой—Бріону на случай, ежели бы Бертье отказался брать на себя это порученіе. Маркизъ де-Ривьеръ, пріѣзжавшій въ Митаву для свиданія съ королемъ, взялся передать пакетъ съ письмами де-ла-Марру, который долженъ былъ препроводить ихъ по назначенію.

Въ инструкціяхъ, посланныхъ де-ла-Марру, было, самымъ подробнымъ образомъ, изложено все, что онъ долженъ былъ сказать Бертье или Бріону.

Его предостерегали относительно коварства и хитрости „корсиканца“, совѣтовали дѣйствовать крайне осторожно, вѣрить только тѣмъ обѣщаніямъ, какія будутъ даны письменно, и имѣть въ виду, что ходитъ слухъ, будто Бонапартъ намѣренъ возвести на французскій престолъ одиннадцатилѣтняго инфанта испанскаго. Неизвѣстно, былъ ли этотъ слухъ также на чемъ-нибудь основанъ, но онъ до такой степени взволновалъ Людовика XVIII, что король счелъ нужнымъ извѣстить объ этомъ императора Павла и умолялъ его разрушить эти планы. Во всякомъ случаѣ, этотъ слухъ доказывалъ, что Бонапартъ не любитъ французскихъ Бурбоновъ и что, если бы онъ задумалъ реставрировать монархію, то онъ сдѣлалъ бы это помимо Людовика XVIII. На случай, если бы де-ла-Марръ не могъ отправиться въ Парижъ, ему было разрѣшено воспользоваться услугами нѣкоего „Обера“, принявъ всѣ возможныя мѣры къ тому, чтобы вышеозначенныя письма „не были распространены въ копіяхъ, такъ какъ для дѣла было бы очень вредно, если бы Бонапартъ ознакомился съ содержаніемъ королевскаго письма до прочтенія его въ подлинникѣ“.

Имя Оберъ, упомянутое въ инструкціяхъ, не было настоящимъ именемъ того лица, которое подъ этимъ подразумѣвалось, это было

боевое прозвище, какія принимали въ то время, для безопасности, оставшіеся во Франціи королевскіе агенты, въ своей перепискѣ съ эмигрантами. Подъ этимъ прозвищемъ скрывался молодой депутатъ Ройэ-Колларъ (Royer Collard), извѣстный своей преданностью монархіи; онъ игралъ, впослѣдствіи, во Франціи видную роль на государственномъ поприщѣ.

II.

Получивъ пакетъ для передачи аббату де-ла-Марръ, маркизъ де-Ривьеръ выѣхалъ изъ Митавы 20 декабря въ Англію, но, прибывъ въ Лондонъ, уже не засталъ тамъ аббата, который, подвергаясь постоянно непріятностямъ со стороны приближенныхъ проживавшаго въ Лондонѣ брата Людовика XVIII, графа Артуа, убѣдился въ томъ, что ему невозможно дѣйствовать въ этомъ городѣ съ пользою для короля, и рѣшилъ уѣхать во Францію. Такимъ образомъ, Ривьеръ не могъ исполнить данное ему порученіе и вскорѣ долженъ былъ отказаться отъ мысли передать пакетъ по назначенію, узнавъ, что аббатъ пробывъ нѣсколько недѣль въ Парижѣ, отправился въ Россію. Вслѣдствіе этого неожиданнаго препятствія, всѣ заготовленныя инструкціи, письма и полномочія не могли быть употреблены въ дѣло. О нихъ не было болѣе рѣчи, такъ какъ, въ виду поѣздки де-ла-Марра въ Митаву, они оказались безполезны.

Де-ла-Марръ пріѣхалъ въ Митаву вторично въ исходѣ января 1800 г., съ цѣлью повергнуть на благоусмотрѣніе короля новый планъ, зародившійся въ его головѣ во время поѣздки во Францію, и навѣянный бесѣдами съ роялистами.

Во время своего пребыванія въ Англіи, онъ убѣдился въ полной неспособности и крайнемъ легкомысліи всѣхъ приближенныхъ графа Артуа; спѣсивые, тщеславные, болтливые, они соперничали другъ съ другомъ, относились недовѣрчиво къ самымъ преданнымъ слугамъ короля, хотѣли все знать, всѣмъ руководить, все забрать въ свои руки, распоряжаться судьбою всѣхъ эмигрантовъ, находившихся въ Англіи, возвращенію коихъ во Францію они энергично препятствовали, относясь въ то же время презрительно къ власти короля, которой онъ не могъ, пользоваться, живя въ далекой Россіи, и которую онъ долженъ былъ поэтому предоставить всецѣло брату.

Аббатъ подтвердилъ все то, что уже давно было извѣстно въ Митавѣ, а именно, что благодаря безхарактерности и слабости графа Артуа, подъ его покровительствомъ образовалась въ Лондонѣ оппо-

зиція королю, которая старалась дѣйствовать наперекоръ всѣмъ его планамъ, чернить его агентовъ и препятствовать осуществленію всѣхъ мѣръ, какія принимались по иниціативѣ короля, безъ предварительнаго совѣщанія съ его братомъ. Такимъ образомъ, въ то время, какъ король добивался въ Россіи позволенія стать во главѣ арміи Суворова, посланной въ Швейцарію, графъ Артуа, велъ о томъ же переговоры съ Англіей.

По пріѣздѣ въ Лондонъ, де-ла-Марръ убѣдился въ томъ, что приближеннымъ графа Артуа было извѣстно о намѣреніи Людовика XVIII войти въ сношеніе съ Бонапартомъ; они осуждали этотъ планъ, по той причинѣ, что онъ былъ выработанъ не въ Лондонѣ. Епископъ Арраскій утверждаетъ, что къ выполненію его нельзя было приступить, не предупредивъ о томъ англійскихъ министровъ, которыхъ онъ считалъ „настоящими министрами Людовика XVIII".

Но, пріѣхавъ въ Парижъ, аббатъ нашелъ тамъ большія перемѣны, которыя произвели на него самое благопріятное впечатлѣніе.

Агенты роялистской партіи, къ услугамъ коихъ прибѣгали до 18 фруктидора, куда-то исчезли. Дѣла монархіи находились въ рукахъ почтенныхъ людей, принадлежавшихъ къ избранному классу, которые занимались ими совершенно безкорыстно, тѣмъ съ бо̀льшимъ успѣхомъ, что они не были замѣшаны въ прежнихъ интригахъ роялистовъ.

Познакомившись съ ними чрезъ Ройэ-Коллара (Обера), де-ла-Марръ видѣлъ, что они заслуживали полнаго довѣрія короля какъ по своему положенію въ свѣтѣ, такъ и по своимъ нравственнымъ качествамъ. Убѣжденный въ томъ, что всѣ бѣдствія страны могли быть устранены съ реставраціей Бурбоновъ, они обсуждали вмѣстѣ съ посланнымъ Людовика XVIII средства, коими возможно было этого достигнуть, и пришли единодушно къ убѣжденію, что въ Парижѣ надобно было учредить королевскій совѣтъ, изъ трехъ или четырехъ членовъ, имена которыхъ были бы извѣстны только королю съ тѣмъ, чтобы войти чрезъ нихъ въ сношеніе не только съ Бонапартомъ, но и съ нѣкоторыми другими лицами, занимавшими видное положеніе въ республикѣ. Этотъ новый проектъ, выработанный Ройэ-Колларомъ, рѣшено было послать на утвержденіе Людовика XVIII.

Осторожный аббатъ, на котораго было возложено это порученіе, выразилъ желаніе, чтобы вмѣстѣ съ нимъ въ Россію было послано другое лицо, въ качествѣ депутата отъ Парижскихъ роялистовъ.

Таковымъ былъ избранъ нѣкто Мезьеръ (Mézières), имя котораго встрѣчается во всѣхъ актахъ, относящихся до послѣдующихъ переговоровъ, происходившихъ въ Митавѣ.

Король, графъ де-Сенъ-Пріестъ и его другъ графъ д'Авари по-

святили нѣсколько дней на изученіе бумагъ, привезенныхъ аббатомъ, въ коихъ подробно излагались причины, требовавшія настоятельно учрежденія королевскаго совѣта, и вопросы, кои должны были подлежать его обсужденію.

„Надобно ниспровергнуть существующее правительство и возстановить монархію“, говорилось въ проектѣ, составленномъ Ройэ-Колларомъ. „Провозгласивъ короля, надобно вступить въ управленіе страною до его пріѣзда. Тѣхъ лицъ, кои хлопочутъ о возстановленіи монархіи, не достаточно для управленія, потому необходимо организовать совѣтъ, который долженъ имѣть полномочія для совершенія переворота и для дальнѣйшихъ дѣйствій.

Прежде всего, и какъ можно скорѣй, слѣдовало, по мнѣнію роялистовъ, составить совѣтъ изъ трехъ лицъ, предсѣдателемъ котораго былъ намѣченъ фельдмаршалъ маркизъ де Клермонъ-Галлерандъ (Clermon-Gallerande), возвратившійся въ Парижъ изъ эмиграціи и извѣстный своей преданностью монархіи. У него были въ Парижѣ большія связи и его салонъ былъ однимъ изъ наиболѣе посѣщаемыхъ. Себѣ Ройэ-Колларъ предназначалъ должность секретаря совѣта, на которомъ должна была лежать вся переписка, онъ же былъ бы докладчикомъ и душою всего дѣла.

Къ проекту былъ приложенъ списокъ лицъ, кои живо интересовались вопросами монархіи и коихъ Ройэ-Колларъ считалъ весьма желательными сотрудниками.

Замѣчая, что „всѣ эти лица богаты“, онъ присовокуплялъ, что они обидятся, если имъ предложатъ какое-либо жалованье, но что для нихъ будетъ дорого всякое изъявленіе королевскаго благоволенія.

Всѣ названныя лица, или по крайней мѣрѣ большинство изъ нихъ принимали участіе въ революціи, но это составляло, по мнѣнію Ройэ-Коллара, ихъ преимущество, такъ какъ республиканское правительство не могло ихъ опасаться, что было бы неизбѣжно, если бы они находились въ близкихъ сношеніяхъ съ извѣстными роялистами. Всѣ эти лица требовали безусловной тайны и въ особенности не хотѣли, чтобы ихъ имена были извѣстны въ Англіи.

Относительно этого пункта Ройэ-Колларъ писалъ:

„Мнѣ поручено заявить самымъ настоятельнымъ образомъ, что мы не желаемъ имѣть какого бы то ни было дѣла съ королевскими агентами, проживающими въ Англіи, кто бы они ни были. Мы вполнѣ довѣряемъ г. де-Казалесу, но ежели е. в. сочтетъ нужнымъ поручить ему веденіе своихъ дѣлъ или повелитъ ему дѣйствовать совмѣстно съ нами, то мы заявляемъ, что мы не войдемъ въ сношеніе съ нимъ до тѣхъ поръ, пока онъ будетъ находиться въ Лондонѣ.

На это есть двѣ причины двоякаго рода, во-первыхъ, мы не можемъ въ принципѣ довѣрять англичанамъ; мы видимъ, что всѣ порученія возлагаются или на людей неспособныхъ, болтливыхъ, вся заслуга коихъ состоитъ въ умѣньи интриговать; во-вторыхъ, мы причинили бы этимъ существенный ущербъ интересамъ его величества, ибо все, что идетъ изъ Англіи, находится въ подозрѣніи въ Парижѣ, и достаточно имѣть сношенія съ Великобританіей, чтобы уронить себя во мнѣніи во Франціи. Мы не хотимъ, чтобы насъ смѣшивали съ агентами, кои могли бы быть назначены лицами, пользующимися довѣріемъ англійскаго короля. Наконецъ, мы настоятельно требуемъ, чтобы имъ не открывали нашихъ именъ, и, вообще, чтобы имъ не говорили о насъ".

Вполнѣ понимая и даже раздѣляя эти опасенія, король нашелъ, тѣмъ не менѣе, требованія Ройэ-Колларъ чрезмѣрными. Онъ, конечно, взглянулъ бы на дѣло иначе, если бы ему были извѣстны интриги, происходившія въ то время въ Лондонѣ.

Въ исходѣ 1798 или въ теченіе 1779 года, три роялиста проживали во Франціи: кавалеръ де Куаньи (chevalier de Coigny), баронъ Гидъ де Невилль (baron Hyde de Neuville) и графъ де Креноль (comte de Crénolles) составили планъ низвергнуть директорію и провозгласить монархію, поставивъ до возвращенія короля, во главѣ администраціи, роялистовъ.

Когда главными участниками этого заговора все было подготовлено, двое изъ нихъ Гидъ де Невилль и Креноль отправились въ Лондонъ съ цѣлью представить его на обсужденіе графа Артуа, просить у него соотвѣтствующихъ полномочій и средствъ необходимыхъ для выполненія предпріятія, а также содѣйствія нѣсколькихъ сотъ роялистовъ. Графъ Артуа сообщилъ этотъ планъ англійскому кабинету. Питтъ и лордъ Гренвиль одобрили его и изъявили согласіе дать двадцать тысячъ фунтовъ стерлинговъ, обѣщая дать впослѣдствіи еще столько же.

Между тѣмъ, графъ Артуа, узнавъ стороною о планахъ Ройэ-Коллара и его друзей, былъ весьма недоволенъ тѣмъ, что въ Парижѣ образовалась группа роялистовъ, которые намѣревались дѣйствовать помимо его, и рѣшилъ воспользоваться согласіемъ англійскихъ министровъ поддержать проектъ Куаньи, какъ удобнымъ случаемъ, чтобы упрочить свое вліяніе. По его просьбѣ Куаньи и Гиду Невиллю было разрѣшено образовать для контроля за расходованіемъ денегъ „англійскій комитетъ", подчиненный только ему, графу Артуа, и коммиссару Викгаму. 12 ноября Гидъ де Невилль и Креноль отправились обратно во Францію, получивъ изрядную сумму денегъ и полномочія для дальнѣйшихъ дѣйствій. Но, пока они вели пере-

говоры въ Лондонѣ, Бонапартъ совершилъ переворотъ 18 брюмера (9 ноября 1779 г.), предоставившій власть въ его руки.

Когда Куаньи и Невилль высадились въ Нормандіи, директоріи и совѣта пятисотъ не существовало. Планы Куаньи разлетѣлись прахомъ; остался только англійскій комитетъ, которому было поручено извлечь, подъ наблюденіемъ великобританскаго правительства, возможную выгоду изъ совершившихся событій.

Объ этихъ интригахъ не было извѣстно дальновидному Ройэ-Коллару, ни аббату де-ла Марръ; графъ Артуа извѣстилъ Людовика XVIII о новомъ планѣ роялистовъ лишь 15 ноября и такъ какъ посланному съ этимъ извѣстіемъ капитану Попгаму, въ виду зимняго времени, пришлось ѣхать кружнымъ путемъ, то онъ добрался въ Россію лишь въ началѣ марта 1799 г.; такимъ образомъ, король узналъ о проектѣ возвести его на престолъ четыре мѣсяца спустя послѣ того, какъ текущія событія сдѣлали этотъ проектъ неосуществимымъ.

Крайне недовольный тѣмъ, что его не предупредили ранѣе, Людовикъ XVIII былъ еще болѣе недоволенъ, узнавъ о существованіи англійскаго комитета, возникшаго безъ его вѣдома и одобренія. Его неудовольствіе было вполнѣ понятно, такъ какъ его собственные агенты не могли получать субсидій отъ Англіи, коль скоро она осыпала деньгами агентовъ графа Артуа тѣхъ лицъ, кои пользовались расположеніемъ коммиссара Викгама; какъ напр. генерала Преси, который получилъ 56 тысячъ луидоровъ для субсидированія возстанія въ Ліонѣ; самому англійскому комитету было выдано 20 тысячъ фунтовъ стерлинговъ; только одни агенты короля ничего не получали.

Надобно замѣтить, что англійскій комитетъ, въ теченіе своего кратковременнаго существованія, не сдѣлалъ ничего заслуживающаго вниманія, а только растратилъ часть выданныхъ ему денегъ и посѣлилъ раздоръ среди роялистовъ, и Людовикъ XVIII, считавшій недовѣріе Ройэ-Коллара къ Англіи преувеличеннымъ, радовался впослѣдствіи тому, что онъ обязался не сообщать своему брату и англійскому правительству имена членовъ королевскаго совѣта.

Но все-таки было необходимо установить извѣстную связь между королевскимъ совѣтомъ и графомъ Артуа, дабы совѣтъ могъ, въ случаѣ надобности, прибѣгнуть къ его посредничеству въ своихъ сношеніяхъ съ великобританскимъ правительствомъ. Ройэ-Колларъ предложилъ послать къ графу Артуа уполномоченнымъ отъ королевскаго совѣта барона Андрэ, эмигрировавшаго въ Германію послѣ 18 фруктидора, человѣка осторожнаго и надежнаго; на что король изъявилъ свое согласіе.

Что касалось денежныхъ средствъ, то такъ какъ на субсидію изъ Англіи нельзя было разсчитывать, то было рѣшено сдѣлать пятипроцентный заемъ на два милліона, съ уплатою „два года спустя послѣ реставраціи". Нашелся и банкиръ, обѣщавшій дать денегъ.

Наконецъ, Людовикъ XVIII рѣшилъ написать собственноручно Бонапарту и нѣкоторымъ вліятельнымъ лицамъ, а если бы переговоры съ ними не увѣнчались успѣхомъ, то вызвать во Франціи всеобщее возстаніе, давъ для этого особыя полномочія генераламъ Пишегрю и Вилло.

Король и его ближайшіе совѣтники трудились нѣсколько дней надъ составленіемъ подробныхъ инструкцій, полномочій, писемъ на имя Бонапарта, консула Лебрена, генерала Моро, маркиза Клермонъ-Галлерандъ, барона Андрэ, маркизы де Праконталь и нѣкоторыхъ другихъ генераловъ и гражданскихъ властей.

Несмотря на всѣ эти старанія, въ Митавѣ видимо не заблуждались относительно того, что можно было ожидать отъ молодаго генерала Бонапарта, за которымъ вся Европа слѣдила съ удивленіемъ и восторгомъ. Вручая аббату де-ла Марру письмо Людовика XVIII къ Бонапарту, д'Авари сказалъ ему съ оттѣнкомъ грусти:

— Это очень дорогой билетъ на лотерею, въ которой весьма мало шансовъ на выигрышъ.

А король, прощаясь съ аббатомъ, настоятельно просилъ его, чтобы его агенты дѣйствовали осторожно, и закончилъ бесѣду слѣдующимъ напутствіемъ:

— Пусть они твердо помнятъ, что при настоящихъ обстоятельствахъ надобно пользоваться моментомъ.

Людовикъ XVIII ни разу не пожалѣлъ о сдѣланномъ шагѣ и когда побѣда, одержанная Наполеономъ подъ Маренго, и неудавшееся покушеніе 3-го нивоза (24 декабря 1800 г.) окончательно разрушили его надежды, онъ говорилъ:

„Написавъ корсиканцу, я сдѣлалъ то, что повелѣвалъ мнѣ долгъ. За генераломъ революціонной арміи могъ скрываться второй Монкъ, къ тому же Бонапартъ не запятналъ себя никакимъ преступленіемъ".

III.

Уѣхавъ изъ Митавы, де-ла Марръ спѣшилъ и прибылъ въ Парижъ въ началѣ апрѣля.

Благодаря тому, что все уже было подготовлено Ройэ-Колларомъ, ему удалось въ нѣсколько дней образовать „королевскій совѣтъ", въ

*

составъ котораго вошли: Клермонъ-Галлерандъ, принявшій на себя званіе предсѣдателя, аббатъ Монтескье, занимавшій видное мѣсто среди французскаго духовенства и Ройэ-Колларъ. Всѣ эти лица были одинаково преданы королю, всѣ они знали другъ друга и относились другъ къ другу съ полнымъ довѣріемъ и уваженіемъ. Для безопасности они приняли вымышленныя имена, коими они обозначались въ перепискѣ съ королемъ. Ройэ-Колларъ назывался, какъ мы уже знаемъ, Оберомъ; Клермонъ-Галлерандъ—Сенъ-Пьеромъ; Монтескье назывался Прюданъ (Prudent), баронъ Андрэ—Кильенъ.

Въ исходѣ апрѣля дѣло было налажено, и вновь учрежденный королевскій совѣтъ занялся ознакомленіемъ съ данными ему инструкціями, какъ вдругъ, 2 мая, было получено письмо д'Авари, который извѣщалъ объ учрежденіи англійскаго комитета и о порученіи, данномъ де Куаньи.

Это извѣстіе крайне раздражило аббата и его сотрудниковъ, которые видѣли въ этомъ нарушеніе королемъ ихъ тайны, и не желая имѣть никакого дѣла съ де Куаньи, уполномоченнымъ „изъ Англіи", рѣшили единогласно сложить съ себя свои обязанности и препроводить королю прошеніе объ отставкѣ.

Оно было получено въ Митавѣ на другой день послѣ побѣды при Маренго, которая еще болѣе ухудшила положеніе короля. Рѣшеніе, принятое его парижскими агентами, „очень опечалило" Людовика XVIII, такъ какъ это лишало его услугъ весьма дѣятельныхъ и преданныхъ ему людей.

„Напрасно старался я сдѣлать видъ, что считаю ихъ рѣшеніе не окончательнымъ", писалъ король, „и отвѣтилъ имъ въ этомъ смыслѣ; въ письмахъ, полученныхъ мною со слѣдующимъ курьеромъ, они еще разъ подтвердили свое рѣшеніе, объяснивъ побудившія ихъ къ тому причины. Побѣды, одержанныя узурпаторомъ, въ связи съ нашими собственными ошибками, на долго обезпечатъ Бонапарту свободу дѣйствій".

Отвѣтъ де-ла Марра на письмо д'Авари былъ написанъ въ весьма рѣзкихъ выраженіяхъ. Не желая оставаться между молотомъ и наковальней и подвергаться разспросамъ со стороны де Куаньи или посѣщеніями г-жи д'Анжу, о которой онъ слышалъ впервые, онъ рѣшилъ немедленно уѣхать изъ Парижа. Онъ писалъ, что Куаньи. назначенный членомъ королевскаго совѣта, былъ болтливъ, не сдержанъ, „всегда окруженъ женщинами, отъ которыхъ у него не было тайнъ; онъ выдавалъ себя публично за агента Людовика XVIII, хвасталъ тѣмъ, что его такъ называли въ газетахъ; среди его друзей были лица самыя недостойныя и ему покровительствовалъ нѣкто Дютейль (Duteil), агентъ короля англійскаго, недостойный интриганъ". „Куда

дѣвались милліоны, прошедшіе чрезъ руки этого Дютейля"? спрашивалъ аббатъ, „куда дѣвались значительныя суммы, данныя Куаньи? Здѣсь нѣтъ ни одного человѣка, который могъ бы думать, что въ распоряженіе агентовъ отпускаются такія огромныя суммы".

Но мало-по-малу члены королевскаго совѣта успокоились и дали слово не бросать своихъ обязанностей до полученія разрѣшенія отъ короля. Они узнали вскорѣ, что Людовикъ XVIII, назвавъ своему брату маркиза де Клермонъ-Галлеранда, не обмолвился ни словомъ о прочихъ членахъ королевскаго совѣта. Успокоившись на этотъ счетъ, тѣмъ болѣе, что де Куаньи не дѣлалъ никакихъ попытокъ сблизиться съ ними, члены совѣта остались на своихъ мѣстахъ; а графъ Артуа, недовольный тѣмъ, что дѣло хранилось отъ него въ тайнѣ, всѣми силами старался проникнуть тайну.

Въ іюнѣ мѣсяцѣ онъ вызвалъ барона Андрэ на свиданіе въ Эдинбургъ и доказывалъ ему необходимость перенести дѣятельность совѣта, въ которомъ предсѣдательствовалъ Клермонъ-Галлерандъ, изъ Парижа въ Лондонъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ потребовалъ, чтобы ему назвали имена агентовъ, Андрэ рѣшительно отказался отъ этого; ни просьбы, ни угрозы не заставили его выдать тайны. Тогда графъ Артуа пожаловался королю на отсутствіе къ нему довѣрія, но Людовикъ XVIII одобрилъ Андрэ, хотя сознавалъ, что упорство его агентовъ, не согласовавшееся съ видами великобританскаго министерства, должно было раздражить его.

Графъ Артуа не настаивалъ. Онъ обѣщалъ даже ходатайствовать у англійскаго министерства о передачѣ Андрэ извѣстной суммы денегъ для королевскаго совѣта. Но, быть можетъ, онъ хлопоталъ не довольно энергично или же англійское правительство было само обижено отказомъ, какъ бы то ни было, Андрэ направили къ Викгаму, и недоброжелательный великобританскій коммиссаръ ничего не далъ ему для парижскихъ агентовъ, тогда какъ агенты, находившіеся въ Англіи, были засыпаны деньгами.

Таковъ былъ результатъ неосторожности, сдѣланной королемъ, назвавшимъ графу Артуа Клермонъ-Галлеранда.

Онъ сдѣлалъ еще одну ошибку, поручивъ г-жѣ Андрэ войти въ сношенія съ де-ла Марромъ.

Въ числѣ приближенныхъ короля, пріѣхавшихъ съ нимъ въ Митаву, находился кавалеръ Анжу, который велъ оживленную переписку съ своей невѣсткой Генріеттой Анжу, вдовою роялиста, убитаго въ рядахъ арміи Кондэ, проживавшей во Франціи.

Эта молодая женщина со времени возстанія въ Вандеѣ примкнула къ королевской партіи и приняла дѣятельное участіе въ бурныхъ событіяхъ, которыя совершались вокругъ нея. Не жалѣя средствъ и

даже съ опасностью жизни она оказала многочисленныя услуги членамъ королевской партіи.

Съ окончаніемъ возстанія въ Вандеѣ, она поселилась въ Парижѣ, подъ именемъ г-жи Блондель.

Быстро составивъ себѣ знакомства въ роялистскихъ кружкахъ Парижа, умѣя наблюдать, прислушиваться и запоминать, она часто сообщала своему зятю, въ Митаву, выводы изъ своихъ наблюденій и свѣдѣнія, которыя могли интересовать эмигрантовъ, передавала ему планы роялистовъ, все, что говорилось въ правящихъ кругахъ, что говорили и дѣлали Бонапартъ, Фуше, Талейранъ и т. п. Анжу показалъ однажды эти письма д'Авари, который, прочитавъ ихъ, понялъ, что писавшая ихъ женщина была умна, имѣла связи и что ея содѣйствіемъ нельзя было пренебрегать. Между ними завязалась переписка (это было въ исходѣ 1799 г.), продолжавшаяся безъ перерыва цѣлый годъ.

Эта корреспонденція обратила на себя особенное вниманіе короля, который такъ же, какъ и д'Авари, очень дорожилъ ею.

Въ ноябрѣ мѣсяцѣ 1800 г. г-жа Анжу была арестована. Полиція уже два года выслѣживала ее, какъ „проживающую въ Парижѣ корреспондентшу всѣхъ революціонныхъ партій", которая мѣняла каждые три мѣсяца квартиру, чтобы сбить съ толку полицію. Узнавъ объ ея арестѣ, Людовикъ XVIII писалъ собственноручно Андрэ, прося его сдѣлать все возможное, чтобы добиться ея освобожденія.

Кромѣ де Куаньи и г-жи Анжу, о пріѣздѣ въ Парижъ де-ла Марра былъ извѣщенъ Казалесъ, котораго аббатъ считалъ въ числѣ своихъ друзей.

Въ исходѣ 1799 г., одинъ изъ близкихъ къ Бонапарту людей писалъ Казалесу, находившемуся въ Лондонѣ, отъ имени перваго консула, что, если ему нужно, по своимъ дѣламъ, быть въ Парижѣ, то онъ можетъ пріѣхать, что ему будетъ выданъ паспортъ. Казалесъ не думалъ возвращаться во Францію. Его имѣніе было конфисковано, и онъ очутился бы во Франціи безъ всякихъ средствъ, тогда какъ, живя въ Англіи, онъ получалъ, какъ эмигрантъ, пенсію отъ англійскаго правительства. Но, принявъ сдѣланное ему дружеское сообщеніе за шагъ со стороны Бонапарта, онъ предложилъ королю свои услуги, давъ понять, что онъ могъ бы быть „надежнымъ посредникомъ въ его сношеніяхъ съ первымъ консуломъ", сознаваясь, впрочемъ, откровенно, что каковъ бы ни былъ посредникъ, на благопріятный исходъ переговоровъ трудно было разсчитывать, такъ какъ на Бонапарта никто не имѣлъ вліянія; крайне недовѣрчивый и скрытный, онъ былъ, повидимому, мало доступенъ любви и дружескимъ чувствамъ; даже его супруга, по словамъ Казалеса, была не въ состояніи измѣнить его рѣшеній.

„Жена и любимая дочь Кромвеля, были горячія монархистки“ писалъ Казалесъ, въ видѣ исторической справки, „но ни ихъ мольбы, ни горячее заступничество не спасли Карла I отъ эшафота. Говорятъ, что это свело его дочь въ могилу, и что, лежа на смертномъ одрѣ, не могла вызвать со стороны отца ни слова сожалѣнія по отношенію къ его законному монарху“.

Несмотря на сомнѣнія Казалеса въ успѣхѣ дѣла, король рѣшилъ воспользоваться его услугами и предложилъ ему, въ апрѣлѣ мѣсяцѣ, отправиться въ Парижъ.

Въ это время въ Митаву такъ и сыпались со всѣхъ сторонъ предложенія услугъ съ цѣлью повліять на Бонапарта. По словамъ д'Авари, „можно было подумать, что нѣтъ ничего легче, какъ получить къ нему доступъ“. Изъ этого можно заключить, что въ іюлѣ мѣсяцѣ 1800 года всѣ уже знали, или, по крайней мѣрѣ, подозрѣвали о томъ, что Людовикъ XVIII хотѣлъ войти въ сношеніе съ Бонапартомъ.

Письмо Людовика XVIII еще не было передано Бонапарту, который находился въ Италіи, и аббатъ Монтескье подыскивалъ надежнаго человѣка, который могъ бы отвезти ему королевское посланіе. Но объ этомъ письмѣ уже говорили въ парижскихъ салонахъ, въ арміи и даже среди свиты Бонапарта. Разсказывали, что, узнавъ о немъ, первый консулъ отъ души смѣялся надъ простодушіемъ сверженнаго короля, который льстилъ себя надеждою получить изъ его рукъ корону, не сражаясь за нее. Эти насмѣшки и упреки, доходившіе до Людовика XVIII, выводили его изъ себя.

Насмѣхаясь надъ мечтами Людовика XVIII, Бонапартъ говорилъ:

— Я могъ бы, конечно, посадить короля на престолъ. Но какая была бы отъ этого польза? Не трудно посадить короля на престолъ, но трудно реставрировать монархію.

Говорили также, что, не имѣя ничего противъ реставраціи Бурбоновъ, но отказавшись отъ мысли предложить корону инфанту испанскому, Бонапартъ думалъ передать ее герцогу Ангулемскому.

Этимъ слухамъ вѣрили только въ Лондонѣ и Митавѣ, гдѣ они усердно обсуждались, но это не подвигало рѣшенія вопроса, которымъ былъ занятъ Людовикъ XVIII. Онъ удивлялся тому, что его парижскіе агенты дѣйствовали слишкомъ медленно.

„Какъ объяснить ихъ поведеніе въ этомъ случаѣ“? писалъ онъ въ своихъ мемуарахъ. „Вмѣсто того, чтобы воспользоваться письмомъ немедленно или уничтожить его, они хранили его шесть или семь мѣсяцевъ въ своемъ портфелѣ. Въ это время интересы наслѣдника престола сильно пострадали. Иностранныя державы и даже самъ Павелъ I,

приковавъ Людовика XVIII къ Митавѣ, играли въ руку честолюбивымъ замысламъ Бонапарта, такъ что агенты короля, ничѣмъ не объяснившіе свое бездѣйствіе, передавъ письмо короля, когда уже было поздно, могли передать ему лишь запоздалый и неискренній отвѣтъ".

Эти жалобы были не вполнѣ справедливы. Аббатъ Монтескье не спѣшилъ передать письмо короля по совѣту тѣхъ лицъ, кои видали часто Бонапарта, и выражали сомнѣніе въ томъ, что его предложенія будутъ приняты первымъ консуломъ благосклонно.

Въ числѣ этихъ лицъ была г-жа де Шансенэ (Champcenetz), вдова писателя, погибшаго на гильотинѣ во время террора. Эта умная особа, очень преданная королю, но большая интригантка, была дружна съ женою Бонапарта и увѣряла Монтескье, что моментъ для передачи письма не былъ благопріятенъ, что надобно было сперва подготовить почву, дѣйствуя чрезъ Жозефину, которая, по ея словамъ, вполнѣ раздѣляла ея собственные взгляды. Г-жа Шансенэ совѣтовала вооружиться терпѣніемъ и, чтобы придать болѣе вѣса своимъ словамъ, передавала аббату слышанное ею въ семьѣ Бонапарта, отъ него самого или отъ его жены.

Между прочимъ, она разсказывала, что однажды утромъ, первый консулъ, бесѣдуя съ Вольнеемъ и Камбасересомъ, сказалъ:

— Я полагаю, что я чувствовалъ бы себя очень несчастнымъ, если бы я участвовалъ въ смертномъ приговорѣ такого прекраснаго человѣка, какимъ былъ Людовикъ XVI.

Передавая эти слова г-жѣ Шансенэ, Жозефина особенно настаивала на томъ, что они были сказаны „подъ вліяніемъ сочиненія о революціи, прочитаннаго ею своему мужу".

— Вы не можете себѣ представить, говорила она, какъ мало онъ знакомъ съ исторіей революціи, въ ея отдѣльныхъ эпизодахъ. Занятый военной службою, онъ не слѣдилъ за ходомъ событій. Это и было главнымъ образомъ причиною того, что онъ ошибался въ выборѣ людей. Ему хвалили иной разъ того или другаго человѣка, предлагая его въ руководители той или другой партіи; и онъ бралъ ихъ, не обращая вниманія на ихъ образъ мыслей и предъидущую дѣятельность.

Изъ этихъ словъ г-жа Шансенэ выводила заключеніе, что Жозефина была роялистка, что на нее можно было разсчитывать, но что ей нужно было время для того, чтобы склонить своего мужа на сторону короля. Убѣжденный этими доводами, Монтескье выжидалъ.

Эта медлительность и отсутствіе непосредственныхъ извѣстій изъ Парижа, въ связи съ побѣдами, одержанными Бонапартомъ и Моро и предстоявшимъ заключеніемъ мира—тревожило Людовика XVIII,

такъ же точно, какъ и отношеніе къ нему императора Павла I, который оказывалъ ему всевозможные знаки личнаго вниманія, но упорно держался по отношенію къ нему той же системы, какъ Англія и Австрія, которую Людовикъ XVIII опредѣлялъ такъ: „Все для короля, но ничего при его содѣйствіи".

Король раздражался, и его озлобленіе росло ежечасно по мѣрѣ того, какъ увеличивалась его нужда и какъ онъ сознавалъ все яснѣе полную невозможность удовлетворить свои нужды и чѣмъ-либо помочь эмигрантамъ, которые очень нуждались. Онъ волновался, выходилъ изъ себя, умолялъ царя послать его въ Бретань во главѣ шестнадцатитысячной русской арміи, которая находилась, со времени послѣдней кампаніи, на о. Джерсей, былъ готовъ принять участіе въ проектѣ Дюмурье, который предлагалъ императору Павлу послать десантъ въ Нормандію, мечталъ тайкомъ уѣхать изъ Россіи, чтобы быть ближе къ Франціи, и, наконецъ, задумалъ склонить на свою сторону общественное мнѣніе, издавая памфлеты противъ Бонапарта, и обратилъ съ этой цѣлью вниманіе на талантливаго писателя Ривароля, поставившаго себѣ цѣлью защищать монархію перомъ. Ривароль эмигрировалъ, жилъ долгое время въ окрестностяхъ Гамбурга и часто видѣлся съ Дюмурье, который былъ любовникомъ его сестры. Зная его образъ мыслей, Дюмурье ручался въ его преданности монархіи.

Людовикъ XVIII ухватился за эту мысль и написалъ Риваролю, какого рода услугъ онъ ожидалъ отъ него. Эта записка привела въ восторгъ писателя, который потребовалъ на изданіе памфлетовъ извѣстную сумму денегъ, каковая и была немедленно выдана ему, несмотря на то, что средства королевской казны были истощены.

Но не всѣ раздѣляли мнѣніе короля, полагавшаго, что только нападки на Бонапарта могли поколебать его власть. Многіе корреспонденты Людовика XVIII высказывали мысль, что было бы лучше дѣйствовать убѣжденіемъ, нежели силой, что слѣдовало не нападать на перваго консула, а польстить ему, убѣдить его въ томъ, что только монархія, реставрированная при его помощи, могла дать ему всѣ преимущества. Одинъ изъ этихъ корреспондентовъ, датскій генералиссимусъ принцъ Карлъ Гессенскій, убѣжденный въ томъ, что Бонапартъ никогда не согласится уступить королю власть, которой онъ пользовался во Франціи, если ему не будетъ дано соотвѣтственное вознагражденіе, совѣтовалъ пожаловать ему титулъ „великаго герцога миланскаго и генуэзскаго" и дать ему во Франціи „первое мѣсто послѣ дофина съ титуломъ королевскаго высочества и перваго союзника". Этимъ была бы устранена, по его мнѣнію, опасность, которой угрожало бы постоянно его присутствіе во Франціи, въ свитѣ короля.

Подобную же мысль высказалъ Бурманъ въ запискѣ, препровожденной въ Митаву чрезъ г-жу Анжу, убѣжденный такъ же точно, какъ и принцъ Гессенскій, въ томъ, что Бонапартъ „не захочетъ быть подданнымъ", онъ полагалъ, что ему слѣдовало дать самостоятельное положеніе въ Италіи. Бонапартъ жаждалъ власти, могущества и безопасности, онъ могъ бы пользоваться всѣмъ этимъ, если бы, въ силу мирнаго договора, германскій императоръ уступилъ Миланскую область королю Сардинскому, а Савойя, графство Ницкое и вся мѣстность отъ Генуи до Савоны остались бы за Франціей.

Парма, Модена и Генуэзскій округъ къ востоку отъ Савоны могли образовать республику, которая, на подобіе Батавской, была бы занята первое время французскими войсками. По подписаніи договора и возвращеніи короля въ Парижъ, Людовикъ XVIII отдалъ бы вновь учрежденную республику Бонапарту въ потомственное владѣніе.

Ближайшее будущее показало, насколько призрачны были эти планы. Но въ Митавѣ они обсуждались, хотя трудно сказать, придавали ли имъ серьезное значеніе; по крайней мѣрѣ, обсужденіе подобныхъ проектовъ наполняло пустоту жизни. Въ то время, какъ Бонапартъ осуществлялъ свои широкіе замыслы, Людовикъ XVIII и д'Авари, склонясь надъ географическою картою, съ карандашемъ въ рукахъ, выкраивали для честолюбиваго и побѣдоноснаго генерала королевство, въ Италіи, быть можетъ вполнѣ сознавая всю безплодность этого занятія.

Они возлагали, какъ мы видѣли, мало надеждъ на планы, для осуществленія коихъ аббату де-ла Марръ были даны извѣстныя полномочія и инструкціи. Не удалась также и попытка заручиться содѣйствіемъ генерала Моро. 18 сентября король писалъ принцу Кондэ:

„Дѣло было въ очень хорошихъ рукахъ. Но судя по отвѣту генерала, я не имѣю надежды на успѣхъ. Когда сердце не участвуетъ въ дѣлѣ и голова остается холодною, ничего нельзя сдѣлать".

Можно ли было ожидать успѣха отъ переговоровъ съ Бонапартомъ? Въ Митавѣ въ этомъ съ каждымъ днемъ сомнѣвались все болѣе и болѣе; между тѣмъ аббатъ Монтескье, долго не находившій случая передать Бонапарту королевское письмо, рѣшился, наконецъ, по совѣту Талейрана передать его черезъ консула Лебрена.

IV.

Исторія умалчиваетъ о томъ, что произошло между первымъ консуломъ Бонапартомъ и Лебреномъ, когда они читали письма, адресованныя имъ Людовикомъ XVIII. Сохранились только ихъ отвѣты на

его предложеніе, которое, видимо, поразило ихъ. Неизвѣстно также, почему ихъ письма, помѣченныя 20 фруктидоромъ VIII года (7 августа 1800 г.), были переданы Монтескье только въ октябрѣ. Однажды утромъ въ началѣ октября Лебренъ пригласилъ къ себѣ Монтескье.

— Ваши письма получены и прочитаны,—сказалъ онъ.—Генералъ читаетъ все, что ему пишутъ, и отвѣчаетъ на все. Вотъ его отвѣтъ и мой собственный.—И протянувъ письма Монтескье, онъ присовокупилъ съ нѣкоторымъ раздраженіемъ:—„такъ какъ вамъ извѣстна дорога въ Митаву, то вамъ также извѣстно, вѣроятно, какъ переслать туда эти письма“.

Монтескье, давно знакомый съ Лебреномъ, съ которымъ они нѣкогда служили вмѣстѣ, ожидалъ болѣе любезнаго пріема и не могъ скрыть своего разочарованія.

— Къ чему эта язвительность?—сказалъ онъ.—Почему эти переговоры не нравятся вамъ, коль скоро ваши собственные интересы и интересы вашихъ друзей приняты во вниманіе. Не будемъ обманывать другъ друга, любезный Лебренъ; я могъ быть прежде на сторонѣ аристократіи, но я вѣдь зналъ, что ея дѣло проиграно.

— Ну, такъ что же вы хотите?—задалъ вопросъ Лебренъ.

— Что я тутъ дѣлаю?—продолжалъ съ жаромъ Монтескье.—Я хлопочу о благѣ моей родины и о вашей собственной пользѣ. Вы не можете не интересоваться мною, коль скоро я стараюсь упрочить вашу жизнь и ваше благополучіе.

Раздраженіе Лебрена мало-по-малу улеглось. Онъ продолжалъ въ болѣе дружелюбномъ тонѣ:

— Франція не думаетъ мѣнять верховнаго вождя. Она жаждетъ только мира, и мы заключимъ его. Тѣмъ не менѣе личность монарха заслуживаетъ полнаго сочувствія. Если представится возможность улучшить его положеніе, мы съ радостью позаботимся объ этомъ. Если бы онъ могъ собрать подъ свои знамена достаточное число эмигрантовъ, чтобы завладѣть нѣкоторыми землями въ Европѣ, то мы помогли бы ему упрочиться тамъ; а если бы онъ предпочелъ положеніе частнаго человѣка, то Бонапартъ былъ бы радъ смягчить, по возможности, его участь. Однимъ словомъ, вы можете всего просить для него; намъ будетъ весьма пріятно, что именно вы взялись хлопотать объ этомъ. Но во Франціи вамъ нечего дѣлать, и я совѣтую вамъ не мѣшаться въ это дѣло.

Смущенный этими словами, которыя разстраивали всѣ его планы, аббатъ Монтескье постарался скрыть свое огорченіе, но, желая знать, что именно скрывалось подъ довольно туманными предложеніями, которыя были сдѣланы ему отъ имени перваго консула, онъ попро-

силъ Лебрена высказаться яснѣе, сдѣлавъ видъ, что входитъ въ его намѣренія. Тогда Лебренъ сказалъ:

— Бонапартъ считаетъ возможнымъ возстановленіе королевства Польскаго; и готовъ посадить на польскій престолъ Людовика XVIII и его наслѣдниковъ. Если же король предпочитаетъ удалиться въ частную жизнь, то Бонапарту извѣстно, что король испанскій, двоюродный братъ французскихъ Бурбоновъ, охотно приметъ ихъ въ свои владѣнія, давъ имъ титулъ инфантовъ и связанное съ этимъ титуломъ положеніе".

Слушая Лебрена, Монтескье не зналъ, шутитъ онъ или говоритъ серьезно; онъ не рѣшился спросить это, боясь оскорбить его, но замѣтилъ, что планъ, касающійся Польши, могъ бы быть осуществленъ только путемъ войны.

— Вы не выведете такимъ образомъ Францію изъ того неопредѣленнаго положенія, въ какомъ она находится,—сказалъ онъ.—Вы льстите себя надеждой на скорое возстановленіе мира. Но какую же пользу принесетъ этотъ миръ, если внутри государства будутъ существовать тѣ сѣмена раздора, которыя война вынесла, по крайней мѣрѣ, наружу? Я готовъ, если хотите, сравнить Бонапарта съ Цезаремъ. Но неужели онъ оставитъ намъ подобное же наслѣдіе? Развѣ вы не видите, что Европа единогласно признаетъ принципъ наслѣдственности? Неужели одна Франція возложитъ всѣ свои надежды исключительно на одного человѣка?

— Бонапартъ можетъ назначить себѣ преемника,—замѣтилъ Лебренъ.

— Престолонаслѣдіе имѣетъ значеніе только тогда, когда оно непоколебимо, а для того, чтобы упрочить его, нужны вѣка.

Это замѣчаніе не смутило Лебрена.

— Въ виду такой славы и такой преданности, нѣтъ ничего невозможнаго,—сказалъ онъ.—Бонапартъ молодъ. Онъ можетъ прожить довольно долго, чтобы обезпечить своему преемнику такое же спокойное наслѣдіе, какъ спокойно его собственное правленіе. Впрочемъ, это вопросъ будущаго, будемъ говорить о настоящемъ. Вы просите то, любезный другъ, чего вамъ не хотятъ дать; мы предлагаемъ вамъ то, что вы не хотите, повидимому, принять. Мнѣ остается только просить васъ передать королю чувства уваженія и почтенія, какихъ онъ вполнѣ заслуживаетъ по своимъ личнымъ качествамъ и своему несчастью.

— А я,—возразилъ аббатъ,—надѣюсь, что монархъ, сумѣвшій въ столь трудномъ положеніи настолько сохранить всеобщее уваженіе, что, по вашему собственному сознанію, онъ достоинъ своей династіи, можетъ преодолѣть всѣ препятствія къ своему возвращенію. Всѣ

тревоги умолкнуть при видѣ его доброты, которая заботится только объ общемъ благѣ. Предоставимъ же это великое дѣло времени, которое будетъ искуснѣе меня.

— Не заблуждайтесь!—живо воскликнулъ Лебренъ.—Заботьтесь о личности короля, заслуживающаго полнаго уваженія, но не думайте о его правахъ, которыя отжили свое время.

Это было его послѣднимъ словомъ. Нѣсколько минутъ спустя Монтескье давалъ отчетъ о своемъ свиданіи съ Лебреномъ Клермонъ Галлеранду и Ройэ-Коллару, и они читали вмѣстѣ письма, которыя ему было поручено переслать въ Митаву. Письмо Бонапарта было написано на бумагѣ, съ изображеніемъ герба республики.

„Я получилъ ваше письмо,—писалъ Бонапартъ Людовику XVIII. —Благодарю васъ за высказанныя въ немъ добрыя чувства. Вы не можете желать возвращенія во Францію. Вамъ пришлось бы войти въ нее, переступивъ сто тысячъ труповъ. Принесите ваши личные интересы въ жертву спокойствію и благоденствію Франціи. Исторія оцѣнитъ вашъ поступокъ. Я сочувствую несчастью вашей семьи и съ радостью буду способствовать вашему спокойствію и благополучному пребыванію въ избранномъ вами убѣжищѣ. Бонапартъ“.

Лебренъ писалъ со своей стороны:

„Monsieur, вы отдаете должную справедливость моимъ чувствамъ и моимъ принципамъ. Служить отечеству было всегда самымъ завѣтнымъ моимъ желаніемъ и первѣйшимъ долгомъ, и я принялъ занимаемое мною мѣсто для того, чтобы содѣйствовать его спасенію. Но я долженъ сказать и полагаю, что вы будете имѣть мужество выслушать меня: Францію нельзя спасти, возвративъ ей короля; если бы я думалъ иначе, вы были бы на престолѣ или же я былъ бы въ эмиграціи. Обстоятельства вынуждаютъ васъ жить какъ частный человѣкъ. Но будьте увѣрены, что первый консулъ столь же добродѣтеленъ, какъ и храбръ, и что самымъ большимъ счастьемъ для него будетъ утѣшить васъ въ вашемъ несчастіи. Что касается меня, то я всегда буду питать къ вашей особѣ тѣ чувства, какія совмѣстимы съ интересами моего отечества. Лебренъ“.

Прочитавъ эти отвѣтныя письма, которыя могли своимъ тономъ оскорбить короля, члены королевскаго совѣта согласились не отправлять ихъ по назначенію до тѣхъ поръ, пока Монтескье не переговоритъ съ Талейраномъ, который совѣтовалъ ему передать Бонапарту письмо Людовика XVIII.

Было любопытно знать, почему Лебренъ старался разрушить надежды, которыя были поданы аббату министромъ иностранныхъ дѣлъ. Причины эти вскорѣ выяснились.

Люсьенъ Бонапартъ, братъ перваго консула, попавшій въ мини-

стерство внутреннихъ дѣлъ послѣ переворота 18 брюмера, былъ въ то время уволенъ изъ министерства и назначенъ посланникомъ въ Испанію. Его секретарь, Дюкене, также лишившійся мѣста, говорилъ Ройэ-Коллару съ негодованіемъ о „низости" Бонапарта.

— На его голову хотѣли возложить корону,—сказалъ онъ,—всѣ генералы, не исключая Моро, были подкуплены. Съ цѣлью подготовить общественное мнѣніе къ этой важной перемѣнѣ была издана брошюра, въ которой проводилась параллель между нимъ, Цезаремъ и Кромвелемъ. Но въ послѣдній моментъ, Бонапартъ отказался отъ этого, испугавшись перспективы назначить себѣ преемника, что было бы неизбѣжно при вступленіи его на престолъ. Ему представили, что преемнику человѣка, которому было всего тридцать лѣтъ, наскучило бы ждать престола, что на него могла опереться любая партія и что въ лучшемъ случаѣ онъ постарался бы раздѣлить съ нимъ власть. Поэтому Бонапартъ отказался на время отъ этой мысли.

Это признаніе вполнѣ объясняло слова Лебрена и письма обоихъ консуловъ. Тѣмъ не менѣе Монтескье упорствовалъ въ своемъ желаніи переговорить съ Талейраномъ до отправки означенныхъ писемъ въ Митаву. Узнавъ, двѣ недѣли спустя, что Талейранъ приглашенъ къ обѣду къ герцогинѣ де-Люинь, онъ отправился къ ней.

Талейранъ отнесся къ нему весьма любезно; когда, послѣ обѣда, были разставлены карточные столы, и гости усѣлись играть, онъ увлекъ аббата въ другое зало. Г-жа Грантъ, съ которой онъ жилъ и на которой впослѣдствіи женился, послѣдовала за ними.

Когда они остались одни, разговоръ начался такъ:

— Какъ нашли въ Митавѣ стиль Бонапарта? спросилъ министръ.

— Его писемъ еще не видали, отвѣчалъ Монтескье; они находятся у меня.

— Какъ? вы ихъ не послали?

— Нѣтъ еще. Къ чему увеличивать огорченіе несчастнаго монарха? Онъ и безъ того узнаетъ слишкомъ скоро, что вы ничего не хотите сдѣлать для него.

Талейранъ пожалъ плечами; его ироническая улыбка свидѣтельствовала, что онъ придавалъ весьма мало значенія исходу переговоровъ, веденныхъ его собесѣдникомъ.

— Неужели же васъ пугаетъ это письмо, похожее на протоколъ! Развѣ вы ничего не найдете возразить относительно тѣхъ ста тысячъ труповъ, коими васъ стращаютъ, и относительно суда потомства?—и онъ присовокупилъ болѣе серьезно:

— Не могли же вы надѣяться покончить дѣло въ одинъ день. Теперь вы увѣрены, что, если престолъ будетъ возвращенъ Бурбонамъ, то отнюдь не въ лицѣ Людовика XVIII, а между тѣмъ Бонапартъ

считаетъ его человѣкомъ способнымъ, умнымъ. Развѣ это ничего не значитъ? Повѣрьте мнѣ, отправьте письма и не бойтесь взять на себя обязанность передать Бонапарту отвѣты.

Хотя все это говорилось съ цѣлью поддержать въ душѣ Монтескье надежду, но онъ не могъ не замѣтить, что слова Талейрана не согласовались съ тѣмъ, что ему было извѣстно о честолюбіи Бонапарта и о только-что сдѣланной попыткѣ осуществить эти честолюбивыя мечты. Талейранъ протестовалъ противъ этого, сказавъ насмѣшливо:

— Неужели вы вѣрите всѣмъ глупостямъ, которыя говорятъ въ вашемъ кругу?

И онъ разразился потокомъ насмѣшекъ и эпиграммъ на счетъ роялистовъ, ихъ простодушія, легковѣрія и мелкихъ интригъ. Не считая удобнымъ сознаться, что онъ получилъ отъ короля полномочіе для веденія переговоровъ съ Бонапартомъ, и желая убѣдить Талейрана, что его миссія ограничивалась ролью простаго посланца, Монтескье спросилъ министра, кому именно, по его мнѣнію, можно было бы предоставить съ наибольшей пользой эти полномочія.

Лицо министра приняло серьезное выраженіе, и онъ отвѣчалъ увѣреннымъ тономъ:

— Бонапарту; да, Бонапарту. Вы должны ожидать всего отъ него. Если я не ошибаюсь, бланкетъ, подписанный Людовикомъ XVIII и присланный при письмѣ, какія этотъ монархъ такъ хорошо умѣетъ писать, лучше всего соотвѣтствовалъ бы его интересамъ.

Монтескье сдержался и не сдѣлалъ возраженія, которое напрашивалось само собою въ отвѣтъ на эти слова. Дать бланкетъ Бонапарту казалось ему черезчуръ опаснымъ. Развѣ онъ не могъ бы воспользоваться имъ, чтобы заставить короля отречься отъ престола, представивъ это, какъ добровольный актъ съ его стороны? Поэтому Монтескье рѣшилъ не совѣтовать королю дѣлать этотъ шагъ. Но, какъ искусный дипломатъ, онъ не показалъ Талейрану вида, что считалъ его неудобоисполнимымъ.

Въ ту минуту министра пригласили за карточный столъ. Онъ ушелъ, уведя съ собою г-жу Грантъ, которая присутствовала при ихъ разговорѣ, молча, но вскорѣ вернулся и, подойдя къ Монтескье, повторилъ еще разъ, въ болѣе настоятельной формѣ, то, что онъ говорилъ ему.

— Какъ видите, я говорю съ вами откровенно. Письма, которыя находятся у васъ въ рукахъ, не должны приводить васъ въ отчаяніе. Будущее слишкомъ мрачно, чтобы возлагать на него какія-либо надежды, но въ то время, когда въ странѣ происходитъ броженіе, не слѣдуетъ бросать дѣла, если оно хоть сколько-нибудь устраивается. Все, что исходитъ отъ Людовика XVIII, все, что написано имъ—

превосходно. Посланный ему отвѣтъ не есть рѣшеніе вопроса, но этотъ отвѣтъ обязываетъ. Дѣйствуйте и впредь въ томъ же духѣ. Только не обращайтесь болѣе къ Лебрену, онъ недостаточно самостоятеленъ. Надобно найти средство передать Бонапарту лично письма, которыя будутъ адресованы ему. Было бы хорошо, если бы вы могли переговорить съ нимъ. Для этого достаточно, чтобы вы обратились къ нему съ просьбой назначить вамъ свиданіе. Онъ скажетъ мнѣ объ этомъ,—обращайтесь только всегда прямо къ нему.

— Еще одно слово,—прервалъ Монтескье,—можно ли надѣяться на лучшее?

— Въ будущемъ да, но пока—нѣтъ, Бонапартъ намѣренъ сохранить свое положеніе; но онъ ничего не дѣлаетъ, чтобы упрочить его. Онъ не трепещетъ при мысли, что ему придется, быть можетъ, уступить свое мѣсто. Онъ хочетъ мира; но скорѣе всего для того, чтобы улучшить образъ правленія, нежели для того, чтобы сохранить въ немъ свое положеніе; словомъ, это человѣкъ независимаго характера, стремящійся болѣе къ славѣ, нежели къ почестямъ, и которому должно нравиться все возвышенное. Считайтесь съ этими свойствами и дѣйствуйте въ надеждѣ на будущее.

Затѣмъ, послѣдовали со стороны Монтескье похвалы по адресу перваго консула, высказанныя въ надеждѣ, что онѣ будутъ переданы Бонапарту, на которыя Талейранъ счелъ долгомъ отвѣтить таковыми же по адресу Людовика XVIII,—таковъ былъ финалъ этого любопытнаго разговора. Были ли эти похвалы искренни со стороны Талейрана? Въ этомъ можно усомниться, принявъ во вниманіе его враждебное отношеніе къ Бурбонамъ, которое онъ доказалъ вскорѣ на дѣлѣ. Скорѣе всего это была дипломатическая уловка, разсчитанная на то, чтобы дать понять, что онъ не сталъ безповоротно на сторону Бонапарта и что, въ сулчаѣ реставраціи монархіи, она могла разсчитывать на него.

Монтескье вынесъ изъ разговора съ Талейраномъ убѣжденіе, что не все было потеряно и что первый консулъ и близкія къ нему лица отдавали справедливость душевнымъ качествамъ короля; что реставрація монархіи была дѣломъ возможнымъ, что ихъ дѣло не было окончательно проиграно, какъ онъ полагалъ, послѣ разговора съ Лебреномъ. Таково же было мнѣніе его двухъ коллегъ по королевскому совѣту.

Въ то же самое время ихъ надежды оживились, благодаря нижеслѣдующему обстоятельству. Г-жа де-Шансенэ, о которой было упомянуто выше, глубоко преданная королю, задавшись цѣлью склонить на его сторону г-жу Бонапартъ, дѣйствовала весьма энергично. Однажды воспользовавшись случаемъ, когда ее посѣтилъ маркизъ де Клермонъ-Галлерандъ, оставшись съ нимъ наединѣ, она сообщила ему содер-

жаніе письма, полученнаго нѣсколько недѣль передъ тѣмъ изъ Лондона, отъ одного изъ ея друзей—эмигрантовъ, графа де Водрейль, человѣка близкаго къ графу Артуа. Водрейль писалъ, что вслѣдствіе недоброжелательнаго отношенія иностранныхъ державъ, въ интересахъ короля, можно было дѣйствовать исключительно во Франціи, поэтому, она „какъ особа, преданная королю, должна со свойственнымъ ей тактомъ и умомъ употребить всѣ средства, чтобы повліять на Бонапарта чрезъ его жену и побудить его вступить въ переговоры съ королемъ при посредствѣ графа Артуа".

Г-жа Шансенэ показалала это письмо г-жѣ Бонапартъ, которая сказала ей, что первый консулъ былъ бы не прочь вступить въ переговоры съ королемъ, но что его удерживаетъ отъ этого боязнь, что онъ подвергнется опасности, если его собственное положеніе не будетъ ничѣмъ гарантировано. Такъ какъ г-жа Шансенэ не могла сказать на этотъ счетъ ничего успокоительнаго, она предложила вызвать въ Парижъ для переговоровъ графа де Водрейля.

Услыхавъ объ этой новой комбинаціи, Клермонъ-Галлерандъ поспѣшилъ заявить, что у короля уже есть въ Парижѣ довѣренное лицо, получившее отъ него полномочія, и что король, навѣрно, былъ бы недоволенъ, если бы столь важное дѣло было поручено кому-нибудь другому. Г-жа Шансенэ поняла съ полу-слова и написала Водрейлю, чтобы онъ повременилъ пріѣздомъ, и выразила Клермонъ-Галлеранду свою готовность служить королю въ этомъ дѣлѣ по мѣрѣ силъ и возможности, сказавъ вмѣстѣ съ тѣмъ, что для успѣха дѣла Людовика XVIII слѣдовало бы лично написать г-жѣ Бонапартъ.

Такимъ образомъ, королевскій совѣтъ получилъ доступъ къ г-жѣ Бонапартъ и если бы дальнѣйшіе переговоры оказались возможны, то она обѣщала предупредить, когда для этого настанетъ удобный моментъ.

Агенты короля, препровождая, въ исходѣ декабря, въ Митаву копіи съ отвѣтныхъ писемъ Бонапарта и Лебрена,—оригинальныхъ они не довѣрили почтѣ,—сообщили Людовику XVIII всѣ вышеприведенныя подробности и въ рядѣ писемъ старались сообщить ему воодушевлявшія ихъ надежды, какъ доказательство благопріятнаго настроенія Жозефины; они передавали со словъ г-жи Шансенэ слѣдующій эпизодъ:

Русскій генералъ Шпренгпортенъ, прибывшій въ Парижъ посломъ отъ императора Павла I, чтобы принять изъ рукъ французскаго правительства русскихъ солдатъ, взятыхъ въ плѣнъ въ послѣднюю войну и коихъ первый консулъ великодушно возвращалъ императору, явился къ г-жѣ Бонапартъ, чтобы засвидѣтельствовать свое почтеніе и передать привѣтъ отъ своего монарха. Во время ихъ разговора онъ

поставилъ на видъ, что царь далъ у себя пріютъ главѣ Бурбонской династіи.

— Это прекраснѣйшій поступокъ со стороны вашего монарха,— отвѣчала Жозефина, — и мы будемъ вѣчно признательны ему за это.

Передавая г-жѣ де-Шансенэ эти великодушныя, но неосторожныя слова, Жозефина призналась ей, что, сказавъ это, она испугалась, подумавъ, что скажетъ о нихъ ея мужъ; она ожидала, что онъ выразитъ ей свое неудовольствіе, но, когда она передала ему этотъ разговоръ, то онъ воскликнулъ, взявъ ее за руку:

— Ты поступила прекрасно, прекрасно.

Королевскіе агенты заключаютъ изъ этихъ словъ, что „Бонапартъ искренно желалъ реставраціи монархіи"; „г-жа Шансенэ, особа весьма проницательная и дальновидная, утверждала, что г-жѣ Бонапартъ можно было вполнѣ довѣрять. Ей не было никакого интереса обманывать ее, точно такъ же, какъ и первому консулу не было никакой надобности обманывать жену въ интимной бесѣдѣ".

На основаніи этого, они полагали, что переговоры слѣдовало продолжать и, что королю надобно было, по совѣту Талейрана, написать Бонапарту вторично и высказать ему, что онъ одушевленъ самымъ искреннимъ желаніемъ прекратить бѣдствія Франціи и содѣйствовать ея благополучію.

Королевскіе агенты возлагали большія надежды на письма короля къ Бонапарту и Жозефинѣ. Удивительно, что люди такіе практичные и дѣловитые, какъ Монтескье, Ройэ-Колларъ и Клермонъ-Галлерандъ, находясь въ Парижѣ, въ самомъ водоворотѣ событій и видя старанія Бонапарта упрочить свою власть, добиться популярности и заслужить довѣріе народа, могли думать, что, несмотря на совершенно опредѣленныя и категорическіи заявленія Лебрена, что Наполеонъ, стяжавъ себѣ такую громкую славу и достигнувъ власти, отказался бы отъ всего добровольно, и что они придали серьезное значеніе ироническимъ поощреніямъ Талейрана, болтовнѣ г-жи Шансенэ и страннымъ заявленіямъ, которыя она приписывала Жозефинѣ. Все это совершенно непостижимо и можетъ быть объяснено только ихъ преданностью королю, которая до того омрачала ихъ разсудокъ, что они позабыли, что годъ передъ тѣмъ Бонапартъ, принимая въ Люксенбургѣ представителей роялистовъ, воскликнулъ, въ отвѣтъ на слова одного изъ нихъ:

— Возстановить Бурбоновъ? Никогда!

V.

Въ тотъ моментъ, когда въ Митавѣ были получены отвѣты Бонапарта и Лебрена, со всѣми комментаріями, сообщенными Монтескье, въ королевскомъ домѣ царили смятеніе и тревога. Людовикъ XVIII только-что получилъ отъ императора Павла (14 января 1801 г.) повелѣніе покинуть замокъ, въ которомъ онъ прожилъ спокойно три года, пользуясь гостепріимствомъ своего „благодѣтеля“.

Приказаніе было дано въ жестокой, повелительной формѣ: царь требовалъ, чтобы оно было исполнено немедленно и Людовикъ XVIII, по обыкновенію, не упавъ духомъ, покорный своей судьбѣ, готовился къ отъѣзду, который и состоялся шесть дней спустя. Въ виду этихъ тяжелыхъ обстоятельствъ и постигшаго его новаго горя, короля не могла особенно огорчить неудача его агентовъ въ Парижѣ. Впрочемъ, она и не удивила его: онъ мало разсчитывалъ на успѣхъ.

Прочитавъ то, что ему писали о готовности испанскаго правительства принять его, если бы онъ предпочелъ блеску трона спокойную частную жизнь, и дать ему и его дѣтямъ вмѣстѣ съ титуломъ инфантовъ всѣ связанныя съ этимъ прерогативы, онъ только пожалъ плечами. Предложеніе испанскаго кузена, который до тѣхъ поръ отказывалъ ему въ убѣжищѣ изъ боязни французскаго правительства, не заслуживало ничего, кромѣ презрѣнія. Совершенно иначе взглянулъ онъ на предложенную ему польскую корону, какъ это видно изъ записки, набросанной имъ собственноручно, передъ самымъ отъѣздомъ изъ Митавы.

Это предложеніе привело его въ негодованіе, и онъ не могъ не высказать своего гнѣва въ озлобленныхъ, высокомѣрныхъ выраженіяхъ.

„Чтобы отвѣтить на сдѣланное мнѣ предложеніе, мнѣ надобно прежде придти въ себя“, писалъ онъ, „ибо первое чувство, испытанное мною, было негодованіе. Что же думаетъ обо мнѣ Бонапартъ, дѣлая мнѣ это предложеніе? Пусть онъ узнаетъ меня лучше. Права моей семьи на французскій престолъ освящены восемью вѣками. Ни могущество англичанъ, ни хитрость Австріи, ни фанатизмъ Лиги не могли лишить ее этихъ правъ. Самая революція, ниспровергшая престолъ св. Людовика, освятила ихъ. Какъ преемникъ тридцати трехъ королей, я имѣю право или, лучше сказать, я обязанъ занять этотъ окровавленный тронъ. Я долженъ стремиться къ этому неустанно. Мнѣ надлежитъ исправить зло, причиненное религіи и государству. Ничто не заставитъ меня отказаться отъ этого права или измѣнить моему долгу. Кинжалъ Равальяка и пуля, едва не пресѣк-

*

шая мою жизнь, не страшатъ меня. Если мнѣ суждено умереть, то я сойду въ могилу вѣрный своей чести и своимъ подданнымъ. Я не честолюбивъ. Французская корона принадлежитъ мнѣ по праву, и никакая иная корона не имѣетъ цѣны въ моихъ глазахъ. Скажу болѣе: я люблю заботиться о благѣ людей. Но, если, возсѣвъ на иноземный престолъ, я былъ бы такъ счастливъ, чтобы могъ видѣть вокругъ себя довольныхъ людей, то моя радость все же не была бы полна. Я сказалъ бы себѣ: это не мои дѣти. Слѣдовательно, подобное предложенiе не можетъ соблазнить меня.

„Нужно ли говорить послѣ этого, какъ позорно и обидно подобное предложенiе и какъ безумно было бы принять его? Могу ли я принять иноземную корону изъ рукъ корсиканца, надругавшагося надъ престоломъ и дворцомъ моихъ предковъ! Могу ли я одобрить революцiю. Могу ли я подписать смертный приговоръ моего брата, моего монарха! Я навлекъ бы на свою голову кровь всѣхъ своихъ родныхъ, миллiона французовъ! Я не могу долѣе останавливаться на этой мысли, вся кровь кипитъ во мнѣ!

„И какую корону предлагаютъ мнѣ? Корону страны, принадлежащей тремъ могущественнѣйшимъ монархамъ Европы, изъ коихъ одинъ мой благодѣтель. Попытаться отнять у нихъ эту страну было бы безумiемъ и вмѣстѣ съ тѣмъ неблагодарностью. Но, допустивъ даже, что они уступили бы мнѣ эту корону добровольно, возможно ли забыть то, что Польша, въ теченiе всего истекшаго столѣтiя, была скорѣе провинцiей другаго государства, нежели независимой державой, и что ея послѣднiя попытки сохранить свободу были заклеймены якобинствомъ? Завидна ли участь царствовать надъ народомъ— фанатикомъ и рабомъ!

„Не стану обсуждать этого вопроса далѣе; хочу поговорить о самомъ предложенiи, сдѣланномъ мнѣ. Если оно сдѣлано чистосердечно, то его нельзя назвать иначе, какъ сумасброднымъ; но можно ли думать, что это сдѣлано чистосердечно? Бонапартъ хочетъ провозгласить меня наслѣднымъ королемъ Польши; онъ желаетъ, чтобы я самъ сдѣлалъ къ этому первый шагъ. Узурпаторъ предлагаетъ мнѣ заявить объ этомъ, кому именно неизвѣстно, и обѣщаетъ поддержать меня всѣми зависящими отъ него средствами. Но, какъ не понять, что если бы я согласился содѣйствовать моему собственному униженiю, то первымъ, неизбѣжнымъ послѣдствiемъ подобнаго шага было бы погубить себя безвозвратно въ умѣ русскаго императора. Этого Бонапартъ и хотѣлъ бы въ настоящую минуту болѣе всего. Дѣйствительно, надобно принять во вниманiе, что Мальта капитулировала 7 сентября, а вышеозначенное письмо написано 14 октября. Бонапартъ, ошеломленный извѣстiемъ, которое разстроило всѣ мѣры, при-

нятыя имъ по отношенію къ императору Павлу I, опасался гнѣва этого монарха, который могъ обидѣться по поводу сдѣланнаго ему безполезнаго предложенія, рѣшилъ лишить меня поддержки, которая кажется ему снова могущественной. Къ счастью, западня устроена очень грубо.

„Я прихожу къ заключенію, что единственнымъ отвѣтомъ на это дерзкое и коварное предложеніе должно быть съ моей стороны молчаніе и презрѣніе, и присовокупляю, что если бы я могъ хотя одну минуту вѣрить его искренности, то единственно, что я сдѣлалъ бы— это донести объ немъ Павлу I“ [1]).

Эта записка, набросанная среди хлопотъ внезапнаго отъѣзда, не была отправлена по назначенію. Она осталась въ бумагахъ короля, какъ вещественное доказательство его душевнаго состоянія въ тотъ тяжелый моментъ его жизни.

Людовику XVIII предстояло рѣшить весьма важный вопросъ о томъ, слѣдовало ли ему, по совѣту Монтескье, написать еще разъ Бонапарту, или же слѣдовало отнестись къ его письму съ полнымъ пренебреженіемъ.

Король надѣялся, что дальнѣйшія извѣстія помогутъ ему разобраться въ этомъ вопросѣ, а пока онъ оставилъ вопросъ нерѣшеннымъ.

Уѣзжая изъ Митавы, Людовикъ XVIII не зналъ, гдѣ преклонить голову. Его посланникъ въ Петербургѣ, графъ де-Караманъ, также изгнанный изъ Россіи, выѣхалъ въ Берлинъ, гдѣ онъ долженъ былъ хлопотать по приказанію короля о дозволеніи Людовику XVIII поселиться въ Варшавѣ.

Неувѣренный въ томъ, что король прусскій на это согласится, Людовикъ XVIII не спѣшилъ. Онъ ѣхалъ въ сопровожденіи герцогини Ангулемской и графа д'Авари медленно, сильно страдая отъ суроваго зимняго времени, вслѣдствіе чего дорога казалась еще длиннѣе и утомительнѣе.

Прибывъ въ Кенигсбергъ, гдѣ онъ прожилъ недѣлю, Людовикъ получилъ разрѣшеніе поселиться въ Варшавѣ подъ именемъ графа де-Лильи и узналъ одновременно о совершенномъ въ Парижѣ, 24-го декабря, покушеніи на жизнь перваго консула. Хотя въ первый моментъ всѣ приписывали это покушеніе якобинской партіи, однако,

[1]) Въ 1796 г. Бонапартъ, по пути въ Египетъ, занялъ островъ Мальту, гдѣ стояли съ тѣхъ поръ гарнизономъ французскія войска. Въ 1800 г., желая сблизиться съ Россіей и расположить царя въ свою пользу, онъ предложилъ ему этотъ островъ. Но, прежде нежели это предложеніе, которое тотчасъ было принято, могло возънмѣть свое дѣйствіе, англичане осадили Мальту, гарнизонъ которой послѣ героической защиты былъ вынужденъ капитулировать.

король былъ убѣжденъ, что послѣ этого дальнѣйшіе переговоры съ Бонапартомъ невозможны и, слѣдовательно, отвѣчать на его письмо было бы безцѣльно.

Однако, письма, полученныя имъ по пріѣздѣ въ Варшаву, 22-го февраля, измѣнили его взгляды. Въ числѣ этихъ писемъ было одно отъ Клермонъ-Галлеранда, который, подтверждая слухъ о покушеніи на Бонапарта, давалъ понять, что это событіе, въ которомъ все еще обвиняли якобинцевъ, не только не заставило Бонапарта отказаться отъ мысли о сближеніи съ королемъ, но, напротивъ, побуждало его къ тому, ибо онъ видѣлъ, какая опасность угрожала его правительству; поэтому Галлерандъ совѣтовалъ не терять терпѣнія.

Но приписка, сдѣланная къ этому письму рукою Ройэ-Коллара, измѣняла весь смыслъ этихъ разсужденій.

„Послѣ того, какъ письмо Сенъ-Пьера (Клермонъ-Галлеранда) было написано, правительство убѣдилось въ томъ, что заговоръ 24-го декабря и адская машина принадлежали приверженцамъ роялистовъ, а не якобинцамъ, какъ думали въ началѣ. Де Бурмонъ и всѣ приверженцы короля, получившіе амнистію и находившіеся въ Парижѣ, арестованы. Человѣка, правившаго лошадьми, зовутъ Карбонъ, по прозвищу маленькій Франсуа. Его нашли въ домѣ монахинь, въ улицѣ Notre Dame des Champs. Ихъ настоятельница, г-жа Дюшэнъ также арестована. Слуги вашего величества глубоко опечалены этимъ открытіемъ“.

Казалось бы, что это открытіе, подтвердившееся вскорѣ окончательно, должно было разрушить въ душѣ Людовика XVIII тотъ слабый лучъ надежды, который былъ поданъ ему Клермонъ-Галлерандомъ и заставить его отказаться отъ мысли о возобновленіи переговоровъ. Но записка, набросанная королемъ, свидѣтельствуетъ, что онъ все-таки не считалъ, чтобы всякая возможность вести переговоры была потеряна.

Между тѣмъ, покушеніе, произведенное на Бонапарта, возбудило въ первомъ консулѣ недовѣріе ко всѣмъ роялистамъ. Полиція строго слѣдила за всѣми сторонниками короля, за всѣми ихъ дѣйствіями. Всѣ лица, стоявшія во главѣ королевской партіи, были арестованы, одни заключены въ тюрьму, другіе высланы изъ Парижа и сосланы на жительство въ отдаленные города. Кто осмѣлился бы, при подобныхъ обстоятельствахъ, говорить съ Бонапартомъ о Бурбонахъ? Члены королевскаго совѣта, боясь быть арестованными, разъѣхались и послали королю прошенія объ отставкѣ. Клермонъ-Галлерандъ и Ройэ-Колларъ сочли благоразумнѣе исчезнуть изъ Парижа. Де-ла Марръ рѣшился продолжать свое пребываніе въ Германіи въ ожиданіи того, когда король вызоветъ его въ Варшаву. Наконецъ, самъ Монтескье,

внушившій опасенія Бонапарту, былъ высланъ въ Ментону. Слѣдовательно, некому было замолвить слово за Людовика XVIII, и всякія надежды на дальнѣйшіе переговоры были имъ, наконецъ, оставлены.

Но два года спустя, а именно въ началѣ 1803 г., они снова возобновились, но уже совершенно по другому поводу. Первый консулъ, рѣшивъ провозгласить себя императоромъ, хотѣлъ добиться отреченія Людовика XVIII отъ престола, какъ бы желая узаконить этимъ свое избраніе при посредствѣ Пруссіи.

Желая быть пріятнымъ Бонапарту, прусскій король не по стѣснялся взять на себя это щекотливое порученіе и возложилъ его на президента города Варшавы Мейера.

25 февраля, духовникъ Людовика XVIII сообщилъ королю, что президенту Мейеру поручено королемъ прусскимъ склонить его къ отреченію отъ имени своего и всѣхъ Бурбоновъ отъ французскаго престола и отказаться отъ всѣхъ принадлежавшихъ Бурбонамъ недвижимыхъ имуществъ. Въ награду за эту жертву, Бонапартъ предлагалъ обезпечить королю извѣстное вознагражденіе и сулилъ ему даже блестящую будущность. Король принялъ президента на слѣдующій день. Происшедшій между ними разговоръ записанъ королемъ дословно.

Послѣ всевозможныхъ увѣреній въ трогательномъ участіи короля прусскаго къ графу де Лиль и къ его семейству Мейеръ произнесъ длинную рѣчь, смыслъ которой былъ тотъ, что Бонапартъ не ниспровергалъ французскаго престола, что онъ не только не участвовалъ во всѣхъ ужасахъ революціи, но положилъ имъ конецъ, что онъ сдѣлалъ много добра Франціи и всей Европѣ. Далѣе, что республика упрочилась; въ странѣ не было болѣе партій, внѣшняя война окончилась миромъ, никакая реакція не была возможна, такъ какъ вездѣ чувствовалась потребность покоя, вездѣ находились интересы, созданные новымъ режимомъ и несовмѣстимые со старымъ порядкомъ.

Религія, продолжалъ президентъ, освятила новый образъ правленія; европейскіе монархи признали его, на этой основѣ утвердилась политическая система, общая всѣмъ народамъ, монархи поддержатъ ее по совѣсти, по долгу и ради своихъ интересовъ.

Изъ этого вытекало, что домъ Бурбоновъ остался безъ поддержки, безъ средствъ къ существованію въ будущемъ, и что король могъ лишиться пособія, получаемаго имъ изъ Россіи. Нѣсколько лѣтъ спустя, продолжалъ Мейеръ, Бонапарту не будетъ надобности придавать значенія отреченію Людовика XVIII, о которомъ онъ теперь хлопочетъ, поэтому было бы благоразумнѣе воспользоваться настоящимъ моментомъ, когда права Бурбоновъ еще не утрачены за дав-

ностью времени, и вступить въ переговоры, которые могли окончиться съ почетомъ и пользою для короля. Съ почетомъ потому, что первый консулъ обезпечитъ королевской семьѣ блестящую будущность, а Пруссія, Россія и прочія державы гарантируютъ исполненіе договора, съ пользою для дѣла потому, что это несчастное семейство, принеся себя въ жертву, упрочитъ спокойствіе Франціи и всей Европѣ.

Король выслушалъ это странное предложеніе повидимому совершенно спокойно и заговорилъ только тогда, когда Мейеръ умолкъ:

— Если бы искусство и самое трогательное участіе могли одержать верхъ надъ честью, долгомъ и надъ чувствами, кои я питаю еще къ моему отечеству, сказалъ онъ, то мое рѣшеніе было бы поколеблено. Но всѣ приведенные вами доводы не только не опровергаютъ моихъ правъ, но еще болѣе подтверждаютъ ихъ, точно также, какъ шагъ, сдѣланный вами, не только не уничтожилъ моихъ надеждъ, но даже оживилъ ихъ. Было бы безполезно обсуждать теперь эти доводы. Вы узнаете мое рѣшеніе изъ отвѣта, который я вручу вамъ для передачи вашему монарху.

Отвѣтъ короля былъ переданъ президенту Мейеру черезъ день, 28 февраля. Онъ былъ кратокъ, но многозначителенъ.

„Я не смѣшиваю Бонапарта съ его предшественниками, писалъ король; я уважаю его доблесть, его военные таланты; я благодаренъ ему за нѣкоторыя его административныя мѣры, такъ какъ добро, сдѣланное моему народу, всегда будетъ мнѣ дорого. Но онъ ошибается, полагая, что ему удастся склонить меня отречься отъ моихъ правъ. Напротивъ, шагъ, который онъ дѣлаетъ въ настоящую минуту, еще болѣе подтвердилъ бы эти права, если бы они могли считаться спорными.

„Мнѣ неизвѣстны неисповѣдимыя судьбы Всевышняго относительно моего дома и меня самого, но я знаю обязательства, возложенныя Богомъ на меня по тому положенію, въ коемъ я родился. Какъ христіанинъ, я буду исполнять эти обязательства до послѣдняго дыханія. Какъ потомокъ Святаго Людовика, я съумѣю, по его примѣру, держать себя съ достоинствомъ и въ оковахъ. Какъ преемникъ Франциска I, я могу сказать вмѣстѣ съ нимъ: Все потеряно, кромѣ чести“.

Подъ этой декларацiей герцогиня Ангулемская приписала: „съ позволенія короля, моего дяди, отъ всей души присоединяюсь къ содержанію этой записки“.

Вмѣстѣ съ этой запиской, король передалъ президенту Мейеру письмо къ королю прусскому, чрезъ посредство котораго ему было передано это оскорбительное предложеніе. Не дѣлая ему упрековъ,

онъ констатировалъ, что шагъ, сдѣланный Бонапартомъ, свидѣтельствовалъ о томъ, что его права тревожили его.

„Величіе души вашего величества слишкомъ хорошо мнѣ извѣстно,—писалъ король,—чтобы я могъ не дѣлать различія между вашимъ образомъ мыслей и тѣми шагами, кои внушены вамъ повидимому вашими отношеніями. Монархи могли подчиниться настоятельной необходимости изъ желанія спасти своихъ подданныхъ отъ всѣхъ ужасовъ войны. Я возлагаю всѣ свои надежды на свое несчастіе. Я совсѣмъ одинокъ. На мнѣ лежитъ обязанность поддержать права всѣхъ и не санкціонировать никогда революціи, которая ниспровергнетъ всѣ престолы".

Людовикъ XVIII обѣщалъ, въ томъ же письмѣ, хранить этотъ планъ Бонапарта въ тайнѣ, „если его не вынудятъ нарушить ее", но онъ не могъ не подѣлиться сдѣланнымъ ему предложеніемъ съ братомъ и не сообщить ему своего отвѣта. Преданному аббату де-ла Марръ, находившемуся въ то время въ Варшавѣ, было поручено отправиться въ Англію и сообщить обо всемъ графу Артуа.

„Я не пытаюсь изобразить вамъ чувства, овладѣвшія мною, писалъ король между прочимъ; вы сами испытываете ихъ; вы согласитесь со мною, что было бы полезно предать все это гласности. Но не забывайте, что уваженіе, подобающее монарху, который даетъ мнѣ пріютъ, побуждаетъ меня хранить на этотъ счетъ молчаніе; поступите точно также со своей стороны".

Король сдѣлалъ исключеніе относительно принцевъ крови, коимъ онъ считалъ необходимымъ сообщить свой отвѣтъ—дабы они могли присоединиться къ его деклараціи. „Это не есть съ моей стороны простое дружеское сообщеніе, дѣлаемое вамъ, какъ брату,—писалъ Людовикъ XVIII графу Артуа,—корона принадлежитъ всѣмъ намъ; но ее носитъ старшій въ родѣ", эти слова, сказанныя покойнымъ принцемъ Конти, примѣнимы въ данномъ случаѣ болѣе чѣмъ когда-либо". На этомъ основаніи Людовикъ XVIII выражалъ желаніе, чтобы всѣ принцы крови сдѣлали коллективно или каждый въ отдѣльности декларацію, которая показала бы, что всѣ члены королевской фамиліи мужскаго пола раздѣляли взглядъ своего главы.

„Нѣтъ надобности давать вамъ совѣтъ,—писалъ король въ заключеніе,—но я не могу удержаться, чтобы не замѣтить, что сдержанность формы усиливаетъ смыслъ внутренняго содержанія...

Время, другъ мой, раскроетъ все; слѣдовательно, нашъ шагъ будетъ извѣстенъ, и я льщу себя надеждою, что этотъ актъ послужитъ украшеніемъ нашей исторіи".

Людовикъ XVIII сообщилъ о происшедшемъ королю шведскому, графу де Сенъ-Пріесту, который жилъ въ Стокгольмѣ съ тѣхъ поръ,

какъ онъ оставилъ службу короля, кардиналу Мори въ Римъ, епископу де-ла Фару, въ Вѣну; герцогу де Куаньи и графу д'Ескарсу въ Лондонѣ; герцогу де Серра Капріола, неаполитанскому посланнику въ Россіи. Всѣхъ этихъ лицъ король просилъ не разглашать этого сообщенія. Но видимо онъ не столько дорожилъ тайною, сколько заботился о томъ, чтобы не могли сказать, что онъ самъ нарушилъ ее, такъ какъ аббату де-ла Марръ было позволено разсказать о происшедшемъ его парижскимъ друзьямъ".

19 марта, въ то время когда въ Варшавѣ еще ожидали отвѣтовъ на эти сообщенія, президентъ Мейеръ явился снова въ Лазенковскій дворецъ, гдѣ жилъ король. Онъ получилъ обратно изъ Берлина съ эстафетой отвѣтъ Людовика XVIII къ Бонапарту; король прусскій нашелъ, что онъ былъ написанъ въ слишкомъ вызывающемъ тонѣ. Особенно опасной казалась ему фраза: „но онъ (Бонапартъ) заблуждается, полагая, что ему удастся склонить меня отречься отъ моихъ правъ"; король прусскій просилъ исключить эту фразу или по крайней мѣрѣ смягчить ее въ интересахъ самого графа де-Лиль. Людовикъ XVIII, ни минуты не колеблясь, отказался сдѣлать это.

Когда же президентъ Мейеръ замѣтилъ, что очень важно не оскорблять перваго консула, не раздражать его и не подвергать себя новымъ опасностямъ, то онъ воскликнулъ:

— Опасности? какія же? быть изгнаннымъ изъ Пруссіи? Если бы вашъ монархъ, милостивый государь, счелъ себя вынужденнымъ лишить меня этого убѣжища, то я пожалѣлъ бы его и уѣхалъ.

— Но этого слѣдуетъ опасаться, возразилъ прусскій чиновникъ. Но Бонапартъ можетъ потребовать отъ Россіи и Испаніи, чтобы онѣ прекратили выдачу пособія...

Король не далъ ему договорить.

— Я не боюсь нищеты, сказалъ онъ. Если будетъ нужно, я стану ѣсть черный хлѣбъ, съ моими дѣтьми и слугами. Но я до этого никогда не дойду. У меня есть другой источникъ дохода, коимъ я не считаю себя вправѣ пользоваться до тѣхъ поръ, пока у меня имѣются могущественные друзья: это оповѣстить Францію о моемъ бѣдственномъ положеніи и протянуть руку не узурпаторскому правительству, а моимъ вѣрнымъ подданнымъ; повѣрьте, что, сдѣлавъ это, я былъ бы вскорѣ гораздо богаче, чѣмъ теперь.

Болѣе онъ не хотѣлъ ничего слушать. Президентъ долженъ былъ взять письмо обратно, не добившись того, чтобы король измѣнилъ въ немъ хотя бы одно слово. Нѣсколько дней спустя, полученное Людовикомъ XVIII отъ короля прусскаго письмо, съ изъявленіемъ самыхъ дружественныхъ чувствъ, доказало Людовику XVIII, что его упорство не вызвало никакой досады въ душѣ этого монарха.

Съ другой стороны, графъ Артуа прислалъ, въ апрѣлѣ мѣсяцѣ, „своему верховному властителю и королю" (à son souverain seigneur et roi) формальный актъ, гласившій, что онъ присоединяется къ его отвѣту. Подъ этимъ торжественнымъ заявленіемъ подписались герцогъ Ангулемскій, герцогъ Беррійскій, герцогъ Орлеанскій и его два брата, герцогъ Монпансье и графъ де Божолэ, принцъ Кондэ, герцогъ Бурбонскій и его сынъ. Недоставало только подписи герцога Энгіенскаго, который находился въ то время въ Этенгеймѣ, въ герцогствѣ Баденскомъ. Присоединяясь къ прочимъ членамъ семьи, онъ писалъ открыто королю:

„Вашему величеству слишкомъ хорошо извѣстно, какая кровь течетъ въ моихъ жилахъ, чтобы усомниться хотя бы на минуту относительно того, въ какомъ смыслѣ будетъ данъ мною отвѣтъ на вашу просьбу. Я французъ, ваше величество, и французъ, вѣрный Богу, королю и присягѣ чести".

Подписывая это горделивое заявленіе, юный принцъ не подозрѣвалъ, что онъ будетъ искупительной жертвой тѣхъ благородныхъ чувствъ, подъ которыми онъ росписался столь краснорѣчиво. Совмѣстный актъ принцевъ крови былъ подписанъ 22 марта 1803 года. Годъ спустя, 21 марта 1804 г. герцогъ Энгіенскій былъ разстрѣлянъ по приказанію Бонапарта.

Изъ архивныхъ мелочей.

Письмо Рунича гр. Вл. Ѳ. Адлербергу.—Письмо Ѳ. А. Моллера кн. П. М. Волконскому.—Письмо А. Б. Ашика кн. П. М. Волконскому.

Письмо Рунича [1]) гр. Вл. Ѳ. Адлербергу. Милостивый государь графъ Владиміръ Ѳеодоровичъ!

При вступленіи на престолъ императора Николая I, по интригамъ противъ меня и князя Александра Николаевича Голицына—попечителя здѣшняго университета Уварова, ректора Болотянскаго, назвавшагося Балугьянскимъ, и профессоровъ Куницына, Арсеньева и другихъ, послѣ тридцатилѣтней службы и управленія 2-го сентября 1812 года московскимъ почтамтомъ, я удаленъ отъ службы и остался подъ судомъ, лишенный жалованья, и получалъ только пенсіи по ордену св. Владиміра второй степени и св. Анны и тысячу рублей изъ императорскаго кабинета.

А такъ какъ сего было недостаточно, и въ преклонныхъ лѣтахъ, при болѣзни и вышедшихъ изъ повиновенія дочеряхъ, воспитанныхъ въ Смольномъ заведеніи и Екатерининскомъ институтѣ, то товарищи и современники по службѣ выхлопотали мнѣ ежегодное пособіе двѣсти рублей серебромъ изъ Человѣколюбиваго общества, которые я получилъ въ январѣ.

Оканчивая восьмидесятый годъ жизни, пятый годъ въ болѣзненномъ состояніи, лишенный пособія отъ Человѣколюбиваго общества съ начала 1858 года, я въ неизъяснимой крайности и вынуждаюсь просить ваше сіятельство возвратить на сей годъ и продолжать до смерти пособіе, которое я нѣсколько лѣтъ получалъ.

Съ высокопочтеніемъ вашего сіятельства всепокорнѣйшій слуга

Дмитрій Руничъ.

10-го апрѣля 1858 года.

---

[1]) Письмо достойнаго сподвижника Магницкаго, оставившаго вмѣстѣ съ послѣднимъ такую печальную память въ исторіи русскаго просвѣщенія, написано крупнымъ характернымъ почеркомъ. На письмѣ карандашемъ, рукою Адлерберга: Лично объяснить. 11-го апрѣля 1858 г. Ниже: Послано Руничу 12-го апрѣля 1858 г. съ препровожденіемъ 150 руб. серебромъ.

Письмо Ѳ. А. Моллера кн. П. М. Волконскому. Ваша свѣтлость, милостивый государь князь Петръ Михайловичъ!

Имѣлъ я честь неоднократно сообщать вашей свѣтлости, что я началъ въ Римѣ картину, изображающую Іоанна Богослова, проповѣдывающаго среди вакханаліи на островѣ Патмосѣ.

Чтобы привести трудъ этотъ къ окончанію, мнѣ необходимо нужно еще два года, ибо, по причинѣ болѣзни и бывшихъ смутъ въ Италіи, я долженъ былъ потерять болѣе года времени.

Отъѣзжая послѣдній разъ изъ С.-Петербурга, я получилъ, по ходатайству вашему, позволеніе ѣхать за границу для излѣченія болѣзни и паспортъ, за подписью г. министра внутреннихъ дѣлъ, срокомъ на шесть мѣсяцевъ, отъ 16-го августа 1849 года.

Болѣзнь моя усилилась и не только заставила меня пропустить назначенный мнѣ срокъ, но и требуетъ дальнѣйшаго моего пребыванія за границею, ибо, по предписанію г. доктора Пирогова [1]), я непремѣнно долженъ ѣхать къ теплицкимъ минеральнымъ водамъ, если желаю получить хоть какое-либо облегченіе.

Находясь по сему случаю въ крайнемъ затрудненіи, рѣшился я обратиться къ вашей свѣтлости съ покорнѣйшею просьбою исходатайствовать мнѣ продолженіе срока моего паспорта на два года, необходимыхъ какъ для окончанія упомянутой мною картины, такъ и для излѣченія моей болѣзни.

Такъ какъ вашей свѣтлости извѣстны мои прежніе труды по искусству, которому я посвящаю всѣ силы мои и время, то я смѣю надѣяться, что и въ этомъ случаѣ не откажете мнѣ въ томъ покровительствѣ, которымъ я имѣлъ уже счастіе неоднократно пользоваться.

За симъ съ истиннымъ почтеніемъ и совершенною преданностію имѣю честь быть, милостивый государь, вашей свѣтлости покорнѣйшимъ слугою Ѳеодоръ Моллеръ [2]).

Римъ. 20/8-го іюня 1850 года.

Письмо А. Б. Ашика [3]) кн. П. М. Волконскому. Ваша свѣтлость!

Ободренный лестнымъ вниманіемъ, оказаннымъ ко мнѣ въ бытность въ столицѣ, осмѣливаюсь утруждать вашу свѣтлость покорнѣйшею моею просьбою.

Занимаясь уже болѣе десяти лѣтъ керченскими древностями, я успѣлъ собрать много по этой части матеріаловъ, изъ которыхъ на-

---

[1]) Знаменитаго Николая Ивановича.

[2]) На верхнемъ полѣ первой страницы письма рукою императора Николая: Согласенъ на годъ.

[3]) Антонъ Балтазаровичъ Ашикъ (1802—1854) извѣстный археологъ.

мѣренъ составить и издать, на мой счетъ, сочиненіе, по возможности, полное и удовлетворительное [1]).

Но, ваша свѣтлость, чтобъ приступить къ этому съ нѣкоторой увѣренностію въ успѣхѣ, мнѣ нужно бы обозрѣть музеи въ Италіи, посовѣтоваться съ тамошними учеными и тѣмъ обезпечить участь сочиненія.

Ваша свѣтлость, я имѣю большое семейство и не имѣю никакого состоянія: оно существуетъ единственно моими трудами. Сочиненіемъ моимъ я имѣю надежду улучшить его положеніе, но просить для этого отпуска я не имѣю возможности, ибо безъ жалованья не могу существовать ни одного дня.

Отъ вашей свѣтлости зависитъ оказать мнѣ истинное благодѣяніе и упрочить будущую участь моего семейства—отправленіемъ меня въ Италію на полгода.

Смѣю льстить себя надеждою, что ваша свѣтлость, какъ истинный покровитель наукъ и защитникъ безпріютныхъ, но честныхъ и усердныхъ чиновниковъ, просьбы моей не отвергнетъ.

Съ глубочайшимъ высокопочитаніемъ и совершенною преданностію имѣю честь быть вашей свѣтлости покорнѣйшій слуга

Антонъ Ашикъ,

чиновникъ вѣдомства министерства иностранныхъ дѣлъ и директоръ керченскаго музеума древностей.

18-го ноября 1841 года. Керчь [2]).

Сообщилъ **В. А. Алексѣевъ**.

[1]) Въ 1848—1849 гг. вышло въ Одессѣ капитальное сочиненіе Ашика „Воспорское царство съ его палеографическими и надгробными памятниками, росписными вазами, планами, картами и видами".

[2]) На этомъ прошеніи рукою „истиннаго покровителя наукъ" помѣтка: Чтобы просилъ по своему начальству. 14-го декабря 1841 г.

Редакторъ-Издатель **С. Зыковъ**.

РУССКАЯ СТАРИНА въ изд. 1906 г.

ТОМЪ СТО ДВАДЦАТЬ ШЕСТОЙ.

АПРѢЛЬ, МАЙ, ІЮНЬ.

Записки и Воспоминанія.

Портретъ.

Портретъ протоіерея Николая Ѳедоровича Раевскаго.

(При 6-й книгѣ).

Приложеніе.

Таблица политическихъ рецидивистовъ до смерти императора Александра II.

(При 6-й книгѣ).

Изслѣдованія. — Историческіе и біографическіе очерки. — Переписка. — Разсказы. Матеріалы и замѣтки.

Библіографическій листокъ.

К. М. Өедоровъ. Жизнь русскихъ великихъ людей. Н. Г. Чернышевскій. 2-е исправлен. изд. Спб., 1905 г. Ц. 50 к.

„Существуютъ любимцы судьбы, — говоритъ Скабичевскій, — произведенія которыхъ на многіе десятки и сотни лѣтъ переживаютъ своихъ творцовъ и не утрачиваютъ современности. И внуки, и правнуки, и дальнѣйшія поколѣнія не перестанутъ прибѣгать къ нимъ съ цѣлью умственнаго развитія, равно какъ и для того, чтобы въ ихъ идеяхъ и взглядахъ находить указанія и отвѣты на существенные и роковые вопросы жизни. Такого рода свѣтила и учителя вѣковъ являются чаще всего въ эпохи славныхъ умственныхъ движеній, въ такъ называемые „золотые вѣка“ литературы и жизни, когда мысль человѣческая въ лицѣ своихъ геніальныхъ представителей доходитъ до наибольшаго напряженія, до такого вдохновенія, которое заключаетъ въ себѣ нѣчто пророческое“.

Къ такимъ писателямъ принадлежитъ и великій публицистъ Николай Гавриловичъ Чернышевскій, знаменитый переводчикъ „Политической экономіи“ Милля, многотомной „Всеобщей исторіи“ Вебера, авторъ „Эстетическихъ отношеній искусства къ дѣйствительности“, романа „Что дѣлать?“ и цѣлаго ряда научныхъ и критическихъ статей, помѣщенныхъ въ издававшемся въ 50—60 гг. журналѣ „Современникъ“, въ которомъ онъ состоялъ главнымъ и постояннымъ сотрудникомъ.

По происхожденію Чернышевскій принадлежалъ къ духовному званію; родился 12 іюля 1828 г. въ Саратовѣ, гдѣ отецъ его былъ священникомъ. Хорошо подготовленный отцомъ, — человѣкомъ очень умнымъ, хорошо образованнымъ, отлично знавшимъ латинскій, греческій и французскій языки, — Николай Гавриловичъ на 15-мъ году поступилъ въ семинарію. Научныя свѣдѣнія его, — какъ свидѣтельствуетъ его товарищъ по семинаріи А. И. Розановъ, — были необыкновенно велики: онъ зналъ языки: латинскій, греческій, еврейскій, французскій, нѣмецкій, польскій и англійскій. Начитанность была тоже необыкновенная. Въ семинаріи Чернышевскій пробылъ 2 года и въ 1846 г. поступилъ въ С.-Петербургскій университетъ, гдѣ занимался древними языками, словесностью, славянскими нарѣчіями; слушалъ лекціи извѣстнаго философа и археолога Изм. Ив. Срезневскаго и подъ его руководствомъ составилъ словарь къ Игнатьевской лѣтописи. Познакомившись чрезъ Срезневскаго съ Иринъ. Ив. Введенскимъ, Чернышевскій получилъ возможность бывать на его литературныхъ вечерахъ.

По окончаніи курса въ университетѣ, Н. Г. въ 1851 г. уѣхалъ въ Саратовъ, куда его влекла любовь къ родителямъ. Здѣсь онъ занялъ мѣсто старшаго учителя гимназіи. Высочайшимъ приказомъ отъ 24-го января 1854 г. за № 5 Чернышевскій былъ перемѣщенъ во 2-й кадетскій корпусъ на должность учителя 3-го рода; въ корпусѣ онъ пробылъ всего лишь два года.

Бросивъ послѣ этого навсегда свою педагогическую дѣятельность, Н. Г. началъ литературную дѣятельность въ „Отеч. Запискахъ“, занимаясь переводомъ романовъ, составленіемъ библіографическихъ и критическихъ статей для этого изданія. Сотрудничая въ этомъ журналѣ, онъ въ то же время составилъ магистерскую диссертацію — „Эстетическія отношенія искусства къ дѣйствительности“. — Одобренная совѣтомъ университета, диссертація не была утверждена бывшимъ въ то время министромъ просвѣщенія А. С. Норовымъ, была конфискована, и Чернышевскій, уже сдавшій магистерскій экзаменъ и очень удачно защитившій диссертацію на диспутѣ, не былъ удостоенъ степени магистра. Эта диссертація познакомила ея автора съ редакторами „Современника“, и съ 1854 г. Н. Г. является постояннымъ главнымъ сотрудникомъ этого журнала. Въ 1858 г. онъ былъ нѣкоторое время редакторомъ „Военнаго Сборника“.

Изъ критическихъ и историко-литературныхъ изслѣдованій Чернышевскаго обращаютъ на себя большое вниманіе двѣ крупныя работы: „Лессингъ и его время“ и „Очерки Гоголевскаго періода“. Онъ перевелъ „Исторію XVIII вѣка“ Шлоссера, снабдивъ этотъ трудъ своими примѣчаніями, а съ конца 1861 г. подъ его редакціей выпущено нѣсколько томовъ перевода „Всемірной Исторіи“ Шлоссера.

Въ 1862 г. 7-го іюля Н. Г. Чернышевскій былъ заключенъ въ крѣпость, гдѣ и пробылъ два года; въ это время онъ написалъ романъ „Что дѣлать?“, напечатанный въ „Современникѣ“ 1863 г. №№ 3—5.

Онъ обвинялся въ трехъ преступленіяхъ: 1) въ преступныхъ сношеніяхъ съ эмигрантомъ Герценомъ, стремящимся путемъ пропаганды низвергнуть существующее въ Россіи правительство, и въ сообщничествѣ съ нимъ въ этомъ преступномъ намѣреніи; 2) въ составленіи мятежной прокламаціи къ помѣщичьимъ крестьянамъ и въ отдачѣ ея для напечатанія Костомарову съ цѣлью распространенія, и 3) въ призывѣ къ бунту. Правительствующій Сенатъ приговорилъ: „лишить всѣхъ правъ состоянія и сослать въ каторжныя работы въ рудникахъ на 14 лѣтъ, поселивъ затѣмъ въ Сибири навсегда“. По волѣ императора Александра II срокъ каторги былъ сокращенъ на половину.

Въ концѣ 1864 г. Чернышевскій прибылъ въ Кадаю (въ Забайкалѣ), откуда чрезъ три года былъ переведенъ на Александровскій заводъ Нерчинскаго округа. По окончаніи срока былъ поселенъ въ гор. Вилюйскѣ. Въ 1883 г. Н. Г. получилъ разрѣшеніе поселиться въ Астрахани, гдѣ прожилъ почти шесть лѣтъ; въ это время онъ переводилъ „Всеобщую исторію“ Вебера [1]).

Въ іюнѣ 1889 г., ему, по ходатайству астраханскаго губернатора кн. Л. Д. Вяземскаго, было разрѣшено поселиться въ родномъ городѣ Саратовѣ. Тутъ онъ прожилъ недолго. Давнишняя болѣзнь — сильнѣйшій катарръ желудка — вскорѣ свела его въ могилу. За два дня до смерти онъ лишился сознанія, долго и много бредилъ, диктуя изъ Вебера, а въ ночь съ 16 на 17-е іюня скончался отъ кровоизліянія въ мозговую область и похороненъ на Воскресенскомъ кладбищѣ.

Н. К-ш-ъ.

---

[1]) Подъ псевдонимомъ Андреевъ, съ 1885 по 1889 г. и были переведены, а фирмою К. Т. Солдатенкова изданы 11 томовъ этого труда, до 1.000 страницъ каждый.

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛЪ

РУССКАЯ СТАРИНА

1906 г.

ТРИДЦАТЬ СЕДЬМОЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

Цѣна за 12 книгъ, съ гравированными лучшими художниками портретами русскихъ дѣятелей, **ДЕВЯТЬ** руб. съ пересылкою. За границу **ОДИННАДЦАТЬ** руб.—въ государства, входящія въ составъ всеобщаго почтоваго союза. Въ прочія мѣста за границу подписка принимается съ пересылкой по существующему тарифу.

Подписка принимается: для **городскихъ** подписчиковъ: въ С.-Петербургѣ—въ конторѣ „Русской Старины", Фонтанка, д. № 145, и въ книжномъ магазинѣ **А. Ф. Цинзерлинга** (бывшій Мелье и К⁰), Невскій просп., д. № 20. Въ Москвѣ при книжныхъ магазинахъ: **Н. П. Карбасникова** (Моховая, д. Коха). Въ Казани—**А. А. Дубровина** (Воскресенская ул., Гостинный дворъ, № 1). Въ Саратовѣ при книжн. магаз. **В. Ф. Духовникова** (Нѣмецкая ул.). Въ Кіевѣ — при книжномъ магазинѣ **Н. Я. Оглоблина**.

☞ Гг. **иногородные** обращаются исключительно: въ С.-Петербургъ, въ Редакцію журнала **„Русская Старина"**, Фонтанка, д. № 145, кв. № 1.

Въ „РУССКОЙ СТАРИНѢ" помѣщаются:

I. Записки и воспоминанія.—II. Историческія изслѣдованія, очерки и разсказы о цѣлыхъ эпохахъ и отдѣльныхъ событіяхъ русской исторіи, преимущественно XVIII-го и XIX-го в.в.—III. Жизнеописанія и матеріалы къ біографіямъ достопамятныхъ русскихъ дѣятелей: людей государственныхъ, ученыхъ, военныхъ, писателей духовныхъ и свѣтскихъ, артистовъ и художниковъ.—IV. Статьи изъ исторіи русской литературы и искусствъ: переписка, автобіографіи, замѣтки, дневники русскихъ писателей и артистовъ.—V. Отзывы о русской исторической литературѣ.—VI. Историческіе разсказы и преданія.—Челобитныя, переписка и документы, рисующіе бытъ русскаго общества прошлаго времени.—VII. Народная словесность.—VIII. Родословія.

Редакція отвѣчаетъ за правильную доставку журнала только передъ лицами, подписавшимися въ редакціи.

Въ случаѣ неполученія журнала, подписчики, немедленно по полученіи слѣдующей книжки, присылаютъ въ редакцію заявленіе о неполученіи предъидущей, съ приложеніемъ удостовѣренія мѣстнаго почтоваго учрежденія.

Рукописи, доставленныя въ редакцію для напечатанія, подлежатъ въ случаѣ надобности сокращеніямъ и измѣненіямъ; признанныя неудобными для печатанія сохраняются въ редакціи въ теченіе года, а затѣмъ уничтожаются.—Обратной высылки рукописей ихъ авторамъ редакція на свой счетъ не принимаетъ.

☞ Можно получать въ конторѣ редакціи **„Русскую Старину"** за слѣдующіе годы: 1876—1880 по **8** рублей; 1881 г., 1884 г., 1885 г. и съ 1888—1905 по **9** рублей.

Редакторъ-издатель **С. Зыковъ**.

